

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

II Международная научная конференция

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Челябинск

Главный редактор: *Г. Д. Ахметова*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

А43 Актуальные вопросы юридических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2015. — vi, 162 с.
ISBN 978-5-9906410-0-6

В сборнике представлены материалы II Международной научной конференции «Актуальные вопросы юридических наук».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК340 (082)
ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кошеев И.А.

Проблемы и предпосылки развития системы военно-учебных заведений по подготовке военных юристов (1719–1832 гг.) 1

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Алексеева А.Н.

Эволюция доктрины национальной безопасности и проблемы развития российского конституционализма 7

Угрюмова Ю.В.

К вопросу о соотношении субъективного конституционного права частной собственности и соответствующего отраслевого права 8

Хусаинов У.Ш.

Институт ротации в системе государственной власти: понятие и сущность 10

Чунихина Т.Н., Козлова Т.И.

Современное понимание принципа единства гражданства Российской Федерации 13

Югов А.А.

Система действия региональных правовых актов субъекта Российской Федерации 16

4. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Иванов В.А.

Проблемы совершенствования правовых и экономических основ местного самоуправления 26

Кабанова А.Ю.

Проблемы законодательного закрепления правового статуса главы местной администрации и пути их решения 28

Субаргушева Э.В.

Проблемы разграничения полномочий в сфере правового регулирования местного самоуправления Российской Федерации и субъектов Российской Федерации 30

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Абрамов И.А.

Основные виды коррупционных преступлений, совершаемых государственными гражданскими служащими 33

Алимова Э.А., Манжукова О.А.

О причинах административных правонарушений несовершеннолетних и способах их минимизации 35

Григорьева М.Р., Манжукова О.А.

Об основных мероприятиях, направленных на повышение безопасности дорожного движения 38

Микаилов С.М.

Понятие, сущность и формы государственного регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности в России 40

Хакимов Р.И.

Новеллы законодательства 2014 года паспортно-регистрационного режима в Российской Федерации 46

7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Барташевич С.В.

Уменьшение налогового бремени как правомерное поведение: теоретико-правовой аспект 50

8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Зубкова Т.А.

Реализация права покупателя на отказ от исполнения договора в связи с ненадлежащим качеством товара 55

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Вегелин О.С., Шишмарева Т.П.

К вопросу о способах защиты прав дольщиков по договору участия в долевом строительстве при несостоятельности (банкротстве) застройщика. 58

Кицай Ю.А.

Особенности правового регулирования деятельности предприятия в странах Европы 61

Кузьминых Е.А., Подорожных Г.В.

Проблемы правоприменения в сфере социального обслуживания. 65

Лукьянова Н.А.

Проблемные вопросы компенсации морального вреда. 68

Настин П.С.

К вопросу о солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций 70

Нестерова Н.В.

Понятие производственного кооператива. 74

Оганезов Р.Г.

Понятие убытков и их классификация в гражданском праве Российской Федерации 76

Тарасова Н.В., Бабаева И.Г.

Потребительский кредит: новое в правовом регулировании 79

Тищук М.О.

Спорные аспекты правового режима имущества автономных образовательных учреждений 82

Чулова Ю.С.

Коммерческое обозначение как средство индивидуализации 84

Шекунова Т.А.

Вопросы ограниченного участия прокурора в гражданском процессе. 86

12. АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Нургалеев М.С.

Понятие параллельного импорта и его актуальность в РФ 89

13. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Топилина М.М., Попова М.В.

Актуальные проблемы правового регулирования порядка заключения брака. 93

14. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Жумабоев А.Х., Саримсаков Б.Х.

Экологическое движение Узбекистана как важный субъект избирательного права. 95

Куджева Е.К. Тенденция развития «Зеленой энергии» в Российской Федерации	97
Куджева Е.К. Проблемы утилизации производственных и бытовых отходов в России и Карачаево-Черкесской Республике	99
Найманбаев Б.Р., Канаева М.П., Сатыбалдиева М.Т. Нормативно-правовая база охраны окружающей среды в Казахстане в советский период	101
Саъдуллаев Д.С. Изъятие земельных участков для государственных и общественных нужд: компаративный анализ	104
Хамраев У.Р. Участие институтов гражданского общества в обеспечении реализации экологического законодательства: сравнительно-правовой анализ	108
15. ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Анбрехт Т.А., Пяткова Ю.С. К вопросу о реформировании законодательства о социальном обслуживании: предпосылки, реалии и перспективы	112
16. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Абулгазина А.Ж., Баймагамбетова К.Ж. Некоторые проблемы противодействия коррупции в системе государственной службы	115
Косицына В.М. Совершенствование организационно-тактических мер борьбы с контрабандой культурных ценностей	116
17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС	
Беляев А.А., Шарипкулова А.Ф. Правовая оценка деятельности Остапа Бендера с точки зрения современного уголовного законодательства	121
Изотова С.Г. К вопросу о проблемах производства обыска в жилище	123
Камардина А.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами	125
Нешитая О.Н., Марковичева Е.В. Актуальные проблемы государственной защиты свидетелей	127
Омельяненко М.В. Неисполнение обязанностей налогового агента: юридический анализ состава преступления	129
Поздняков М.А. Понятие «специальные знания» и его значение для уголовно-процессуальной деятельности	132
Порсев А.Г. Особенности доказывания мотивов преступления	134
Сагинбеков К.С., Саткей Т.Б., Жунисалиев А.Т. Некоторые аспекты реализации негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан	136
Трошина О.Н. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемость, и психическими расстройствами, наступившими после совершения преступления	138
Чернова Н.А. Роль страданий в преступном поведении	141

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Забавина А.Ю.

Навигационная информация как самостоятельная область экспертного исследования146

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Григоренко Д.С.

Итоги разграничения пределов континентального шельфа между прикаспийскими государствами. . . 148

Григорьев А.С.

Актуальные проблемы международно-правового регулирования трансграничных пресноводных ресурсов на примере России и приграничных государств.151

Зверев П.Г.

«Повестка дня для мира» о мерах по повышению эффективности международного миротворчества ООН153

Черноглазов Д.Г., Подколзин П.Ю.

Контроль судов государствам порта в соответствии с конвенцией МОН 2006 г.155

22. ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Гайфутдинова Р.З.

Особенности обращения взыскания на недвижимое имущество гражданина159

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Проблемы и предпосылки развития системы военно-учебных заведений по подготовке военных юристов (1719–1832 гг.)

Кошеев Инал Ахмедханович, соискатель
Военный университет (г. Москва)

Учреждение должности военных юристов в русской армии связано с именем императора Петра I. После возвращения молодого царя Петра I из своего первого путешествия Европы, он обратил внимание на систему образования, которая находилась на первоначальной стадии своего развития. Острая нехватка специалистов сдерживала развитие экономики, военного дела, государственного аппарата управления и других элементов российского общества. Тем не менее, огромная Россия постепенно складывалась в мировую империю, что порождало значительный по численности слой государственных служащих — чиновников, которым крайне необходимы были правовые знания. И в результате петровских преобразований Россия получила постоянную, регулярную, централизованно снабжаемую современную армию, в связи с чем возникла необходимость учреждения специальных военно-судебных органов (генеральных и полковых кригс-срехтов). Великолепный организатор, Петр I стремился четко определить меры по поддержанию в ней должного воинского порядка и организованности.

На учреждение у нас аудиторской должности, по мнению П. О. Бобровского, оказали влияние не только немецкие, но и шведские законы [1, с. 94].

После победы русских войск в Полтавском сражении, Петр I, внимательно изучив внутреннюю организацию шведской армии, приходит к выводу о необходимости внесения существенных изменений в устройстве своих войск.

Одним из наиболее важных результатов обобщения зарубежного опыта военного строительства стало законодательное закрепление должности юриста-аудитора в штатах во всех пехотных, кавалерийских и гарнизонных полках.

Указом Петра I от 19 февраля 1711 г. в русской армии впервые законодательно были учреждены первые военно-юридические должности аудиторов, войсковых фискалов и прокуроров из них 17 высших и 75 низших должностей аудиторов. Введение звания аудитора совпало с отменой прежнего суда в приказах, у воевод и в съезжих избах, с деятельным участием в них дьяков и подьячих, заведовавших делопроизводством. Такие суды не могли обеспечить ни равенства подсудимых перед законом, ни беспристрастного рассмотрения дела.

По мнению Петра I, в каждом коллегиальном воинском суде, состоящем из военных чинов, должен был присутствовать юрист-аудитор, знающий законы и обладающий такими качествами, чтобы решения, выносимые судами, «производились добрым порядком». Судебное производство, получившее коллегиальный характер, осуществлялось отныне с участием юриста-аудитора, знающего законы и обладающего известными качествами [2, с. 258–259].

Устав воинский 1716 г. определил общую организацию, компетенцию и полномочия аудиторов, которые фактически существовали с незначительными изменениями до военно-судебных реформ 60–70 гг. XIX в.

Следует отметить, что вместе с тем председатель и члены воинских судов не имели достаточной юридической подготовки, в связи с чем устав определял: «... того ради держатся при войсках генерал-, обер-полковые аудиторы, от которых весьма требуется доброе искусство в правах. Аудитор должен накрепко смотреть, чтобы каждого без рассмотрения персон судили». Аудитор наблюдал за правильностью действий суда, за применением артикулов общего и военного права к конкретным деяниям военнослужащих. Организационно аудиторская служба состояла из генерал-аудитора, генерал-аудитора-лейтенанта, обер-аудитора бригады и полкового аудитора [3, с. 592].

Воинский устав 1716 г. определял, что генерал-аудитор должен не только разбираться в военных делах, но и быть внимательным и осторожным при написании и исполнении приговора, чтобы решение о преступнике было справедливым. Там же излагалось требование, что «аудитор должен знать права, разуметь правду, быть добрым юристом» [4, с. 235]. Подчеркивались бескорыстие и беспристрастие аудитора. Когда аудитор участвует в процессе, «никому не похлебствовать, не обращать внимания на знатность особы судимой...», забыть о дружбе, не принимать подарки, не иметь злобы, «дабы при написании и исполнении приговора преступитель оным отягчен не был» [5, с. 8]. Генерал-аудитор должен был обладать высокими личными моральными качествами.

Исходя из процессуального положения аудитора, к нему предъявлялись повышенные образовательные

и нравственные цензы. Являясь по замыслу законодателя советником по вопросам права строевых офицеров, составляющих ядро военного суда, аудитор должен быть сведущим в общем и в военном праве, поскольку в суде «конечное и последнее заключение от него зависит и он должен генералитету и прочим офицерам в сомнительных случаях изъяснить, что все народные права и военные артикулы о том гласят...». Ему также надлежит быть «не токмо ученому, и в военных и прочих правах благоискусному, но притом осторожному и благой совести человеку». Эти требования к аудиторам вытекали из идеи Петра I «о введении правильной юстиции в России» [6, с. 137].

Таким образом, согласно Воинскому уставу аудитор — это и руководитель военно-уголовного процесса, и следователь, и прокурор в одном лице, а в гражданском споре еще и третейский судья. По существу, все производство в военном суде в действительности лежало на аудиторе, и при этом он являлся выразителем армейской совести.

Первыми генерал-аудиторами были Иван Васильевич Кикин (1712—1716 гг.) и Федор Глебов в армии Шереметева, третьим генерал-аудитором был иностранец Фон-Крейц [1, с. 115—116]. Тринадцатым, последним, до создания Военного Министерства, был генерал-лейтенант Семен Иванович Салагов (1800—1812).

Особые права и обязанности генерал-, обер- и полковых аудиторов были различны в зависимости от штата занимаемой должности.

Также была введена должность генерал-гевальдигера или румормейстера, установленная в Вооружённых силах Российской империи в 1711 году и закреплённая Воинским уставом императора России Петра Великого от 30 марта 1716 года. В задачу генерал-гевальдигера входило осуществлять общий надзор за беспрекословным исполнением приказов командования, «чтобы солдаты и все прочие при войске против приказа не чинили» [4, с. 250]. Ему были предоставлены довольно широкие функции — права суда и расправы. Об обучении этих лиц ничего не говорилось [7, с. 9].

Однако общие обязанности аудитора сводились к роли советника по правовым вопросам строевых чинов, составляющих военных суд (кригсрехт), но не имеющих достаточных профессиональных знаний и навыков. Кроме ведения военно-судных дел, на аудиторов были возложены и другие обязанности: во время походов генерал-аудитор был начальником военной канцелярии главнокомандующего и принимал участие в переговорах об обмене плененных, а полковые аудиторы заведовали обозом и исполняли обязанности квартирмейстеров. Сложные и ответственные обязанности аудитора требовали основательной юридической подготовки, которая в то время в России отсутствовала. Первоначально среди действующих аудиторов большинство составляли иностранцы: немцы, чехи и попавшие в плен шведы. Так, в результате успешных сражений при овладении Выборгом у Лесной и Полтавы были взяты в плен более 20 разных чинов аудиторов шведской армии во главе с ее генерал-аудитором Штером,

некоторые из них остались на аудиторской службе в русской армии.

Потребность государства в высокопрофессиональных специалистах в области права диктовалась не только развитием производительных сил, но и формированием самого права в России.

Таким образом, выполнение обязанностей фискалов, аудиторов, прокуроров требовало специального юридического образования, знание уставов, регламентов, артикулов и других служебных документов, правильного их толкования и применения, что, в свою очередь, требовало овладения в большей или меньшей степени специальными юридическими знаниями. Однако какое-либо специальное ведомство, которое бы всеми этими чинами ведало, тогда не было создано, и какими кадрами должны эти должности пополняться, не указывалось. Их нигде не готовили, и нередко среди них были люди, не всегда морально безупречные [5, с. 8].

Низкий уровень образованности людей, особенно молодежи из дворян, был большим тормозом подготовки военных юристов, так как аудитор-недворянин из подьячих и нижних чинов не мог занимать в суде соответствующее его функциям положение и нормально выполнять возложенные на него обязанности. В связи с чем данные должности нередко замещались лицами из нижних чинов, весьма далекими от юриспруденции, приобретавшими на практике известный навык вести воинские процессы и умеющими подобрать законы, подходящие для ведения дела, но не имевшими никакой теоретической подготовки.

Полковой аудитор по указанной причине фактически был поставлен ниже прапорщика. Между тем, по штату 1711 г. полковому аудитору жалованье назначалось наравне с капитаном (216 руб. иностранцу и 100 руб. русскому). Поэтому должности аудиторов замещались людьми, приобретавшими на практике известный навык вести воинские процессы и умевшими подобрать законы, подходящие для ведения дела, но не имевшими никакой теоретической подготовки [5, с. 9]. Как справедливо замечает П. О. Бобровский, «... недоумеваешь, каким образом могли исполнять обязанности в военных судах, где требовалось присутствие юридически образованных аудиторов, основательно знающих законы, полуграмотные аудиторы, поставленные вне Табели о рангах и низведенные на степень простых писарей» [1, с. 139—141]. По-видимому, в определенной степени это зависело от того, что Петру I не удалось подобрать и подготовить таких специалистов, которые бы отвечали требованиям аудиторского чина.

Противоречивым остается вопрос о возникновении первых учебных заведений по подготовке аудиторов [6, с. 137].

Вот как описывает этот момент Н. И. Хмара в своей известной книге «Военно-юридическое образование в России» «Российским военным юристом М. П. Розенгеймом, воспитанником 1-го выпуска Александровской военно-юридической академии, сделано открытие. Им было обнаружено в «Московском отделе Глав-

ного штаба» распоряжение Петра I — Именной указ от 11 апреля 1719 г. (22 апреля по новому стилю). Данным указом было повелено: «Для науки аудиторских дел взять в Военную коллегию из шляхетских недорослей... двадцать человек добрых и молодых, грамоте и писать умеющих...» [8, с. 174–175]. Однако в Полном собрании законов Российской империи такого указа не обнаружено. Подрядная канцелярия могла послать в Военную коллегию не 20, а только 7 человек, но и те «по осмотре Военной Коллегии оказались делу негодными за малолетством» [8, с. 175] и отправлены назад в Подрядную канцелярию при указе от 11 мая, в котором сказано: «... а велено послать в такую (аудиторскую науку шляхетских недорослей) которые-б были писать русскими и циферными литеры умеючи и учены-б были арифметике и диометрии [геометрии. — *Н.И. Хмара.*] ...». На это последовало донесение, «что таковых не явилось», а 28 августа прислан шляхетский «недоросль» Максим Иванов Макшеев как отвечающий этим требованиям. Однако Военная Коллегия, осмотрев Макшеева, «нашла, что он слаб в арифметике и приговорила: для обучения его этой науке послать его в академию» [8, с. 175]. Но как следует из труда известного историка П. О. Бобровского, проект школы «из 20 человек, добрых и молодых, грамоте и писать умеющих», не удался. Не удалась и другие шаги [9, с. 17–18]. Пока шла такая переписка, Петр I велел приобрести ученых аудиторов из иноземцев — из чехов (владеющих словацким языком), язык которых близок к русскому, и потому способных выучить русский язык. Тем же Указом от 3 мая 1719 г. он повелел «для того ж обучения послать туда [в Чехию. — прим. *Н.И. Хмара*] пять человек из русских шляхетских детей» [8, с. 175]. Было ли выполнено это распоряжение относительно русских юношей, историки выяснить не смогли. Так, в труде М. П. Розенгейма «Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого» говорится: «Попытка посылки русских за границу для обучения правоведению и подготовки их на должность аудиторов не удалась, и должность эта замещалась обыкновенно людьми, не имевшими никакого теоретического и юридического образования, но приобретающими на практике известный навык вести Воинские процессы и подбирать подходящие к делу законы» [8, с. 203].

Военная коллегия, на которую Петр I возложил обязанность высшего надзора за отправлением правосудия в армии, не оставила никаких следов своей заботливости относительно снабжения полков и вообще военных судов соответствующими должности аудиторами [9, с. 5–6].

Все вышеизложенное позволяет не согласиться с тем же П. О. Бобровским, относительно даты «рождения» отечественного военно-юридического образования (22 апреля) [1, с. 130].

В связи с тем, что аудиторы готовились из полуграмотных нижних чинов, армия получала не всесторонне образованных юристов и практических законоведов, а только послушных делопроизводителей. Они не смогли

полностью реализовать замыслы Петра I «о хорошей юстиции» во всех звеньях создаваемого им государственного механизма. Поэтому в российской армии этого времени требующие юридической компетенции аудиторские должности часто занимали едва знавшие правовые документы и делопроизводство офицеры небольших чинов и даже штабные писари, прослужившие в армии не менее 9 лет. По названной причине принимали на службу в качестве аудиторов и иностранцев, например, шведов и чехов. Среди последних предпочтение отдавалось лицам, «искусным в юриспруденции» и знавшим русский язык [10, с. 182].

В последующем постепенно складывались иные способы и комплектования войск аудиторами. Но до начала XIX в. вопрос об их систематической подготовке решен не был.

Заслуживает высокой оценки не только стремление Петра I создать нормативную базу для деятельности войск и учредить институт военных юристов в армии, но и попытка подготовки отечественных военных аудиторов из русских. И именно в этом его величайшая заслуга. Не его вина в том, что Россия не располагала достаточным количеством молодых людей, способных учиться на аудиторов. К тому же Военная коллегия не проявила достаточного усердия в подборе нужных молодых людей, а Петр I, занятый массой других государственных дел, не смог довести свой замысел до конца.

При ближайших преемниках Петра I положение аудиторов в армии существенно ухудшилось как в правовом, так и в нравственном и материальном отношении.

Так, в частности, должность генерал-аудитора, которую Воинский устав 1716 г. поставил почти на одну ступень с высшими чинами Генерального штаба армии, по штату 1720 г. определена значительно ниже должности обер-кригс-комиссара (в ранге бригадира с окладом 840 руб.) и генерал-квартирмейстера (в ранге генерал-майора с окладом в 1800 руб.) [1, с. 140]. Также был понижен оклад генерал-аудитор-лейтенанта (морского ранга), который по содержанию приравнивался к обер-аудитору (ранга капитанского) [1, с. 141].

Таким образом, история развития процесса подготовки кадрового состава органов, выполняющих функции правового обеспечения военного управления, связана с проводимыми в России государственными реформами военного и морского ведомств в XVIII — начале XX в. Поэтому при Петре I были сделаны первые попытки создать военно-учебные школы по подготовке военных юристов для армии и флота. Но по ряду объективных (недостаток в образованных людях) и субъективных (большая занятость Петра I другими государственными делами) причин он не смог довести свой замысел до конца.

В последующие годы, будущими поколениями государственных деятелей петровские идеи подготовки военных юристов воплощались в жизнь. Однако путь к их реализации был сложен и противоречив. Длительное время, в послепетровские годы, подготовка военных юристов

осуществлялась канцелярским способом. Единственными школами, из которых могли «черпать» людей для исполнения аудиторских обязанностей, были гарнизонные школы для солдатских детей, где в числе учебных дисциплин было изучение Военного Артикула.

В 1732 г. императрица Анна Иоанновна предприняла попытку поднять престиж аудиторской должности. В том же 1732 г. учредив шляхетский корпус она повелела организовать в нем кафедру для преподавания юридических наук «учеными-профессорами». При учреждении кадетского корпуса было определено преподавать в нем юриспруденцию тем из кадетов, которые были не способны к строевой службе или считали себя более склонными к службе статской. Полагался для этого и профессор «юрист».

Императрица Елизавета Петровна в своем Указе 1748 г. подтвердила распоряжение обучать кадет юриспруденции [5, с. 10]. При Сенате и Военной коллегии существовали коллегии-юнкера (для дворян), где получали образование люди, знакомые с государственными и военными законами и делопроизводством. Из коллегий-юнкеров при императрице Елизавете Петровне (1741–1761 гг.) была образована Сенатская дворянская школа. Однако результаты ее работы были крайне неудовлетворительны и пришлось многих учеников отправить в полки солдатами.

Впоследствии императрица Екатерина II в 1762 г. упразднила Сенатскую дворянскую школу и уничтожила звание коллегии-юнкера. Приказывая развить классы юриспруденции при шляхетском корпусе, она повелела установить практические занятия для ознакомления с судопроизводством аудиторов из кадет старшего пятого возраста из числа более искусных в правах [11, с. 160–161]. С 1766 г. кадеты старшего (пятого) возраста могли по очереди практиковаться. Для этого выделялось специальное судебное место, где им помогал профессор юриспруденции. И, как пишут историки-юристы по поводу взглядов на образование юристов, одни полагали возможным образовать аудиторов посредством чтения грозного Артикула воинского полуграмотным мальчикам. Другие, признавая неспособность строевого офицера к должности судьи, решающего вопросы жизни и смерти, рекомендовали юношам читать «Юстиниановы гражданские законы» и присматриваться к делопроизводству «судебного места» кадетского корпуса, в котором судьями были полицмейстер и казначей [9, с. 28]. Классы юриспруденции были открыты и при университете.

Следующий виток развития военно-учебных заведений по подготовке военных юристов приходится на период павловских военных реформ. Указом от 24 января 1797 г. император Павел I учредил высший военно-судебный орган по уголовным и гражданским делам — Генерал-Аудиториат, который «есть Суд вышний Военный по гражданским и уголовным делам для всей армии; в ней председательствовать Генерал-Аудитору, а под ним двум Обер-Аудиторам...» [12, с. 301]. Также на Генерал-Ауди-

ториат было возложено и снабжение войск аудиторами. Для их подготовки была восстановлена Сенатская школа, под названием юнкерской. Чтобы повысить престижность аудиторской должности, этих «вечных подпоручиков» [9, с. 29] переводили на статскую службу. Это открывало перспективы служебного роста.

В кругах «высшего общества» бытовало мнение, что юриспруденция — наука, нужная лишь для гражданской службы. Много отдавалось на откуп иностранцам. В 1799 г. аудиторскому званию был присвоен чин титулярного советника. Несмотря на данные меры, подготовка аудиторов из дворян в стенах юнкерской школы не могла удовлетворить потребность армии в военных юристах.

Правоведов-специалистов пытались готовить различным образом, в том числе и на опыте практической работы. В утвержденном императором Александром I докладе Комитета, учрежденного для образования Генерал-Аудиториата, «О преобразовании Генерал-Аудиториата» от 8 сентября 1805 г. говорится: «Поелику должность Аудиторская требует не только искусства в производстве судных и следственных дел, но и знания Государственных узаконений, то для обучения к таковым делам, определить способных молодых людей, по рассмотрению Генерального Аудитора, из вольно определяющихся и разночинцев; и иметь их всегда при сем Суде по 15 человек, производя им жалованье на основании указа 1763 года Декабря 25 дня, и употребляя их к переписке бумаг, и, по мере успехов в познании дел, представлять на места Аудиторов, как в сем суде, так и в полках» [13, с. 1214]. Подготовка юристов таким способом являлась длительным и недостаточно эффективным процессом.

И наконец, была предпринята попытка подготовки аудиторов в учебном заведении. До 1809 г. действовало Высшее училище Правоведения при Комиссии Законов, после чего обязанность образования аудиторов была возложена на Уголовные департаменты Сената. Но желающих учиться к обер-прокурорам почти не являлось. Таким образом, эта мера положения дел не меняла. Даже из канцелярских служителей в течение трех лет в аудиторию определено из Сената в войска не более 30 человек. Поэтому министр юстиции приказал всех служащих в уголовных департаментах Сената канцеляристов и копиистов (писарей) приучать к аудиторской должности. В особо назначенном месте два раза в неделю им читался военный Артикул [7, с. 18].

Опыт академического преподавания российского законодательства в аудитории при канцелярии в Москве, по одному образному выражению, «был не более как метеор, блеснувший на горизонте перед глазами изумленного общества» [9, с. 8–9]. Но и подобные меры оказались неэффективными.

Последующие годы ознаменовались поиском новых форм обучения и подготовки аудиторов.

Предпринималась и безуспешная попытка найти нужных людей среди чиновников в Герольдии, через гражданских губернаторов, но и эта мера эффекта не дала,

в то время как в армии, особенно в период участия России в войнах 1806–1815 гг., надобность в аудиторах была очень острой. Пытались устроить образование аудиторов в Санкт-Петербургском и Московском уголовных департаментах Сената, но и от этого вскоре были вынуждены отказаться.

В начале 1812 г. Генерал-аудиториат был упразднен. В Военном министерстве функционировал Аудиториатский департамент, образованный для ревизии судов и собраний постановлений и законов [14, с. 15].

Более удобным и выгодным было признано готовить аудиторов из кантонистов (воспитанников военно-сиротских школ, готовивших солдат). 4 апреля 1817 г. императором Александром I было утверждено положение «О приготовлении кантонистов в аудитеры, и о порядке определения их производства» [15, с. 173–174]. Согласно данному положению местное начальство выделяло 100 человек кантонистов не моложе 16 лет, «знающих чисто писать, имеющих хорошие способности или же отличившихся прилежанием и успехами в преподаваемых им науках» [15, с. 173–174], в Аудиторский Департамент и Ордонанс-Гаузы. Срок обучения устанавливался в 6 лет, в течение которых юноши, находясь там и «практически занимаясь делами» под надзором начальников и аудиторов, должны были приобрести достаточное познание в законах и узнать порядок судопроизводства военно-судных дел» [15, с. 173–174]. По выпуску аудиторами присваивался офицерский чин, и они направлялись в полки и батальоны на замещение вакансий, фактически же речь шла вначале о канцелярских должностях помощников аудиторов.

Подобного рода мера была определенным шагом для обучения аудиторов, но сводилась в основном к приобретению ими навыков канцелярской работы и получению некоторого знания законов, практикуемых в судах. Полноценного же и достаточного юридического образования такая система подготовки дать не могла. К тому же сословные предрассудки, господствовавшие в армии того времени, ставили аудиторов из кантонистов и писарей в сложное положение. Даже хорошее знание законов не могло уравнивать их с офицерами из дворян, что тормозило их продвижение по служебной лестнице [7, с. 19].

В 1827 г. при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов был устроен «военно-учительский институт» с целью подготовки учителей из кантонистов, которые направлялись на работу в учебные заведения во-

енного ведомства. Там обучалось 60 человек. В институте был установлен 4-летний срок обучения. Из 16 дисциплин, изучаемых там, лишь одна — военно-уголовное право — была юридической.

Интересно то обстоятельство, что институт был обязан «учеников, менее способных в учителя, приготовить в аудитеры» [9, с. 63]. Из этого следовало, что в аудитеры отсылались худшие ученики, неспособные к педагогической деятельности. Отсюда видно, что аудиторское дело, связанное с решением судебных и жизней людей, считалось второстепенным.

И только по истечении нескольких лет, после упразднения института, на его базе 10 ноября 1832 г. была учреждена Аудиторская школа.

Таким образом, становится очевидным, что в петровскую эпоху и в послепетровский период в России были заложены лишь основы военно-юридического образования, что само по себе было, несомненно, прогрессивным явлением.

Как показывает историческая реальность, боевой опыт российской армии конца XVIII — начала XIX в. Россия все еще испытывала острую потребность в более полном обеспечении армии квалифицированными юристами отечественного «производства». Несмотря на усилия Петра I, по разным причинам Россия смогла продолжить процесс совершенствования подготовки военно-юридических кадров лишь более ста лет спустя.

Опыт становления военно-юридической школы с петровских времен до середины XIX века свидетельствует о том, что руководители государства, военного и судебного ведомств путем проб и ошибок постигали ту истину, что командиры и военачальники сами по себе в силу специфики подготовки и выполняемых задач не могут в должной мере обеспечить поддержание законности и правопорядка в армии без участия военных юристов — аудиторов.

С трудом осознавалось и руководителями государства, и общества то, что армии нужны правоведы, обладающие профессиональным авторитетом и соответствующим статусом, позволяющим решать задачи уголовного судопроизводства. Надлежащая подготовка таких специалистов не может сводиться к практическому «натаскиванию» в канцелярских вопросах или ознакомлению с воинскими Артикулами во внеслужебное время, а предполагает получение разностороннего образования, которое можно дать только в стенах специализированного юридического учебного заведения.

Литература:

1. Бобровский, П. О. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России. СПб., 1881.
2. Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г. А. Леера. // СПб., 1883. Т. 1.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649–1825 гг. Т. IV — № 2319, [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
4. Полное собрание законов Российской империи с 1649–1825 гг. Т. V — № 3006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

5. Маликов, С. В. Военно-юридическое образование в Российской империи (1717–1917). Российский военно-правовой сборник. 175 лет военно-юридическому образованию в России. М. 2007 г.
6. Диссертация, Г. А. Решетова. Организационно-правовые основы деятельности юридической службы Вооруженных Сил России в XVIII — начале XX вв. (историко-правовое исследование). М. 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voenprav.ru/doc-1039-119.htm>
7. Хмара, Н. И. Военно-юридическое образование в России. М., ВУ, 2009 г.
8. Розенгейм, М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878.
9. Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России // Под ред. П. О. Бобровского. СПб., 1882.
10. Орлов, Г. В. Очерк истории военно-юридического образования в России // 50 лет военно-юридического образования в СССР. М., ВИ, 1987.
11. Журналы заседаний конференции Военно-юридической академии за истекшее десятилетие с 1878–79 по 1888–89 годы. СПб., 1889.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649–1825 гг. Т. XXIV — № 17757. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
13. Полное собрание законов Российской империи с 1649–1825 гг. Т. XXVIII — № 21904. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
14. Хмара, Н. И. Краткий очерк истории военно-юридического образования в России. М.: 1999.
15. Полное собрание законов Российской империи с 1649–1825 гг. Т. XXXIV — № 26767. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Эволюция доктрины национальной безопасности и проблемы развития российского конституционализма

Алексеева Анна Николаевна, магистрант
Волгоградский государственный университет

Учитывая многоаспектность понятия «национальная безопасность», в настоящей статье я не ставлю задачу охватить этапы развития стратегии безопасности России, тем более что эта тематика достаточно изучена отечественными авторами [1]. Цель видится в другом, — охарактеризовать философию национальной безопасности в контексте развития российского конституционализма и обозначить проблемы, превратившиеся из гипотетических в реальные в связи с последними изменениями в системе международной безопасности.

Российская Федерация возникла в ситуации, когда авторитет советской модели развития был катастрофически мал. Требовалось изменить подходы к конструированию политики (как внутренней, так и внешней), осмыслить понятие «национальная безопасность», включить его в собственный правовой и политический дискурс.

Складывание законодательства в сфере национальной безопасности непосредственно сопряжено с развитием представлений о содержании Основного закона. Знаменательным было закрепление в 1992 г. в тексте Закона «О безопасности» в качестве основного объекта безопасности личности — её прав и свобод [2]. В качестве *основных принципов* обеспечения безопасности были названы законность, соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства, их взаимная ответственность. Особо оговаривалась первостепенность соблюдения прав и свобод граждан при обеспечении безопасности.

Выражением духа Конституции 1993 года мне видится закрепление в Стратегии национальной безопасности до 2020 года в качестве приоритета «... создание безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства» [3].

Анализ «Стратегии...» показывает, что постепенно меняется вектор развития России — центральное место отводится обороне, территориальной целостности государства (ключевой принцип Конституции 1993 г.), суверенитет, хотя и через призму улучшения качества жизни граждан, развитие гражданского общества. Данные

вектор начал реализовываться не сегодня, еще в 1996 году задача «достройки основ конституционного демократического строя», была заменена «демократизацией», а позже активно разрабатывалась идея «суверенной демократии». Россия все более ориентирована на собственное позиционирование в мире, а не на укрепление конституционных основ государства, что дало возможность ряду авторов говорить об усилении авторитарных тенденций в развитии России.

В 2015 году крайне необходимо внести коррективы в стратегию национальной безопасности, тем более, что в соответствии со ст. 18 № 172—ФЗ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации ... корректируется каждые шесть лет» [4]. Одной из ключевых проблем развития национальной безопасности должно стать соотношение между правами и свободами человека и гражданина [3, ст. 2] и возможностью их ограничения в условиях санкций в отношении России и стремления США и отдельных лидеров Евросоюза развязать новую холодную войну. Дело даже не в заявлениях государственных лидеров России, включая Президента, а в том, что санкционная политика и адекватный ответ нашего государства может стать причиной сокращения объема прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ 1993 г. Важным представляется дальнейшее развитие принципов приоритетности прав и свобод над стремлением в рамках «мобилизационного авторитарного государства» упразднить достижения конституционного развития России, нашедшие отражение в Основном законе 1993 г.

В этой связи представляется весьма удачным закрепление в Конституции «защитного механизма» в виде запрета внесения поправок в главу, посвященную правам и свободам человека и гражданина. Необходимо найти баланс между «суверенной демократией» (см. «Валдайскую речь» В.В. Путина), универсальными правами и свободами в условиях кризиса евроатлантических демократических ценностей, «лицемерных разговорах о защите международного права и прав человека» [5]

В этой связи в Послании Президента открыто, в преодолении политкорректности ранних лет, высказана мысль

о том, что наши международные партнеры (прежде всего США и ряд стран Евросоюза), прибегают к политике сдерживания, которая «проводится в отношении нашей страны многие-многое годы — всегда, можно сказать, десятилетиями, если не столетиями. Словом, всякий раз, когда кто-то считает, что Россия стала слишком сильной, самостоятельной, эти инструменты включаются немедленно» [5]. Упрек в сторону этих стран подкрепляется примерами, эмоционально окрашенными для граждан — «мы помним, как на высоком уровне принимали террористов как борцов за свободу и демократию. Уже тогда стало ясно, что чем больше мы отступаем и оправдываемся, тем больше наши оппоненты нагლეют и ведут себя всё более цинично и агрессивно» [5].

Необходимо говорить о новой архитектуре отношений между Россией и Западом, в основе которой должен лежать принцип равноправного сотрудничества. Ориентация России на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, хотя и были закреплены в Стратегии национальной безопасности [3, ст. 13], реализовались недостаточно ак-

тивно. В Послании четко говорится — «мы ни при каких обстоятельствах не собираемся сворачивать наши отношения с Европой, с Америкой. При этом будем восстанавливать и расширять традиционные связи с югом Американского континента. Продолжим сотрудничать с Африкой, со странами Ближнего Востока... стремительно в последние десятилетия продвигается вперед Азиатско-Тихоокеанский регион. Россия, как тихоокеанская держава, будет всесторонне использовать этот громадный потенциал» [5].

Очевидно, что ограничение связей с Европой и США, помимо всего прочего, создаёт условия для отказа от ценности суверенности личности и приоритетности её развития над государственным началом. Опасность заключается в эксплуатировании идеи национального суверенитета и на этом фоне возвращении к «восточной» этатистской концепции государственности. Препятствием на этом пути видится всемерное укрепление гражданского общества, как важнейшего гаранта соблюдения основ конституционного строя России.

Литература:

1. Шейнис, В. Национальная безопасность России. Испытание на прочность. // <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-sovremennoie-rossii/istoriya-sovremennoie-rossii/nacionalnaya-bezopasnost-rossii>. — *ispitanie-na-prochnost.html* — дата обращения — 06.12.2014 г. и др.
2. Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности» <http://base.garant.ru/10136200/> — дата обращения — 07.12.2014.
3. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // www.consultant.ru — дата обращения 07.12.2014.
4. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // www.consultant.ru — дата обращения 07.12.2014.
5. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года — <http://www.kremlin.ru/news/47173> — дата обращения — 07.12.2014 г.

К вопросу о соотношении субъективного конституционного права частной собственности и соответствующего отраслевого права

Угрюмова Юлия Викторовна, студент
Воронежский государственный университет

В течение последних двух десятилетий в России, вступившей на демократический путь развития, произошли значительные перемены: проводились рыночные преобразования, получили признание различные формы собственности, стало формироваться гражданское общество. Безусловно, данные процессы, которые еще нельзя считать завершенными, должны иметь в качестве своей основы мощную правовую базу. Ключевым понятием, нуждающимся в детальной регламентации, служит институт частной собственности, ведь общество, лишенное начал частной собственности, не может установить пределов государственной власти над индивидом.

Юридическая наука правовой институт собственности традиционно относит к гражданскому праву. Однако столь сложный и значимый институт нельзя сводить только к регулированию определенного подвида общественных отношений и рассматривать его как институт только одной отрасли права. Так, О. Ф. Скакун отмечает, что некоторые «институты права могут состоять из правовых норм различных отраслей, быть межотраслевыми. Ведь главное назначение институтов права — в пределах своей группы однородных общественных отношений обеспечить цельное, относительно законченное регулирование» [1].

По мнению Е.А. Суханова, в институт собственности включаются не только нормы гражданского права, но и нормы публично-правового характера: конституционные, административные и даже уголовно-правовые [2]. Следовательно, институт собственности представляет собой не только гражданско-правовой институт, а комплексный, межотраслевой институт, который в рамках различных отраслей права приобретает свои определенные черты, специфические признаки. В рамках конституционного права институт собственности имеет следующие особенности:

во-первых, нормы данного института носят установочный, программный характер. Так Конституция РФ установила и закрепила различные формы собственности: частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности (ч.2 ст. 8). Детальное же его регулирование осуществляется гражданским законодательством, а также отраслями публичного права;

во-вторых, институт собственности регулируется только материальными конституционными нормами. Эта особенность вытекает из общего характера конституционного регулирования отношений собственности. Процессуальные нормы института собственности содержатся, например, гражданско-процессуальном и иных отраслях права;

в-третьих, конституционные нормы носят не конкретно-регулятивный, а общерегулятивный характер. Конституция РФ, являясь основным законом страны, не может ставить своей целью конкретное правовое регулирование отношений собственности, это задача других отраслей права. Она определяет правовые цели, принципы, понятия и категории, имеющие юридическое значение и не формирует непосредственных юридических прав и обязанностей. Для конституционных норм характерна высокая степень обобщенности (абстрактности) [3] и одновременно нормативности предписаний. Однако данные нормы обретают высокую ценность, так как заставляют субъекты права действовать с их учетом.

Институт собственности в конституционном праве включает в себя собственность как социально-экономическую категорию и право собственности, т.е. юридическую категорию. Содержание конституционного права собственности выражается в конституционных правоотношениях собственности, ведь именно они превращают категорию собственности из социально-экономической в юридическую. Конституционные правоотношения собственности — закрепленные нормами Конституции общественные отношения собственности, субъектами которых являются субъекты конституционного права, а объектами — высшие социальные ценности, которые приобрели конституционный статус в виде конституционных принципов рыночной экономики [4]. Важно также отметить тот факт, что конституционное право регулирует постоянные правоотношения собственности. В данном случае юридическим фактом для их возникновения служат нормы Конституции РФ, которые не утверждают отношения собственности, а закрепляют их.

Право собственности является одним из ключевых прав и свобод человека и гражданина и может быть отнесено к числу и личных, и социально-экономических прав, закрепляемых в Конституции РФ в духе естественно-правовой и позитивистской доктрин, которые в данном случае противопоставлять нельзя. Однако вместе с тем представляется необходимым некоторое ограничение права собственности в конституционном праве. Действительно, отсутствие четких пределов допустимости действий даже в рамках свободной рыночной экономики способно породить всякого рода злоупотребления, противоречия и несогласованность интересов, что в конечном итоге может пагубно сказаться на благосостоянии общества и государства. В данном случае важным является определение пределов ограничения права, ведь если они будут достаточно узкими, то это будет способствовать ликвидации экономической свободы, в то же время, если они окажутся чрезмерными, то это приведет к дестабилизации экономических отношений и вседозволенности. Поэтому, на наш взгляд, необходимо соблюдать баланс свободы и власти. Считаем, что основополагающим критерием установления границы права собственности является часть 3 статьи 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Изучением данных пределов, их всесторонним анализом призвана заниматься наука конституционного права, а конкретизирующие правовые ограничения следует разрабатывать в рамках других отраслей права. Именно поэтому Конституция РФ не ограничивает право собственности. Она только устанавливает его пределы [5].

Определенный интерес также представляет вопрос о соотношении субъективного права собственности в конституционном и гражданском праве. Не вызывает никаких сомнений, что любое субъективное право, которое определяется в гражданском праве как право собственности, является одновременно и субъективным конституционным правом собственности. Это вытекает из характеристики Конституции как учредительного акта; кроме того, ни одно право человека не может должным образом реализоваться, если в основном законе не создана для того предпосылка. Вместе с тем вполне закономерно возникает вопрос, всякое ли конституционное право собственности совпадает с гражданским правом или же содержание первого права шире?

Проанализируем данный вопрос. Бесспорным является тот факт, что реализовать конституционное право на свободное использование своих способностей для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, предусмотренное ч. 1 ст. 34 Конституции РФ и детализированное ГК РФ, можно только при условии обладания имуществом. Следовательно, конституционно-правовой институт частной собственности по обеспечению условия реализации других конституционных прав, в частности права на предпринимательскую деятельность, имеет большое значение для конституции

онного права, а это в свою очередь дает нам основания утверждать, что конституционно-правовое понятие права собственности является шире гражданско-правового субъективного права. Именно этот подход, по мнению Г. А. Гаджиева, позволяет распространить конституционно-правовую защиту и на такие иущественные права, которые, по мнению цивилистов, не имеют отношения к этому праву [6]. Анализируя соотношение субъективного конституционного права частной собственности и соответствующего отраслевого права, нужно иметь в виду их основные отличительные особенности, позволяющие провести разграничение между ними. Авторы предлагают различные критерии отграничения, аргументируя правильность своей позиции, однако, на наш взгляд, наиболее последовательно и убедительно данный вопрос изложила Н. Н. Соломатина, предложившая следующие критерии [6]:

1) возможность отчуждения: отчуждаться может только право собственности на конкретное имущество, т.е. отраслевое право, в отличие от абстрактного субъективного конституционного права частной собственности невозможно, которое закрепляет лишь возможность лица реализовать право;

2) возможность ограничения: субъективное конституционное право частной собственности может быть ограничено только федеральным законом и только в соответствии с частью 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, субъективное гражданское право частной соб-

ственности может быть ограничено как на основании закона, так и договора;

3) возможность возникновения и прекращения: субъективное конституционное право частной собственности возникает и прекращается вне зависимости от воли человека, а для возникновения (прекращения) субъективного гражданского права частной собственности необходимы волевые действия субъекта;

4) необходимость наличия объекта: субъективное конституционное право частной собственности в силу своей абстрактности не связано с наличием у лица какого-либо имущества, то есть не имеет объективации, в то время как право частной собственности как отраслевое возникает только в отношении конкретного объекта и прекращается в случае исчезновения (отчуждения, гибели и т.п.) этого объекта.

Таким образом, отраслевая принадлежность норм в рамках единого сложного института собственности уходит на второй план, и важное значение приобретает их единство, а не дифференциация. Однако рассматривая этот институт с позиции каждой отрасли права в отдельности, можно выделить специфические черты в регулировании, определить в какой отрасли он получил наибольшее развитие. Безусловно, ключевое положение данный институт занимает в гражданском праве, вместе с тем, не стоит забывать, что его основу, правовую базу составляют именно нормы конституционного права.

Литература:

1. Скакун, О. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов / О. Ф. Скакун. — Харьков: Консум. Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.
2. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е. А. Суханов. — М.: Юрист, 1999. — 384 с.
3. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности: монография / Н. В. Витрук. — М.: Норма, 2008. — 272 с.
4. Прозоров, И. В. Закрепление института собственности в конституционном праве России: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / И. В. Прозоров; науч. рук. В. В. Гошуляк. — М., 2010. — 25 с.
5. Гаджиев, Г. А. Конституционные основы современного права собственности / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. — 2006. — № 20. — с. 30–41.
6. Соломатина, Н. Н. Соотношение частных и публичных начал в праве частной собственности / Н. Н. Соломатина // Гармонизация частных и публичных интересов. Сборник научных статей. — Саратов: Научная книга, 2005. — Вып. 2. — с. 92–111.

Институт ротации в системе государственной власти: понятие и сущность

Хусаинов Улугбек Шухратжонович, кандидат юридических наук, самостоятельный соискатель
Академия государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент)

За последние годы в Узбекистане проделана значительная работа, направленная на обеспечение прав и свобод человека, строительства в стране правового демократического государства и гражданского общества. В стране данные последовательные реформы реализу-

ются исходя из принципа «Государство — главный реформатор», «От сильного государства — к сильному гражданскому обществу». В свою очередь, с учетом того, что деятельность органов государственной власти осуществляется ее работниками, становится очевидным, что

требования к государству являются требованием и к его работникам. Из этого вытекает, «В обеспечении государством развития страны, защиты интересов граждан, в целом, успешном выполнении своей задачи важную роль играет правильное налаживание государственной службы. Поэтому в целях правильной организации института государственных услуг, их эффективного использования необходимо изучить теоретические идеи, определяющие основные принципы организации и осуществления деятельности данного института, применять их на практике, выявить правовые основы» [1, с. 139].

Полностью присоединяясь к вышесказанному необходимо отметить, при обеспечении выполнения государственными работниками своих служебных обязанностей на высоком уровне не надо опираться только на их личные качества, вместе с тем нужно акцентировать внимание на расстановке кадров, совершенствование саморегулирующегося, саморазвивающегося механизма в этом направлении. Так, в настоящее время государством перед работниками ставится множество конкретных задач и их своевременное выполнение имеет важное значение для судьбы страны. Заполнение всех объективных и субъективных пустот в обеспечении эффективности государственной службы, а также применение всех возможных мер для дальнейшего повышения профессионального уровня государственных служащих является важным требованием сегодняшнего дня. В качестве таких мер было бы уместно рассмотреть разнообразные формы и методы организации государственной службы. В частности, имеет важное значение обеспечение эффективности государственной службы, для этого применение института ротации в качестве механизма расстановки кадров, саморегулирующегося и саморазвивающегося механизма. А это в свою очередь предполагает создание гарантий применения института ротации в организации государственной службы. Для обеспечения эффективного применения института ротации, прежде всего, необходимо проанализировать ее научно-теоретические основы, определить правовое положение государственного служащего и исходя из положительных и отрицательных аспектов его влияния на процесс управления. Для этого, прежде всего требуется проанализировать вопросы, связанные с понятием института ротации, внести ясность во взгляды по данному поводу.

В юридическом словаре отмечается, что понятие ротация возникло из слова «rotatio», которое означает «круг, движение по кругу» [2, с.651]. Вместе с тем, понятие ротация в юридической литературе по-разному трактуется учеными. В частности, в первом случае ротация означает обучение и при этом для усвоения сотрудником новых знаний и навыков его временно переводят на различные должности [3, с.47]; во-вторых, ротация происходит от латинского слова «rotation», которое означает кружится, действовать; поочередность, замена, поочередно занимать определенную должность, обновлять состав [4, с.537]; третья трактовка — в соответствии с теорией управления

персоналом под ротацией подразумевается система переводов и перемещений на регулярной, законной и организованной основе в рамках одной организации [5, с.32]; согласно четвертой трактовке, это является методом формально-номенклатурного роста по важным должностям специалистов различного уровня для систематизации служебно-профессионального роста служащих [6, с.151]; в пятых, подразумевается горизонтальное перемещение по рабочим местам соответствующего по профессии и уровню персонала [7, с.12]; в шестых, плановые перемещения в процессе службы или важное изменение служебных обязанностей [8, с.24]; в седьмых, обновление время от времени состава определенного избирательного органа [9, с.601]; в восьмых, в рамках одной организации перевод специалиста или руководителя с одной должности на другую [10, с.123]; в девятых, также подразумевается обновление кадрового состава организации путем приема новых сотрудников и освобождения от старых, перемещения сотрудников внутри организации [11, с.21].

По данным определениям можно сказать, каждый из них в той или иной степени отображает некоторые грани понятия ротации, но не охватывают комплексно все признаки. В этой связи можно сказать, что ни один из этих определений ротации не является полным. В советский период под ротацией подразумевался «резерв кадров». О плановой ротации как о государственной политике говорили лишь после обретения страной независимости. По нашему мнению, для составления полного определения понятия ротации необходимо учитывать его функциональные и институциональные особенности. Под функциональной особенностью подразумеваются цели института ротации, а институциональный аспект — это организационно-правовые основы института ротации. Значит, при определении института ротации необходимо учитывать его цели и организационно-правовые основы. В частности, в вышеуказанных определениях, например, у В.Д. Граждана, Н.Е. Папоновой, И. Христофорова и других определены функциональные особенности института ротации, а именно, целевые аспекты: систематизация обучения; служебно-профессионального роста. При этом обучение подразумевает систематизацию, развитие профессионального роста. Поэтому при определении термина ротация правильно использовать понятие «обучение», так как оно подразумевает короткое и емкое содержание. Вместе с тем, в определении некоторых ученых (С.А. Шапира, С.В. Баранчев и другие) учтены еще две цели. Первая, это предупреждение и сокращение коррупции, выявление навыков сотрудника к той или иной деятельности, максимальное использование его трудового потенциала. Это означает, что в некоторых случаях при проведении ротации на первый план выходит предупреждение коррупции, а цель обучения становится второстепенной, то есть потребностью.

Это означает, что при определении термина ротация необходимо учесть его функциональный аспект по предупреждению коррупции. Нужно подчеркнуть, что эта

цель ротации в большей степени присуща ротации, применяемой в реализации государственной власти. В том числе, согласно Положению, утвержденному постановлением Президента Республики Узбекистан № 302 «О переводе (замене) лиц, входящих в руководящий состав таможенных органов Республики Узбекистан, на равные должности» от 9 марта 2006 года, «основной целью замены кадров таможенных органов является их своевременное и качественное пополнение, оперативное и умелое использование имеющегося кадрового ресурса, предупреждение коррупции, должностных преступлений и неправомерных действий». Значит, при определении термина ротация целесообразно отобразить следующие функциональные аспекты: обучение сотрудника, выявление трудовых навыков, более широкое использование его возможностей, предупреждение коррупции и другие.

Институциональные особенности термина ротация, то есть организационно-правовые основы в вышеуказанных определениях проявляются следующим образом: во-первых, перевод сотрудника на разные должности, во-вторых, обновление их состава. Нужно особо отметить, актуальность применения функциональных и институциональных особенностей института ротации вытекает из их применения в зависимости от видов государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная). В органах государственной власти, занимающейся зако-

нодательной властью по сравнению с представительной властью более активно применяются полная и частичная ротация представительной власти (то есть, полное обновление или обновление определенной части состава).

На основе проведенного анализа, мы считаем, наиболее приемлемым следующее определение термина ротация: Ротация — **означает перевод сотрудников на равные должности для их обучения, выявления навыков и предупреждения коррупции, изменение их служебных обязанностей и обновление состава сотрудников.**

Ротация находит свое реальное отображение в следующих случаях: обновлении места работы сотрудников; привлечение новых сотрудников; создание условий сотрудникам для проявления своих возможностей в новых условиях; повышение квалификации сотрудников; создание условий для аттестации; предупреждение коррупции, местничества и других отрицательных явлений; устранение от должности не соответствующих своим служебным обязанностям, бездарных сотрудников и другие.

Коротко говоря, ротация — это перевод сотрудников на равные должности на законной основе для их обучения, выявления навыков и предупреждения коррупции, изменение их служебных обязанностей и обновление состава сотрудников, вместе с тем, ротация составляет один из элементов системы управления. Ее применение нужно рассматривать в качестве положительного аспекта.

Литература:

1. Мирбобоев, Б., Хусанов О.Т., Бегматов А. Ўзбекистонда давлат хизматини таъкил этишининг таъкилий-хукукий масалалари. — Тошкент: Академия, 2005. — Б. 139.
2. Сухарев, А. Я., Зорькин В. Д., Крутских В. Е. Большой юридический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1997. — с. 601.
3. Граждан, В. Д. Государственная гражданская служба. — М.: Юркнига, 2005. — С. 47.
4. Современный словарь иностранных слов. — СПб., 1994. — с. 537.
5. Папонова, Н. Е. Ротация персонала: понятие и основные правила // Кадры предприятия, 2003. — № 10. — с. 32.
6. Управление персоналом. Словарь-справочник. — М., 2005. — с. 151.
7. Христофоров, И. Ротация как средство развития персонала // Справочник кадровика. — М., 2003. — с. 12.
8. Шидов, А. Х., Хапов А. Б. Ротация кадров как элемент системы управления деловой карьерой // Менеджмент в России и за рубежом, 2003. — № 2. — с. 24.
9. Комлёв, Н. Г. Словарь иностранных слов. — М., 2006. — с. 35. Додонов В. Н. и др. Большой юридический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1997. — с. 601.
10. Шапиро, С. А. Управление человеческими ресурсами. — М.: Гросс Медиа, 2005. — с. 123.
11. Баранчев, С. В. Качество ротации состава менеджеров как фактор конкурентоспособности организации. Часть I. — М., 2006. — с. 21.

Современное понимание принципа единства гражданства Российской Федерации

Чунихина Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, доцент;

Козлова Татьяна Ивановна, студент

Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар)

Гражданство является одним из важнейших факторов, определяющих взаимоотношения человека с государством, основой правового статуса личности, а также главной предпосылкой обязанности государства защищать права и свободы личности. Обусловлено это, прежде всего тем, что закрепленные Конституцией Российской Федерации [9] и действующим законодательством права, свободы и обязанности человека непосредственно связаны с гражданством. Человек может использовать их только тогда, когда он является гражданином определенного государства.

Термин «гражданство» в современной конституционно-правовой науке не имеет четкого, признанного всеми исследователями, определения. М.Б. Смоленский полагает, что «гражданство — это определенная правовая связь лица с государством, влекущая распространение на это лицо правовых последствий» [15, с. 216]. При этом структурное построение определения понятия гражданства, с его точки зрения, позволяет различить три основных элемента: общее понятие гражданства; правовые последствия, вытекающие для лица из факта обладания им гражданством; связь (отношение) между общим понятием гражданства и его правовыми последствиями. По мнению Н.Л. Граната, «гражданство — правовое состояние, выражающееся с одной стороны, в его общем правовом нормировании, с другой — в индивидуальном документальном оформлении гражданства каждого человека (паспорт гражданина, свидетельство о рождении, иной документ, содержащий указание на гражданство) [4, с. 132]. А.Н. Кокотов одним из значений термина «гражданство» видит «суверенное право государства» [3, с. 157], означающее его возможность в одностороннем порядке регулировать отношения гражданства. А в категорию граждан А.Н. Кокотов включает ту часть населения, на которую государство вправе опереться при рассмотрении любых задач, и которой государство доверяет полное участие в своих делах.

Прежний Закон РФ «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 г. в преамбуле определял, что «гражданство — это устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека» [11]. А Закон «О гражданстве СССР» от 23 мая 1990 г. характеризовал гражданство как «постоянную политико-правовую связь лица с Советским государством, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях» [13]. По мнению В.Е. Чиркина, «гражданство нельзя связывать с политическими симпатиями и антипатиями лица, в том числе по отношению к государству» [16]. Действующий Федеральный закон «О гражданстве Россий-

ской Федерации» от 31 мая 2002 г. в статье 3 «Основные понятия» сводит гражданство к устойчивой правовой связи лица с Российской Федерацией, выражающейся в совокупности их взаимных прав и обязанностей принятом взамен одноименного Закона Российской Федерации 1991 года [12].

Количество прав и свобод, которыми обладает личность и которые ему гарантируются государством (как, впрочем, и перечень его обязанностей перед государством) находится в прямой зависимости от наличия или отсутствия у него гражданства этого государства. Гражданство регулирует отношения между личностью и государством, оно является одним из признаков любого государства. Принадлежность человека к тому или иному государству означает, что данное лицо обладает определенной совокупностью прав и обязанностей, установленных законами этого государства, и может пользоваться его защитой и покровительством. Следовательно, гражданство — это не просто наличие у гражданина паспорта или свидетельства о рождении, а это правовое состояние, которое влияет на объем прав и свобод человека.

Правовое закрепление института гражданства оформлено целым пакетом правовых актов. Статья 15 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на гражданство» [1]. Международное сообщество в Конвенции о сокращении безгражданства рекомендует всем государствам сокращать число лиц, не имеющих гражданства, в целях более эффективной защиты прав и свобод личности и формирования большей ответственности самой личности за свои действия [2].

Исходные начала, посвященные гражданству, содержатся в первой главе Конституции России, в соответствии с которыми гражданство можно рассматривать как одну из характеристик и предпосылок не только статуса личности в стране, но и российского конституционного строя в целом. При этом Конституция закрепляет базовые принципы института гражданства, детальная же регламентация этого конституционно-правового института закреплена в соответствующем Федеральном законе от 31 мая 2002 г. Закон закрепляет общепризнанные принципы гражданства, что имеет важное значение для построения системы отечественного законодательства и для межгосударственных отношений по вопросам гражданства.

Особо следует отметить, что принятие наиболее важных, принципиально значимых для правового статуса личности решений, связанных с гражданством Российской Федерации, находится в исключительной компетенции главы государства. Решение о вступлении в российское гражданство либо о его прекращении, принятое в общем порядке, оформляется «именным» указом Президентом

РФ. Это призвано показать чрезвычайную значимость института гражданства в Российской Федерации.

Вопросы гражданства Российской Федерации регулируются на основе фундаментальных начал, заложенных в основу правового регулирования, то есть принципов. Наличие этих принципов способствует корректному применению правовых норм, влияет на содержание принимаемых нормативно-правовых актов в регулируемой сфере, а также позволяет выявлять правовые нормы, не укладывающиеся в систему действующего законодательства. Основополагающая роль принципов заключается в том, что все другие нормы данной отрасли должны находиться в соответствии с ними.

Основные принципы гражданства Российской Федерации, как указывалось выше, закреплены в Конституции России — статьях 6, 61, 62. Более детально они раскрываются в Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации», который к ним относит: единство гражданства, равенство прав и обязанностей граждан независимо от оснований приобретения гражданства, экстерриториальность гражданства, принцип недопустимости лишения гражданства или права изменить его, недопустимость высылки граждан РФ за ее пределы и их выдачи иностранному государству, принцип сокращения числа лиц без гражданства. В нашей работе мы остановимся только на одном из них — единстве гражданства Российской Федерации и его политико-правовой природе в современных условиях.

Существование этого принципа обусловлено федеративной природой формы государственного устройства России. В состав Российской Федерации входит 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа. В Конституции России указано, что в ведении Российской Федерации находятся вопросы гражданства в Российской Федерации (п. «в» ст. 71). Российская Федерация осуществляет юрисдикцию над всем населением государства, вследствие чего в ней имеется единое российское гражданство, которым обладают все граждане государства.

Закон о гражданстве 1991 г. предусматривал наряду с общероссийским гражданством республик в составе Федерации, что вытекало из признания в статье 5 Конституции России республик в составе Российской Федерации государствами. В тех условиях принцип единства гражданства означал, что республиканское гражданство не обособлено от общероссийского и эффекта двойного гражданства не порождает. Кроме того, в силу данного принципа нельзя было обладать гражданством республики в составе Российской Федерации, не имея российского гражданства. В. Е. Чиркин раскрывал данное положение следующим объяснением: «В России единое гражданство асимметрично: кроме республик, все остальные субъекты Федерации не имеют собственного гражданства. Для областей, краев, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, единое гражданство является и единственным (федеральным) гражданством» [16, с. 120–121].

Ряд республик — Бурятия, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Коми, Удмуртия и Якутия — приняли собственные законы о республиканском гражданстве, в которых подчеркивалось, что гражданство является неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета. Другие республики в своих конституциях обозначили возможность принятия законодательных актов по вопросам гражданства. Например, Конституция Республики Татарстан 1992 года содержала специальную главу, посвященную республиканскому гражданству. В ней также содержалось положение о том, что граждане республики могут иметь гражданство иных государств, условия осуществления которого определяются договорами и соглашениями Республики Татарстан с другими государствами [7]. Для приобретения республиканского гражданства достаточно было факта постоянного проживания российского гражданина на территории соответствующей республики.

Проанализировав действующие конституции республик в составе Российской Федерации, мы обнаружили, что только Конституция Республики Татарстан в статье 21 устанавливает республиканское гражданство: «Гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий на территории Республики Татарстан, является гражданином Республики Татарстан. Гражданин Республики Татарстан одновременно является гражданином Российской Федерации» [7]. Большинство республик в своих основных законах не акцентируют внимания на вопросах гражданства. А некоторые устанавливают особые положения, характеризующие связь республики и государства. Так, Конституция Алтай специально оговаривает, что «Республика Алтай не устанавливает свое гражданство, исходит из положения Конституции Российской Федерации о единстве гражданства в Российской Федерации и признает, что каждый гражданин Российской Федерации на территории республики обладает всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Алтай» [5]. Аналогичное положение содержится в статье 12 Конституции Республики Бурятия [6]. Некоторые республиканские конституции, например Республики Хакасия [8], устанавливают особую норму о том, что субъект Федерации может устанавливать дополнительные права и свободы для граждан Российской Федерации, постоянно или преимущественно проживающих на территории соответствующей республики.

Мы согласимся с позицией В. А. Ржевского, который выступая против гражданства республик, обосновывал свою позицию тем, что республики, входящие в состав Российской Федерации, не являются суверенными, и, следовательно, не могут обладать своим гражданством [14, с. 70]. Современная трактовка принципа единства гражданства «базируется на мировой практике федерализма, которая основывается на отказе от возможности существования суверенного государства в составе другого суверенного государства» [10, с. 211]. Такое положение

является важнейшей гарантией государственной целостности нашей страны, так как предполагает отказ от права выхода субъекта Федерации из ее состава. Действующий Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» на основании конституционных норм не предусматривает республиканского гражданства как атрибута государственности республик, хотя прямо и не отрицает его.

Таким образом, в современных условиях принцип единства гражданства как общее правило, лежащее в основе российского гражданства, понимается через признание только одного гражданства в стране. Единый характер гражданства Российской Федерации имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Внутри государства его роль заключается в обеспечении прав и интересов граждан России. Где бы ни проживал гражданин страны, в республике, крае или городе федерального значения, на него распространяется суверенная воля и законодательство России, установленные ею права и гарантии. За пределами Российской Федерации, в отношениях российских граждан с иностранными государствами, гражданин России может

рассчитывать на защиту и покровительство своего государства независимо от того, в каком субъекте Российской Федерации он проживает.

Закрепление принципа единства гражданства создает дополнительные правовые гарантии равноправия граждан Российской Федерации, независимо от места их проживания или времени пребывания. Неслучайно, законодатель располагает этот принцип в одном пункте (ч. 2 ст. 4 ФЗ «О гражданстве РФ») с принципом равенства гражданства независимо от оснований приобретения. К тому же, принцип гражданства и правила, регулирующие вопросы гражданства «не могут содержать положений, ограничивающих права граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или иной принадлежности» (ч. 1 ст. 4 ФЗ «О гражданстве РФ»)

Сущность гражданства заключается в принадлежности к народу, а не к отдельной нации или народности, из чего и исходит принцип единства гражданства как руководство для практики государственного строительства в области гражданства.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 1995. — 5 апреля.
2. Конвенция о сокращении безгражданства. Принята 30.08.1961 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. — М.: БЕК, 1996. — с. 516—521.
3. Конституционное право: Учебник / Отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. — М.: Юрист, 2003. — 538 с.
4. Конституционное право: Учебник / Отв. ред. В. В. Лазарев. — М.: Юрист, 1999. — 592 с.
5. Конституция (Основной Закон) Республики Алтай (ред. от 25 июня 2012 г.) Принята 07.06.1997 г. [Электронный ресурс] // http://constitution.garant.ru/region/cons_altai/ (дата обращения 24.12.2014 г.) http://constitution.garant.ru/region/cons_altai/chapter/1/#block_100000 (Дата обращения 23.12.2014 г.).
6. Конституция Республики Бурятия. Принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 г. (в ред. от 04.07.2014 г.) [Электронный ресурс] // http://constitution.garant.ru/region/cons_buryat/chapter/1/#block_1000 (Дата обращения 24.12.2014 г.).
7. Конституция Республики Татарстан. Введена в действие Законом РТ от 30.11.1992 г. N 1665-XII (в ред. от 22 июня 2012 г.) [Электронный ресурс] // http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/1/#block_1001 (Дата обращения 15.12.2014 г.).
8. Конституция Республики Хакасия. Принята на XVII сессии Верховного Совета Республики Хакасия (первого созыва) 25.05.1995 г. (в ред. от 27.06.2012 г.) [Электронный ресурс] // http://constitution.garant.ru/region/cons_hakas/chapter/1/#block_199 (Дата обращения 10.12.2014 г.).
9. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
10. Кутафин, О. Е. Российское гражданство: монография. — М.: Юрист, 2003. — 587 с.
11. О гражданстве Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 28.11.1991 г. № 1948-1 (ред. от 31.05.2002 г.) // Ведомости Верховного Совета РФ. 1992. № 6. Ст. 243; Собрание законодательства РФ. 1994. № 4. Ст. 302; 1995. № 7. Ст. 496.
12. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 14.10.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.
13. О гражданстве СССР: Закон СССР от 23.05.1990 г. № 1518-1 [Электронный ресурс] // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU; n=18; req=doc> (Дата обращения 21.12.2014 г.).
14. Ржевский, В. А. Гражданство и федерализм // Материалы научно-практической конференции по проблеме гражданства. — М., 1995. — 122 с.
15. Смоленский, М. Б. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — 314 с.
16. Чиркин, В. Е. Конституционное право в Российской Федерации: Учебник. — М.: Юрист, 2002. — 480 с.

Система действия региональных правовых актов субъекта Российской Федерации

Югов Анатолий Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

1. О понятии правового акта

Современное научное представление о правовой основе субъекта Российской Федерации позволяет утверждать, что центральное звено этой основы составляет система правовых актов, обеспечивающих организацию и функционирование официальной публичной власти, в том числе государственной и муниципальной власти. В свою очередь научное осмысление содержания системы правовых актов и её функционирования предваряется анализом таких юридических феноменов, как правовой акт и его форма. Следовательно, прежде всего, важно возможно более точно установить содержание центрального понятия этой системы, каким является «правовой акт».

Правовой акт, согласно академических классических определений, — это имеющий обязательную силу юридический письменный документ, принятый уполномоченным институтом или органом официальной публичной власти в пределах своей компетенции и содержащий нормы права или индивидуальные предписания [1].

Как видно из сказанного, ключевым словом в этом определении является слово «документ». Понимание же этого термина раскрывается в № 149-ФЗ от 27 июля 2006 года «Об информации, информационных технологиях и защите информации», где сказано, что «документ, то есть документированная информация — это зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими её идентифицировать». Для полного уяснения этого понятия отметим, что «реквизиты» — это необходимые элементы в оформлении документа, подтверждающие его подлинность. А немецкий глагол «идентифицировать» означает «отождествлять»; идентичный, то есть полностью совпадающий, одинаковый.

На практике иногда возникает вопрос, а может ли правовой акт существовать не как письменный документ, а быть объективирован в устной форме? На наш взгляд, отвечая на этот вопрос, нужно сказать, что скорее «да», чем «нет». Ведь само слово «акт» в переводе с латинского на русский язык означает «действие». А юридическое действие, содержащее обязательное для исполнения указание или веление может быть осуществлено и в устной форме. Например, в соответствии со ст. 78 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» итоговое решение Конституционного Суда РФ, принятое в открытом заседании с проведением слушания, окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу после его провозглашения. То есть согласно этой законодательной формуле правовое действие (акт), влекущее за собой юридические последствия, имеет место ещё до того, как принятое решение будет официально опубликовано.

Можно предположить также, что сразу после провозглашения должны вступать в силу, например, устно отданные приказы начальствующего состава Вооружённых сил РФ. На это указывает, например, статья 13 Устава внутренней службы Вооружённых сил РФ, согласно которой военнослужащий обязан «... беспрекословно повиноваться командирам (начальникам) и защищать их в бою...» [2], а также статья 9 Дисциплинарного Устава Вооружённых сил РФ, где сказано, что «право командира (начальника) отдавать приказы и обязанность подчинённого беспрекословно повиноваться являются основными принципами единоначалия» [3].

В защиту тезиса о правомерности использования устных правовых актов можно также сослаться на постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 31 марта 2011 года, в котором этот высший орган судебной государственной власти, обобщая практику рассмотрения судами общей юрисдикции дел в случае нарушения избирательных прав граждан и права на участие в референдуме в соответствии со статьёй 24 ГПК РФ, разъяснил, что под «действием», которое может быть обжаловано в суд, понимается «волеизъявление органа власти, необлечённое в форму постановления или решения и не закреплённое в соответствующем протоколе, а также распоряжение или иное волеизъявление, совершённое в целях реализации законоустановленных полномочий» [4], то есть могут быть обжалованы влекущие юридические последствия действия (акты) совершённые в устной форме. Таким образом, как нам представляется, устные правовые акты это объективно существующий юридический феномен.

Обращая внимание на форму волеизъявления, содержащегося в правовом акте, считаем полезным подчеркнуть, что воля властвующего субъекта может быть выражена в четырёх формах:

а/ в письменной форме (например, в федеральном законе);

б/ в устной форме (пример — итоговое решение КС РФ, принятое с проведением слушания);

в/ в явочной форме (например, широко известен явочный способ создания общественных объединений, без соблюдения нормативных требований и без регистрации);

г/ в форме «подразумевания», — например, это имеет место во всех случаях принятия решения через консенсус. Как известно, если участник консенсуального решения не сказал ни «да», ни «нет», то считается, то есть подразумевается, что он согласен с предлагаемым решением.

Таким образом, принимая во внимание то обстоятельство, что правовые акты могут иметь как письменную, так и устную форму, а также учитывая, что субъектами их создания могут быть не только органы государственной и му-

ниципальной власти, но и непосредственно граждане как участники институтов прямой демократии, можно дать следующее определение понятия правового акта. Правовой акт — это совершаемое как в письменной, так и в устной форме действие (акт) непосредственно народа (его части), уполномоченных им институтов и органов публичной власти, которое содержит правовые нормы или индивидуальные предписания и влечёт обязательные юридические последствия.

2. Виды региональных правовых актов и основные требования к их надлежащей форме

Рассматривая данный вопрос, изначально важно отметить, что в настоящее время объективно сложилась ситуация, в которой общий объём и содержание регионального права в субъектах Российской Федерации не совпадают. Причина в том, что федеральная конституция России, устанавливая равноправие субъектов РФ в отношениях с федеральным центром, не ограничивает право субъектов федерации наращивать свой правовой статус самостоятельно за пределами статьи 71 самыми разнообразными средствами: путём принятия развивающих законов в продолжение федеральных законов принятых на основе полномочий статьи 72 Конституции РФ, посредством перераспределения полномочий в соответствии с частью 2 статьи 78 Конституции РФ, через заключение договоров друг с другом и субъектами зарубежных федераций, а также устанавливая собственные варианты перечней предметов ведения в своих Основных Законах на основе правила статьи 73 Конституции РФ. В итоге нет такого субъекта РФ, общий правовой объём юридических возможностей и правовая система которого полностью совпадали бы с другим субъектом.

Содержание собственных правовых систем в субъектах РФ различается от субъекта к субъекту, поскольку они, руководствуясь исторически сложившимися научными представлениями классической теории права о сущности и социальном предназначении правовых актов, самостоятельно, согласно части 2 статьи 5 и частей 4, 5 и 6 статьи 76 Конституции Российской Федерации и в соответствии с основами конституционного строя РФ и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, определёнными федеральным законом, устанавливают свои системы органов государственной власти и самостоятельно в пределах своей компетенции осуществляют собственное правовое регулирование. В итоге действующие в настоящее время в субъектах РФ массивы нормативно-правовых актов по своему объёму, структуре и по наименованиям исключительно самобытны, оригинальны и индивидуальны.

В качестве примера раскроем структуру собственной правовой системы Свердловской области. Она включает в себя следующие виды нормативно-правовых актов:

1. Устав Свердловской области, выполняющий роль Основного Закона этого субъекта федерации.

2. Законы Свердловской области, в том числе референдарные законы, областные законы о внесении изменений в Устав области, статутные законы и законы в форме областных кодексов (в частности принят и действует Избирательный кодекс Свердловской области).

3. Договоры и соглашения Свердловской области, заключаемые органами государственной власти, и договоры и соглашения государственных органов Свердловской области. Например, 17 июля 2014 года заключены три Соглашения между Свердловской областью и Республикой Крым в составе Российской Федерации: а) в торгово-экономической и научно-технической сфере; б) в сфере культуры и в) между муниципальными образованиями.

4. Постановления Законодательного Собрания Свердловской области.

5. Указы и Распоряжения Губернатора Свердловской области.

6. Постановления и Распоряжения Правительства Свердловской области.

7. Распоряжения Руководителя Администрации Губернатора Свердловской области.

8. Приказы руководителей исполнительных органов государственной власти Свердловской области в случаях предусмотренных федеральным законодательством, например, приказы областных министров.

9. Распоряжения Управляющих управленческими округами.

10. Постановления Уставного суда Свердловской области.

Роль источников регионального права в Свердловской области выполняют также обычаи в сфере осуществления государственной власти. Например, институт консультаций губернатора с депутатами Законодательного Собрания в ситуации, когда они дважды отклонили кандидатуру на должность председателя правительства области, с целью достижения консенсуса по положительному решению вопроса. Появление этого обычая вызвано тем, что по Уставу области предусмотрена освобождённая должность председателя правительства области, кандидатуру которого губернатор вправе предлагать Законодательному Собранию не более двух раз. В тоже время губернатор в случае, когда депутаты дважды отклонили предлагаемые им кандидатуры, не наделён правом роспуска Законодательного Собрания.

Замечательной особенностью системы действия нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации является то, что региональное законодательство устанавливает достаточно конкретные и определённые требования к форме правовых актов. В числе таких региональных законов можно назвать закон Красноярского края «Закон о нормотворчестве и нормативных правовых актах», закон города Санкт-Петербурга «О правовых актах, принимаемых органами государственной власти Санкт-Петербурга и их структурными подразделениями», «Кодекс о нормативно-правовых актах» Чукотского автономного округа.

Ознакомление с указанными законами позволяет говорить о том, что наиболее полно и квалифицированно решены эти вопросы в областном законе Свердловской области № 4-ОЗ от 10 марта 1999 года в действующей редакции.

Согласно этого закона надлежащая форма правового акта включает в себя:

- 1) общие требования к оформлению текста правового акта;
- 2) Основные элементы содержательной части правового акта;
- 3) Реквизиты правового акта.

Не будет преувеличением сказать, что эти законоустановленные признаки, вместе взятые, выполняют функцию нормативных стандартов в виде своеобразного «ГОСТА» (или технического регламента) для правовых актов.

Как уже было сказано, в соответствии с вышеназванным законом Свердловской области **первая группа обязательных признаков** формы правового акта — это общие требования к оформлению текста правового акта.

В числе таких общих требований данный областной закон устанавливает 9 положений:

1. Первое положение касается достоверности текста правового акта. По этому критерию законодатель посчитал необходимым выделить 5 видов текстов правовых актов, которые с разной степенью их юридической значимости могут быть использованы в сфере юридической практики. Это:

Во-первых, **подлинный текст правового акта**, то есть *подлинник*, под которым понимается эталонный, оформленный в одном экземпляре текст правового акта;

Во-вторых, **официально опубликованный текст**, то есть текст, опубликованный в официальном источнике в порядке, определённом в законе;

В-третьих, **заверенная копия правового акта**, то есть совпадающий с подлинником текст правового акта, заверенный печатью органа, принявшего акт;

В-четвёртых, **неофициально опубликованный текст** правового акта, то есть текст правового акта, опубликованный в источниках, не относящихся к числу официальных источников опубликования данного вида правовых актов;

В-пятых, **незаверенная копия правового акта**, то есть совпадающий с подлинником текст, не заверенный печатью органа принявшего акт.

2. Второе положение в общих требованиях к оформлению текста правового акта гласит, что правовые акты Свердловской области излагаются на русском языке.

3. Согласно третьего положения слова и выражения должны обеспечивать точное понимание и единство с терминологией федерального законодательства

4. В соответствии с четвёртым положением не допускается обозначение разных понятий одним термином или одного понятия разными терминами, если это специально не оговорено в правовом акте;

5. Правило пятого положения говорит о том, что в правовом акте даётся определение термина, если без этого затруднено понимание текста;

6. Шестое положение, определяя структуру текста, указывает на то, что таблицы, схемы, графики, карты оформляются в виде приложений к тексту правового акта;

7. Седьмое положение регламентирует оформление дат в тексте правового акта; в соответствии с ним даты оформляются словесно-цифровым способом в последовательности, установленной в законе;

8. Восьмое положение воспроизводит правило топонимики, согласно которому наименования топонимов (*топоним — собственное название географического объекта, в том числе населённого пункта, субъекта РФ и т.д.*) и органов власти пишутся с прописной (заглавной) буквы;

9. В соответствии с девятым положением нумерация правовых актов ведётся отдельно для каждого вида правовых актов в пределах календарного года, исходя из даты их принятия.

Вторая группа обязательных признаков формы правового акта — основные типовые элементы структуры содержательной части правового акта. Такими основными структурными элементами формы правового акта являются следующие:

Первый элемент — НАИМЕНОВАНИЕ правового акта; то есть краткая словесная формула, адекватно отражающая содержание правового акта;

Второй элемент — ПРЕАМБУЛА, то есть вводная часть, разъясняющая цели и мотивы принятия правового акта;

Третий элемент — РАЗДЕЛЫ, то есть наиболее крупные составные элементы в структуре правового акта, которые могут объединяться в части;

Четвёртый элемент — ГЛАВЫ, то есть структурные элементы, из которых состоит раздел; это составные части раздела;

Пятый элемент — СТАТЬИ; это структурные подразделения глав в областных законах и в регламенте Законодательного Собрания Свердловской области.

На наш взгляд, этот элемент заслуживает особого внимания. Статья правового акта — это основной и обязательный системообразующий элемент правового акта, как письменного юридического документа, который по отношению к главе или разделу является первичным. Все другие элементы структуры правового акта можно рассматривать как факультативные, они могут быть, но могут и не быть, хотя правовой акт при этом будет действовать. Чего нельзя сказать о статье, так как в абсолютном большинстве случаев акт всегда состоит из статей (либо из приравненных к ним пунктов). По мнению проф. Первалова В.Д. статья может совпадать с правовой нормой, может содержать в себе несколько правовых норм, и может закреплять только часть правовой нормы [5, С.178—179].

Шестой элемент — ПУНКТЫ, то есть структурные подразделения глав в иных нормативно-правовых актах,

кроме областных законов и регламента Законодательного Собрания Свердловской области (в последних, как сказано выше, главы делятся на статьи);

Седьмой элемент — АБЗАЦЫ, то есть часть текста статьи или пункта, выделенная отступом первой строчки.

В областном законе «О правовых актах в Свердловской области» говорится также, что статья или пункт могут иметь подпункты, которые отделяются друг от друга точкой с запятой и нумеруются арабскими цифрами со скобкой справа без точки.

Установлено также, что статьи или пункты в пределах всего правового акта должны иметь сквозную нумерацию.

Третья группа обязательных признаков формы правового акта — это *реквизиты правового акта*.

Прежде всего, надо указать, что в соответствии с № 4-ОЗ Свердловской области от 10 марта 1999 года каждый вид нормативно-правового акта имеет свой «набор» реквизитов (*реквизиты — необходимые элементы в оформлении документа, подтверждающие его подлинность*).

Конкретизируем представление о реквизитах правового акта на примере областного закона Свердловской области. ЗАКОН Свердловской области должен иметь следующие реквизиты:

1-е: Изображение герба Свердловской области на подлиннике по центру над обозначением вида правового акта;

2-е: Обозначение вида правового акта, выраженное словами «закон Свердловской области»;

3-е: Гриф принятия закона, состоящий из слов «Принят Законодательным Собранием Свердловской области» и включающий в себя дату принятия закона в окончательной редакции (*гриф — официальная надпись на документе, определяющая специфику его использования*).

Если закон принят повторно после отклонения его губернатором, то наносится гриф повторного принятия, который состоит из слов «Повторно принят Законодательным Собранием Свердловской области» и указывается дата повторного принятия.

4-е: Место принятия закона — г. Екатеринбург;

5-е: Подпись губернатора Свердловской области;

6-е: Дата подписания закона Губернатором Свердловской области;

7-е: Номер закона, состоящий из порядкового номера и буквенного индекса «ОЗ», разделённых дефисом; номер присваивается после подписания закона Губернатором; (*индекс — указатель или список чего-либо; дефис — короткая соединительная чёрточка между двумя словами*).

На наш взгляд, закон Свердловской области от 10.03.99 г. «О правовых актах в Свердловской области», несмотря на его полноту, логичность и концептуальную завершенность, в разделе «реквизиты правового акта» нуждается в некотором совершенствовании; представляется, что его следует дополнить двумя уточняющими записями: 1) после обозначения вида правового акта надо

указывать название правового акта, выражающего его содержание; название акта следует рассматривать в качестве одного из реквизитов; 2) на тексте подлинника закона должно быть изображение оттиска печати канцелярии Губернатора (возможен и такой вариант, когда субъект РФ может использовать большую круглую печать с изображением герба этого субъекта федерации).

3. Порядок действия региональных правовых актов

Конечные цели разработки, принятия и реализации правового акта могут быть успешно достигнуты только в том случае, если последовательно и полно соблюдается нормативно установленный порядок его действия, представляющий собой широко дифференцированную и глубоко структурированную системную деятельность управомоченных субъектов по достижению целей определённых замыслом правотворческого органа или института. В конкретном содержании этого порядка в формате первого приближения к раскрытию понимания данного феномена можно выделить примерный перечень, состоящий из следующих институтов, которые характеризуют качественно различные статусные состояния действующего правового документа.

1. Момент вступления правового акта в силу (приобретение юридической силы)

Начало действия правового акта имеет первостепенное и решающее значение, поскольку это точка касания его праворегилирующих возможностей с реальной социальной действительностью, которая указывает на момент превращения проекта правового акта в действующий юридический документ. Поэтому региональный законодатель стремится к всесторонней регламентации порядка действия правовых актов издаваемых легитимными структурами публичной власти, уделяя при этом особое внимание вопросу о начале и окончании действия правового акта. Так, в статье 109 закона Свердловской области «О правовых актах в Свердловской области» говорится, что «Действие правовых актов начинается с момента их вступления в силу и прекращается в момент утраты ими юридической силы».

Анализ региональных законов по этому вопросу показывает, что в законопроектной практике субъектов РФ в настоящее время используются следующие варианты определения порядка вступления правовых актов в юридическую силу:

1. Со дня принятия; 2. С момента провозглашения; 3. Со дня подписания; 4. Со дня официального опубликования; 5. На следующий день после официального опубликования; 6. Через определённый период времени после дня официального опубликования, установленный в правовом акте; 7. С конкретной календарной даты; 8. С момента наступления какого-либо события, указанного в правовом акте; 9. Не позднее срока, указанного в тексте правового акта; 10. С момента принятия какого-либо другого правового акта, указанного в данном правовом акте;

11. Не ранее даты официального опубликования; 12. Смешанные варианты вышеуказанных порядков вступления правового акта в силу.

II. Юридические последствия вступления правового акта в силу

Как уже было отмечено праворегулирующее воздействие правового акта на общественные отношения начинается только после вступления его в юридическую силу, что обусловлено всеобщим универсальным принципом права, согласно которому «не вступившие в силу правовые акты не применяются». В соответствии с этим принципом действие нормативно-правовых актов субъектов федерации по общему правилу не распространяется на отношения, возникшие до их вступления в силу и не имеют обратную силу, если устанавливают или усиливают юридическую ответственность, либо если устанавливают дополнительные обязанности, либо если ухудшают положение субъектов правоотношений.

Вступивший в силу правовой акт становится составной органической частью действующей правовой системы и оказывает разностороннее влияние на действие других правовых актов этой системы, что влечёт за собой изменение правил содержащихся в соответствующих правовых нормах. В целях предотвращения возникновения юридических коллизий в этом случае соблюдается следующий порядок определения приоритетов между нормативными правовыми актами:

1. Нормативный правовой акт высшей юридической силы имеет преимущество над нормативным правовым актом меньшей юридической силы;

2. Специальный нормативный правовой акт имеет преимущество перед общим нормативным правовым актом;

3. Более поздний нормативный правовой акт имеет преимущество над более ранним нормативным правовым актом.

В результате после вступления нового нормативного правового акта в силу некоторые другие правовые акты утрачивают свою силу, а другие приводятся в соответствие с вновь установленными правилами согласно отмеченных выше приоритетов.

III. Срок действия правового акта

Нормативные правовые акты субъектов РФ по общему правилу действуют бессрочно, но могут приниматься и на определённый период. Определённым временем может быть ограничено действие отдельных положений региональных правовых актов. Правовые акты ненормативного характера действуют в течение указанного в них срока или в течение срока исполнения содержащихся в них предписаний.

IV. Приостановление действия правового акта

Действие правового акта субъекта РФ или его отдельных положений может быть приостановлено на определённый срок или до наступления определённого события актом того же вида и принятым тем же органом, который его издал, или актом иного органа, наделённого

таким правом по закону. Например, в соответствии с частью 2 статьи 85 Конституции РФ Президент Российской Федерации наделён правом приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов федерации в случае противоречия этих актов Конституции РФ, федеральным законам, международным обязательствам РФ или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом.

Основаниями для приостановления действия правового акта могут служить введение чрезвычайного или военного положения, необходимость защиты конституционных ценностей определённых в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации и так далее.

V. Продление действия правового акта

В соответствии с общепринятой правовой практикой действие регионального правового акта может быть продлено актом того же вида и принятым тем же органом, который его издал, на определённый срок или до наступления определённого события. То есть продление действия правового акта осуществляется актами равной юридической силы в соответствии с требованиями иерархии правовых актов. Разумеется, что продление действия может иметь место только в отношении временных нормативно-правовых актов. При продлении срока действия нормативно-правового акта орган, издавший акт, может продлить его действие на новый срок либо придать ему бессрочный характер.

На практике известны случаи, когда одним правовым актом одновременно продлевалось действие нескольких нормативно-правовых актов. В качестве примера можно привести распоряжение Председателя правительства г. Москвы от 29 апреля 1996 года № 188-РП «О продлении срока действия нормативных актов по продаже жилья», которым было пролонгировано до 1 июля 1996 года действие трёх правовых актов, объединённых общей тематикой [6].

VI. Внесение изменений в правовые акты

Региональные законы субъектов Российской Федерации о правовых актах и предъявляемых к ним требованиях не всегда однозначно понимают содержание этого института, однако во всех случаях закрепляется правило, согласно которому внесение изменений в правовой акт осуществляется органом принявшим этот акт и правовым актом того же вида, а также в том же порядке и на тех же условиях, которые предусмотрены для этого нормативно-правового акта, за исключением случаев особо оговорённых в законе. Изменения вносятся только в основной нормативный правовой акт и не должны вноситься в изменяющий его нормативно-правовой акт.

В одних случаях под внесением изменений понимается только замена или исключение из текста слов, цифр, предложений и структурных единиц; а в других случаях в содержание этого института могут включаться такие подинституты, как признание нормативно-правового акта утратившим силу, а также приостановление и продление его действия, дополнение структурными единицами.

Внесение изменений в правовой акт путём принятия его в новой редакции иногда закрепляется в качестве отдельного института. Например, в соответствии со статьёй 102 закона Свердловской области «О правовых актах в Свердловской области» внесение значительного числа изменений в правовой акт может осуществляться путём принятия его в новой редакции, но изменение наименования такого правового акта при этом не допускается.

В статье 105 вышеуказанного закона Свердловской области содержится полезное указание на то, что исправление ошибок, опечаток и иных неточностей в подлинниках правовых актов осуществляется исключительно путём внесения соответствующих изменений в правовой акт, в котором имеются неточности. Если же ошибки и иные неточности в сравнении с подлинником правового акта допущены при официальном опубликовании, то в десятидневный срок со дня обнаружения должно быть опубликовано официальное извещение государственного органа принявшего этот акт об исправлении неточности и дана подлинная редакция соответствующих положений.

Во всех субъектах РФ действующее законодательство устанавливает особые требования к порядку внесения изменений в Основные Законы (конституции и уставы). Так, если Основной Закон субъекта федерации принимается парламентом, то внести законопроект об изменении Основного Закона вправе только те субъекты законодательной инициативы, отдельный исчерпывающий перечень которых приводится в конституции (уставе) этого региона, а для принятия такого закона требуется квалифицированное большинство голосов (не менее двух третей от установленного числа депутатов регионального парламента).

III. Толкование правовых актов

Эффективность действия правовых актов во многом определяется юридически грамотным их толкованием. Поэтому вопросы толкования законодательных актов достаточно полно регулируются региональными законами. Так, в частности, они вполне определённо и конкретно регламентированы в законе Свердловской области «О правовых актах в Свердловской области». Согласно этого закона, во-первых, официальное толкование Устава области осуществляется Уставным Судом Свердловской области в форме постановлений; во-вторых, другие законы Свердловской области официальному толкованию не подлежат; в-третьих, официальное толкование нормативно-правовых актов Свердловской области, кроме Устава и законов, осуществляется принявшими их органами в той же форме, в какой они приняты, если иное не предусмотрено законодательством.

Причём, как это особо отмечается в данном законе, акты толкования применяются только вместе с теми актами, которые являются предметом толкования.

Во всех случаях толкования нормативно-правового акта не должно иметь место установление новых норм права актами толкования.

Юридическая сила разъясняющего акта (акта толкования) является общеобязательной и она соответствует юридической силе толкуемого акта. Важная особенность разъясняющих актов в том, что они имеют обратную силу и действуют с момента вступления в силу толкуемого акта.

VIII. Восполнение пробелов в правовых актах

Для эффективного действия правовых актов субъектов федерации важное значение имеет то, что региональные акты, регулирующие эти вопросы, предусматривают для устранения пробелов издание того нормативного акта, потребность в котором выявлена, и допускают возможность использования аналогии законов и аналогии права. Если отношения, находящиеся в сфере действия правовых актов субъекта федерации не урегулированы законодательством, то по аналогии применяются правовые акты этого субъекта, регулирующие схожие общественные отношения, если это не противоречит существу этих отношений. Если же нет аналогичных правовых актов этого субъекта федерации, то может быть использовано федеральное законодательство. При невозможности использования в этом случае регионального и федерального законодательства права и обязанности участников общественных отношений определяются исходя из общих принципов федерального и регионального законодательства, то есть используется аналогия права.

Однако, аналогия не может применяться, если этим ограничивается правовой статус человека и гражданина, либо юридического лица, либо если усиливаются меры принуждения и предусматриваются новые обязательства и ответственность.

IX. Действие правовых актов в пространстве и по кругу лиц

Обычной является практика, когда правовые акты субъекта федерации действуют на всей территории субъекта федерации либо на части территории субъекта федерации, если иное не установлено в самом акте. Однако, в отдельных случаях, определённых в федеральных законах, договорах и соглашениях субъекта РФ, региональные нормативно-правовые акты могут применяться и за пределами данного субъекта федерации.

Действие правовых актов субъекта федерации распространяется на всех лиц, проживающих или пребывающих на его территории, если иное не указано в международных договорах, федеральных и региональных законах.

X. Прекращение действия правового акта

Анализ действующего регионального законодательства показывает, что правовой акт или его отдельные его положения утрачивают юридическую силу в случае: а) истечения срока действия правового акта или его отдельных положений; б) принятия тем же органом по этому же предмету регулирования другого правового акта; в) признания акта утратившим силу принявшим его органом; г) отмены правового акта или его отдельных положений уполномоченными органами; д) отмены правового акта или его отдельных положений либо признания его утратившим силу по решению суда в случаях предусмотренных

законодательством, в том числе по решению Конституционного Суда РФ или Конституционного (Уставного) Суда субъекта РФ.

Действующее законодательство подробно регулирует порядок прекращения действия правовых актов субъектов федерации по решению судов. Так, в соответствии с пунктом «б» части 2 статьи 125 Конституции РФ в случае, если Конституционный Суд Российской Федерации установил, что конституции республик, уставы, а также законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, изданные по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, не соответствуют Конституции Российской Федерации, он признаёт их утратившими силу. Более того, Конституционный Суд РФ в своём постановлении № 13-П от 18 июля 2003 года установил, что проверка соответствия конституций и уставов субъектов РФ федеральным законам и признания их в случае несоответствия федеральным законам утратившими силу — тоже компетенция самого Конституционного Суда Российской Федерации.

Предметом отдельного рассмотрения в Конституционном Суде РФ стал вопрос о том, подлежат ли разрешению в судах общей юрисдикции требования о признании положений законов субъектов РФ противоречащими федеральным законам. Конституционный Суд РФ в постановлении о толковании статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации от 16 июня 1998 года указал, что суд общей юрисдикции при рассмотрении конкретного дела по защите прав граждан вправе признать региональный закон недействующим и не подлежащим применению, если он не соответствует федеральным законам, но не вправе отменить его, так как отменить такой акт может только тот орган, который его принял.

Согласно статьи 13 ГК РФ (Часть первая) ненормативный правовой акт государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, также нормативный акт, — не соответствующие закону или иным правовым актам и нарушающие гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, могут быть признаны судом недействительными. Например, в соответствии со статьёй 24 ГПК РФ районные суды рассматривают и разрешают дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, нарушающих избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 5 от 31 марта 2011 года разъяснил, что следует понимать под «решением органа власти», «действием» и «бездействием», которые могут быть оспорены в суде. По его мнению, к решениям органа власти относятся облечённые в установленную форму (постановления, решения) или закре-

плённые в соответствующих протоколах окончательные решения по рассматриваемым вопросам, принятые коллегиально. К действиям, которые могут быть оспорены в суде, относится волеизъявление органа власти, облечённое в форму постановления или решения и не закреплённое в соответствующем протоколе, а также распоряжение или иное волеизъявление, совершённое в целях реализации законоустановленных полномочий. Под бездействием следует понимать неисполнение обязанности, возложенной на орган власти нормативными правовыми актами (или иными актами), определяющими его полномочия.

Прекращение действия основного нормативного правового акта влечёт за собой утрату юридической силы производных и вспомогательных правовых актов, если иное не установлено законом.

4. Принципы действия региональных правовых актов

В перечне принципов действия региональных правовых актов приоритетное место принадлежит *принципу превосходящего юридического действия Основного Закона субъекта федерации*. Именно этот принцип закрепляется в конституциях и уставах всех субъектов Российской Федерации. К примеру, в Основном Законе Свердловской области в статье 120 этот принцип отражён через формулу: «Нормативные правовые акты Свердловской области, принятые до вступления в силу настоящего Устава, действуют на территории области в части, не противоречащей настоящему Уставу». А в части 1 статьи 12 регионального закона этого субъекта федерации «О правовых актах в Свердловской области» говорится, что «Устав Свердловской области является основным законом Свердловской области, в соответствии с Конституцией Российской Федерации определяющим статус Свердловской области, устанавливающим систему государственных органов Свердловской области и закрепляющим иные положения, составляющие основу законодательства Свердловской области». Всё это является констатацией превосходящего юридического действия Основного закона субъекта федерации, который в иерархии региональных правовых актов стоит выше любого другого регионального правового акта, а все иные региональные правовые акты должны соответствовать конституции республики или уставу края, области или другого субъекта федерации.

Важное практическое значение имеет закрепляемый в законодательстве регионов *принцип прямого действия* принимаемых ими правовых актов. Согласно этого принципа содержащиеся в них правила, дозволения и запрещения, иные установления действуют непосредственно, что обеспечивается возможностью наступления негативных последствий в случае их неисполнения. Содержание этого принципа означает также, что для реализации региональных нормативных правовых актов, как правило, не требуется никаких дополнительных или разъ-

ясняющих других правовых актов. Благодаря этому принципу участники правоотношений имеют возможность напрямую обращаться за защитой своих прав и интересов во все органы официальной публичной, в том числе государственной и муниципальной власти, и в структурные подразделения институтов гражданского общества. Судебные, административные и иные правоохранительные органы однозначно признают и не оспаривают прямой характер действия региональных правовых актов.

Принцип соответствия региональных правовых актов общепризнанным принципам и нормам международного права, вытекающий из части 4 статьи 15 федеральной Конституции России, включает региональные правовые системы в мировое правовое пространство и определяет положение законодательства субъектов федерации в российской национальной правовой системе. В силу своей исключительной значимости он закрепляется в Основных Законах субъектов РФ. К примеру, в части 2 статьи 6 Устава Свердловской области записано, что «На территории Свердловской области в соответствии с Конституцией Российской Федерации действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации».

Для практической своевременной и эффективной реализации региональных правовых актов существенное значение имеет *принцип обязательного исполнения и соблюдения предписаний этих актов*. Этот принцип в должной мере отражён в Основных Законах субъектов федерации. В частности, в соответствии с частью 1 статьи 62 Устава Свердловской области «Органы государственной власти Свердловской области, иные государственные органы Свердловской области, органы местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, граждане, организации, находящиеся или осуществляющие деятельность на территории Свердловской области, обязаны соблюдать Устав Свердловской области и законы Свердловской области». Обеспечивая действие региональных правовых актов органы государственной власти и другие субъекты обязаны обеспечивать финансовые и иные ресурсы для их реализации. Расходы бюджетных средств на реализацию региональных правовых актов учитываются при формировании бюджета субъекта РФ на соответствующий период. А неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению действия этих актов влечёт ответственность должностных лиц соответствующих органов, предусмотренную законодательством.

В системе реализации региональных правовых актов важное место занимает *принцип адекватного действия*, в соответствии с которым их воплощение в реальную общественно-политическую практику осуществляется на основе соблюдения закономерностей общественного развития и универсальных принципов научного управления обществом; в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов

государственной власти, установленными федеральным законом; с учётом комплексной оценки прогноза о результатах реализации правового акта. При соблюдении этого принципа учитывается и всесторонне анализируется социальная, экономическая и политическая ситуация на момент подготовки проекта нормативно-правового акта, обязательной является финансово-экономическая обоснованность принимаемого правового акта.

Принцип адекватного и разумного действия региональных нормативно-правовых актов находит своё проявление в закрепляемом в законодательстве субъектов федерации порядке вступления их в юридическую силу и в определении правил их действия после утраты юридической силы.

Принцип гарантированного действия региональных правовых актов объективирован в содержании и механизме реализации гарантий их осуществления, которые составляют самостоятельный блок общей системы действия этих правовых актов.

5. Механизм действия норм региональных правовых актов

В силу того, что правовой акт и правовая норма соотносятся как форма и содержание, которые не существуют друг без друга, невозможно полноценно раскрыть понимание системы действия региональных правовых актов, не исследуя при этом механизм реализации норм составляющих содержание этих правовых актов. В процессе рассмотрения содержания данного механизма, однако, следует иметь в виду, что региональная правовая система, будучи составной частью общенациональной правовой системы, в тоже время отличается самобытностью и отчётливо выраженной самостоятельностью. Соответственно осуществление правовых норм региональных правовых актов протекает как на основе универсальных правил реализации типовой правовой нормы, так и с учётом специфических особенностей региональной правовой системы. В числе особенностей реализации норм региональных правовых актов можно констатировать такие, как: а) особый территориальный масштаб действия; б) осуществление региональной правовой нормы в ситуации перекрёстного взаимодействия с двумя крупными правовыми системами — федеральной и муниципальной; в) реализация содержания правовой нормы путём отчётливо выраженной конкретной организаторской, хозяйственной и культурной деятельности; г) постоянный контакт с населением; д) учёт исключительных особенностей отдельных субъектов федерации.

В структурном отношении механизм реализации правовых норм региональных правовых актов включает в себя функции региональной правовой нормы, а также субъекты, объекты, формы и способы их реализации.

Региональная правовая норма, как самобытная и самостоятельная юридическая реальность, обладает рядом функций, которые в зависимости от социального и юри-

дического предназначения этих норм выполняют самые разнообразные задачи. В их числе можно выделить такие функции, как регулятивная, охранительная, созидательная (учредительная), воспитательная, информативная, мотивационная, ориентационная, поощрительная (стимулирующая) и так далее.

Субъекты региональных правоотношений, которые наиболее явственно отражают специфику региональных правовых норм, отличаются большим разнообразием. В качестве этих субъектов выступают граждане Российской Федерации проживающие на территории региона; региональный коллектив граждан как целостная составная часть российского народа; избирательный корпус субъекта федерации; региональные парламенты; высшие должностные лица (главы) субъектов РФ; высшие исполнительные коллегиальные органы государственной власти субъектов федерации; иные лица занимающие государственные должности субъектов федерации; депутаты и государственные служащие субъектов федерации; судебные органы государственной власти субъектов РФ; избирательные комиссии субъектов РФ; региональные отделения общероссийских политических партий и других общественных объединений.

Объектами региональных правоотношений являются республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа как политические формы организации государственной жизни граждан РФ на соответствующей территории субъекта федерации; территория, территориальное деление и административная граница субъекта РФ; бюджетные и внебюджетные средства, имущество и имущественные права субъектов федерации; поведение людей; деятельность органов и должностных лиц государств и государственных образований — субъектов Российской Федерации.

Формы реализации региональных правовых норм по существу совпадают с формами реализации правовых норм в других правовых системах, это исполнение, соблюдение и применение.

Способы реализации региональных правовых норм аналогичны тем, которые используются при осуществлении типовых норм права. В их числе обязывание, дозволение и запрещение.

6. Гарантии действия региональных правовых актов

Важнейшим элементом системы действия региональных правовых актов являются гарантии, поэтому актуальной задачей следует считать формирование современного представления о сущности и содержании этого феномена. Системно-комплексный анализ действующего законодательства и юридической практики даёт основание утверждать, что гарантии, которые являются порукой и залогом реализации правовых норм и соответственно правовых институтов, можно представить как исключительно широкую по своему объёму систему (систему систем) или мегакомплекс, которые имеют своей

целью обеспечить осуществление норм материального и процессуального права, создать надёжные основания защиты, охраны и функционирования прав и свобод человека и гражданина.

На практике сложились и применяются разнообразные виды гарантий, которые обеспечивают общий режим правовой охраны правовых актов. На наш взгляд, первостепенное значение из них имеют следующие:

1) Условия реализации правовых норм, например, законодательное закрепление особых мер защиты депутатов и других выборных должностных лиц, обеспечивающих им беспрепятственное выполнение властных полномочий.

2) Средства реализации правовых норм, в том числе разработка и принятие конкретизирующих и вспомогательных правовых актов обеспечивающих реализацию органических и иных крупных законодательных актов.

3) Правовые принципы, неукоснительное соблюдение которых обеспечивает реализацию правовых установлений содержащихся в нормах права, например, принцип иерархичности правовых актов в федеративном государстве.

4) Порядок реализации прав и свобод человека и гражданина. Порядок реализации прав и свобод как самостоятельная юридическая конструкция объективируется через юридические процедуры. Юридические процедуры, представляющие собой правовые технологии реализации норм материального права в нормативно определённом порядке, например, порядок подачи искового заявления или порядок обращения с жалобой в органы государственной власти, в изобилии содержатся в процессуальных нормах.

5) Опорные правовые теории и доктрины, гарантирующие осуществление юридических возможностей, закреплённых в правовых актах, в пределах существующих научных представлений о разумной, справедливой и рациональной организации общественных отношений.

В современной политической практике развития субъектов РФ вопросу гарантированного действия правовых актов уделяется значительное внимание. Поэтому гарантии действия региональных правовых актов, закреплённые в действующем законодательстве, образуют широкий перечень правовых институтов. Это:

1) Стабильность конституционного строя РФ (ч.5 ст. 13; ч.2 ст. 16; ч.3 ст. 55; ч.1 ст. 77; ч.2 ст. 80; ст. 125 и ст. 128; ч.1 ст. 135 Конституции РФ);

2) Строгое соблюдение принципа законности (ч.2 ст. 15 Конституции РФ; п. «в» ч.1 ст. 1 № 184-ФЗ от 6 октября 1999 г.)

3) Стабильность и непротиворечивость правовой системы (ст.ст. 15, 16 и 76 Конституции РФ);

4) Независимое правосудие (ст. 121 Конституции РФ)

5) Глава субъекта РФ — гарант Основного Закона субъекта РФ и соблюдения текущих законов (ч. 3 ст. 43 Устава Свердловской области)

6) Конституционный (уставный) контроль главы субъекта РФ за действием правовых актов субъекта (п. 18 ст. 44 Устава Свердловской области)

7) Конституционный (уставный) надзор главы субъекта РФ за действием правовых актов субъекта (п. 18 ст. 44 Устава Свердловской области)

8) Правовая самозащита Основного Закона субъекта РФ (глава 16 Устава Свердловской области)

9) Общий режим юридической охраны правовых актов (ч.1 ст. 115 № 4-ОЗ Свердловской области от 10.03.1999 г.)

10) Прокурорский надзор за исполнением и соблюдением правовых актов субъекта РФ (Ст. 21 закона РФ от 17.01.1992 г. в ред. от 21.07.2104 г. «О прокуратуре Российской Федерации»)

7. Завершающий вывод

Система действия региональных правовых актов в субъектах Российской Федерации представляет собой сложноорганизованный и целенаправленный кинетический, то есть и статичный и динамичный, процесс реализации содержащихся в них юридических возможностей в интересах защиты и последовательной реализации прав и свобод человека и гражданина, повышения эффективного и комплексного развития регионов в целом. Исследования данной системы показывают, что её составляют два блока:

статичный и динамичный. Статичный блок включает в себя научно выверенное понимание регионального правового акта, виды региональных правовых актов и основные требования к их надлежащей форме и содержанию. Динамичный блок образуют порядок действия региональных правовых актов, принципы действия этих правовых актов, механизм действия правовых норм содержащихся в региональных правовых актах и гарантии реализации правовых актов данного вида. Диалектическое взаимодействие всех компонентов обоих блоков позволяет более надёжно и с наибольшей пользой добиваться искомых результатов в правоприменительной практике. Решающее значение при этом, как и в любой другой управленческой деятельности, имеет качество человеческих отношений между участниками правоореализационной деятельности, складывающихся в процессе использования правовых форм и применения юридических конструкций и технологий.

В целях дальнейшего совершенствования системы действия региональных правовых актов представляется полезным разработать и принять рамочный федеральный закон, который бы определял принципиальную схему правотворческой деятельности субъектов федерации по созданию нормативных актов и регламентировал основные требования к их оформлению.

Литература:

1. <http://pravoteka.ru/encyclopedia11590>
2. <http://www.9maya.ru/127-ustav-vnutrennej-sluzhby-vooruzhennykh-sil.html>
3. <http://www.9maya.ru/127-ustav-vnutrennej-sluzhby-vooruzhennykh-sil.html>
4. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ARB&n=188088&req=doc>
5. Теория государства и права. Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2007.
6. Барина, Ю. С. Технология продления действия нормативных правовых актов и договоров (некоторые тактические правила) URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-prodleniya-deystviya-normativnyh-pravovyh-aktov-i-dogovorov-nekotorye-takticheskie-pravila> (дата обращения — 13.01.2015)

4. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Проблемы совершенствования правовых и экономических основ местного самоуправления

Иванов Виктор Анатольевич, заместитель директора по учебно-воспитательной работе
Анапский филиал Академического правового института

Местное самоуправление представляет собой один из важнейших институтов современного общества. Сегодня оно является одновременно формой самоорганизации граждан и — в этом качестве — составной частью гражданского общества, уровнем публичной власти (инструментом демократического участия граждан в управлении общими делами) и элементом рыночной экономической системы (восполняя пробелы рынка в части оказания услуг жителям и координации хозяйственной деятельности).

Реальное и эффективное местное самоуправление возможно лишь при наличии определенных предпосылок и условий, которые в совокупности составляют основы местного самоуправления: правовую, экономическую.

Рассматривая местное самоуправление нельзя опустить ее правовую основу. Ведь без нормативной базы и вообще бы не существовало этой формы организации власти.

Актуальность данной проблемы говорит сама за себя. Ежегодно подвергается реформированию и корректировке нормативная база местного самоуправления.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ детально регламентирует систему органов местного самоуправления. Обязательным является наличие не только исполнительных, но и представительных органов, а также главы муниципального образования во вновь образованных муниципальных образованиях. Таким образом, в системе органов местного самоуправления предполагается реализовывать конституционный принцип разделения властей на представительную и исполнительную. Также закон регламентирует административную и финансовую самостоятельность муниципальных образований, и возможность участия населения в вопросах местного значения. Таким образом, реформа местного самоуправления означает создание необходимых условий для приближения власти к населению, формирование гибкой системы управления, хорошо приспособленной к местным условиям и особенностям и развитию инициативы и самостоятельности граждан.

Несмотря на наличие в новом законе целого ряда удачных идей, весь закон (как и сама предложенная кон-

цепция реформирования местного самоуправления) подвергался и продолжает подвергаться серьезной критике. Сомнения, прежде всего, вызывает наделение правами муниципальных образований сельских и городских поселений, ранее не являвшихся таковыми. В существующей экономической ситуации малочисленные муниципальные образования (в первую очередь сельские) не могут быть самостоятельны ни финансово, ни организационно и в своих действиях будут полностью зависимы от органов государственной власти и органов местного самоуправления муниципальных районов [5]. Тем более, что внесенные уже по ходу проводимой реформы изменения в бюджетное и налоговое законодательство, не решили данной проблемы.

Чтобы данная система работала четко и слаженно, большое значение имеет правильный набор принципов построения и функционирования системы местной власти.

В Краснодарском крае выработана собственная нормативно-правовая база по местному самоуправлению («О местном самоуправлении в Краснодарском крае от 07.06.2004 г. № 717-КЗ»). Необходимым элементом правовой основы местного самоуправления является Устав муниципального образования [2], в котором и определяется организация и форма осуществления местного самоуправления, его правовая и экономическая основы, а также содержатся положения о компетенции и порядке деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления. Кроме Устава на муниципальном уровне принимаются и другие нормативно-правовые акты, регламентирующие отдельные вопросы организации и деятельности органов местного самоуправления. Правовыми актами Главы муниципального образования город-курорт Анапа, согласно ст. 63 Устава муниципального образования являются постановления и распоряжения.

В ст. 7 федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ст. 4 Закона Краснодарского края «О местном самоуправлении в Краснодарском крае» серьезной гарантией местного самоуправления является принцип об обязательности исполнения решений органов местного самоуправления на всей территории муниципального образования. В частности: постановления и распоряжения Главы муниципального образования город-курорт Анапа, принятые

в пределах его компетенций, обязательны для исполнения всеми расположенными на соответствующей территории предприятиями, учреждениями, организациями, независимо от форм их собственности, а также и гражданами. Решения органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции, не могут быть отменены органами государственной власти. Законодательством субъектов Российской Федерации также устанавливается административная ответственность должностных лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений органов местного самоуправления. Проекты местных нормативных актов, внесённых населением в органы местного самоуправления, подлежат обязательному рассмотрению органами местного самоуправления с участием представителей инициативной группы граждан [1]. Результаты рассмотрения должны быть официально доведены до сведений внесших его инициативной группы граждан.

Экономическая основа местного самоуправления представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, связанные с формированием и управлением муниципальной собственностью, средствами местного бюджета. Важнейшей составляющей экономической основы местного самоуправления, а также источником для пополнения финансовых ресурсов является муниципальная собственность [4]. Муниципальная собственность защищается государством равным образом с другими формами собственности. Город-курорт Анапа, как и все другие муниципальные образования должны обеспечивать: сбалансированность бюджета; регулирование бюджетных правоотношений; соблюдения установленных федеральными законами требований к осуществлению бюджетного процесса. Действующее законодательство, хотя и предоставило органам местного самоуправления право самостоятельного формирования своих бюджетов и за счет их доходной части решения социальных задач, однако объём и направления движения финансовых потоков для пополнения доходной части органам местного самоуправления оказались неподконтрольны.

Литература:

1. Собрание законодательства Российской Федерации от 06.10.2003 г. № 40.
2. Устав муниципального образования город-курорт Анапа от 28.06.2005 г. (в ред. От 05.12.2007 г.)
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 06.10.2003 № 131-Ф
4. Кутафин, О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник, 2010 [с.636]
5. Чиркин, В. Е. «Государственное и муниципальное управление. М.: «Юрист», 2007, [254—255]

В соответствии с ныне действующим законодательством организация межбюджетных отношений органов местного самоуправления и органов государственной власти Краснодарского края осуществляется на основе федеральных законов и законов Краснодарского края, которые строятся на следующих принципах: взаимной ответственности; единых для всех муниципальных образований методологий; равенства бюджетных прав муниципальных образований.

Для совершенствования правовых и экономических основ местного самоуправления следует осуществить следующие мероприятия:

1. В области усиления экономической и финансовой самостоятельности местного самоуправления необходимо шире использовать форму размещения муниципального заказа на выполнение работ (оказания услуг), которые финансируются за счет средств местного бюджета, осуществляемого на основе открытого конкурса в соответствии с правилами, установленными органом местного самоуправления.

2. В рамках нарастающей законотворческой деятельности, есть необходимость предложения принятия на федеральном уровне ряда пакетов законов и актов, посвященных статусу органов местного самоуправления, уникальных территорий (курортных), обеспечить им финансово-экономическую поддержку на федеральном уровне и содействовать развитию круглогодичного туризма.

3. Необходимо продолжить работы по урегулированию взаимоотношений органов государственной власти края и местного самоуправления в плане усиления их взаимодействия и ответственности, прежде всего в правовых и бюджетно-финансовых взаимоотношениях.

4. Повышать заинтересованность органов местного самоуправления в увеличении собственных доходов местных бюджетов. А также увеличивать компенсации местным бюджетам в случае уменьшения доходов или увеличения расходов, возникающих вследствие решений, принимаемых органами государственной власти.

Проблемы законодательного закрепления правового статуса главы местной администрации и пути их решения

Кабанова Александра Юрьевна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

В статье раскрываются некоторые проблемы законодательного закрепления правового статуса главы местной администрации муниципального образования, дается анализ положений нормативных актов в этой области. Предлагаются возможные решения имеющихся проблем, делается вывод о необходимости скорейшего устранения противоречий в законодательстве.

Ключевые слова: глава местной администрации, муниципальное образование, местное самоуправление, конституционно-правовая ответственность.

В соответствии с ч.2 ст. 37 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 06.10.2003 N 131), «главой местной администрации является глава муниципального образования либо лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности на срок полномочий, определяемый уставом муниципального образования» [2].

Правовой статус главы местной администрации представляет собой законодательно закреплённую систему взаимосвязанных системообразующих элементов, позволяющих определять положение последнего как субъекта права, его место в системе местной власти, а также его компетенцию и ответственность за свою деятельность.

От правового статуса главы местной администрации зависит эффективное функционирование отраслевых (функциональных) и территориальных органов местной администрации, которая входит в структуру органов местного самоуправления.

Законодательное закрепление компетенции и ответственности данного лица еще не означает беспробельного правового регулирования его деятельности. Наука муниципального права выделяет проблемы законодательного закрепления правового статуса главы местной администрации и на основе их анализа предлагает либо дополнить его новыми правовыми нормами, которые могли бы улучшить работу соответствующего должностного лица, либо в определенных случаях исключить отдельные нормы ввиду нецелесообразности их включения в акты, регулирующие деятельность главы местной администрации.

Данному вопросу посвящены несколько диссертационных исследований и множество научных статей, авторы которых указывают на данные проблемы и вырабатывают способы их решения.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что, как уже указывалось выше, существует два способа формирования должности главы местной администрации: в первом

случае ее замещает глава муниципального образования, а во втором лицо на эту должность назначается по контракту. Способ формирования должности главы местной администрации влияет на объем его правового статуса и именно на этом факте строится выделение некоторых проблем его правового статуса.

Например, С.В. Федоренко отмечает нарушение конституционных принципов самостоятельности местного самоуправления и отделении органов местного самоуправления от органов государственной власти, провозглашенных в статье 12 Конституции РФ [6; с.208]. Он обращает внимание на то, что самостоятельность означает, прежде всего, независимость органов, должностных лиц местного самоуправления от чего бы то ни было: срока действия контракта, конкурсной комиссии, органов государственной власти и их должностных лиц [6; с.208]. Между тем при назначении главы местной администрации по контракту, он будет неизменно подвергаться влиянию данных факторов. Это влияние имеет двухаспектный характер.

Во-первых, автор критикует порядок назначения членов конкурсной комиссии в муниципальном районе, городском округе, городском округе с внутригородским делением, внутригородском муниципальном образовании города федерального значения. Согласно ч.5 ст. 37 Федерального закона от 06.10.2003 N 131, половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом соответствующего муниципального образования, а другая половина — высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации). С.В. Федоренко вполне обоснованно считает, что участие высшего должностного лица субъекта РФ в замещении должности главы администрации муниципального образования нарушает требования ст. 12 Конституции РФ и что абз.3 ч.5 ст. 37 Федерального закона от 06.10.2003 N 131 должен быть признан противоречащим Конституции РФ и отменен или изменен [6; с.210].

Однако, по нашему мнению, не стоит забывать о том, что ст. 2 и абз.4 ч.3 ст. 79 Федерального закона от

06.10.2003 N 131 предусматривают возможность передачи органам местного самоуправления муниципального района и городского округа отдельных государственных полномочий, а органам местного самоуправления внутригородской территории города федерального значения — отдельных государственных полномочий субъектов РФ — городов федерального значения. С этой точки зрения, участие в качестве членов конкурсной комиссии представителей, назначаемых высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, как раз является целесообразным в том плане, что впоследствии, например, губернатор области, заинтересованный в эффективном выполнении отдельных государственных полномочий органами местного самоуправления, вероятно, будет определять руководство деятельностью подразделений местной администрации по выполнению отдельных государственных полномочий.

Практически то же самое можно сказать и о втором аспекте влияния органов государственной власти на главу местной администрации, который, по мнению С. В. Федоренко, опять же является нарушением принципа самостоятельности местного самоуправления. Ч.11 ст. 37 Федерального закона от 06.10.2003 N 131 предусматривает возможность расторжения контракта с главой местной администрации на основании заявления высшего должностного лица субъекта РФ — в связи с нарушением условий контракта в части, касающейся осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Но здесь, однако, представляется необходимым всё-таки добавить в данную статью положение о том, что в данном случае расторжение контракта возможно только с главой местной администрации муниципального района (городского округа), внутригородской территории города федерального значения, поскольку именно органы местного самоуправления данных муниципальных образований могут осуществлять отдельные государственные полномочия, а, например, расторгать контракт с главой местной администрации сельского поселения по этому основанию невозможно, поскольку органы местного самоуправления данного муниципального образования не наделены Федеральным законом от 06.10.2003 N 131 правом осуществлять передаваемые им отдельные государственные полномочия.

Проблемным вопросом является также законодательно закрепленный институт ответственности главы местной администрации перед государством. В частности п.1 ч.1 ст. 74 Федерального закона от 06.10.2003 N 131 предусматривает, что «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации издает правовой акт об отрешении от должности главы местной администрации в случае

издания им нормативного правового акта, противоречащего вышестоящим нормативным актам, если такие

противоречия установлены соответствующим судом, а это должностное лицо в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда» [2].

По мнению К. Б. Мусаева, данный вид конституционно-правовой ответственности не действенен, и практическое применение теоретической конструкции, закрепленной ст. 74 Федерального закона от 06.10.2003 N 131 затруднено [4; с.153].

А. А. Сергеев в этой части отмечает, что «можно ежедневно издавать незаконные акты и в случае своевременного исполнения судебных решений не бояться ответственности в виде прекращения полномочий. Можно, исполнив судебное решение об отмене незаконного акта, в тот же день издать новый акт с другим названием и спокойно ждать несколько месяцев нового судебного решения» [5; с.58].

Действительно, фактически закон не наказывает главу местной администрации за издание незаконных правовых актов при условии, что данные противоречия будут устранены в установленный срок. Тогда, может быть, и не нужно устанавливать это в качестве основания отрешения от должности главы местной администрации? После издания незаконного правового акта суд просто его отменяет, и на этом всё заканчивается. По этому поводу А. А. Далабаев пишет, что «в соответствии с процессуальным законодательством РФ решение суда о признании нормативного правового акта или его части недействующими влечет за собой утрату силы этого нормативного акта, как следствие этого, его отмена органом (должностным лицом) не требуется» [3]. Он предлагает вообще исключить из основания привлечения к ответственности главы местной администрации такой обязательный элемент, как неисполнение решения суда, которым муниципальный акт указанных органов и должностных лиц был признан незаконным.

Хотя следует заметить, что систематическое издание таких актов свидетельствует о невладевании главой местной администрации ситуацией на территории соответствующего муниципального образования и незнании законодательной основы своей деятельности. Возникает вопрос, может ли в таком случае это лицо занимать данную должность, с незамедлительным ответом: «нет, не может». Но признавать в качестве основания отрешения от должности должностного лица издание незаконного правового акта является, по меньшей мере, революционной новеллой в российском законодательстве, ибо возникнет возможность отрешения от должности всех должностных лиц, включая Президента РФ, так как его акты также могут быть признаны не соответствующими Конституции РФ.

Кроме двух вышеописанных проблем закрепления статуса главы местной администрации, разумеется, существуют и еще. Например, проблема разграничения правовых актов местной администрации и главы местной

администрации, проблема введения новых оснований прекращения его деятельности и другие.

Таким образом, следует признать, что правовой статус главы местной администрации достаточно полно урегулирован в действующем законодательстве, од-

нако необходимо обратить внимание на проблемы, выделяемые различными учеными, и рассмотреть выработанные ими рекомендации в целях устранения выявленных противоречий и недоработок в законодательстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.
3. Дабалаев, А. А. Конституционная ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 2006. — URL: <http://www.dslib.net> (дата обращения — 10.01.2015).
4. Мусаев, К. Б. Правовой статус главы местной администрации // Актуальные проблемы российского права — 2009 — № 2 — С.151–157.
5. Сергеев, А. А. Проблемы конституционно-правовой ответственности в системе местного самоуправления // Правоведение — 2003 — № 3 — С.55–65.
6. Федоренко, С. В. О правовом статусе главы местной администрации муниципального образования // Вестник Оренбургского государственного университета — 2005. — № 3. — с. 205–211.

Проблемы разграничения полномочий в сфере правового регулирования местного самоуправления Российской Федерации и субъектов Российской Федерации

Субаргушева Элина Валентиновна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В соответствии с установленной Конституцией Российской Федерации и действующим федеральным законодательством структурой законодательного регулирования, муниципально-правовые отношения регулируются на двух уровнях — федеральном и региональном.

Конституция Российской Федерации регулирует разграничение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации.

Регулирование муниципально-правовых отношений отнесено Конституцией Российской Федерации к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

На федеральном уровне устанавливаются основные принципы местного самоуправления, а субъекты Российской Федерации в соответствии с ними вправе осуществлять самостоятельно правовое регулирование в этой сфере. [1, с.295]

Иными словами, на государственном уровне законодатель принимает общие, рамочные законы, которые устанавливают принципы и основные направления регулирования муниципальных отношений, а региональное законодательство устанавливают конкретизацию феде-

ральных нормативно — правовых актов, с учетом местной специфики и особенностей формирования местного самоуправления в субъектах Российской Федерации. [2, с.42]

Современная структура правового регулирования муниципальных отношений, закрепленная Конституцией Российской Федерации, состоит из трех уровней — вопросы ведения исключительно Российской Федерации, вопросы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и вопросы собственного ведения субъектов Российской Федерации.

Это в теории. К сожалению, на практике пределы законодательного регулирования Российской Федерации и субъектов Российской Федерации четко не разграничены и не отражены в действующем законодательстве.

Сложный режим законодательного регулирования вопросов местного самоуправления требует согласованности распределения полномочий между данными органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

При регулировании разграничения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления по предмету их совместного ведения в сфере правового регулирования вопросов организации мест-

ного самоуправления, Конституция Российской Федерации в статьях 130–132 закрепляет за населением муниципальных образований и органами местного самоуправления право на самостоятельное решение вопросов местного значения. Однако, меру и глубину законодательного регулирования муниципальных отношений на федеральном и региональном уровне Конституция Российской Федерации не определяет.

Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» является базовым, специальным нормативно — правовым актом, конкретизирующим нормы Конституции Российской Федерации и регулирующим правовые отношения в данной сфере.

Ныне действующий Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ был принят и вступил в силу более десяти лет назад и сыграл большую роль в становлении важнейшего института народовластия.

Закон о местном самоуправлении в Российской Федерации регулирует полномочия федеральных и региональных государственных органов и должностных лиц в сфере местного самоуправления.

Согласно статье 6 действующего Федерального Закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления», региональные органы государственной власти регулируют вопросы организации местного самоуправления в соответствующих субъектах Российской Федерации; права, обязанности и ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и должностных лиц, которые осуществляют местное самоуправление в данном субъекте Российской Федерации по предметам исключительного или совместного ведения субъектов Российской Федерации и Российской Федерации.

Изучив данный Федеральный Закон, мы пришли к выводу, что он в большей степени носит отсылочный характер и предполагает принятие каждым субъектом в Российской Федерации собственного регионального закона, более детально и конкретно регулирующего компетенцию субъектов Российской Федерации в сфере правового регулирования муниципальных отношений.

В Республике Башкортостан организация местного самоуправления регулируется Законом о местном самоуправлении в Республике Башкортостан от 18 марта 2005 года № 162-з, который состоит из 36 статей, регулирующих организацию местного самоуправления в регионе, определяющих структуру местного самоуправления, закрепляющих формы непосредственной реализации народовластия и участие населения в осуществлении местного самоуправления.

Хотелось бы обратить внимание на то, что закон о местном самоуправлении в Республике Башкортостан никаким образом не конкретизирует те полномочия, которыми наделены в соответствии с федеральным законо-

дательством органы местного самоуправления в Республике Башкортостан.

По мнению автора, данный закон носит отсылочный характер к федеральным источникам муниципального права и является неэффективным правовым регулятором местного самоуправления на уровне субъекта Российской Федерации.

Развитие муниципального законодательства на всех уровнях правового регулирования в предельно короткие сроки, на наш взгляд, повлекло неравномерное его развитие, бессистемность и противоречивость.

Неэффективность норм, регулирующих местное самоуправление на уровне субъекта Российской Федерации, препятствует полноценному правовому регулированию данной отрасли права, снижает возможность осуществления народовластия в субъекте и может привести к нарушению федерального законодательства.

В результате законотворчества субъектов Российской Федерации, местное самоуправление реализуется в самых невероятных формах, очень часто противоречащих Конституции Российской Федерации и принципам местного самоуправления.

С 2000 по 2007 год органами прокуратуры опротестовано более 14,5 тыс. незаконных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации. [2, с.12]

Стремление в кратчайшие сроки кодифицировать и сформировать законодательство, обеспечивающее реализацию конституционного права граждан на местное самоуправление, повлекло неравномерное развитие, бессистемность и противоречивость муниципального законодательства.

Поскольку муниципальное законодательство представляет собой хотя и комплексную, но очень важную составную часть всего законодательства Российской Федерации, развитие правового регулирования в области муниципальных отношений должно осуществляться главным образом путем кодификации имеющихся нормативно — правовых актов.

Федеральное и региональное законодательство должно быть систематизировано, в нём должно быть детально зафиксировано разграничение полномочий на федеральном уровне и конкретизированы данные положения на уровне субъектов Российской Федерации, по возможности избегая отсылочных норм.

По мнению автора, в региональном законе четко и ясно должны быть найдены ответы на все вопросы, которые возникают в практике субъектов. Оно должно регулировать местное самоуправление с учётом географических, социальных и демографических особенностей не только в теории, но и на практике.

Так как предметом совместной компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации является установление общих принципов власти на местах, соответственно, на наш взгляд, федеральный законодатель должен определять и пределы данного регулирования.

Кроме того, регулируя муниципальные отношения, федеральные органы государственной власти не должны выходить за рамки установления именно общих принципов организации местного самоуправления, оставляя пределы частного, конкретного органам государственной власти субъектов Российской Федерации. [3, с.236]

Однако, практика правового регулирования муниципальных отношений пошла путем закрепления значительной части вопросов муниципальных отношений и более конкретных правовых норм на уровне федерального регулирования, а именно в Федеральном Законе № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а региональное законодательство очень узко охватывает вопросы местного значения, во многих своих положениях ссылаясь и дублируя положения данного закона.

Соответственно, расчет федерального законодателя на квалифицированное правотворчество субъектов Российской Федерации явно не оправдался.

Рамки данной статьи не позволяют затронуть другие проблемные вопросы совершенствования ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и упорядочивания положений главного федерального закона с положениями Закона о местном самоуправлении в Республике Башкортостан.

Конечно, коренное изменение федерального или регионального законодательства — операция долговременная, сложная и требующая тщательного анализа всего законодательства Российской Федерации, в последующем с внесением изменений во многие кодексы и законы нашего государства.

Создать качественную и эффективно регулируемую муниципальные отношения законодательную базу на практике очень сложно, так как изменение федерального

законодательства влечет внесение изменений в Гражданский и Бюджетный Кодексы и многие другие Федеральные Законы, регулирующие вопросы местного самоуправления.

В таком случае законодатель сталкивается с проблемой, которая возникла осенью 2003 года, с необходимостью полной систематизации муниципального законодательства в связи с отсутствием конкретных норм правового регулирования и разграничения полномочий между субъектами муниципальных отношений. Решением данной проблемы на этом этапе было принятие нового Федерального Закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

На наш взгляд, новая редакция Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Закона о местном самоуправлении в Республике Башкортостан не нужна и нереализуема в условиях реальной действительности.

Необходимо внести, так сказать, конкретизирующие изменения и дополнения в данный закон, полно, последовательно и качественно регулирующие разграничение полномочий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Несмотря на то, что законодательная база, регулирующая местное самоуправление сформирована в Российской Федерации и субъектах Российской Федерации, она является несистематизированной и отсутствует согласованность одних нормативно — правовых актов с другими.

По мнению автора, данные актуальные проблемы совершенствования законодательства в сфере разграничения полномочий между субъектами свидетельствуют, что становление и развитие муниципального права как отрасли права и науки еще не закончено.

Литература:

1. Черпунова, Н. М. Муниципальное право Российской Федерации. — М.:2007. — 295с.
2. Шугрина, Е. С. Муниципальное право Российской Федерации. — М.:2207. — 664с.
3. Федеральный научно-практический журнал Конституционное и муниципальное право: 2007. № 6. — с.19
4. Акмалова, А. А. Доктрина развития местного самоуправления в Российской Федерации как механизма оптимизации законодательной и правоприменительной деятельности.:2009. — М. — 326с.

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Основные виды коррупционных преступлений, совершаемых государственными гражданскими служащими

Абрамов Игорь Анатольевич, аспирант
Московский гуманитарный университет

В главе 30 УК РФ говорится о направленности этих преступлений против государственной власти, интересов государственной службы. Согласно ФЗ от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы РФ», государственная служба — это профессиональная служебная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий РФ, федеральных государственных органов, субъектов РФ, государственных органов субъектов РФ, а также лиц замещающих государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ. Необходимо выделить виды государственной службы: государственная гражданская служба, военная и правоохранительная служба.

Понятие «взяточничество» в широком смысле слова объединяет следующие понятия: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). В узком же смысле слова термин «взяточничество» означает получение взятки. Получение взятки является одним из самых опасных преступлений против интересов службы. Взяточничество — это итог преступной деятельности, направленное на нормальную деятельность аппарата управления. Получение взятки направлено на посягательство на авторитет и интересы власти, и более наносит удар на интересы службы, чем дача взятки и посредничество во взяточничестве. Предметом получения взятки являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, также изъятое из оборота или ограниченное в обороте (наркотические и психотропные средства, боеприпасы, оружие и т.д.). К предмету получения взятки относятся также услуги имущественного характера (ремонт квартиры, строительство дачи) и имущественные права (право пользования имуществом, право хозяйственного ведения, оперативного управления). Определяя предмет преступления, следует опираться на п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 г. № 6, где исходя из смысла закона к предмету взятки наряду с деньгами, ценными бумагами и иным имуществом предполагается относить выгоды или услуги имущественного характера, подлежащие оплате, но оказываемые безвозмездно. Под выгодами имущественного характера следует понимать — занижение стоимости передаваемого имущества, привати-

руемых объектов, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими кредитами, приобретение или аренда помещений или квартир, дачных участков. При этом указанные выгоды и услуги имущественного характера должны получить в приговоре денежную оценку. Не является предметом получения взятки услуги нематериального характера, не влекущие для взяткополучателя имущественной выгоды (к примеру, предоставление возможности приобрести какой-либо редкий товар или услугу, выдача положительной рецензии на работу). Объективная сторона — получение должностным лицом лично или через посредника предмета взятки. Под действиями должностного лица, входящими в служебные полномочия должностного лица, следует понимать действия, которые он правомочен совершать в соответствии со своими служебными полномочиями и которые соответствуют требованиям закона, иным нормативным и другим правовым актом. Необходимо обратить внимание, что получение вознаграждения за деятельность, не связанную с выполнением должностных обязанностей, нельзя считать взяткой. Должностное лицо может получить взятку не только за совершение им самим определённых действий, входящих в круг его служебных обязанностей, но и за выгодное для взяткополучателя поведение других должностных лиц, которому оно может способствовать в силу своего должностного положения. Вместе с тем использование должностным лицом только личных связей и отношений, если они не связаны с занимаемой должностью, не может рассматриваться как использование должностного положения. Что касается общего покровительства по службе, оно предполагает необоснованное создание взяткодателю или представляемым им лицам различных благоприятных условий подчинённым по службе лицам: их незаслуженное поощрение, внеочередное необоснованное повышение в должности, совершение других действий, не вызываемых служебной необходимостью. Общее попустительство следует рассматривать как неприятие должностным лицом мер за упущения или нарушения в служебной деятельности взяткодателя или представляемых им лиц, нереагирование на его неправомерные действия. Например, получение взятки за общее попустительство по службе будет иметь место в случае, когда долж-

ностное лицо систематически получает вознаграждение за обещание сообщать о возможных проверках. В данном случае взяткодатель оплачивает за конкретные действия, а готовность должностного лица в случае необходимости предоставить информацию по службе. Взятка получается не за конкретные действия, которое намеревается совершить должностное лицо. Оно получает вознаграждение за общее покровительство и попустительство на службе. Время передачи предмета взятки на наличие состава преступления и квалификацию содеянного не влияет. В связи с этим можно выделить два вида взяточничества: взятка-подкуп и взятка-благодарность. Взятка-подкуп определяется, как передача предмета взятки, обуславливает нужное взяткодателю поведение должностного лица, и является необходимым условием совершения им определённых действий. В этой ситуации между взяткодателем и взяткополучателем имеется предварительная договорённость о передаче предмета взятки. Взятка-благодарность означает, когда предмет взятки передается за уже совершенное должностным лицом действие, в отсутствие предварительной договорённости. Предмет взятки может быть получен как самим должностным лицом, так и предоставлен родным и близким должностного лица с его согласия, либо он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяткодателя.

Ещё раз хочется указать на то, что данное преступление может быть совершено только путём получения должностным лицом лично или через посредника взятки. Преступление является оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ценностей, а если деньги являются предметом взятки, и перечисляются на счёт, получение взятки считается оконченным с момента поступления их на соответствующий счет. Если же предметом получения взятки является какая-либо услуга либо выгода имущественного характера, то преступление считается оконченным с того момента, как взяткополучатель начал пользоваться такой услугой или выгодой имущественного характера, либо с момента получения соответствующих документов на услугу или выгоду (например туристической путевки, билета на концерт и т.д.).

При этом необходимо иметь в виду, что принятие предмета взятки посредником для последующей его передачи должностному лицу ещё не образует оконченного состава преступления, и в случае задержания посредника, не успевшего передать взятку должностному лицу, квалифицируется как покушение на получение взятки.

Хотелось бы также обратить внимание на мотив совершения преступления, мотивом является корысть. В соответствии с ч.4 ст. 290 УК РФ получение взятки считается совершённым при особо отягчающих обстоятельствах, если оно совершено: 1) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; 2) с вымогательством взятки; 3) в крупном размере. Группа лиц по предварительному сговору будет иметь место только в случае, если в преступлении участвовали два или более

должностных лица, которые заранее договорились о совместном совершении преступления с использованием своего служебного положения. При этом не имеет значения, какая сумма получена каждым из должностных лиц. При этом преступление окончено, когда часть взятки получена хотя бы одним должностным лицом. Организованная же группа характеризуется устойчивостью, более высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и руководителя. В связи с этим в организованную группу могут входить лица, не являющиеся должностными, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений, для многократного получения взяток.

Вымогательство взятки — это требование должностного лица дать взятку под угрозой совершения действий, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина (например, под угрозой незаконного привлечения к ответственности) либо поставить его в такие условия, при которых он вынужден дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов (например, незаконное затягивание должностным лицом процесса выдачи разрешительного документа, необоснованная длительная задержка в решении жизненно важных вопросов с намеками на огромную затрату времени для их решения, многочисленные расходы по оформлению разных бумаг и документов и т.д.). Если взяткодатель заинтересован в неправомерном поведении должностного лица, стремится обойти закон, установленную процедуру решения того или иного вопроса, добиться удовлетворения своих незаконных интересов, уйти от заслуженной ответственности. Вымогательство, как квалифицирующий признак получения взятки отсутствует. Вымогательством взятки является не любое требование ее передачи, а только такое, при котором потерпевшему угрожают нарушить его правоохраняемые интересы.

Крупным размером взятки признаётся сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие 150 000 рублей. Если взятка в крупном размере получена частями, но эти действия представляли собой эпизоды одного продолжаемого преступления, содеянное должно квалифицироваться как получение взятки в крупном размере.

Также в своей работе необходимо отметить не менее важное преступление — дачу взятки. Данное преступление выражается в действии — передаче должностному лицу лично или через посредника предмета взятки: 1) за совершение в пользу взяткодателя или представляемых им лиц действий, которые входят в служебные полномочия должностного лица; 2) совершение в пользу взяткодателя или предоставляемых им лиц действий, которые не входят в служебные полномочия должностного лица, но оно в силу своего должностного положения может способствовать их совершению другим должностным лицом; 3) общее покровительство по службе;

4) общее попустительство по службе. Преступление является оконченным в момент получения взятки, которая хотя бы часть её была принята должностным лицом. Согласно Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 10.02.2000 г. № 6 указано, что должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, предложившее своему подчинённому в интересах соответствующей организации дать взятку должностному лицу, несёт ответственность как исполнитель дачи взятки, а работник, выполняющий это поручение, — как её соучастник. Квалифицированный состав преступления предполагает дачу взятки за совершение должностным лицом незаконных действий в значительном размере (свыше 25 тыс. рублей). Дача взятки, является способом склонения должностного лица к выполнению определённых действий, результатом которых будет выгода для лица, дающего взятку, или представляемых им лиц. Квалифицирующими признаками необходимо указать: 1) лицо, давшее взятку, должно достоверно знать, что дает взятку именно за нарушение должностным лицом закона; 2) в случае фактического совершения должностным лицом незаконных действий в интересах взяткодателя или представляемых им лиц, возможна двоякая юридическая оценка содеянного взяткодателя, что зависит от характера противоправности содеянного взяткополучателем. Необходимо

отметить, что взятка может даваться за неправомерные, но не преступные действия (за сокрытие прогулов, явки на работу в состоянии опьянения).

Немаловажным является посредничество во взяточничестве, определённое в ст. 291.1 УК РФ, и совершается при следующих действиях: 1) непосредственной передаче взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу по поручению взяткодателя или взяткополучателя; 2) ином способствовании взяткодателю и взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. Необходимо отметить, что субъект должен сознавать, что передаёт взятку должностному лицу именно за совершение последним незаконных действий.

Указанные в главе 30 УК РФ преступления — это общественно опасные деяния, совершаемые вопреки интересам службы с использованием занимаемого виновным служебного положения и причиняющие либо создающие непосредственную угрозу причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан и организаций, общества и государства. Получение взятки — самое тяжкое из анализируемой группы преступлений. Его опасность состоит в том, что должностное лицо, используя свои служебные полномочия, подрывает престиж работников государственной власти, государственных служащих.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации.
2. Уголовное право. Части Общая и Особенная: курс лекций/ Г.А. Есаков, А.И. Рарог и др.; под редакцией А.И. Рарога. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — 480с.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / под ред. Д-ра юр. Наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юр. Наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юр. Наук, проф. А.И. А.И. Чугаева. — М.: ИНФРА — М: КОНТРАКТ, 2004. — 742с.

О причинах административных правонарушений несовершеннолетних и способах их минимизации

Алимова Эльвира Ансаровна, курсант;
Манжукова Олеся Анатольевна, преподаватель
Колледж полиции (г. Москва)

В статье рассматриваются причины совершения административных правонарушений несовершеннолетними.

Ключевые слова: административное правонарушение, несовершеннолетние.

Воспитание будущего поколения, его духовно-нравственное и идеологическое развитие является одной из важнейших задач государства. Подростковая преступность — это одна из самых существенных социально-правовых проблем российского общества. Несмотря на принимаемые государством усилия по предупреждению

преступного поведения подростков, значительных успехов добиться не удается. Статистика последних лет фиксирует большое количество правонарушений среди несовершеннолетних [6, с. 12].

Вместе с тем, несовершеннолетние — это не только объект воспитания, они являются также самостоятель-

ными и весьма активными субъектами социальной деятельности. Поэтому крайне важно, чтобы уже с детства они научились осознавать себя полноправными гражданами, уяснили свою взаимосвязь с другими членами общества, прониклись чувством ответственности за свои поступки. От этого зависит не только сегодняшнее поведение несовершеннолетних, но и в значительной степени и общее состояние законности государства. Актуальность исследования причин совершения административных правонарушений несовершеннолетними подтверждается еще и тем, что их противоправные деяния создают реальную угрозу национальной безопасности государства.

Противоправное поведение — это поведение (социальное явление), не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям [6, с. 37–38].

Подростковые годы характеризуются интенсивным физическим развитием человека, большими психологическими сдвигами, для них характерен ряд кризисных состояний, глубокие качественные изменения в деятельности личности, в восприятии ею жизненных явлений. Это возраст издавна именуют взрывоопасным, ранимым, трудным, жестокосердным, кризисным, переходным. В этом возрасте физическое и духовное развитие несовершеннолетнего еще не завершено, что отражается на характере совершаемых действий и поступков. Именно в это время происходит социальное развитие: начинают формироваться мировоззрение, нравственные убеждения, принципы и идеалы, система оценочных суждений. Неблагополучное окружение подростка способствует искажению ценностей, формированию низкой самооценки личности, облегчает процесс вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественные действия [4, с. 20–21].

В результате многочисленного проведения реформ в различных сферах государственной деятельности, с учетом существующего несовершенства правовой базы происходит кризис в семейных правоотношениях со всеми отрицательными социальными последствиями, такими, как социальное сиротство, безнадзорность и беспризорность детей. В России ежегодно правонарушения совершают до 40% от всего несовершеннолетнего населения. Существует повторность их совершения, а некоторые не выявляются [4, с. 21].

Система профилактики, конечно, дает свои результаты и зачастую в статистике можно встретить снижение числа правонарушений несовершеннолетних. Однако, эта стабилизация может быть обманчива, поскольку обуславливается тем, что в результате демографического кризиса число несовершеннолетних уменьшилось.

Противоправное поведение подростка, характеризующееся вначале асоциальными действиями, нарушающими нормы морали и нравственности, а затем приводящими к совершению уголовно наказуемых деяний. В связи с этим своевременные мероприятия воспитатель-

ного воздействия, применение мер административного принуждения, могут остановить процесс десоциализации личности и воспрепятствовать перерастанию административных правонарушений в уголовные.

Подобные мнения неоднократно высказывались различными авторами. Так, например, О. Е. Шишкина, считает, что «административное право обладает потенциалом воздействия предупредительного характера, в том числе не требующего особой процессуальной формы, позволяющим предупреждать не только административные правонарушения, но и преступления» [10, с. 34].

Следует отметить, что анализ взаимосвязи административных правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними, позволяет сделать объективный вывод о том, что подобные деяния, несмотря на различную степень их общественной опасности, являются звеньями одной цепи — аномально протекающего процесса социализации личности — десоциализации, причины которого одинаковы. Например, представители организованной преступности вовлекают нравственно не сформировавшихся подростков в противоправную деятельность (совершение правонарушений или преступлений) [6, с. 8].

Исследование литературы по проблеме противоправного поведения несовершеннолетних, позволяет выделить причины и условия совершения правонарушения. К основным факторам можно отнести, социально-экономические, организационно-управленческие, правовые, политические, воспитательные и идеологические причины и условия.

Нельзя не согласиться с Простяковым В. В., который отмечает следующие причины совершения правонарушения несовершеннолетними: [7, с. 24].

— Психические отклонения, т.е. пограничные состояния, не исключающих вменяемости, и, следовательно, ответственности (неврозы, умеренная дебильность, психопатия, алкоголизм, сексуальные расстройства). Много проблем возникает с подростками, имеющими чрезмерную возбудимость, тревожность, демонстративность. Они не тяжелые или стойкие заболевания, а в большинстве случаев приобретены вследствие неблагоприятных условий жизни и воспитания. И эту проблему разрешить практически невозможно.

— Отрицательное влияние семьи. Семью — это фактор, определяющий психофизиологическую полноценность подростка. Неблагополучная семья оказывает разлагающее воздействие и препятствует нормальному развитию. Озлобленность, недоверие к людям, пренебрежение к нормам поведения, равнодушие — далеко не полный перечень внутренних установок подростка, пережившего разрыв (развод) родителей или живущего в условиях пьянства (разврата, конфликтов, безразличия), что приводит к криминалу.

— Дефекты воспитания. Школа, как и дошкольное заведение, начинается для ребенка с учителя (воспитателя) и потому самые современные программы, учебники, технические средства не могут компенсировать черствость,

нетактичность, психологическую неподготовленность педагога. Отсутствует координация между школой и семьей приводит к отрицательному влиянию на ребенка.

— Способы проведения досуга. Объем свободного времени у подростков достаточно велик, однако бесконтрольность его использования порождает часто примитивные формы досуговой деятельности.

— Наличие судимости у родителей или близких родственников — оказывает влияние на формирование личности несовершеннолетних.

— Не эффективность деятельности органов, на которые возложена борьба с противоправным поведением несовершеннолетних [4, с. 24].

Следует отметить, что это далеко не исчерпывающий перечень причин совершения правонарушений несовершеннолетними. Помимо очевидных причин, существуют и условия, которые способствуют их совершению: [8, с. 31].

— у несовершеннолетних правонарушителей нередко доминирует искаженное представление о товариществе, смелости, чести и достоинстве;

— небольшой социальный опыт, уровень, степень социализации;

— законы и правила общества не усвоены в такой степени, чтобы они стали для него осознанной нормой поведения;

— недостаточный уровень развития воли, самоконтроля, самооценки, критичности, отсутствует привычка обдумывать действия и последствия.

Следует отметить, что поведение несовершеннолетних, нарушающее нормы морали, нравственности, обычаи, традиции не является основанием для применения к ним мер административного принуждения. Противоправное поведение как основание для применения мер административного принуждения выражается в противоправном уголовно или административно наказуемом девиантном поведении (действии, бездействии), совершенном несовершеннолетним, достигшим возраста административной ответственности.

Административные правонарушения несовершеннолетних чаще всего являются переходным этапом от асоци-

альных поступков к уголовно наказуемым деяниям, а применения мер административного принуждения может предупредить уголовные преступления. Вместе с тем, что наличие причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений подростком, не означает неизбежности совершения ими преступлений. Указанные причины и условия подлежат регулированию, нейтрализации и устранению. Важное значение приобретает профилактика правонарушений.

Профилактические меры предполагают реализацию социально-экономических, организационно-управленческих, социально-правовых, психолого-педагогических мер по оздоровлению условий воспитания детей и подростков. Они должны быть направлены на повышение эффективности действующего законодательства, ужесточения ответственности родителей, а также лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетних, но не исполняющих свои обязанности. Деликтность несовершеннолетних свидетельствует о том, что существуют проблемы в нормативно-правовом регулировании, в профилактической деятельности, в работе государственных органов. Необходимо совершенствовать законодательство, повышать эффективность деятельности органов и учреждений системы профилактики правонарушений несовершеннолетних [9, с. 27–28].

Успех может быть обеспечен только при комплексной организации всего дела воспитания. Трудовое воспитание молодежи, ее идейно — нравственная и гражданская закалка приобретают первостепенное значение. Это актуальный государственный вопрос, и успешно решить его можно путем объединения усилий учебных заведений, трудовых коллективов и семьи при активном участии правоохранительных органов. Молодежь должна быть подготовлена к жизни, ознакомлена с правовыми вопросами, способна принимать участие в обеспечении законности. Только при этих условиях будет обеспечено выполнение функций активного, деятельного приобщения подрастающего поколения к построению правового государства. Именно такой комплексный подход позволит минимизировать количество правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

Литература:

1. Конституция России (с уч. изм. от 7 февраля 2014 г.) // Российская газета № 6299 от 7 февраля 2014.
2. Федеральный закон от 24 июня 1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета № 6543 от 31 августа 2004.
3. Постановление Правительства РФ от 5 апреля 1997 № 397 «О дополнительных мерах по укреплению общественного порядка и профилактике правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета № 71 от 10 апреля 1997.
4. Будякова, Т. П. Несовершеннолетний преступник как особая жертва // Вопросы ювенальной юстиции № 4. 2011. с. 6.
5. Коптяев, А. Проблемы правосознания молодежи в современной России // Социально-экономическое состояние России: пути выхода из кризиса. — СПб.: Институт бизнеса и права. 2009.
6. Минор, В. А. Исследование проблем в области детерминации и превенции административной деликтности несовершеннолетних // Административное право и процесс. № 8. 2011. с. 8.

7. Простяков, В. В. Психолого-педагогические причины и условия, влияющие на формирование девиантного поведения несовершеннолетних // Юридическая психология. № 1. 2011. с. 24.
8. Ростовская, Т. К., Ростовская И. В. О развитии системы защиты прав несовершеннолетних и молодежи // Вопросы ювенальной юстиции. № 3. 2010.
9. Черёмухина, Ю. А. Основы организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их право // Современное право № 3. 2005.
10. Шишкина, О. Е. Административное принуждение в системе государственного принуждения: актуальные теоретические и практические проблемы // Правоведение. № 4. 2008. с. 102.

Об основных мероприятиях, направленных на повышение безопасности дорожного движения

Григорьева Мария Романовна, курсант;
Манжукова Олеся Анатольевна, преподаватель
Колледж полиции (г. Москва)

В данной статье рассматриваются мероприятия, которые повышают уровень безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, аварийность, мероприятия, ДТП.

Безопасность дорожного движения это, безусловно, одна из важнейших социально-экономических и демографических задач России на современном этапе. Поскольку они наносят огромный материальный и моральный ущерб не только отдельным людям, но и обществу в целом. Дорожно-транспортный травматизм приводит к исключению из сферы производства трудоспособного населения. Люди, в т.ч. дети, гибнут или становятся инвалидами.

В новых условиях задача обеспечения безопасности дорожного движения в России, непосредственно связанная с результатами социально-экономических преобразований, построением правового демократического государства, развитием гражданского общества и не может быть решена без совместных усилий государства и общества, без общественной поддержки и участия широких слоев населения в реализации государственных программ и проектов.

Впервые в России был отмечен самый большой рост количества ДТП, числа погибших и раненых в них людей в 2002 году. Численность погибших составила 315,1 тыс. человек, что эквивалентно населению среднего областного центра [9, с. 10–11].

Причины высокой аварийности, не только в недостаточной эффективности функционирования системы обеспечения безопасного дорожного движения, но и в низкой дисциплине участников дорожного движения. Это особая проблема, в решении которой нуждаются и общество, и государство.

На современном этапе развития государства провозглашено, что права человека — высшая ценность [1]. При этом не просто права, а его жизнь и здоровье, что немало важно для лиц, участвующих в дорожном движении. Кроме того, должны быть соблюдены интересы общества

и государства при обеспечении безопасности дорожного движения, а также сохранено имущество участников дорожного движения. Именно поэтому разрабатываются и проводятся мероприятия по повышению безопасности на дорогах.

Основным документом, обеспечивающим законодательную базу для проведения мероприятий по усилению безопасности дорожного движения, является Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах». Целью его реализации является сокращение смертности от дорожно-транспортных происшествий к 2020 году на 25%. Следует отметить, что количество совершенных ДТП за 2012 год при расчете на 100 тыс. человек в крупных мегаполисах составляет: в Москве (9284), в С. — Петербурге (6886), в Екатеринбурге (2283), Казане (1683), в Новосибирске (1618), в Н. Новгороде (1442), в Перми (1300) и т.д. [8, с. 47–52].

Основными задачами реализации программы являются:

- создание системы пропаганды с целью формирования негативного отношения к правонарушениям в сфере дорожного движения;
- формирование у детей навыков безопасного поведения на дорогах;
- повышение культуры вождения;
- увеличение камер фото и видео фиксации нарушений;
- улучшение дорожного освещения и внедрение интеллектуальных систем управления движением;
- улучшение конструктивной безопасности производимых в России автомобилей;

- закупка школьных автобусов (с целью борьбы с детской смертностью);
- развитие современной системы оказания помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях;
- повышение требований к подготовке водителей и требований к автошколам, осуществляющим подготовку [5].

Выполнить представленные задачи, достигнув результата или хотя бы снизить тяжесть последствий ДТП, возможно, при условии неукоснительного соблюдения норм и правил, предусмотренных для участников дорожного движения. Кроме того, авторы программы рассчитывают добиться ужесточения требований к конструктивной безопасности выпускаемых в России автомобилей.

В настоящее время наиболее эффективным способом предотвращения ДТП, кроме повышения размеров штрафов, является присутствие световозвращающих элементов на одежде у пешеходов, которые могут быть и самостоятельными изделиями: браслеты, значки, наклейки, которые крепятся на одежде.

Кроме того, эффективны целевые профилактические мероприятия, например, во время зимних каникул с 22 декабря 2014 года по 18 января 2015 года на территории Московской области проводилось такое мероприятие, как «Зимние каникулы» [11].

В целом, основная причина ДТП — это несоблюдение правил дорожного движения водителями и пешеходами. Поэтому, следует активнее использовать сознательных водителей, которые готовы не только информировать инспекцию о нарушениях ПДД, свидетелями которых они стали, но и предоставлять записи с камер видеорегистраторов. Научный директор НИИ транспорта и дорожного хозяйства Михаил Блинкин предложил разделять «небрежное вождение, которое во всем мире наказывается предупреждением, и опасное вождение, когда человек едет в городе 200 км/ч». Последнее нарушение эксперт предложил приравнять «к уголовному преступлению» [11].

Также, считаем целесообразным к мероприятиям, повышающим уровень безопасности дорожного движения отнести:

- повышение профессионализма водителей (соблюдение режима их труда и отдыха);
- совершенствование процесса их подготовки;
- обучать детей безопасному участию в дорожном движении. С привлечением к участию в воспитании не только педагогов, но и юристов, и психологов;
- повышение эффективности обучения водителей транспортных средств;
- повышение безопасности дорожного движения на пешеходных переходах;
- повышение внимательности водителей при движении вблизи детских учреждений, площадок, соблюдение правила дорожного движения;
- пристегивать ремнями безопасности всех пассажиров, а особенно детей в их детских удерживающих устройствах;

- проявление заботы и внимательности взрослых к детям, находящимся возле проезжей части: остановить ребёнка, нарушающего Правила дорожного движения;
- использование специальных светоотражателей с наступлением сумерек, что поможет водителям своевременно заметить пешехода на дороге и избежать трагедии;
- повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности.

На современном этапе правовая пропаганда среди подрастающего поколения имеет все большее распространение. Вместе с тем, без постоянного просвещения детей невозможно проводить профилактику дорожно-транспортных происшествий и обеспечить безопасность дорожного движения. Поэтому в образовательных учреждениях следует проводить больше общешкольных, классных родительских собраний и педагогических советов с освещением вопросов профилактики ДТП. Важно понимать, что занимаясь «односторонним» обучением (только в школе) невозможно достичь соответствующего результата. Родители, прежде всего, должны учить детей безопасному поведению, а еще эффективнее будет положительный собственный пример, как себя вести на дороге и на какой сигнал светофора переходить дорогу.

Минимизирует количество несчастных случаев регулярное повторение родителями со своими детьми Правил дорожного движения, рассказы об опасностях, которые подстерегают на дороге, запрет на прогулки и игры вблизи проезжей части.

Для наиболее эффективного увеличения безопасности дорожного движения, необходимо постепенно убирать нерегулируемые пешеходные переходы на дорогах с двумя и более полосами движения в каждую сторону, увеличить штрафы для пешеходов за переход дороги на красный свет. Особенно потенциально «удобные» для нарушения ПДД участки дороги следует оснащать техническими средствами фиксации [6, с. 101–103].

Если проанализировать существующую практику, то наиболее действенным средством предупреждения дорожно-транспортных происшествий на дорогах, по нашему мнению, является своевременное и адекватное реагирование уполномоченных должностных лиц на нарушения Правил дорожного движения, влекущие административную ответственность.

Благодаря всем мероприятиям, проводимым в данной сфере, количество ДТП в целом по всей России сократилось с 185764 (2013 год) до 181540 (2014 год), то есть на 3%. А в Москве с 10370 до 10332 (1,5%) [11]. К сожалению, эти цифры заставляют задуматься о том, что каждый год на дорогах России погибает столько людей, сколько даже нет в некоторых маленьких городах.

Таким образом, профилактические мероприятия улучшения безопасности дорожного движения призваны уменьшать не только состояние аварийности и травматизм на дорогах, но и улучшение в целом жизни граждан и повышении культуры участников дорожного движения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с уч. изм. от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ и 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета № 6435 от 23 июля 2014 г.
2. Федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Справочная система «Гарант».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета № 256 от 31 декабря 2001 г.; СЗ РФ 2011. № 13, Ст. 1540.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета № 4912 от 19 мая 2009.
5. Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» // справочная система ГАРАНТ (дата обращения 09 января 2015), http://www.fcp-pbdd.ru/press_center/news/overall/25084/
6. Белых, Е. И. О состоянии безопасности дорожного движения в РФ // Право, общество, власть и современность. 2013. № 3. с. 101–103.
7. Изосимов, С. В., Кузнецов А. П., Маршакова Н. Н. Актуальные проблемы обеспечения безопасности дорожного движения на современном этапе // Транспортное право. 2011. № 12. с. 20–29.
8. Кириянов, В. Наша задача число ДТП свести к минимуму // Отечественные и зарубежные автомобили. 2013. № 7. с. 47–52.
9. Майоров, В. И. Системный подход к обеспечению безопасности участников дорожного движения // Транспортное право. 2008. № 2. с. 10–11.
10. Сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации // URL: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 13 января 2015 г.)
11. Сайт ГИБДД www.gibdd.ru (дата обращения: 10 января 2015)

Понятие, сущность и формы государственного регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности в России

Микаилов Самир Мурсалович, кандидат юридических наук, доцент

Северный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации» (г. Петрозаводск)

Автор рассматривает понятие, сущность и формы государственного регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности в России и, на основе анализа нормативно-правовых источников и специальной литературы, обосновывает, что под государственным регулированием сферы обеспечения имущественной безопасности понимается деятельность органов законодательной и исполнительной власти по установлению общих правил поведения участников системы обеспечения имущественной безопасности путем принятия и реализации различных мер организационного, правового, административного, инженерно-технического и другого характера с целью придать процессам в данной сфере организованный характер, упорядочить действия субъектов, обеспечить соблюдение законодательства, отстаивать государственные, общественные и имущественные интересы. При этом, в современном арсенале государственного регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности автор предлагает выделять правовую, административную, экономическую и технические формы государственного регулирования.

Ключевые слова: вневедомственная охрана, полиция, имущественная безопасность, государственное регулирование.

Актуальность рассматриваемой темы состоит в том, что вопросы обеспечения безопасности в целом, личной и имущественной безопасности общества и индивидов в частности, являются жизненно важными для общества. Роль государства и его институтов в регулировании сферы обеспечения имущественной безопасности членов общества обозначена Концепцией

долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, которая одним из критериев эффективности государственной власти предусматривает решение проблемы действенной защиты собственности. [7]

Цель настоящей статьи заключается в определении понятия, сущности, содержания и форм государственного

регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности в России.

В различных отраслях науки под регулированием понимается целенаправленное воздействие на объект управления с целью достижения состояния устойчивости этого объекта в случае возникновения отклонения от заданных параметров путём введения различных регуляторов (норм, правил, целей, связей и т.п.). [12; 32 и другие] Аналогичные по сути определения в науке даются государственному регулированию, под которым понимается реализация комплекса мер и действий, применяемых государством для коррекций и установления основных процессов в различных сферах жизни общества. [14; 21; 36 и другие] В современном арсенале государственного регулирования принято выделять правовую, административную, экономическую и техническую формы государственного регулирования. [14; 16; 21 и другие] Осуществляются они на основе норм различных отраслей права через систему устанавливаемых норм и правил и предполагают осознание субъектами права и общественных отношений своих прав и обязанностей, в которых содержится воля государства в виде требований и дозволений в конкретной сфере жизнедеятельности.

Таким образом, можно заметить, что сущность государственного регулирования заключается в реализации комплекса мер для устранения недостатков, которые присущи регулируемой сфере деятельности и упорядочения проходящих в ней процессов.

Представляется, что государственному регулированию подвержены всё без исключения сферы жизнедеятельности общества, в том числе сфера безопасности в целом, и имущественной безопасности организаций и индивидов, в частности.

По мнению различных исследователей, безопасность представляет собой «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз», [23; 35; 47 и другие] а национальная безопасность, как «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации», [26] представляет собой защищённость национального бытия через реализацию интересов, ценностей и целей [41] и определяется «как функциональная деятельность, обеспечивающая не только жизнедеятельность общества и государства, но и их дальнейшее развитие». [45; 47 и другие]

При этом, под жизненно важными интересами понимается «совокупность потребностей, удовлетворение которых надёжно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства», [2] а «национальный интерес» трактуется как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и всего государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах жизнедеятельности общества», [5; 11;

18] «совокупность сбалансированных ориентиров и стимулов личности, фундаментальных потребностей, ценностей и устремлений общества и государства, служащих их благу и безопасности». [33]

Представляет интерес для нашего исследования выводы ряда исследователей, которые обосновывали, что «национальные интересы в основе своей объективны и отражают стремления граждан государства к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества, его институтов, повышению уровня жизни населения». [34; 46 и другие]

Иными словами — повышение уровня жизни населения, как экономическая категория и как потребность, является частью национальных интересов, включающей в себя категорию «имущественный интерес», который в свою очередь представляет собой «интерес, связанный с правом собственности и иными вещными правами и направленный на сохранение имущества». [24; 25; 29; 42 и другие] Причём ряд учёных-юристов, считая феномен «имущественный интерес» важной общественной потребностью, включают её и в содержание понятия «общественная безопасность». Например, Л.И. Беляева в понятие общественная безопасность включает государственную, экономическую безопасность и состояние защищённости имущественных интересов (иными словами имущественную безопасность), определяя общественную безопасность как «состояние защищённости жизни и здоровья граждан, имущественных интересов физических и юридических лиц, общественного спокойствия, нормальной деятельности общественных и государственных институтов». [43]

Представляется, что одним из компонентов системы обеспечения национальной безопасности, призванной обеспечивать защищённость национальных интересов, является система обеспечения имущественной безопасности. Имущественная безопасность является составной частью экономической и общественной безопасности, и тесно взаимодействуя с другими видами безопасности, является компонентом национальной безопасности. Данное утверждение обосновывается прежде всего тем, что Российская Федерация, провозгласив себя социальным государством, взяло на себя обязательство соблюдать и защищать права и свободы человека, [1, ст. 2] провозглашает имущественную безопасность своих граждан (право иметь имущество в собственности и неприкосновенность собственности [1, ст. 35]) и «при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу, исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственности». [5]

Таким образом, имущественная безопасность представляет собой сложное по структуре явление, включа-

ющее как систему условий и факторов защиты имущественных интересов, так и процесс использования данных ресурсов и возможностей общества для сохранения, поддержания и развития этих условий и факторов. Сущность имущественной безопасности, как социального явления, составляют состояние и качество реально сложившихся социальных отношений в обществе, которые обеспечивают необходимый уровень безопасности имущества и позволяют государству прогнозировать, предупреждать, выявлять и устранять угрозы имущественным интересам.

По мнению различных исследователей, сфера обеспечения безопасности занимает среди субъектов государственного регулирования своё значимое место, которое, как мы заметили, в определённой степени детерминируется социальной функцией государства. [13; 29; 37; 39 и другие]

Следовательно, обеспечение имущественной безопасности также является социальной функцией государства [28; 29; 31; 45 и другие] и, соответственно, подпадает под сферу государственного регулирования.

Как мы заметили, также как и в других отраслях науки, в теории управления под государственным регулированием, как одной из функций государственного управления, понимается деятельность органов законодательной и исполнительной власти по установлению общих правил поведения участников общественных отношений. [14; 16; 20; 27; 40 и другие]

Таким образом, можно предположить, что под государственным регулированием сферы имущественной безопасности понимается деятельность органов законодательной и исполнительной власти по установлению общих правил поведения участников системы обеспечения имущественной безопасности путем принятия и реализации различных мер организационного, правового, инженерно-технического и другого характера с целью придать процессам в данной сфере организованный характер, упорядочить действия субъектов, обеспечить соблюдение законодательства, отстаивать государственные, общественные и имущественные интересы.

Исходя из ранее обозначенного постулата о том, что в современном арсенале государственного регулирования принято выделять правовую, административную, экономическую и технические формы государственного регулирования, [14; 16; 21 и другие] можно сделать вывод, что эти же формы государственного регулирования присущи и к сфере обеспечения имущественной безопасности. Рассмотрим их подробнее каждую из данных форм.

Априори понятно, что, осуществляя государственное регулирование в указанной сфере, государство формирует соответствующую законодательную базу. В этом и заключается суть правового регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности, которую можно определить как юридическое закрепление норм права и правовых средств их защиты в области обеспечения имущественной безопасности.

Правовую основу системы обеспечения имущественной безопасности составляют такие нормативно-правовые акты как: Уголовный Кодекс Российской Федерации (гл. 21), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (гл. 7), Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», Федеральные законы Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране», от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», Постановления Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной и охранной деятельности», от 12 июля 2000 г. № 514 «Об организации ведомственной охраны», от 16 апреля 2011 г. № 274 «Об утверждении Правил инспектирования полицией подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны», от 01 февраля 2011 г. № 42 «Об утверждении правил охраны аэропортов и объектов их инфраструктуры», Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 2324-р «Об изменении перечня объектов, подлежащих обязательной охране полицией» и другие.

Анализ данных правовых источников позволяет установить, что система обеспечения имущественной безопасности представляет собой совокупность объединённых единой целью предотвращения угроз имущественной безопасности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан, реализующих свои права и обязанности во взаимосвязи и по согласованию во времени и пространстве.

Принято выделять две группы субъектов, участвующих в обеспечении имущественной безопасности юридических и физических лиц: неспециализированные субъекты обеспечения имущественной безопасности и специализированные субъекты обеспечения имущественной безопасности. [29]

К группе неспециализированных субъектов могут быть отнесены субъекты системы, основной целью которых не является обеспечение имущественной безопасности, но участвующие в деятельности по её обеспечению (это органы законодательной и исполнительной власти разного уровня, призванные обеспечивать имущественную безопасность путём формирования законодательной основы функционирования системы имущественной безопасности), а также общественные организации и лица, участвующие в обеспечении имущественной безопасности.

К группе специализированных субъектов обеспечения имущественной безопасности представляется правомерным отнести субъекты системы, непосредственно осуществляющие деятельность по обеспечению имущественной безопасности в отношении объекта в соответствии с законодательством Российской Федерации:

1) государственные организации, решающие задачи по обеспечению имущественной безопасности:

— ведомственная охрана (подразделения ведомственной охраны или подразделения юридических лиц с особыми уставными задачами, осуществляющие охранную деятельность на основании Закона Российской Федерации от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране», создаваемые в соответствии с перечнем, утверждённым Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 июля 2000 г. № 514 «Об организации ведомственной охраны»);

— вневедомственная охрана полиции

К данной группе следует отнести подразделения по охране объектов органов государственной власти Федеральной службы охраны России (осуществляют свою деятельность в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27 мая 1996 № 57-ФЗ «О государственной охране») и части внутренних войск МВД России по охране важных государственных объектов (осуществляют свою деятельность в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 6 декабря 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках МВД Российской Федерации»), а также филиалы ФГУП «Охрана» МВД России (созданы и осуществляют свою деятельность на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 11.02.2005 г. № 66 «Вопросы реформирования вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации», а также утверждённого Устава предприятия)

2) негосударственные (частные) охранные организации — это частные охранные организации, осуществляющие деятельность по обеспечению имущественной безопасности на возмездной основе в соответствии с Законом Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»

Важно отметить, что, так как система обеспечения имущественной безопасности является сложной, многоуровневой системой взаимосвязанных и взаимообеспечивающих элементов, её обеспечение дело не только государства, но и всего общества в целом, включая каждого её члена в отдельности.

Таким образом, очевидно, что содержание правового регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности включает как специфическую деятельность самого государства (в лице его нормотворческих органов) по выработке правовых основ обеспечения имущественной безопасности и юридических средств их защиты, так и деятельность непосредственно самих участников общественных отношений в данной сфере, направленных на поиск и привлечение средств юридического регулирования для согласования своего поведения с требованиями норм права.

Исходя из известных определений понятия административное регулирование, как управления объектом в процессе движения его к определённой цели, а также

организации его работы по достижению цели, [14; 15; 16; 22 и другие] можно сделать вывод, что административное регулирование сферы обеспечения имущественной безопасности охватывает регулирующие действия, связанные с обеспечением правовой инфраструктуры деятельности субъектов обеспечения имущественной безопасности и имеет целью создание правовых условий, наиболее благоприятных для участников процесса обеспечения имущественной безопасности. При этом содержание административного регулирования состоит в прямом управлении государством и его уполномоченными органами процессом обеспечения имущественной безопасности, направленных на сбалансирование интересов участников данного процесса посредством осуществления контроля и надзора по соблюдению стандартов и требований к порядку оказания и качеству охранных услуг, применения средств юридического воздействия к ним, а также выдачи лицензий на охранную деятельность.

Характеризуя административное регулирование сферы обеспечения имущественной безопасности следует отметить особую роль в данном процессе специально уполномоченных государственных органов. Имеются в виду, во-первых, подразделения лицензионно-разрешительной работы полиции, а во-вторых, вневедомственную охрану полиции. Подразделения лицензионно-разрешительной работы полиции осуществляют деятельность по лицензированию и контролю за оборотом гражданского и служебного оружия, патронов к нему, частной детективной и охранный деятельностью.

С целью административного регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности, приказами МВД России от 29 сентября 2011 г. № 1039 «Об утверждении административных регламентов Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственных услуг по выдаче лицензии на частную детективную (сыскную) деятельность, лицензии на частную охранную деятельность и удостоверения частного охранника» и от 18 июня 2012 г. № 589 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по контролю за частной детективной (сыскной) и охранной деятельностью в Российской Федерации» установлены соответственно порядок совершения административных процедур в данной сфере и процедура осуществления контроля над деятельностью частных охранных структур по обеспечению ими имущественной безопасности индивидов и организаций. Подразделения вневедомственной охраны полиции, сами являясь субъектом системы обеспечения имущественной безопасности, принимают непосредственное участие в процессе административного регулирования деятельности других субъектов данной системы. Например, приказами МВД России, утверждающими Уставы подразделений вневедомственной охраны полиции по соответствующему субъекту Российской Федерации, [например, 9] вневедомственная охрана полиции принимает участие в ин-

спектировании подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами, в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности различных объектов, в реализации государственных программ, разработке и осуществлении региональных мер по упорядочению и совершенствованию охраны важных объектов, а также выдаёт рекомендации по инженерно-технической укреплённости и оснащённости техническими средствами охраны и безопасности различных объектов.

Экономическое регулирование сферы обеспечения имущественной безопасности представляет собой регулирование экономических процессов в данной сфере и использует многообразие форм финансирования, деятельности государственных субъектов системы её обеспечения, оплаты услуг по обеспечению имущественной безопасности объектов государственных форм собственности, оснащения их техническими средствами охраны и безопасности и других различных мероприятий по её обеспечению имущественной безопасности населения. К вопросам экономического регулирования относятся также вопросы тарифообразования услуг вневедомственной охраны полиции. Например, Федеральным законом Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», [4, ст. 47.4] постановлением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2011 г. № 752 «О порядке определения тарифов на оказываемые полицией услуги по охране имущества и объектов граждан и организаций, а также иные услуги, связанные с обеспечением охраны имущества на договорной основе» [6] и приказом МВД России от 30 декабря 2011 г. № 1345 «Об утверждении Методики установления тарифов на оказываемые полицией услуги по охране имущества и объектов граждан и организаций, а также иные услуги, связанные с обеспечением охраны имущества на договорной основе» регулируются вопросы определения тарифов на охранные услуги вневедомственной охраны полиции.

Законодательством России и рядом авторов техническое регулирование трактуется как «регулирование всех отношений по вопросам установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции, процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также в области установления и применения на добровольной основе требований к продукции, процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг и правовое регулирование отношений в области оценки соответствия». [3; 17; 19 и другие]

В таком случае техническое регулирование сферы обеспечения имущественной безопасности можно определить как регулирование всех отношений по вопросам установления, применения и исполнения обязательных

требований к процессам проектирования, производства, монтажа, наладки и эксплуатации технических средств и систем охраны и безопасности.

С целью технического регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности государство устанавливает различные регламенты и стандарты в области проектирования, производства, внедрения и эксплуатации технических средств и систем охраны и безопасности. Их достаточно много, для примера приведём только некоторые из них: ГОСТ Р 52435—2005 «Технические средства охранной сигнализации. Классификация. Общие технические требования и методы испытаний», ГОСТ Р 52551—2006 «Системы охраны и безопасности. Термины и определения», ГОСТ Р 53704—2009 «Системы безопасности комплексные и интегрированные. Общие технические требования», ГОСТ Р 52582—2006 «Замки для защитных конструкций. Требования и методы испытаний на устойчивость к криминальному открыванию и взлому», ГОСТ Р 51072—2005 «Двери защитные. Общие технические требования и методы испытаний на устойчивость к взлому, пулестойкость и огнестойкость», **РД 78.36.004—2005** «Рекомендации о техническом надзоре за выполнением проектных, монтажных и пусконаладочных работ по оборудованию объектов техническими средствами охраны», **РД 78.36.006—2005** «Рекомендации по выбору и применению технических средств охранно-пожарной сигнализации и средств инженерно-технической укреплённости для оборудования объектов», **Р 78.36.005—2011** «Рекомендации Выбор и применение контроля и управления доступом» и другие. Кроме того, рядом нормативно-правовых актов МВД России [8; 9; 10] определено, что на всей территории Российской Федерации единую техническую политику в области охраны имущества и объектов организует Главное управление вневедомственной охраны МВД России, а проведение её возлагается на подразделения вневедомственной охраны территориальных органов МВД Российской Федерации на региональном уровне. Иными словами, можно сказать, что вневедомственная охрана полиции является генератором в процессе технического регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности. В тоже время необходимо отметить, что указанными нормативно-правовыми актами не определено понятие и порядок проведения такой единой технической политики в масштабах страны, а также не определены полномочия и компетенция вневедомственной охраны полиции в вопросах проведения данной политики. [30]

Таким образом, анализ нормативно-правовых источников, а также юридической и специальной литературы позволяет установить, что сфера обеспечения имущественной безопасности юридических и физических лиц представляет собой синтез рыночного механизма и элементов государственного регулирования. Формы и объём деятельности государства в сфере обеспечения имущественной безопасности обусловлены её социальной и правоохранительной функциями. Учитывая социальную

значимость функции государства в сфере обеспечения имущественной безопасности и её важность для обеспечения национальной безопасности, можно утверждать, что данная сфера является объектом государственного регулирования.

При этом под государственным регулированием сферы обеспечения имущественной безопасности понимается деятельность органов законодательной и исполнительной власти по установлению общих правил поведения участников системы обеспечения имущественной безопасности путем принятия и реализации различных мер организаци-

онного, правового, административного, инженерно-технического и другого характера с целью придать процессам в данной сфере организованный характер, упорядочить действия субъектов, обеспечить соблюдение законодательства, отстаивать государственные, общественные и имущественные интересы.

В современном арсенале государственного регулирования сферы обеспечения имущественной безопасности можно выделить правовую, административную, экономическую и технические формы государственного регулирования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 1993. № 237, 25 дек.
2. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. N 2446-1 «О безопасности» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 7
3. Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СЗ РФ, 2002 г. N 52 (часть I) ст. 5140
4. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ, № 7, ст. 900
5. Указ Президента России № 537 от 12.05.2009 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ, 2009, ст. 2444.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2011 г. № 752 «О порядке определения тарифов на оказываемые полицией услуги по охране имущества и объектов граждан и организаций, а также иные услуги, связанные с обеспечением охраны имущества на договорной основе» // СЗ РФ, 2011, № 37 ст. 5264
7. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // СЗ РФ, 2008, № 47, ст. 5489
8. Приказ МВД России от 16 июня 2011 г. № 677 «Об утверждении Положения о Главном управлении вневедомственной охраны МВД Российской Федерации»
9. Приказ МВД России от 5 мая 2012 года № 418 «Об утверждении Устава Федерального государственного казённого учреждения «Управление вневедомственной охраны МВД по Республике Карелия»
10. Приказ МВД России от 16 июля 2012 года № 689 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений вневедомственной охраны территориальных органов МВД Российской Федерации по обеспечению охраны объектов, квартир и мест хранения имущества граждан с помощью технических средств охраны»
11. Абалкин, Л. И. О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 1994, № 2. с. 7.
12. Андрианов, В. Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории меркантилизма до теории саморегуляции. Монография. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. — 326 с.
13. Антошин, В. А. Сфера безопасности российского общества как объект государственного регулирования в начале XXI столетия // Научный вестник Уральской академии гос. службы. — Екатеринбург: ФГОУ ВПО Урал. акад. гос. службы, 2010, № 2 (11). — с. 7–15
14. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления. Курс лекций. — М.: Омега-Л, Серия: Университетский учебник, 2009. — 580 с.
15. Бахрах, Д. Н. Административная власть как вид государственной власти // Государство и право, 2002. № 3. с. 15.
16. Бахрах, Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. 3-е изд. Учебник. 2008. 816с.
17. Белобрагин, В. Я. Основы технического регулирования: Учеб. пос. — М.: РИА «Стандарты и качество», 2005.
18. Белояр, А. и др. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. — М., 2007.
19. Бисерова, В. А., Демидова Н. В., Якорева А. С. Метрология, стандартизация и сертификация. Конспект лекций // — М.: Издательство «Itteachvideo». 2007. — 160с.
20. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь. — М.: Книжный мир, 2003. — 895 с
21. Булатов, А. С. Экономика: Учебник / Под. ред. А. С. Булатова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2005
22. Виханский, О. С. Наумов А. И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс.: 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономистъ, 2006. С.670.
23. Возжеников, А. В. Национальная безопасность России, — М.: 2002. — С 82
24. Глоссарий страховых терминов, используемых при проведении страховых операций, связанных с жилищным ипотечным кредитованием (жилищным финансированием) / М.: МФК, 2007.

25. Елисеев, В. С. Имущественный интерес как первооснова гражданско-правовых обязательств. — М., Юрист, 2009.
26. Картунов, С. В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: Дис. ... докт. полит. наук. — М., 2002. — 496 с.
27. Макарейко, Н. В. Административное право. Конспект лекций. 2009. 189с.
28. Маликова, О. И. Административно-правовое регулирование охраны имущества в России: Дисс. канд. юрид. наук. — М., Академия управления МВД России, 2009. — 206с.
29. Микаилов, С. М. Организационно-правовые основы деятельности вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации по обеспечению имущественной безопасности юридических и физических лиц. Дисс. канд. юрид. наук. — М., Академия управления МВД России, 2011. — 322 с.
30. Микаилов, С. М. О единой технической политике в сфере обеспечения безопасности объектов в деятельности вневедомственной охраны полиции [Текст] / С. М. Микаилов // Закон и право. 2013. № 3
31. Микаилов, С. М. Охранные услуги и деятельность вневедомственной охраны полиции: предпринимательская деятельность, государственные услуги или государственная функция? [Текст] / С. М. Микаилов // Экономика, социология и право: журнал научных исследований. — № 12 (декабрь), 2013, стр. 139–145
32. Осипов, Г. В. Социологический энциклопедический словарь. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2000. — 488 с.
33. Пограничный словарь. — М.: Академия Федеральной ПС РФ. 2002.
34. Поздняков, Э. Россия и национально-государственная идея. Военная мысль, 1992, № 4–5.
35. Прохожев, А. А. Общая теория национальной безопасности / - М.: 2002. — 344 с.
36. Райзберг, Б. А. Государственное управление экономическими и социальными процессами. М.: Инфра-М, 2010. — 384 с.
37. Соколова, С. Н. Философия государственного регулирования безопасности в российском обществе. // Дисс... докт. филос. наук. — Москва, 2011. — 368 с.
38. Стахов, А. И. О юридической природе личной, общественной и государственной безопасности // Юриспруденция, № 5. — М., 2004. с. 127–133
39. Степашин, С. В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности РФ. Автореферат дис... докт. юрид. наук. — СПб., 1994.
40. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс: Полный курс — Тихомиров Ю. А., Москва, 2001
41. Труханов, В. А. Система национальной безопасности: влияние социального фактора: Автореф. дис... докт... полит. наук. — М., 2003. — 38 с.
42. Турбина, К. Е. Современное понимание имущественных интересов как объекта страхования // «Финансы»: журнал. — 2000. — № 11
43. Уголовная политика и её реализация органами внутренних дел. Учебник / под ред. Л. И. Беляевой, — М.: Академия управления МВД России, 2003.
44. Хатуаев, В. У. Административно-правовая система обеспечения имущественной безопасности. Дисс. докт. юрид. наук. — М., 2005. — 380с.
45. Хрипков, М. П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия: Дис... докт... социол. наук. — М., 2004. — 406 с.
46. Цухокин, А. «Национальный интерес» и национальное достоинство. Международная жизнь, 1994, 4.
47. Шаваев, А. Х. Национальная безопасность и национальные интересы // Власть. — 3–2004. — с. 44

Новеллы законодательства 2014 года паспортно-регистрационного режима в Российской Федерации

Хакимов Руслан Ильдарович, аспирант

Санкт-Петербургский государственный аэрокосмический университет

Говоря о последних нововведениях российского законодательства в области паспортно-регистрационного режима, прежде всего, стоит обратить внимание на изменения в Постановлении Правительства РФ от 17.07.1995 N 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия

граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного

учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации». Рассмотрим наиболее значимые из них.

Так, еще с 2010 года, граждане вправе уведомлять органы регистрационного учета о месте и сроке своего пребывания либо по почте, либо в электронной форме с применением информационных телекоммуникационных сетей общего доступа, в т.ч. сети Интернет, посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг».

В текущем году был установлен срок, в течении которого, соответствующие органы обязаны зарегистрировать гражданина — 8 рабочих дней с даты подачи заявления и других требующихся документов в электронной форме. [2]

Регистрация граждан по месту пребывания в санатории, гостинице, доме отдыха, кемпинге, пансионате, медицинской организации, на туристской базе либо в другом подобном учреждении, а также в учреждении уголовно-исполнительной системы, исполняющем наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, производится с момента его прибытия администрацией такого учреждения на основании удостоверяющих личность документов.

Вышеуказанные администрации в течение суток на безвозмездной основе представляют информацию о регистрации гражданина по месту пребывания в территориальные органы ФМС непосредственно либо направляют с применением информационно-телекоммуникационных сетей, инфраструктуры, используемых для оказания муниципальных и государственных услуг в электронной форме.

Регистрацию по месту пребывания осуществляют без снятия граждан с регистрационного учета по месту жительства, исключение составляют случаи, регистрации лиц по месту пребывания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. [3]

Гражданин считается снятым с регистрационного учета по месту пребывания в жилом помещении, не являющемся местом его жительства, по истечении срока, указанного в его заявлении о регистрации по месту пребывания. Снятие с регистрационного учета по месту пребывания в санаториях, гостиницах, домах отдыха, кемпингах, пансионатах, медицинских организациях, на туристических базах или в других подобных учреждениях, а также в учреждении уголовно-исполнительной системы, исполняющем наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, производится по выбытии гражданина администрацией такого учреждения.

Вышеуказанные администрации в течение суток на безвозмездной основе представляют информацию о снятии гражданина с регистрационного учета по месту пребывания в территориальные подразделения Федеральной миграционной службы непосредственно либо направляют с применением информационно-телекоммуникационных

сетей, инфраструктуры, используемых для оказания муниципальных и государственных услуг в электронной форме.

Снятие граждан с регистрационного учета по месту пребывания производят органы регистрационного учета в случае обнаружения фактов фиктивной регистрации по месту пребывания в жилом помещении, которое не является местом его жительства, — на основании решения регистрационного органа в установленном ФМС порядке. [3]

Постановлением Правительства РФ от 15.08.2014 N 809 введен порядок уведомления органов регистрационного учета о проживании лиц без регистрации по месту жительства или по месту пребывания.

В случае непредставления гражданами в орган учета для регистрации по месту жительства или по месту пребывания заявления и требуемых документов в сроки, установленные законодательством, собственник жилого помещения, где проживает гражданин, по истечении установленного срока должен уведомить в течение трех рабочих дней органы регистрационного учета о проживании такого гражданина в жилом помещении по установленной форме.

Собственник (наниматель) жилого помещения может уведомить органы регистрационного учета о месте и сроке проживания гражданина без соответствующей регистрации личным обращением, по почте либо в электронной форме с применением информационно-телекоммуникационных сетей общего доступа, в т.ч. сети Интернет и Единого портала.

Пропуск срока уведомления органов регистрационного учета о проживании граждан без регистрации способен повлечь за собой ответственность собственника жилого помещения согласно законодательству Российской Федерации. [3]

Также произошли изменения в перечне лиц, которые ответственны за прием и передачу в органы учета документов для осуществления регистрации и снятия с нее граждан РФ по месту жительства либо по месту пребывания.

Во-первых, это должностные лица органов государственной власти РФ, органов государственной власти российских субъектов и органов местного самоуправления в сфере жилищных отношений, временно или постоянно занимающие должности, связанные с исполнением административно-хозяйственных либо организационно-распорядительных обязанностей по контролю за выполнением правил пользования жилыми помещениями муниципального и государственного жилищного фонда. [4, с.14]

Во-вторых, это собственники, которые самостоятельно осуществляют управление принадлежащими им жилыми помещениями, либо уполномоченные лица товариществ собственников жилья или организации, управляющей жилищным фондом.

В-третьих, это уполномоченные лица органов управления жилищно-строительными и жилищными кооперативами, а также уполномоченные должностные лица

в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг.

Теперь хотелось бы рассмотреть изменения, произошедшие в Кодексе об административных правонарушениях РФ в начале 2014 года.

Так, проживание в жилом помещении по месту жительства или по месту пребывания гражданина Российской Федерации, который обязан иметь удостоверяющий личность документ (паспорт), в отсутствие такового либо по недействительному такому документу, способно повлечь наложение административных штрафов в размере от двух до трех тысяч рублей. [6, с.7–18]

В случае, если вышеуказанное нарушение, совершено в городах федерального значения Санкт-Петербурге или Москве, то оно повлечет наложение административного штрафа в размерах от трех до пяти тысяч рублей.

Проживание граждан Российской Федерации по месту жительства или по месту пребывания в жилом помещении в отсутствие регистрации или же допущение подобного проживания собственником или нанимателем этого жилого помещения дольше установленных законодательством сроков, способно повлечь наложение административных штрафов на граждан в сумме от двух до трех тысяч рублей; на собственников, нанимателей жилого помещения (только физических лиц) — от двух до пяти тысяч рублей; а на юридических лиц — от 250 до 750 тысяч рублей.

Аналогичные нарушения, совершенные в городах федерального значения Санкт-Петербурге или Москве, повлекут наложение на граждан административного штрафа в размере от трех до пяти тысяч рублей; на собственников, нанимателей жилого помещения (физических лиц) — от пяти до семи тысяч рублей; а на юридических лиц — от 300 до 800 тысяч рублей.

Необходимо отметить, что граждане Российской Федерации подлежат освобождению от административной ответственности за вышеуказанное административное правонарушение в случае:

— своего проживания в отсутствие регистрации в жилом помещении по месту пребывания, которое находится в определенном населенном пункте какого-либо субъекта Российской Федерации, если по месту жительства они зарегистрированы, хотя и в ином жилом помещении, но находящемся в том же либо другом населенном пункте этого же субъекта Российской Федерации; [5, с.15–16]

— проживания без регистрации в жилом помещении по месту пребывания, находящемся в городе Москве (Санкт-Петербурге) или в каком-либо из населенных пунктов Московской (Ленинградской) области, в случае если лицо зарегистрировано в жилом помещении по месту жительства, находящемся в городе Москве (Санкт-Петербурге) или в одном из населенных пунктов Московской (Ленинградской) области;

— если гражданин является супругом, ребенком (в том числе усыновленным), супругом детей, родителем (в том

числе приемным), супругом родителей, бабушкой, дедушкой или внуком собственника (нанимателя) жилого помещения, который имеет регистрацию по месту жительства в таком жилом помещении;

— если лицо, проживающее совместно с собственником или нанимателем жилого помещения, является по отношению к нему супругом, ребенком (в том числе усыновленным), супругом детей, родителем (в том числе приемным), супругом родителей, бабушкой, дедушкой или внуком.

Нарушение правил по регистрации гражданина Российской Федерации по месту жительства или по месту пребывания в жилом помещении, когда в этих действиях не содержатся признаки уголовно наказуемого деяния, способно повлечь наложение на граждан административного штрафа в размере от двух до трех тысяч рублей; на собственников, нанимателей жилого помещения, являющихся физическими лицами — от двух до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от 25 тысяч до 50 тысяч рублей; а на юридических лиц — от 250 тысяч до 750 тысяч рублей. [7, с.1,3]

Вышеуказанное нарушение, если оно совершено в городах федерального значения Санкт-Петербурге или Москве, способно повлечь наложение на граждан административного штрафа в размере от трех до пяти тысяч рублей; на собственников, нанимателей жилого помещения, являющихся физическими лицами — от пяти до семи тысяч рублей; на должностных лиц — от 30 тысяч до 50 тысяч рублей; а на юридических лиц — от 300 тысяч до 800 тысяч рублей.

В случае нарушения без уважительных причин собственником или нанимателем, предоставившим гражданину Российской Федерации жилое помещение, установленных действующим законодательством сроков уведомления органов регистрационного учета относительно проживания такого гражданина в указанном жилом помещении в отсутствие регистрации или представление в органы регистрационного учета заведомо недостоверных данных о регистрации гражданина РФ, если в таких действиях не содержатся признаки уголовно наказуемого деяния, они способны повлечь наложение на граждан административного штрафа в размере от двух до трех тысяч рублей; а на юридических лиц — от четырех до семи тысяч рублей.

Вышеуказанное правонарушение, совершенное в городах федерального значения Санкт-Петербурге или Москве, повлечет на граждан наложение административного штрафа в размере от трех до пяти тысяч рублей; а на юридических лиц — от семи до десяти тысяч рублей.

В случае нарушения лицом, ответственным за прием, передачу в органы регистрационного учета заявления и документов для регистрации (снятия с регистрационного учета) гражданина РФ по месту жительства и по месту пребывания в пределах РФ, установленных законодательством сроков представления документов для регистрации граждан РФ, или представление в органы ре-

гистрационного учета недостоверных документов для регистрации гражданина РФ, когда в этих действиях не содержится признаков уголовно наказуемого деяния, влечет наложение штрафа в размере от трех до пяти тысяч рублей.

Граждане РФ, подлежат освобождению от административной ответственности при нарушении правил регистрации гражданина РФ по месту жительства или по месту пребывания в жилом помещении в случаях представления документированной достоверной информации о том, что они приходится супругами, детьми (усыновленными в том числе), супругами детей, родителями (приемными в том числе), супругами родителей, дедушками, бабушками, внуками собственников (нанимателей) жилого помещения, которые имеют регистрацию по месту жительства в таком жилом помещении.

Собственник (наниматель) жилого помещения будет освобожден от административной ответственности при нарушении установленных законодательством РФ сроков уведомления органов регистрационного учета о проживании гражданина РФ в таком жилом помещении в отсутствии регистрации в случаях:

— представления этим гражданином документированной достоверной информации о регистрации его по месту жительства в ином жилом помещении, которое находится в том же или другом населенном пункте этого же субъекта РФ;

— проживания гражданина РФ в жилом помещении, находящемся в городе Москве (Санкт-Петербурге) или в одном из населенных пунктов Московской (Ленинградской) области, когда он зарегистрирован по месту жи-

тельства в жилом помещении, которое находится в городе Москве (Санкт-Петербурге) или же в каком-либо из населенных пунктов Московской (Ленинградской) области. [1]

Последнее время паспортно-регистрационному режиму уделяется повышенное внимание со стороны законодателя. Объясняется это тем, что укрепление законности, обеспечение общественного порядка, охрана прав и интересов граждан, общественной и государственной безопасности, являются первоочередными задачами государственных органов. В решении этих задач немало важное значение принадлежит паспортно-регистрационной системе, тесно связанной со статистикой и учетом населения, упорядочением внутренней миграции.

Как видно, регистрация по месту пребывания дело довольно затяжное, требующее немалых временных затрат и сбора документов. Как итог этому, в стране наблюдались повсеместные нарушения в данной сфере. Сейчас же, можно отметить, что законодатель старается упростить данную процедуру, однако, реализация проектов таких как применение электронного документооборота, а так же запуск интернет-портала государственных услуг имею свои несовершенства.

В то же время значительно возросли размеры штрафных санкций за нарушение паспортно-регистрационного режима, что также следует признать целесообразным, т.к. по-нашему мнению, это приведет к сокращению подобных правонарушений, а как следствие, поспособствует раскрытию иных преступлений, розыску лиц, их совершивших, предупреждению нарушений налогового и трудового законодательства РФ.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.11.2014) // «Парламентская газета», N 2–5, 05.01.2002.
2. Постановление Правительства РФ от 17.07.1995 N 713 (ред. от 15.08.2014) «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // «Российская газета», N 144, 27.07.1995.
3. Постановление Правительства РФ от 15.08.2014 N 809 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. N 713» // «Собрание законодательства РФ», 25.08.2014, N 34, ст. 4667
4. Баянов, С. Оговорка о сохранении регистрации // ЭЖ-Юрист. 2014. N 25. с. 14.
5. Есипенок, О. О гостях, оставшихся более чем на три месяца, нужно будет сообщать в Федеральную миграционную службу // Жилищное право. 2014. N 10. с. 15–16.
6. Лейба, А. Анализ изменений законодательства РФ, направленного на борьбу с «резиновыми» квартирами // Жилищное право. 2014. N 3. с. 7–18.
7. Лейба, А. Нет «резиновым» квартирам // ЭЖ-Юрист. 2014. N 8. с. 1, 3.

7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Уменьшение налогового бремени как правомерное поведение: теоретико-правовой аспект

Барташевич Станислав Владимирович, адвокат
Адвокатская палата Ленинградской области (г. Санкт-Петербург)

Развитие налоговой практики в последние два десятилетия идет по пути постоянного совершенствования методов оптимизации налоговых затрат и снижения налоговой нагрузки на уровне субъектов хозяйствования. На сегодняшний день право налогоплательщика на уплату налога в меньшем размере не оспаривается ни в России, ни в зарубежных правовых системах. Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П признаны допустимыми действия налогоплательщика, которые, хотя и имеют своим следствием неуплату налога либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных налогоплательщику законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности и, соответственно, оптимального вида платежа. В этой связи принадлежность налогоплательщикам субъективного права на уменьшение налогового бремени [см. подробнее: 1, с. 261–265] дает повод для определения теоретических оснований действий (бездействия), направленных на уменьшение налогового бремени, как правомерного поведения.

Традиционно среди основных признаков правомерного поведения принято называть массовость, юридическую значимость, непротиворечие нормам права, обеспеченность средствами правовой защиты, ненаказуемость. Действия (бездействие) налогоплательщиков, направленные на уменьшение налогового бремени, обладают всеми указанными признаками правомерного поведения, если они совершаются в рамках реализации норм налогового права. При этом, если в других сферах общественных отношений правомерное поведение может являться инертным и бессознательным, то поведение, имеющие своей целью снижение налоговых платежей — это всегда осознанный и волевой акт.

С учетом приведенных признаков в общей теории права к правомерному относится любое охраняемое государством поведение участников общественных отношений, не противоречащее позитивному праву и не запрещенное им, соответствующее правовым предписаниям и не отклоняющееся от них, требуемое или допускаемое правовой нормой [7, с. 59; 2, с. 7]. Практический смысл названных критериев можно свести к признанию правомерным лю-

бого поведения, при котором требования правовых норм, вменяющих активное поведение, удовлетворяется посредством исполнения обязанности, а норм, охраняющих от активных действий — посредством соблюдения запретов.

Налоговые отношения не являются здесь исключением, т.к. призваны гарантировать правовую защиту всякому поведению налогоплательщика, связанному с налогово-значимыми последствиями, если оно соответствовало принадлежащим ему юридическим правам и обязанностям и было основано на соблюдении, исполнении и использовании норм законодательства о налогах и сборах. Таким образом, в широком смысле под правомерным понимается поведение налогоплательщиков, соответствующее нормам налогового права, а в узком смысле — поведение налогоплательщиков в рамках осуществления ими субъективных налоговых прав и исполнения фискальных обязанностей, т.е. при реализации права в его субъективном смысле.

В то же время, следует констатировать, что критерий соответствия правовым нормам, требованиям законодательства, будучи сформулированным в столь общей форме, не позволяет определить границы правомерности поведения налогоплательщиков, содержанием которого являются действия (бездействие), направленные на уменьшение налогового бремени, а также уяснить действительные критерии отнесения последних к правомерному поведению. Поэтому состояние соответствия закону, характеризующее правомерное поведение налогоплательщиков, нуждается в некотором уточнении.

Основными элементами правового регулирования, которыми оперирует налоговое право в рамках императивного метода, являются обязывание и запрет, поэтому формализация управомочивающих норм утрачивает всякий смысл там, где законодатель не счел необходимым ограничить финансовую самостоятельность частных лиц и не обратился к запретительным или обязывающим мерам. В то же время, следует учитывать, что фискальные цели могут достигаться также посредством предоставления налогоплательщику права выбора варианта поведения из ограниченного числа предусмотренных законом правомочий. Это не является запретом в чистом виде, но правовые последствия такого дозволения идентичны запрету на совер-

шение не поименованных в законе действий. Более того, предоставление хозяйствующему субъекту права выбора способа уменьшения налогов из числа установленных законом льгот, вычетов и иных налоговых преференций имеет своей основной целью побуждение к правомерному поведению в сфере налогообложения [5, с. 8–10]. Примером здесь может служить п. 2 ст. 346.14 НК РФ, предоставляющая налогоплательщику право выбора одного из двух объектов налогообложения. В свою очередь, любая деятельность хозяйствующего субъекта, не связанная, во-первых, с активным поведением в поле действия запрета, во-вторых, с пассивным поведением в поле действия фискальной обязанности и, в-третьих, с выходом за пределы прямо предоставленных законом правомочий, составляет результат свободной реализации субъективных прав.

Общедозволительный тип правового регулирования, в большинстве своем носящий межотраслевой характер, определяет действие принципа «разрешено все, что прямо не запрещено законом», по смыслу которого налогоплательщику принадлежит право совершать в целях уменьшения налогового бремени действия (бездействия), не только прямо предусмотренные налоговым законодательством, но и не запрещенные им. Признание правомерным поведением действий обязанного лица, не урегулированных законом, не противоречит публично-правовой природе налоговых отношений и доминирующему в них императивному методу правового регулирования, поскольку не означает наделение налогоплательщиков полной автономией и правом произвольно выбирать способы и порядок уплаты налогов. По общему правилу «граница между правомерным и противоправным поведением проходит там, где начинается невыполнение своих обязанностей» [3, с. 41], в связи с чем зависимость субъективных прав налогоплательщиков от пределов их фискальных обязанностей, а не наоборот, определяет существование непоименованных в законе налоговых прав и возможности их свободного использования. При этом сказанное не следует воспринимать как угрозу монополии государства на установление условий налогообложения через оправдание «узаконенных» способов не платить налоги — речь здесь идет о признании за каждым налогоплательщиком права не платить налоги в большем размере, чем это предусмотрено нормами налогового закона, что представляется допустимым с точки зрения позитивного права.

Таким образом, действия (бездействие) налогоплательщиков, направленные на уменьшение налогового бремени, признаются правомерными как в случае использования прямо предусмотренных законом субъективных прав, и тогда можно говорить о совпадающем с требованиями правовых норм поведением, так и в случае совершения действий (бездействия), не поименованных в законе, но вместе с тем не содержащих признаков несоблюдения запретов или неисполнения обязанностей, и тогда можно говорить о не запрещенном правовыми нормами поведении.

В.Л. Кулапов именно так и отмечал, что «современное законодательство в качестве правомерного признает и такое поведение, которое прямо не урегулировано законом» [4, с. 78]. При этом правомерное уменьшение налогового бремени способно достигать своей экономико-правовой цели посредством совершения действий (бездействия), не предусмотренных как гипотезой налогово-правовой нормы, так и ее диспозицией. В первом случае в качестве примера можно привести п. 1 ст. 252 НК РФ, в силу которого налогоплательщик имеет возможность уменьшать налоговую базу по налогу на прибыль на любые экономически оправданные и документально подтвержденные расходы вне зависимости от того, поименованы ли они в диспозициях соответствующих норм законодательства о налогах и сборах, за исключением прямо запрещенных ими (ст. 270 НК РФ). Во втором случае можно привести ситуацию, рассмотренную в Постановлении Президиума ВАС РФ от 11.11.2003 № 7473/03, когда плательщик НДС, получив налоговый вычет по ранее приобретенным товарам, спустя непродолжительное время после их приобретения начинает совершать с указанными товарами не признаваемые объектом обложения НДС операции, не восстанавливая при этом НДС. Поскольку законодатель не определил срок, в течение которого товары должны использоваться для осуществления операций, облагаемых НДС, налогоплательщик при изменении целевого назначения имущества фактически реализует право на налоговый вычет, не предусмотренное гипотезой пп. 1 п. 2 ст. 171 НК РФ.

Учитывая, что в общей теории права встречаются предложения считать в качестве критерия правомерности ненаказуемость деяния [6, с. 301], может возникнуть вопрос о том, является ли уменьшение налогов, достигаемое посредством совершения действий (бездействия), нарушающих налогово-правовые нормы, но не обеспеченных мерами юридической ответственности, правомерным поведением. Однако на данный вопрос может быть дан только отрицательный ответ, поскольку противоправность и наказуемость, будучи тесно связанными друг с другом, все же не являются тождественными категориями. Наличие или отсутствие правовой санкции как признак наказуемости не влияет на отношение конкретного деяния к налогово-правовым предписаниям, а лишь иллюстрирует последствия его совершения и, тем самым, мотивирует фискально-обязанных лиц к правомерному поведению. В то же время, особенностью юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений (ст. 122 НК РФ) или преступлений (ст. ст. 198, 199 УК РФ) является то, что конструирующим такую ответственности элементом выступают не сами действия (бездействие) налогоплательщика, а их последствия — неуплата налога. Поэтому правовые нормы, нарушаемые в результате незаконного снижения объема налоговых платежей, всегда будут обеспечены санкциями.

К сожалению, так сложилось, что в теоретических работах по налоговому праву проблемам, связанным с про-

тивоправным поведением фискально-обязанных лиц, способам его пресечения и предупреждения уделяется гораздо больше внимания, нежели правомерному поведению. Интерес для исследователей зачастую представляют вопросы принуждения к исполнению и обеспечения исполнения налоговых обязательств, осуществления налогового контроля, совершения налоговых правонарушений и привлечения к ответственности за них. Однако в научных исследованиях редко встретишь раздел, посвященный анализу законопослушного поведения участников налоговых правоотношений, его содержания, а также места в системе механизма финансово-правового регулирования. Между тем, правомерное поведение налогоплательщиков требует оценки еще до момента возникновения охранительных отношений (например, при выборе объекта налогообложения, определении методов принятия к учету доходов и расходов), т.к. влечет определенные юридические и экономические последствия для фискально-обязанного лица, которые, в конечном счете, оказывают влияние на объем его налогового бремени.

Нельзя недооценивать значение конструктивно-созидательного потенциала правомерного поведения экономических субъектов для механизма правового регулирования налоговых отношений в целом. Осуществляя финансовую деятельность, государство в рамках ее фискальной составляющей вынуждено производить изъятие части стоимости валового внутреннего продукта, создаваемого частными лицами, в виде обязательных платежей в бюджет. Эффективность системы правового регулирования налогообложения, являющейся инструментом и гарантом обеспечения стабильности, устойчивости и непрерывности протекания финансовых распределительных процессов между экономическими агентами и денежными фондами государства, зависит не только от результатов контрольной деятельности налоговых органов, но и от осознанно-волевого правомерного поведения фискально-обязанных лиц, стимулируемого, во-первых, уверенностью в общественной полезности исполнения фискальных обязанностей, а во-вторых, ожиданием последующей за уплатой налогов полной имущественной самостоятельности. И в этом угадывается известный тезис о том, что право как социальное явление помимо собственно юридических функций призвано осуществлять информационное и ценностно-ориентационное воздействие на поведение участников правоотношений [8, с. 411].

Учитывая специфику каждой из названных функций в их приложении к деятельности хозяйствующих субъектов по уменьшению налогового бремени, следует констатировать, что с информационным воздействием на фискально-обязанных лиц действующее налоговое законодательство, перечисляя права, обязанности и меры ответственности сторон налоговых правоотношений, более или менее справляется, тогда как ценностно-ориентационный потенциал налогового закона остается почти нереализованным. Причиной тому является государственная налоговая политика, характеризующаяся полярным от-

ношением к инициативному уменьшению налогового бремени двух ветвей власти — исполнительной и судебной, что приводит к неопределенности и нестабильности налоговой практики, потворствует правовому индетерминизму в сфере налогообложения. Тем самым, отсутствие единства в восприятии и оценке как государством, так и бизнес-сообществом аксиологических свойств уменьшения налогового бремени ингибирует его утверждение в массовом сознании в качестве правомерного поведения.

Российское законодательство о налогах и сборах также не отражает корреляцию содержания правомерного поведения налогоплательщиков с общедозволительным принципом правового регулирования, что отнюдь не способствует четкому и единообразному пониманию правовых последствий уменьшения налогового бремени и, как следствие, укреплению принципов законности и правовой определенности налогообложения. Основные права налогоплательщиков перечислены в п. 1 ст. 21 НК РФ, при этом законодатель четко установил, что налогоплательщики имеют также иные права, установленные НК РФ и другими актами законодательства о налогах и сборах. Несмотря на избранную законодателем модель регулирования налоговых правоотношений на основе открытого перечня субъективных прав, представляется неоправданным наделение хозяйствующих субъектов только теми правами, которые прямо и непосредственно поименованы в действующем налоговом законодательстве, ограниченном Налоговым кодексом РФ и принимаемыми в его развитие федеральными законами (п. 1 ст. 1 НК РФ).

Во-первых, нормативное закрепление исчерпывающей совокупности прав, необходимых налогоплательщикам для эффективной реализации своих экономических интересов во всем многообразии рыночных отношений — ведь именно они создают имущественную базу для налогообложения и задают направление развития системы фискального регулирования — по объективным причинам вряд ли возможно.

Во-вторых, процесс налогообложения, вторгаясь в сферу интересов собственника, всецело подчинен действию принципов законности и правовой определенности, а значит обязанность налогоплательщика по отчуждению части имущества в виде налога и корреспондирующее ей право требования налогового органа возникают только в случаях, прямо названных в законе. Иными словами, налогоплательщику разрешается все, что не запрещено налоговым законодательством, и здесь было бы уместнее говорить об исчерпывающем перечне адресованных налогоплательщику обязанностей и обеспечивающих их исполнение запретов.

В-третьих, по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ во взаимосвязи с принципом правовой определенности, сформулированным Конституционным Судом РФ в своих Постановлениях от 15.07.1999 № 11-П и от 14.07.2005 № 9-П, ограничения прав хозяйствующих субъектов в сфере налогообложения, допустимы лишь в том случае, если они обусловлены конкретными конституционно значимыми целями.

При этом субъективные права и степень их ограничения должны быть четко и недвусмысленно определены законодателем в тексте нормативного акта. Применительно к п. 2 ст. 21 НК РФ возникает первый вопрос о том, какие из указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ целей преследовал законодатель, ограничивая права налогоплательщиков прямо поименованными в самом кодексе и федеральных законах, учитывая еще и тот факт, что установлением элементов налогообложения создаются все необходимые предпосылки для уплаты каждого налога, и второй вопрос о том, какие конкретно субъективные права им ограничены и в какой степени. Совершенно очевидно, что ответы на данные вопросы получить невозможно.

В-четвертых, налоговое бремя хозяйствующих субъектов формируется не только собственно налогово-правовыми нормами, но и положениями иных, зачастую смежных отраслей законодательства. И речь здесь идет не о правовых нормах вообще, применение которых может иметь налоговые последствия, к которым, в первую очередь, относится гражданское законодательство, а о положениях, содержание которых имманентно включает элементы налогообложения, в частности законодательстве о бухгалтерском учете. Так, п. 1 ст. 374 НК РФ ставит возникновение объекта налогообложения по налогу на имущество организаций в зависимость от признания имущества основным средством на основе существующего порядка ведения бухгалтерского учета. В силу п. 5 ПБУ 6/01 «Учет основных средств» налогоплательщик вправе избежать уплаты налога путем отнесения в учетной политике имущества стоимостью не более 40 000 руб. к материально-производственным запасам. Кроме того, благодаря принятой в организации учетной политике, она может уменьшить налоговые выплаты через применение специальных коэффициентов амортизации и амортизационной премии, формирование резервов, выбор наименее затратных с точки зрения налоговых обязательств методов списания в расходы процентов по займам и кредитам, изменение перечня прямых затрат, позволяющих одновременно снизить размер налоговой базы по налогу на прибыль и т.д.

Таким образом, соответствующими закону, а значит правомерными, следует считать действия (бездействие) налогоплательщиков, хотя и приводящие к уменьшению налогового бремени, но связанные с использованием субъективных прав как предусмотренных, так и не предусмотренных законодательством о налогах и сборах. При этом непоименованные в законе действия будут являться правомерными при отсутствии правового запрета на их совершение, поскольку содержание не предусмотренных законом субъективных налоговых прав раскрывается через отсутствие признаков несоблюдения запрета и неисполнения (ненадлежащего исполнения) фискальных обязанностей.

В то же время, необходимо понимать, что право на уменьшение налогового бремени является собирательным понятием и включает в себя совокупность всех

субъективных налоговых прав (как названных в законе, так и нет), использование которых по смыслу Постановления Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П влечет одновременное прекращение фискальной обязанности в соответствующей части. Учитывая, что введение правового запрета преследует цель обеспечения надлежащего исполнения фискальной обязанности, а возложение обязанности предполагает запрет, недопустимость ее неисполнения, на практике зачастую возникают сложности с установлением состава налоговых прав хозяйствующего субъекта, и следовательно, с определением наличия или отсутствия возможности уменьшить объем своих налоговых обязанностей. Так, Н.А. Русаев в качестве эссенциальной особенности юридической техники российского законодательства о налогах и сборах отмечает, что «право на налоговую оптимизацию сформулировано в общем виде и в столь же общем виде ограничено обязанностью каждого платить налоги» [9, с. 4]. Поэтому первостепенное значение приобретает задача выявления своего рода «минимального стандарта» как необходимого и достаточного объема нормативной фиксации потенциального действия (бездействия), позволяющего квалифицировать себя в качестве правомерного уменьшения налогового бремени.

Унифицированный подход к разграничению субъективного налогового права и юридической налоговой обязанности может быть выработан на основе п. 7 ст. 3 НК РФ, согласно которому все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика. Из приведенной нормы видно, что формирование субъективных прав фискально-обязанных лиц из числа не предусмотренных действующим законодательством происходит по остаточному принципу, т.е. своеобразным онтологическим условием «*sine qua non*» правомерного уменьшения налогового бремени становится отсутствие правовой определенности в вопросе о существовании той или иной фискальной обязанности. Напротив, отсутствие сомнений в объеме, характере и содержании ожидаемого от налогоплательщика поведения является признаком позитивного обязывания или запрета, исключающих возможность уменьшения налогов в соответствующей части. Примером здесь может служить закрытый перечень расходов, не позволяющий налогоплательщикам, применяющим упрощенную систему налогообложения, уменьшать налоговую базу на сумму затрат, прямо не предусмотренных ст. 346.16 НК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день критерием правомерности поведения, связанного с уменьшением налогового бремени, является принадлежность налогоплательщику субъективного права на совершение определенного действия (бездействия), наличие или отсутствие которого, в свою очередь, устанавливается на основе диспозиции налогово-правовых норм дозволительного характера, а при их отсутствии — в результате применения п. 7 ст. 3 НК РФ.

Литература:

1. Барташевич, С. В. Налоговое обязательство как условие существования права налогоплательщика на уменьшение налогового бремени // Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления: Сб. науч. статей. Вып. 7. / Под общ. ред. В. В. Тумалева. — СПб: Ин-т бизнеса и права, 2009. — с. 261–265.
2. Ковалева, Е. Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: Автореф. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД РФ, 2002. — 25 с.
3. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. — М.: Юридическая литература, 1978. — 191 с.
4. Кулапов, В. Л. Рекомендательные нормы советского права / В. Л. Кулапов. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. — 112 с.
5. Лайченкова, Н. Н. Стимулы в налоговом праве: Автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов: СГАП, 2007. — 26 с.
6. Лукич, Р. Д. Методология права / Под ред. Д. А. Керимова. — М.: Прогресс, 1981. — 304 с.
7. Оксамытный, В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): Дис. ... докт. юрид. наук. К.: Ин-т государства и права им. В. М. Корецкого, 1990. — 374 с.
8. Радько, Т. Н., Толстик В. А. Категория «Функция права в юридической науке» // Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Радько. — М.: Интерстиль, 1998. — с. 410–415 с.
9. Русяев, Н. А. Правовое регулирование налоговой оптимизации в Российской Федерации и Германии: Автореф. ... канд. юрид. наук. М.: РАП, 2008. — 24 с.

8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Реализация права покупателя на отказ от исполнения договора в связи с ненадлежащим качеством товара

Зубкова Тамара Анатольевна, аспирант

Южно-Российский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

Статья посвящена проблеме практического применения нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающей право покупателя на отказ от исполнения договора в связи с существенным нарушением продавцом требований к качеству товара.

Автор рассматривает основные источники правового регулирования этих отношений, анализирует отдельные вопросы арбитражной практики.

В рамках работы дан анализ норм права и практике их применения и выявлены существующие проблемы. Сформулированы выводы и предложения, направленные на совершенствование правового регулирования отношений, возникающих при реализации покупателем права на отказ от исполнения договора в связи с существенным нарушением продавцом требований к качеству товара. Автор рекомендует внести изменения в нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, а также даёт рекомендации по решению проблемы путём включения соответствующих условий в договор поставки.

Ключевые слова: качество товаров, товар ненадлежащего качества, отказ от исполнения договора купли-продажи, изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Право покупателя на получение от поставщика товара надлежащего качества вытекает из смысла статьи 469 Гражданского кодекса Российской Федерации, [1] в соответствии с которой продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует обязательным требованиям к качеству продаваемого товара, предусмотренным законом или в установленном им порядке, договору купли-продажи, образцу и (или) описанию, либо передать покупателю товар, пригодный для целей, для которых товар такого рода обычно используется, или пригодный для использования в конкретных целях, о которых продавец при заключении договора был поставлен покупателем в известность.

В свою очередь пункт 2 статьи 475 Гражданского кодекса Российской Федерации, защищая это право, устанавливает обязанности продавца по требованию покупателя осуществить определённые действия в связи с обнаружением существенного нарушения требований к качеству товара.

Одной из таких обязанностей является обязанность продавца по требованию покупателя, отказавшегося от исполнения договора купли-продажи в связи с существенным нарушением требований к качеству товара, возратить уплаченную за товар денежную сумму.

Поскольку Гражданский кодекс Российской Федерации не ограничивает это право покупателя только случаями обнаружения существенных нарушений тре-

бований к качеству товара до использования его в производстве и дальнейшей продажи в составе другого товара, то предусмотренным в статье 475 Гражданского кодекса Российской Федерации правом на отказ от исполнения договора купли-продажи покупатель может воспользоваться в любой момент в пределах гарантийного срока.

Если говорить о товарах производственно-технического назначения, то в подавляющем большинстве случаев ненадлежащее качество товара обнаруживается не на входном контроле, а в процессе обработки, подготовки к монтажу, в процессе монтажа, испытания, использования. То есть большинство недостатков товаров производственно-технического назначения являются скрытыми недостатками, которые не могли быть обнаружены при обычной для данного вида товара проверке.

Продукция производственно-технического назначения — это продукция, предназначенная для производственного потребления, для оказания услуг в сфере материального производства и сфере нематериальных услуг. К ней относятся сырьё, материалы, топливо, комплектующие изделия, инструменты, машины, оборудование, запасные части, полуфабрикаты и т.п. [2]

В свою очередь, покупатель, используя товары производственно-технического назначения для изготовления своего товара, реализует последний конечному потребителю.

В процессе эксплуатации товара может произойти его выход из строя о причине ненадлежащего качества сырья, материалов, комплектующих изделий, запасных частей, полуфабрикатов.

В этой связи реализация права покупателя на отказ от исполнения договора купли-продажи в связи с существенным нарушением требований к качеству товара (сырья, материалов, комплектующих изделий, запасных частей, полуфабрикатов, использованных в производстве другого товара) на практике выглядит следующим образом.

После проведения рекламационной работы (осмотра некачественного товара и составления необходимых рекламационных документов) покупатель во исполнение своих гарантийных обязательств перед своим покупателем осуществляет демонтаж неисправного узла, изделия, детали, т.п., а также монтаж работоспособного (если таковое имеется у него).

Автор настоящей статьи, как сотрудник юридической службы градообразующего промышленного предприятия, может утверждать, что на практике довольно часто продавцы не отвечают на уведомления об обнаружении несоответствия качества поставленного товара.

По этой причине неисправный узел, изделие, деталь покупатель доставляет на свою территорию, после чего письменно сообщает продавцу об отказе от исполнения договора и требует возвратить уплаченную за товар денежную сумму.

При этом покупатель хранит несоответствующий товар (зачастую не только в течение разумного срока, но и дольше), поскольку в случае возникновения спора с продавцом может возникнуть необходимость проведения соответствующей экспертизы, а утрата товара не позволит этого сделать и получить дополнительное доказательство поставки товара ненадлежащего качества и существенного нарушения продавцом требований к качеству товара.

Статья 514 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает обязанность покупателя обеспечить сохранность (ответственное хранение) переданного поставщиком товара, от которого он отказывается в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором поставки.

Статья 514 Гражданского кодекса Российской Федерации не конкретизирует, в какой ситуации возникает обязанность покупателя обеспечить сохранность (ответственное хранение) переданного поставщиком товара — при обнаружении несоответствия товара при осуществлении входного контроля или и в случае обнаружения такового и позже (при монтаже, запуске в эксплуатацию, в ходе испытаний или в процессе использования товара). Это позволяет сделать вывод, что покупатель обязан обеспечить ответственное хранение несоответствующего товара в любом случае.

При этом из самого названия статьи 514 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что обязанность покупателя обеспечить ответственное хранение предусмотрена только в отношении не принятого им товара.

В соответствии с пунктом 2.1.9 Методических рекомендаций по учёту и оформлению операций приёма, хранения и отпуска товаров в организациях торговли, утверждённых Письмом Роскомторга от 10.07.1996 № 1—794/32—5, [3] при обнаружении брака в процессе реализации товара, при несоответствии товара стандарту или согласованному образцу по качеству, некомплектности покупатель должен выписать расходную накладную на возврат товара поставщику (оформленную с учётом требований части 2 статьи 9 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» [4]) и передать её поставщику.

Таким образом, и закон (название статьи 514 Гражданского кодекса Российской Федерации), и подзаконный акт (пункт 2.1.9 названных Методических рекомендаций) указывают на то, что обязанность покупателя обеспечить ответственное хранение предусмотрена только в отношении не принятого им товара.

Судебная практика указывает на то, что суды отказывают в удовлетворении требований покупателей, связанных с поставкой несоответствующего товара, если они не представляют суду доказательства возврата такого товара поставщику: Решение Арбитражного суда Белгородской области от 20.02.2014 по делу № А08—7308/2013 [5], Постановление Арбитражного суда от 27.08.2012 по делу № А23—3450/2011. [6]

Итак, при реализации права покупателя на отказ от исполнения договора купли-продажи в случае существенного нарушения требований к качеству товара предполагается возврат этого товара.

В то же время есть ситуации, в которых возврат товара невозможен:

1) в силу специфических свойств товара, не позволяющих возвратить его продавцу после использования в производстве (например, сырьё, материалы);

2) в связи с тем, что право собственности на товар (сырьё, материалы, комплектующие изделия, запасные части, полуфабрикаты, использованные в производстве другого товара) перешло конечному потребителю, который купил этот товар в составе другого товара, и обязанности вернуть этот товар у конечного потребителя нет.

Например, конечному потребителю продан электровоз, укомплектованный покупным изделием. Для конечного потребителя товаром является электровоз, ремонт которого он требует осуществить. Изготовитель электровоза (покупатель комплектующего изделия) во исполнение гарантийных обязательств может восстановить работоспособность электровоза путём замены неисправного комплектующего изделия на аналогичное изделие из своих запасов либо направить конечному потребителю исправное комплектующее изделие для выполнения ремонта силами конечного потребителя и возместить последнему его расходы по выполнению ремонтных работ. Конечный потребитель не обязан в этой ситуации осуществлять возврат неисправного комплектующего изделия и вправе его утилизировать (ведь для него это является не заменой товара, а устранением его несоответствия).

Таким образом, на практике могут возникнуть ситуации, в которых, с одной стороны, закон позволяет покупателю отказаться от исполнения договора купли-продажи в случае существенного нарушения требований к его качеству, но, с другой стороны, законом установлена обязанность покупателя обеспечить сохранность товара, а по независящим от него причинам он не имеет возможности вернуть несоответствующий товар, а соответственно, и реализовать право на отказ от исполнения договора.

В связи с изложенным представляется целесообразным внесение некоторых изменений в редакцию статьи 514 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающих, что обязанность покупателя обеспечить сохранность (ответственное хранение) несоответствующего товара возникает только в случае, если несоответствия товара выявлены на стадии осуществления входного контроля, и товар не принят покупателем. В остальных же случаях возврат товара должен осуществляться, если покупатель имеет такую возможность, а в случае спора покупатель должен будет доказать, что возможность сохранить и вернуть товар отсутствовала, и отсутствие такой возможности не зависело от покупателя.

Другим вариантом решения изложенной проблемы может стать включение в статью 514 Гражданского кодекса Российской Федерации оговорки, в соответствии с которой договором могут быть предусмотрены случаи отсутствия обязанности покупателя сохранить и вернуть поставщику несоответствующий товар.

Вместе с тем, целесообразно рекомендовать покупателям товаров производственно-технического назначения включать в договор (по которому они уже являются продавцами товара, в изготовлении которого использованы товары производственно-технического назначения) условие об обязательности возврата неисправных узлов, деталей, комплектующих изделий в случае осуществления их замены в рамках исполнения гарантийных обязательств.

Реализация вышеизложенных предложений направлена на обеспечение равного объема прав покупателей в случае существенного нарушения продавцом требований к качеству товара независимо от того, в какой момент обнаружены такие нарушения. Это позволит сократить количество судебных споров по определению качества товара, дав возможность сторонам многие вопросы разрешить на досудебной стадии спора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Консультант Плюс.
2. Большой экономический словарь. — М.: Институт новой экономики. А. Н. Азрилян. 1997.
3. Методические рекомендации по учёту и оформлению операций приёма, хранения и отпуска товаров в организациях торговли, утверждённые Письмом Роскомторга от 10.07.1996 № 1—794/32—5 // Консультант Плюс.
4. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» // Консультант Плюс.
5. Решение Арбитражного суда Белгородской области от 20.02.2014 по делу № А08—7308/2013 // Консультант Плюс.
6. Постановление Арбитражного суда от 27.08.2012 по делу № А23—3450/2011 // Консультант Плюс.

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

К вопросу о способах защиты прав дольщиков по договору участия в долевом строительстве при несостоятельности (банкротстве) застройщика

Вегелин Ольга Сергеевна, магистрант;

Научный руководитель: Шишмарева Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Вопрос о банкротстве застройщика обладает острым социальным аспектом, а вопрос о способах защиты прав участников строительства, вне всякого сомнения, является актуальным как в практическом, так и в теоретическом отношении. Участие в строительстве сопровождается весьма серьезными рисками для участника строительства и законодатель, по видимому, стремится в наибольшей степени защитить эту категорию кредиторов, в случае признания несостоятельным (банкротом) застройщика.

Согласно части 2 статьи 3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»^[1] юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, если соответствующие обязательства не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. В соответствии с частью 3 ст. 6 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» для возбуждения производства по делу о банкротстве по заявлению конкурсного кредитора принимаются во внимание требования, подтвержденные вступившим в законную силу решением суда. Таким образом, для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом необходимо наличие вступившего в силу решения суда с признанием за участником долевого строительства денежного требования к застройщику.

Федеральным Законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»^[2] предусмотрена обязанность застройщика исполнить обязательство в натуре. Данная обязанность остается у застройщика и после введения процедур несостоятельности (банкротства). Однако данная обязанность может быть преобразована в денежное требование путем одностороннего отказа от исполнения договора.

До введения параграфа 7 в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» расторжение в судебном порядке было единственной возможностью преобразовать свое право требования в денежное. Судебная процедура не всегда позволяла участнику строительства заявить свои требования в срок, предусмотренный ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» что могло повлечь для него неблагоприятные последствия — изменение статуса кредитора,

требование которого удовлетворяется в послеочередном порядке^[3]. С введением параграфа 7 в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» стало возможным заявить об одностороннем отказе от исполнения договора также в деле о банкротстве. Открытие конкурсного производства является основанием для такого отказа, это предусмотрено ст. 201.5 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Об одностороннем отказе от исполнения договора, предусматривающего передачу жилого помещения, возможно заявить в процессе установления размера денежного требования.

На практике, используются иные способы защиты, например — признание права собственности на долю в незавершенном строительстве объекта.

Согласно правовой позиции, изложенной в пункте 7 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.07.2000 № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве»^[4] до ввода в эксплуатацию жилого дома не могут быть выделены в натуре определенные помещения (квартиры, нежилые помещения) и до момента государственной регистрации объекта незавершенного строительства спорное имущество не может выступать самостоятельным объектом гражданского права, следовательно, право собственности на незавершенное строительство жилое или нежилое помещение не может признаваться судами и, соответственно, регистрироваться.

С внесением изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (в ред. ФЗ от 30.12.2004 № 213-ФЗ) объект незавершенного строительства стал относиться к недвижимым вещам.

В настоящее время, арбитражные суды, отказывая в удовлетворении требований о признании права собственности на доли в объекте незавершенного строительства указывают, что между сторонами договора участия в долевом строительстве возникают обязательственные правоотношения, и участник долевого строительства не вправе предъявлять вещно-правовой иск о признании права собственности (в том числе долевой собственности) на возводимое за его счет недвижимое имущество^[5].

Однако в противоречие позиции арбитражных судов, вступает позиция судов общей юрисдикции. Удовлетворяя требования участников долевого строительства о признании права собственности на доли в незавершенных строительством объектах, данные суды исходят из того, что статьей 130 Гражданского кодекса Российской Федерации объекты незавершенного строительства отнесены к недвижимому имуществу, которое согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации является объектом гражданских прав. Следовательно, признание права собственности на объекты незавершенного строительства возможно, в том числе и по решению суда (апелляционное определение Липецкого областного суда от 12 ноября 2012 г. по делу № 33–2659/2012, Решение Северного районного суда г. Орла от 17 августа 2011 года, Апелляционное определение Московского городского суда от 16.11.2012 по делу N 11–27137, Апелляционное определение Московского городского суда от 12.11.2012 по делу N 11–26490).

Той же позиции придерживается Верховный Суд РФ в «Обзоре практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости»^[6]. Обобщая судебную практику, Верховный Суд РФ показал, что в вопросе решения о признании права на долю в праве общей долевой собственности на многоквартирный дом (иной объект недвижимости), соответствующую объекту долевого строительства (квартире и т.д.), передача которого участнику долевого строительства предусматривается заключенным с ним договором, выносятся судами, если ко времени рассмотрения дела застройщиком в установленном порядке не получено разрешение на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) или строительство дома (иного объекта недвижимости) не завершено. При вынесении решения по указанным делам судам рекомендовано исходить из необходимости доказывания факта совершения сделки и ее действительности, исполнения сторонами обязательств по сделке, в частности уплаты истцом предусмотренных договором денежных средств, создания спорного объекта за их счет, передачи объекта долевого строительства истцу, факта уклонения застройщика от предоставления документов, необходимых для регистрации права собственности истца на объект долевого строительства, факта ввода жилого дома в эксплуатацию или причин, по которым дом не введен в эксплуатацию, а также степени готовности объекта незавершенного строительства, факта осуществления строительства с соблюдением строительных норм и правил, других обстоятельств с учетом требований и возражений сторон. Так, в «Обзоре» указано, что требования о признании права собственности на объект незавершенного строительства подлежат удовлетворению, например, в случае, если истцом исполнены обязательства по договору участия в долевом строительстве и квартира ему фактически передана. В данном случае важную роль играет степень готовности

спорного объекта (в рассматриваемом примере степень готовности составляла 80%).

Согласно пункту 1 статьи 201.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» с даты вынесения арбитражным судом определения о введении в отношении застройщика процедур несостоятельности, требования к должнику, могут быть предъявлены к застройщику только в рамках дела о банкротстве. При этом пунктом 1 «Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013 года, в случае, если исковые требования о признании права собственности на объект долевого строительства или на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства предъявлены до вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в отношении застройщика, основания для отказа в принятии искового заявления или прекращения производства по делу отсутствуют, спор должен быть разрешен в порядке гражданского судопроизводства судом общей юрисдикции. Таким образом, право собственности может быть признано судом общей юрисдикции, согласно сложившейся практики.

Что касается участия в делах о банкротстве участников строительства с такими решениями, то признание судом права собственности на долю в объекте незавершенного строительства за участником строительства и государственная регистрация этого права в ЕГРП означают невозможность включения этой доли в конкурсную массу должника-застройщика. В случае если участник долевого строительства не откажется от своего зарегистрированного права в пользу застройщика, судом будет оказано во включении его требования в соответствующий реестр. Такое требование может быть включено в данный реестр только в случае его отказа от регистрации. Данная позиция отражена в Определении ВАС РФ от 25 июня 2012 г. № ВАС-7586/12 по делу № А55–10763/2010, Определении ВАС РФ от 09.01.2013 № ВАС-17187/12 по делу № А45–21735/2011.

Что касается заявления требования о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства непосредственно в деле о банкротстве, то можно привести следующий пример: в вопросе признания права собственности на долю в объекте незавершенного строительства (речь идет о жилых помещениях) можно считать позицию, изложенную в Определении ВАС РФ от 24.06.2013 № ВАС-14501/10 по делу № А45–9663/2009, в котором указано, что «согласно пункту 1 статьи 201.4 Закона о банкротстве к застройщику, признанному банкротом, участниками строительства могут быть предъявлены требование о передаче жилых помещений и денежное требование. Иной подход означал бы возможность неравного положения участников строительства при равнозначных обстоятельствах долевого участия в строительстве жилого дома, в том числе креди-

торов, включенных в реестр в порядке статьи 201.4 Закона о банкротстве по сравнению с кредиторами, чьи требования были бы удовлетворены на основании таких же договоров долевого участия в строительстве в порядке подпункта 1 пункта 1 статьи 201.8 Закона о банкротстве. Требования предъявляются и удовлетворяются исключительно в соответствии с параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве. Преимущественное, в нарушение закона, удовлетворение требований одних кредиторов перед другими, в том числе и признанием их права собственности на доли недостроенного объекта в размере квартир, недопустимо». Кроме того, согласно разъяснениям пункта 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»^[7], не допускается выбытие имущества должника из конкурсной массы в пользу одного или нескольких кредиторов в ущерб остальным кредиторам несостоятельного должника, а также не допускается не пропорциональное удовлетворение требований кредиторов из всего имущества должника, имеющегося у него к моменту его несостоятельности.

Институт банкротства застройщиков предусматривает ряд гарантий защиты прав участников строительства. Согласно ст. 201.6 Закона о банкротстве участники строительства наделяются правом предъявления требований о передаче жилых помещений. При этом требование участника долевого строительства может быть включено в реестр требований о передаче жилых помещений и при частичной оплате по договору, об этом свидетельствует сложившаяся судебная практика.

Требование о передаче жилого помещения, признанное арбитражным судом обоснованным, включается арбитражным управляющим в реестр требований о передаче жилых помещений (ст. 201.6 Закона о банкротстве). Погашение требований участников строительства путем передачи им жилых помещений возможно при одновременном соблюдении ряда условий (ст. 201.11 Закона о банкротстве), не допускающих преимущественное удовлетворение требований одних кредиторов, за счет других.

Таким образом, представляется, что сложившаяся практика судов общей юрисдикции создает противоречивую, по отношению к основным принципам института несостоятельности, ситуацию. Она складывается таким образом, что объекты незавершенного строительства, право собственности на которые признано и зарегистрировано по решению суда, выбывают из конкурсной массы застройщика, и таким образом, нарушаются права иных кредиторов. Факт признания права собственности на долю в незавершенном строительстве объекте серьезнейшим образом влияет на соразмерность удовлет-

ворения требований кредиторов. А. В. Егоров в статье «Банкротство организаций-застройщиков» высказывает следующее, на наш взгляд, совершенно справедливое соображение: «Если у застройщика в строительстве находятся два объекта — А и Б, причем первый построен на 90 %, а второй вообще не начинали строить, единственно приемлемым является вариант, при котором объект А продается с торгов, а вырученные средства направляются на погашение требований как тех граждан, которые приобрели квартиры в этом объекте, так и тех граждан, которые внесли средства за квартиры из объекта Б. Никаких других вариантов нет. Или они резко несправедливы»^[8]. Данный вариант исключен в рамках дела о банкротстве, поскольку ст. 201.10. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает семь условий для передачи объекта незавершенного строительства, при соблюдении которых остальных кредиторов не будут нарушены. Стоит заметить, судами общей юрисдикции, данные обстоятельства выяснению не подлежат. Таким образом, допускается преимущественное удовлетворение требований одних кредиторов за счет нарушения прав других. Также стоит заметить, что хоть зарегистрированный за участником строительства объект незавершенного строительства не входит в конкурсную массу, он не лишен возможности принять участие в создании жилищно-строительного кооператива. Таким образом, данные кредиторы оказываются в наиболее выгодном положении, по отношению к остальным. Недопустимость нарушения подобным образом основных принципов института несостоятельности признают такие исследователи, как А. В. Егоров, А. А. Кирилловых, Т. П. Шишмарева, М. В. Кратенко. Каждый исследователь предлагает ряд способов реформирования законодательства с учетом данного фактора.

Таким образом, можно прийти к выводу, что нормы параграфа 7 главы IX ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» позволили устранить значительный пробел в правовом регулировании и создали механизм защиты прав дольщиков в рамках проведения процедур банкротства в отношении застройщика, направленный на приоритетную защиту прав участников долевого строительства. Законодатель стремится не допустить выбытие имущества должника из конкурсной массы в пользу одного или нескольких кредиторов в ущерб остальным кредиторам несостоятельного должника. Однако для пропорционального удовлетворения требований кредиторов необходимо унифицировать судебную практику арбитражных судов и судов общей юрисдикции для создания наиболее прозрачной системы удовлетворения требований каждого кредитора и недопустимости приоритета чьих-либо прав над правами других участников данной категории гражданского оборота.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»//СЗ РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190 (с послед. изм.)

2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»//СЗ РФ. 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 40 (с послед. изм.)
3. Шишмарева, Т. П. Защита прав дольщиков по договору участия в долевом строительстве при признании застройщика несостоятельным (банкротом) // Правовые вопросы строительства. 2010. № 1. С-23.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.07.2000 № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве»// Вестник ВАС РФ, № 9, 2000
5. Определение ВАС РФ от 21 марта 2013 г. № ВАС-13239/12 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации»// СПС Консультант плюс
6. Обобщение практики рассмотрения Судами Российской Федерации дел по спорам между гражданами и организациями, привлекающими денежные средства граждан для строительства многоквартирных жилых домов (утв. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, 2003
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»// Вестник ВАС РФ, № 8, август, 2012
8. Егоров, А. В. Банкротство организаций-застройщиков// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 4 / 2007. С-38

Особенности правового регулирования деятельности предприятия в странах Европы

Кицай Юлиана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта (г. Калининград)

Особый интерес вызывает анализ источников права, на основе которых происходит правовое регулирование деятельности предприятия в странах Европы, что частично связано с вопросом о дуализме частного права.

Под дуализмом частного права понимается его деление на гражданское (*Bürgerliches Recht*) и торговое право (*Handelsrecht*), которые совместно регулируют гражданско-правовые отношения. Такое разделение обусловлено исторически сложившимися обстоятельствами, в том числе благодаря сословному характеру феодального общества и специфической профессиональной деятельности купеческого сословия, когда нормы, регулирующие коммерческую деятельность, распространялись лишь на лиц торгового звания. В настоящее время под торговым правом, в широком смысле, принято понимать отрасль права, регулирующую отношения в сфере предпринимательской деятельности. В той части, в которой данная деятельность не урегулирована нормами торгового права, в силу вступают нормы гражданского права. Таким образом, в странах с дуалистической системой частного права нормы торгового права соотносятся с нормами гражданского права в качестве специальных норм к нормам общего права.

К примеру, в Германии и Австрии существуют и гражданский, и торговый кодексы (уложения). И если в Германии оба этих кодификационных акта были приняты в одно время, а точнее — в 1896 и 1897 годах, то в Австрии ныне действующие Всеобщее гражданское уложение (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch*) было

принято в 1811 году, а ныне действующие Предпринимательское уложение — в 2005 году. Сразу следует отметить две существенные детали: во-первых, в Австрии с 1939 по 2007 год с незначительными перерывами действовало Торговое уложение, представляющее собой, по сути, Германское торговое уложение 1897 года, во-вторых, при реформе торгового права в 2005 году кодифиционный акт в сфере правового регулирования коммерческой деятельности сменил название с Торгового уложения на Предпринимательское уложение (*Unternehmensgesetzbuch*), или другой вариант перевода с немецкого языка — Предпринимательский кодекс. До 1939 года в сфере торгового права действовало в Австрии действовало Торговое уложение 1862 года, которое являлось партикулярным законом, созданным на основе ОГТУ 1861 года.

Швейцария же, напротив, отошла от позиций дуализма частного права: все правоотношения, которые в Австрии и Германии традиционно относились к сфере действия торгового права, регулируются нормами гражданского права. Особый интерес представляет собой Швейцарский гражданский кодекс, состоящий, по сути, из двух самостоятельных книг. Первая из них — это собственно текст Швейцарского гражданского кодекса, принятого в 1907 году. Вторая его часть — это Швейцарский обязательственный закон 1911 года, который с одной стороны дополняет нормы Швейцарского гражданского кодекса и является его неотъемлемой частью, а с другой стороны имеет свою внутреннюю логическую структуру и собственную нумерацию статей.

Помимо кодифицированных актов деятельность предприятия как объекта гражданских прав в указанных странах регулируется также специальными федеральными законами. Их перечень примерно одинаков во всех трех рассматриваемых странах: это законы об обществах с ограниченной ответственностью, законы об акционерных обществах, положения о несостоятельности и другие.

Непосредственно в Германии к источникам правового регулирования предприятия относятся Германское гражданское уложение (ГГУ) и Германское торговое уложение (ГТУ), действующие с 1 января 1900 года. В первую очередь нормы о деятельности предприятия содержатся в разделе 3 первой книги ГТУ «Торговая фирма», в § 22–28. В связи с тем, что Германия относится к странам с дуалистической системой частного права, то в тех случаях, когда норм торгового права недостаточно для регулирования деятельности предприятия подлежат применению нормы гражданского права, содержащиеся в ГГУ. Это касается широкого спектра гражданско-правовых отношений. Кроме того, непосредственно к нормам гражданского права Германии, регулирующим деятельность предприятия следует также отнести следующие параграфы ГГУ: §§ 157 (толкование договоров), 242 (добросовестное исполнение), 433 (обязанности, типичные по договору купли-продажи), 613а (права и обязанности при переходе предприятия), 823 (обязанность возместить вред).

Среди некодификационных актов Германии, регулирующих данные отношения, необходимо выделить Закон об акционерных обществах (Aktengesetz — AktG), принятый 6 сентября 1965 г., Закон об обществах с ограниченной ответственностью (Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung — GmbHG), принятый 20 апреля 1892 г., Закон о производственных и хозяйственных кооперативах (Genossenschaftsgesetz), принятый 1 мая 1889 г. В первую очередь они интересны тем, что в них речь идет о продолжении фирмы, которая переходит к юридическому лицу вместе с предприятием. Указанные нормы содержатся в § 4 Закона об акционерных обществах, § 4 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и § 3 Закон о производственных и хозяйственных кооперативах. Также нормы указанных законов применяются при приобретении предприятия путем покупки 100% акций в акционерном обществе, или 100% доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Например, согласно п. 3 § 15 Закона об обществах с ограниченной ответственностью договоры о купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью подлежат обязательному нотариальному удостоверению.

Справедливым будет отметить, что третья книга Закона об акционерных обществах посвящена такому явлению как «связанные предприятия» (Verbundene Unternehmen), в том числе и «договорам между предприятиями» (Unternehmensverträge). Интересно, что здесь речь идет о договорах, по которым акционерное общество

подчиняет свое руководство другому обществу или обязуется отчислять прибыль другому обществу.

Другими словами, в контексте «связанных предприятий» предприятие рассматривается в качестве юридического лица, хотя это и не меняет общих представлений о предприятии как об особом имущественном комплексе.

В качестве отдельной группы законов, посвященных регулированию предприятия в Германии, можно выделить законы, которыми на рубеже XX — XXI веков вносились существенные изменения в ГГУ, ГТУ, Закон об акционерных обществах Германии, Закон об обществах с ограниченной ответственностью Германии. Прежде всего, речь идет о так называемом законе о реформе торгового права (Handelsrechtsreformgesetz — HRefG), принятом 22 июня 1998 г., полное название которого — «Закон о новом регулировании прав коммерсантов и фирм и об изменении других предписаний торгового и общественного права» (Gesetz zur Neuregelung des Kaufmanns- und Firmenrechts und zur Änderung anderer handels- und gesellschaftsrechtlicher Vorschriften), и о законе о реформе обязательственного права (Gesetz zur Modernisierung des Schuldrechts — SchuldRModG), принятом 26 ноября 2001 г.

Так же к источникам регулирования деятельности предприятия можно отнести действующий с 1 января 1999 г. Устав о несостоятельности (Insolvenzordnung — InsO, или другой вариант перевода — Положение о несостоятельности), заменивший собой Конкурсный устав (Konkursordnung) 1877 года. В частности, данным Уставом определено то положение, которое занимает предприятие как объект права в случае проведения процедуры объявления лица несостоятельным.

Система источников, регулирующих отношения в связи с деятельностью предприятий в Австрии, во многом схожа с немецкой. Но, несмотря на данную похожесть, среди австрийских норм права существует ряд особенностей, отличающих их от аналогичных норм германского законодательства.

В Австрии, как и в Германии, система дуализма частного права, соответственно, предусматривает деление на гражданское и торговое (предпринимательское) право. Так, основным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность предприятия, является Предпринимательское уложение (Unternehmensgesetzbuch), принятое 10 мая 1897 года и действующие, как было указано выше до сих пор. Также крайне важным представляется прояснить некоторые вопросы, связанные с наименованием и действием данного уложения. Указанный законодательный акт был принят 10 мая 1897 года, но не в Австрии, а в Германской империи и первоначально назывался Торговое уложение (Handelsgesetzbuch). После аншлюса Австрии — то есть насильственного присоединения Австрии к Германии в 1938 году, на территории Австрии было введено в действие Германское торговое уложение 1897 года, — Четвертым постановлением о введении торгово-правовых предписаний в Австрии от 24 де-

кабря 1938 года (*Die Vierte Verordnung zur Einführung handelsrechtlicher Vorschriften im Lande Österreich — EVHGB*). С 1 марта 1939 года, таким образом, на территории Австрии начало действовать Германское торговое уложение.

Это постановление не было отменено после 1945 года, поэтому указанное торговое уложение действует до сих пор. Однако в 2005 году был принят Закон об изменениях торгового права (*Handelsrechts-Änderungsgesetz — HaRÄG*), который вступил в силу с 1 января 2007 года. Именно этим законом вводятся новые положения в законодательство, регулирующие предпринимательские отношения, а сам кодификационный акт меняет помимо всего прочего и свое название с Торгового уложения на Предпринимательское уложение. Собственно именно поэтому в современной австрийской юридической литературе данный нормативный акт обычно упоминается как Предпринимательское уложение (другие варианты перевода — Предпринимательский кодекс, Коммерческое уложение) 2005 года (иногда, правда, встречается вариант 2007 года).

Помимо всего прочего абз. 1 § 1 Предпринимательского уложения вводит законодательно определение понятия «предпринимателя», а абз. 2 § 1 вводит нормативное определение понятия «предприятия» как такового.

В той части, в какой деятельность предприятия в Австрии не урегулирована нормами Предпринимательского уложения, она подлежит регулированию нормами гражданского права, которые содержатся во Всеобщем гражданском уложении Австрии. Указанное Всеобщее гражданское уложение Австрии (*Allgemeine bürgerliche Gesetzbuch — ABGB*) было принято 1 июня 1811 года, вступило в силу с 1 января 1812 года и продолжает действовать до сих пор. Применительно к предприятию речь, прежде всего, идет о нормах 24 и 25 отделов второго раздела второй части Всеобщего гражданского уложения Австрии, а именно о §§ 1053–1089, посвященных общим положениям договора купли-продажи и §§ 1090–1121, посвященных договору аренды. Особо следует выделить § 1409 и § 1409а, посвященные принятию долга в случаях принятия предприятия, а также случаях, когда лицо принявшее предприятие освобождается от долгов предприятия при таком принятии.

Точно так же, как и в Германии, отдельные вопросы деятельности предприятия урегулированы правовыми нормами, которые содержатся в отдельных специальных актах, в том числе и в законах, посвященных конкретным видам юридических лиц. В первую очередь среди них следует выделить Закон об акционерных обществах (*Aktiengesetz — AktG*), принятый 31 марта 1965 года, Закон об обществах с ограниченной ответственностью (*Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung — GmbHG*), принятый 6 марта 1906 года, Закон о промысловых и экономических кооперативах (*Gesetz über Erwerbs und Wirtschaftsgenossenschaften — GenG*), принятый 9 апреля 1873 года. Точно также как и в ана-

логичных законах Германии, в указанных правовых актах в первую очередь урегулирован вопрос о переходе фирмы вместе с предприятием к его новому владельцу. Данному вопросу посвящены нормы, содержащиеся в § 4 Закона об акционерных обществах Австрии, в § 5 Закона об обществах с ограниченной ответственностью Австрии и § 4 Закона о промысловых и экономических кооперативах. Также в этих законах содержатся нормативные предписания, которые применяются в случаях приобретения предприятия путем покупки 100% акций в акционерном обществе или 100% доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Однако, следует подчеркнуть, что несмотря на схожесть системы источников правового регулирования деятельности предприятия в Германии и Австрии, нельзя говорить о том, что они являются идентичными друг другу. Ошибочно было бы считать, что регулирование деятельности предприятия в двух указанных странах ничем друг от друга не отличается. Это хорошо видно на примере вопроса о форме совершения сделки по приобретению предприятия путем покупки 100% доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, владеющего предприятием. Согласно нормам Закона об обществах с ограниченной ответственностью Германии, в частности — абз. 3 § 15, и норме, содержащейся в абз. 2 § 76 Закона об обществах с ограниченной ответственностью Австрии, переход доли в обществе с ограниченной ответственностью от одного лица к другому должен в обязательном порядке заверяться нотариусом. В то же время австрийское законодательство, в отличие от германского, делает из этого правила существенное исключение: согласно абз. 3 § 76 Закона об обществах с ограниченной ответственностью Австрии право передачи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью включает в себя также и право на установление залога на отчуждаемую долю, но в указанном случае норма абз. 3 § 76 австрийского закона прямо предусматривает, что нотариальное удостоверение такой сделки не требуется.

В отличие от системы построения частного права в Германии и Австрии, швейцарская модель в данной отрасли отошла от идей дуализма. В Швейцарии действует только гражданский кодекс. Торгового кодекса (уложения) в Швейцарии нет [1, с. 22]. Правда, Швейцарский Гражданский кодекс (ШГК) содержит нормы, которые регулируют только торговые сделки [2].

Помимо самого ШГК, в Швейцарии действует Швейцарский обязательственный закон (ШОЗ), который, с одной стороны, имеет свою собственную внутреннюю структуру, а с другой стороны является неотъемлемой частью ШГК [1, с. 87–88]. Более того, в 1936 году в ШОЗ были включены нормы, регулирующие деятельность акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, личных товариществ, а также правовое положение фирм [2].

Таким образом, в Швейцарии, в отличие от Австрии и Германии, деятельность предприятия регули-

руется следующими кодифицированными актами гражданского права: Швейцарским гражданским кодексом (Schweizerische Zivilgesetzbuch — ZGB, ШГК), принятым 10 декабря 1907 года, и Швейцарским обязательственным законом (полное название: Bundesgesetz betreffend die Ergänzung des Schweizerischen Zivilgesetzbuches (Fünfter Teil: Obligationenrecht) — Федеральный закон о дополнении Швейцарского гражданского кодекса (часть пятая: обязательственное право), принятый 30 марта 1911 г. При этом, более важную роль играют нормы ШОЗ, а не самого гражданского кодекса. Прежде всего, это нормы 31-го раздела четвертой части ШОЗ, посвященные фирменному наименованию, а в особенности — § 953, позволяющий новому владельцу предприятия использовать прежнюю фирму, если предыдущий владелец или его наследники в четко и прямо выраженной форме дали разрешение на такое использование.

Важное значение для деятельности предприятия имеют нормы, содержащиеся в 26 и 28 разделах третьей части ШОЗ, посвященные деятельности акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, соответственно, если предприятие приобретается путем покупки 100% акций или 100% долей в уставном капитале общества. Особо следует выделить две характерные черты швейцарского законодательства в данном вопросе, отличающие его от законодательства Австрии и Германии.

Во-первых, в швейцарском законодательстве все нормы, посвященные деятельности акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, акционерной командиты и кооперативных обществ, содержатся не в отдельных специальных законах, как это сделано в законодательстве Австрии и Германии, а целиком в третьей части Швейцарского обязательственного закона (ШОЗ). Во-вторых, особый интерес представляет § 785 ШОЗ, согласно которому договор о передаче долей должен быть составлен в письменной форме, но участие нотариуса не является категорическим императивным условием действительности такой сделки, как это сделано в законодательстве Австрии и Германии (§ 76 Закона об обществах с ограниченной ответственностью Австрии и § 15 Закона об обществах с ограниченной ответственностью Германии).

Среди общих норм ШОЗ, регулирующих статус предприятия как объекта различных гражданских прав, необходимо выделить нормы, регулирующие его приобретение новым владельцем. К их числу относятся правовые предписания 6 раздела ШОЗ, посвященные договору купли-продажи, 8 раздела, посвященные общему договору аренды и раздела 8 bis, посвященные договору аренды плодотворяющей вещи. Нормы же самого Швейцарского гражданского кодекса в отношении деятельности предприятия применяются если речь идет о наследовании (третья часть ШГК) или о переходе отдельных элементов, входящих в состав предприятия, прежде всего недвижимости (разделы 19 и 25 — о земельной собственности

и поземельной книги, соответственно), или об установлении залога на предприятие (разделы 22 и 23).

В качестве отдельного источника правового регулирования, правда только в отношении сельскохозяйственного предприятия, можно также указать федеральный закон Швейцарии о сельскохозяйственной аренде (Bundesgesetz über die landwirtschaftliche Pacht — LPG), принятый 4 октября 1985 года, на который прямо ссылается § 276а ШОЗ.

Говоря об источниках права, регулирующих деятельность предприятия в указанных странах, нельзя обойти вниманием такой нехарактерный для стран континентальной системы права источник как судебную практику. С формальной точки зрения ни в Германии, ни в Австрии, ни в Швейцарии она не является источником права. Однако, существующая в мире на сегодняшний день тенденция по сближению правовых систем англо-саксонской и романо-германской правовых семей не обошла стороной и сферу правового регулирования предприятия как объекта гражданских прав. Прежде всего речь идет о Германии и немецкой судебной практике. Так сложилось, что в законодательстве Германии вопросы правового перехода предприятия и их правовые последствия урегулированы недостаточно подробно. Практическое решение возникающих при этом проблем осуществляется судами с помощью толкования законодательства и благодаря опоре на теоретические разработки немецких правоведов, созданному ими доктринальному пониманию предприятия [4, с. 34]. Также следует заметить, что в Германии при разрешении правовых вопросов, связанных с деятельностью предприятия, используется судебная практика не только Верховного суда Германии (Bundesgerichtshof), но также и практика Имперского суда Германии (Reichsgericht) и даже практика высших судов отдельных германских государств, существовавших до вхождения в единую Германию в 1871 году.

В Швейцарии судебная практика также играет большую роль. В связи с рядом особенностей швейцарского правосудия при восполнении пробелов законодательства ШГК активно использует существующую судебную практику [2, с. 181].

Анализ источников права, содержащих нормы, регулирующие положение и деятельность предприятия, позволяет сделать вывод, что в таких странах-членах Европейского Союза, как Австрии и Германия, практически вся деятельность предприятий регулируется преимущественно нормами национального частного права. Отличительной особенностью является отсутствие унификации и гармонизации норм в рамках всего Европейского Союза по данному вопросу. Исключение составляют лишь общие нормы договора о Европейском Союзе и нормы об объединении европейских юридических лиц — Европейском акционерном обществе (Societas Europaea, SE).

Это обстоятельство, а также тот факт, что в национальном праве всех трех рассматриваемых стран дея-

тельность предприятия регулируется общими нормами гражданских и торговых уложений (кодексов), нормами специальных законов об отдельных видах юридических лиц, специальными нормами об отдельных видах сделок, позволяет сделать вывод о том, что данные фак-

торы сближают систему правового регулирования деятельности предприятия в двух рассматриваемых государствах — членах Европейского Союза, Австрии и Германии с системой регулирования данного института в Швейцарии.

Литература:

1. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. Т. 1. М.: Международные отношения, 2006.
2. Современное частное право. В 2-х томах. Цвайгерт К., К тц Х. М.: Международные отношения, 2010.
3. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. Т. 1. М.: Международные отношения, 2006.
4. Грибанов, А. В. Предприятие как имущественный комплекс (объект права) по праву России и Германии. М.: Инфотропик Медиа, 2010.

Проблемы правоприменения в сфере социального обслуживания

Кузьминых Елена Александровна, юрисконсульт;

Подорожных Галина Владимировна, специалист по социальной работе

Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Берегиня» (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра)

Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Берегиня» обслуживает детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, членов их семей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в постинтернатный период (5 лет) на территории Советского района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. До 01.01.2015 в учреждении были представлены все три формы социального обслуживания: стационарное (стационарное отделение, отделение социальной реабилитации), полустационарное (отделение дневного пребывания), нестационарная форма обслуживания (консультативное отделение — участковая социальная служба, отделение психолого-педагогической помощи).

С вступлением в силу 01.01.2015 442-ФЗ [7] за нашим учреждением закреплена только одна форма социального обслуживания — полустационарная. Это создает определенные проблемы в организации деятельности.

Целями нового Закона являются развитие системы социального обслуживания, а также повышение уровня качества и эффективности социального обслуживания. При полустационарном [8] обслуживании социальные услуги предоставляются в определенное время суток. А согласно № 120-ФЗ [9] в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (в т.ч. социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних) несовершеннолетние принимаются в установленном порядке круглосуточно.

При этом, организация питания воспитанников, как и обеспечение их мягким инвентарем, должна проводиться по другим, меньшим по объему, нормам. А условия пребывания воспитанников останутся прежними — кругло-

суточное пребывание. В номенклатуре организаций (отделений) социального обслуживания Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [10], указано, что в состав организаций, осуществляющих полустационарное социальное обслуживание, могут быть включены отделения стационарного социального обслуживания и отделения социального обслуживания на дому. Но в законодательстве нет прямого указания на то, что порядок предоставления социальных услуг и нормы обеспечения питанием, мягким инвентарем несовершеннолетних, временно помещенных в стационарное отделение социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, должны применяться порядок и нормы для социального обслуживания в стационарной форме.

Также согласно номенклатуре организаций (отделений) социального обслуживания Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, к организациям, предоставляющим срочные социальные услуги отнесены: служба срочного социального обслуживания, в том числе экстренной психологической помощи; консультативный центр; иные организации, осуществляющие срочное социальное обслуживание. В соответствии с законодательством [11] срочные социальные услуги предоставляются комплексными центрами социального обслуживания населения в целях оказания неотложной помощи.

В структуре же нашего учреждения имеется консультативное отделение (участковая социальная служба) и отделение психолога — педагогической помощи, в составе которого службы «Социальный патруль», «Экстренная детская помощь», целью которых является своевременное выявление несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении и оказание им необхо-

димой социальной помощи. Основные услуги данных подразделений по определению срочные.

Новая структура видов услуг в корне отличается от предшествующей: в ней уже не выделяется материальная помощь, консультативная помощь, реабилитационные услуги, предоставление временного приюта.

Социальное обслуживание основывается на заявительном принципе. Предоставление социальных услуг и отказ от них возможны только с учетом волеизъявления получателя. О предоставлении социальных услуг гражданин (его законный представитель) может обращаться непосредственно сам или по его просьбе иные граждане, государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения, как в уполномоченный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, либо непосредственно к поставщику социальных услуг с письменным либо электронным заявлением о предоставлении социального обслуживания. Форма заявления о предоставлении социальных услуг утверждена Минтрудом России. В соответствии с данной формой гражданин просит предоставить социальные услуги непосредственно ему. Новое законодательство требует оформление заявления от каждого члена семьи, которому требуются социальные услуги. Если ранее семья состояла в учреждении на социальном обслуживании по заявлению одного родителя (законного представителя) несовершеннолетнего, то теперь для признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании необходимо заявление от каждого нуждающегося члена семьи. Это порождает определенные трудности, так как специалистам организации социального обслуживания приходится неоднократно посещать одну семью, чтобы взять со всех нуждающихся членов семьи заявления. Особенно это касается семей, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В отношении данных семей также возникают вопросы на предмет исполнения постановлений комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. С одной стороны, согласно № 120-ФЗ [12] постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав является основанием для проведения индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей, если в постановлении указаны обстоятельства, предусмотренные статьей 5 вышеуказанного Федерального закона. С другой стороны, согласно № 442-ФЗ социальное обслуживание основывается на принципе добровольности и носит заявительный характер. При этом должны соблюдаться требования Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Участковая социальная служба, созданная в учреждении в 2008 году, по своей сути является службой, максимально приближенной к месту жительства граждан, что позволяет реализовать принцип сохранения пребывания граждан в привычной благоприятной среде [13]. Предо-

ставление услуг участковой социальной службой позволяет обеспечить соблюдение прав человека и уважение достоинства личности, гуманный характер и не допускает унижения чести и достоинства человека [14].

В 2014 году в участковой социальной службе на 10 социальных участках обслужено всего 8746 граждан в 3454 семьях, из них обратившихся впервые к участковым специалистам 8316 граждан. Из 3454 семей в составе имеют несовершеннолетних 3132 семьи, всего 1873 несовершеннолетних (59,8%). На патронате (наличие программы социальной адаптации далее ПСА, плана индивидуальной профилактической работы, утвержденного ТКДН и ЗП, далее ИППР) находилось 1536 семей (44%), 4105 (49%) граждан. Специфика социальной работы по участковому принципу предполагает при обращении одного из членов семьи автоматически проводить работу со всеми ее членами, а также родственниками, знакомыми из ближайшего социального окружения, что является основой для эффективной и результативной работы как по выявлению семейного неблагополучия, так и по выводу семей из трудной жизненной ситуации или устранить обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности семьи, граждан.

По новому порядку организации социального обслуживания все услуги должны оказываться при наличии заявления гражданина, акта обследования социально-бытовых условий проживания установленной формы, отличной от используемой ранее, акта оценки нужды, индивидуальной программы получателя социальных услуг. Следовательно, госзадание должно быть уменьшено на 50–56% (разовое оказание услуг, ранее не предполагавшее наличие такого документального сопровождения). При разовом оказании услуг обычно клиент получал простые услуги по принципу «здесь и сейчас». От момента получения запроса (устного) на оказание услуг до получения услуги в полном объеме проходило от 15 до 45 минут. Механизм получения услуг сейчас занимает минимум 10 дней, что может вызвать недовольство клиентов и увеличить количество отрицательных отзывов о системе социального обслуживания и о работе конкретного специалиста.

Механизм учета услуг по новому перечню (один раз в год на одного клиента) предпочтительно, так как позволит оптимизировать затрачиваемое не на работу с клиентом время специалиста. Но отсутствие в новом перечне таких услуг как личный прием граждан, посещение на дому, социальный патронаж затруднит учет проводимой работы и контроль за качественным, результативным и эффективным исполнением ИППСУ специалистами учреждения.

Также патронаж семей на условиях социального контракта предполагает наличие в ПСА не только услуг, которые должны быть оказаны специалистами социозащитных учреждений, но и обязательства самого клиента по предпринимаемым шагам по улучшению своей ситуации. В № 442-ФЗ при этом указано, что индивидуальная

программа для гражданина или его законного представителя имеет рекомендательный характер, и только для поставщика социальных услуг — обязательный характер [15].

В новой модели социального обслуживания можно видеть три составляющие:

- оказание услуг получателю по его же запросу;
- оказание услуг получателю по запросу третьей стороны;
- оказание срочных услуг без оформления ИППСУ.

Проблемы при организации работы учреждений социального обслуживания связаны с необходимостью оформления неоправданно большого количества сопровождающих документов (обслуживание клиента в поло-

вине случаев займет в разы меньше времени, чем процесс оформления всех требуемых бланков в установленные № 442-ФЗ сроки).

Таким образом, на этапе внедрения в работу организации социального обслуживания нового Закона о социальном обслуживании актуальными остаются вопросы оформления документов для признания граждан, нуждающимися в социальном обслуживании, разработки нормативных документов организацией социального обслуживания в связи с принятием нового Закона. Многие вопросы необходимо решать на практике путем взаимодействия заинтересованных органов и учреждений с целью выработки единого подхода по применению нового законодательства.

Литература:

1. Илларионова, С.А. В единстве сила /Илларионова С. А., Талашова А.В. //Инновационное развитие и конкурентоспособность территории: состояние, проблемы, тенденции: сб. статей (Екатеринбург, 12.04.2014 г. (отв. За выпуск Красноперов А.Ф.): Автон. некоммерческ. организация Институт ИРИС-Екатеринбург: Изд-во ЗВЕЗДА, 2014 г.т. 2
2. Мамонова, Ж.А. /Социальный патронаж семей в трудной жизненной ситуации/ Мамонова Ж.А., Кудрявцева О.В.. Бычкова В.А.//Инновационное развитие и конкурентоспособность территории: состояние, проблемы, тенденции: сб. статей (Екатеринбург, 12.04.2014 г. (отв. За выпуск Красноперов А.Ф.): Автон. некоммерческ. организация Институт ИРИС-Екатеринбург: Изд-во ЗВЕЗДА, 2014 г.т. 2
3. Емелина, Т.А. Система менеджмента качества в учреждении социального обслуживания (на примере социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних) // Работник социального обслуживания, № 9 2011 г.
4. Шестаков, В.Ю. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних/ Шестаков В.Ю., Камидуллин В.Р. //Инновационное развитие и конкурентоспособность территории: состояние, проблемы, тенденции: сб. статей (Екатеринбург, 12.04.2014 г. (отв. за выпуск Красноперов А.Ф.): Автон. некоммерческ. организация Институт ИРИС-Екатеринбург: Изд-во ЗВЕЗДА, 2014 г.т. 2
5. Рапота-Охрименко, В. С., Обеспечение необходимых условий для успешной профессиональной деятельности специалистов по социальной работе участковой социальной службы КУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Берегиня»//Проблемы формирования профессионализма специалистов социальной работы: межвузовский сборник научных работ/ФГАОУВПО «Рос. гос. проф. — пед ун-т» под ред. Л.Э. Панкратовой, Л.С. Копыловой, Екатеринбург, 2013 г., 242 с.
6. Рапота-Охрименко, В. с. «Методика проведения исследования случая семьи в практике работы участковых специалистов по социальной работе», /Рапота-Охрименко, В.С. // Вестник социального обслуживания Югры, 2013 г. № 1.
7. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»
8. Ст. 19 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»
9. Ст. 13 Федерального закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»
10. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 11.07.2014 № 259-п
11. Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.11.2014 № 93-оз «Об утверждении перечня социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре»
12. Ст. 6 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»
13. Ст. 4 пункт 2 № 442-ФЗ
14. Ст. 4 пункт 1 № 442-ФЗ
15. Ст. 16 пункт 3 № 442-ФЗ

Проблемные вопросы компенсации морального вреда

Лукиянова Наталья Александровна, студент
Ростовский институт защиты предпринимателя

Статья посвящена проблемам компенсации морального вреда. Проводится анализ вопросов компенсации морального вреда. Вносятся предложения о критериях оценки компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, проблемы, практика, критерии, законодательство, закон, ГК РФ.

Определение размера компенсации морального вреда относится к одному из проблемных вопросов гражданского правового института. Это связано с тем, что в российском законодательстве нет четко сформулированных критериев и методов оценки размера компенсации морального вреда.

Практикой выявлено несовершенство существующих законодательных критериев, их недостаточность. Естественно, такое положение вызывает много проблем при решении споров о компенсации морального вреда в судебном порядке.

Определение понятия «моральный вред» обозначено в Постановлении Пленума Верховного суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [1].

В соответствии с данным Постановлением Пленума Верховного суда РФ, под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законом об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина.

Так же в указанном Постановлении Пленума Верховного суда РФ установлен перечень нравственных переживаний:

- утрата родственников;
- невозможность продолжать активную общественную жизнь;
- потеря работы;
- раскрытие семейной, врачебной тайны;
- распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина;
- физическая боль, связанная с причинением увечья, иным повреждением здоровья;
- заболевание, перенесенное в результате нравственных страданий, и др.

На сегодняшний день возникла ситуация, когда законодатель, закрепляя право на компенсацию морального

вреда, не устанавливает единого метода оценки физических и нравственных страданий, не определяет ни минимальный, ни максимальный размер компенсации, предоставляет определение размера компенсации суду.

В ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ [2] (далее — ГК РФ) законодатель установил ряд критериев, которые должны учитываться судом при определении размера компенсации морального вреда:

- степень вины нарушителя;
- степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред;
- иные заслуживающие внимания обстоятельства.

С введением в действие Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ [3] эти критерии были дополнены другими, установленными в ст. 1101 ГК РФ:

- учитываются требования разумности и справедливости;
- характер физических и нравственных страданий должен оцениваться судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Следует отметить, что при взыскании денежных сумм необходимо учитывать реальные возможности причинителя вреда [4, с. 890]. Также суд должен принимать во внимание характер и содержание публикации, степень распространения в публикации недостоверных сведений, а также другие заслуживающие внимания обстоятельства.

Таким образом, закон подробно определил критерии, которыми следует руководствоваться при рассмотрении дел о компенсации морального вреда.

Однако в законе не содержится указаний каким образом следует исчислять размер подлежащего возмещению морального вреда и как измерить степень и глубину страданий.

Существует несколько методик определения размера морального вреда. Большинство сводятся к предварительному установлению размера компенсации в виде тарифов или четко определенных рамок.

При этом возможно применение некой общей формулы, в основу которой заложены презюмируемые моральные страдания, которые должен испытывать средний, нормально реагирующий на совершаемые в отношении

него неправомерные действия человек, а размер компенсации может меняться в большую или меньшую сторону в зависимости от конкретных обстоятельств.

Презюмируемый моральный вред — это страдания, которые по общему представлению, должен испытывать (не может не испытывать) «средний», «нормально» реагирующий на совершение в отношении него противоправного деяния человек [5, с. 43].

А.М. Эрделевский в основу своей методики определения размера морального вреда поставил зависимость размера денежной компенсации морального вреда от степени опасности правонарушения, а именно от размеров санкций за то или иное преступление, предусмотренных Уголовным кодексом. Для расчетов размера причиненного вреда он ввел новую категорию «базисный уровень». Она представляет собой единицу вычисления, определенную исходя из уровня страданий, испытываемых потерпевшим при причинении ему тяжкого вреда [6, с. 7].

Т.П. Будякова считает, что «принцип презюмирования морального вреда особенно значим, когда речь идет о такой группе потерпевших, как несовершеннолетние» [7, с. 21].

З.Б. Хавжокова полагает, что для определения размеров компенсации морального вреда следует воспринять концепцию презюмируемого морального вреда. Одновременно она предлагает, во-первых, установление как минимальных, так и максимальных пределов компенсации морального вреда по каждому конкретному правонарушению, в зависимости от его общественной опасности и ценности нарушенного нематериального блага. Во-вторых, считает необходимым предоставить суду возможность в указанных рамках варьировать размер компенсации морального вреда, учитывая обстоятельства рассматриваемого дела, которыми могут быть: характер распространенных сведений, сфера, объем и неоднократность их распространения, публичность распространения, последствия, наступившие для потерпевшего в связи с распространением сведений [8, с. 12].

Но в этом подходе существуют и недостатки.

Так, по мнению А.И. Карномазова данный подход вообще не соответствует юридической природе рассматриваемого института, прежде всего, как института частного права. Кроме этого, такие предложения в любом случае не соответствуют историческим тенденциям развития института компенсации морального вреда, а также современной легальной позиции законодателя, который отказался от

модели штрафной компенсации и в основу определения ее размера положил судебское усмотрение [9, с. 14].

По мнению М.С. Мережкиной, исследование вопроса об определении размера компенсации морального вреда приводит к выводу о том, что законодатель правомерно предоставил только суду решать вопрос о размере компенсации. Установление высших или нижних пределов компенсации, обсуждаемое в цивилистической науке, будет препятствовать учету индивидуальных особенностей конкретного случая возмещения вреда, причиненного лишением жизни [10, с. 14].

С учетом требований ст. 151, 1101 ГК РФ, в соответствии, с чем можно предположить, что законодатель устранил некоторую неясность, связанную с критериями определения размеров компенсации морального вреда, установив в ст. 1101 ГК РФ, что размер компенсации зависит от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий.

По мнению А.И. Карномазова поскольку компенсация морального вреда является мерой юридической ответственности, то размер компенсации должен носить определенный и предсказуемый характер для сходных случаев. Фактически легализованное в настоящее время свободное судебское усмотрение при определении размера компенсации морального вреда ведет к отсутствию единообразия в правоприменительной практике и, следовательно, нарушает принцип правового равенства [11, с. 145].

Поскольку законодатель не установил единую систему определения размера компенсации, и таким образом предоставил этот вопрос на усмотрение суда, то таким судом следует считать Верховный Суд РФ. Он должен предложить судам общие правила и подход к определению размера компенсации морального вреда, оставляя при этом достаточный простор усмотрению суда при решении конкретных дел.

Естественно, споры в данном институте неизбежны, однако с установлением единых правил определения размера компенсации морального вреда, количество их значительно сократиться.

Представляется возможным предложить при оценке компенсации морального вреда руководствоваться такими критериями как, в частности возраст лица, которому данный вред нанесен.

Представляется, что следует учитывать и ситуативные моменты, т.е. определенные ситуации, в которых находилось лицо, которому причинен такой вред.

Также следует учитывать, впервые ли произошла данная ситуация или не впервые.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 08.02.1995.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

4. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части второй (постатейный). Изд. 5-е, испр. и доп. с использованием судебно-арбитражной практики / Рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук, профессор О.Н. Садиков. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2006. 987 с.
5. Владимирова, В.В. Компенсация морального вреда — мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. — М.: Волтерс Клувер, 2010. 166 с.
6. Эрделевский, А.М. Концепция морального вреда в России и за рубежом. М., 1999. 285 с.
7. Будякова, Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. СПб., 2005. 249 с.
8. Хавжокова, З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2009. 205 с.
9. Карномазов, А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Самара, 2010. 221 с.
10. Мережкина, М.С. Возмещение вреда, причиненного лишением жизни гражданина: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2006. 188 с.
11. Карномазов, А.И. Концептуальные подходы к проблеме определения размера компенсации морального вреда // Правовая политика и правовая жизнь. Академический и вузовский юридический научный журнал. 2004. № 4. с. 144—146.

К вопросу о солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций

Настин Павел Сергеевич, соискатель

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

В настоящей статье рассматривается обоснованность установленной законодателем нормы о солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций. Определяется, насколько данное правило отвечает интересам всех владельцев акций, а также рассматривается то, насколько данная норма соотносится с действующими правилами о распределении расходов между солидарными должниками. Делаются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: акционерное общество, реестр акционеров, ответственность, ценные бумаги.

Согласно закону об акционерных обществах акционерное общество, поручившее ведение и хранение реестра акционеров общества регистратору, не освобождается от ответственности за ведение и хранение такого реестра. Акционерное общество и реестродержатель солидарно несут ответственность за убытки, причиненные акционеру в результате утраты акций или невозможности осуществить права, удостоверенные акциями, в связи с ненадлежащим соблюдением порядка ведения реестра акционеров корпорации, если не будет доказано, что надлежащее соблюдение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы или действий (бездействия) акционера, требующего возмещения убытков, в том числе вследствие того, что акционер не принял разумные меры к их уменьшению [10, п. 4 ст. 44].

Вопрос о солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций, до настоящего времени является предметом дискуссии [4, с. 43—46; 2, с. 16—29; 8, с. 11—31; 1, 168 с.; 3, с. 145—149; 12, с. 2—12].

На уровне действующего законодательства данное правило основывается на положениях Гражданского кодекса

РФ о солидарной ответственности лица, выпустившего бездокументарные ценные бумаги, и лица, осуществляющего по его поручению учет прав на такие ценные бумаги, за убытки, причиненные в результате нарушения порядка учета прав или порядка совершения операций по счетам, а также утраты учетных данных, предоставления недостоверной информации об учетных данных, если не докажут, что нарушение стало следствием действия непреодолимой силы (п. 4 ст. 149 Гражданского кодекса РФ).

При этом акции акционерного общества относятся к бездокументарным ценным бумагам, поскольку являются именными эмиссионными ценными бумагами [10, п. 2 ст. 25], а именные эмиссионные ценные бумаги могут выпускаться только в бездокументарной форме [9, ст. 16]. Помимо акций к бездокументарным ценным бумагам также относятся инвестиционные паи паевых фондов, опционы, облигации, то есть финансовые инструменты, связанные с инвестированием денежных средств и последующим участием в распределении прибыли, полученной от их размещения, а также связанные с возвратом соразмерной их стоимости компенсации. Данные финансовые инструменты сами по себе являются объектами прав, об-

ладают определенной стоимостью и являются активными предметами гражданского оборота. Однако в отличие от иных бездокументарных ценных бумаг акции предоставляют их владельцам еще и возможность оказывать влияние на принимаемые должником по таким акциям решения, то есть владельцы акций получают возможность управлять эмитентом и в этом отношении несут долю «ответственности» за получение либо неполучение этим эмитентом прибыли. Иные финансовые инструменты среди бездокументарных ценных бумаг не дают своим владельцам подобного рода привилегий¹.

На уровне судебной практики также выработана определенная аргументированная позиция относительно нормативного положения о солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций. Указанную позицию можно продемонстрировать на примере постановления Конституционного суда Российской Федерации от 28.01.2010 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)». В указанном постановлении судьи Конституционного суда пришли к выводу, что положения о солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций, не могут рассматриваться как противоречащие Конституции Российской Федерации. К указанному выводу судьи Конституционного суда пришли на основании следующего. Во-первых, законодатель не навязывает акционерному обществу выбор конкретного реестродержателя (что позволяет выбрать наиболее надежного, в максимальной степени способного обеспечить сохранность акций) и не ограничивает его в возможности, руководствуясь принципом свободы договора (ст. 421 Гражданского кодекса РФ), предусмотреть в договоре с регистратором любые не противоречащие закону способы защиты своих интересов и интересов своих акционеров. Во-вторых, договорные отношения между акционерным обществом и регистратором в значительной степени затрагивают интересы акционеров, однако акционеры непосредственно не влияют на выбор (или последующую замену) регистратора, а также на определение условий договора с ним: именно акционерное общество выбирает регистратора и вырабатывает условия договора с ним. В-третьих, акционер, по общему правилу, является более слабой стороной в данных правоотношениях [5].

Как представляется, такая позиция по вопросу о солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций,

является обоснованной и отвечающей интересам всех владельцев акций как лицам, не принимающим непосредственного участия в выборе реестродержателя и утверждении условий договора с ним, а также как наименее защищенной стороне соответствующих правоотношений.

В частности, следует согласиться с доводом о том, что акционеры непосредственно не влияют на выбор регистратора, а также на определение условий договора с ним: именно акционерное общество выбирает регистратора и вырабатывает условия договора с ним. При этом следует упомянуть, что согласно действующему закону об акционерных обществах в компетенцию совета директоров акционерного общества входит утверждение реестродержателя акционерного общества и условий договора с ним, а также расторжение договора с реестродержателем [10, пп. 17 п. 1 ст. 65]. В акционерном обществе, в котором совет директоров не сформирован, устав такого общества может предусматривать, что функции совета директоров осуществляет общее собрание акционеров. Однако, думается, что в данном случае нельзя говорить о том, что акционеры влияют на выбор реестродержателя и определение условий договора с ним непосредственно. Такое влияние можно назвать лишь косвенным, опосредованным. Так, в акционерных обществах, в которых не создан совет директоров, акционеры, голосуя по вопросу утверждения реестродержателя корпорации и условий договора с этим реестродержателем, формируют волю самой корпорации. Исполнение соответствующего решения также возлагается на соответствующий исполнительный орган корпоративной организации. Таким образом, помимо того, что соответствующее решение принимается не единогласно, а большинством голосов, действия по заключению договора с реестродержателем совершаются самой корпорацией. Кроме того, следует сказать, что акции составляют личное имущество каждого из акционеров, а не их совместную собственность, такие акции также не являются имуществом корпорации, однако определение лица, осуществляющего учет таких акций, совершается без учета мнения тех владельцев акций, кто непосредственно не участвовал в голосовании по вопросу о выборе реестродержателя и определении условий договора с ним либо голосовал против.

Если же в акционерном обществе создан совет директоров, то участие акционеров в решении вопроса о выборе реестродержателя и определении условий договора с ним тем более не является непосредственным.

Одним из аргументов ученых и практических работников, выступающих против установления солидарной ответственности эмитента и реестродержателя перед акционером за убытки, вызванные утратой акций, является указание на то, что передача реестра акционеров реестродержателю является не правом, а обязанностью кор-

¹ Права, связанные с коллективным решением определенных вопросов, предоставлены также владельцам инвестиционных паев. Однако общее собрание владельцев таких паев не рассматривает вопросы хозяйственной деятельности обязанного по ценным бумагам лица и, как представляется, носит более формальный характер [11, ст. 16]

поративной организации, возложенной на нее законом. Требования же, «предъявляемые к регистраторам, устанавливает не эмитент, а государство в лице своего лицензирующего органа. При этом нельзя не отметить, что содержание и условия договора о ведении реестра в значительной мере определены нормативно и возможности у эмитента устанавливать свои условия взаимоотношений с регистратором ограничены» [6]. При этом, думается, что позиция законодателя об обязательной передаче эмитентом деятельности по ведению реестра акционеров специализированной организации не является необоснованной. Такая обязанность акционерных обществ является одной из мер по защите акционеров от утраты ими своих акций в результате злоупотреблений со стороны корпоративной организации, которая является кредитором таких акционеров. Подобная защита осуществляется путем оказания акционерных обществ передать ведение реестра акционеров независимому лицу. Установление государством определенных требований к реестродержателям и условиям заключаемых с ними договоров не может говорить о том, что акционерные общества-эмитенты не вправе при выборе соответствующего реестродержателя руководствоваться более высокими требованиями к своему контрагенту. Более того, в силу принципа свободы договора (ст. 421 Гражданского кодекса РФ) акционерное общество может предусмотреть в договоре с реестродержателем положение о добровольном страховании таким реестродержателем риска неправомерного списания акций. Ответственность в результате реализации указанного риска может быть застрахована и самим эмитентом.

Следует также упомянуть, что акционерное общество, являясь коммерческой организацией, осуществляет предпринимательскую деятельность. Как верно отмечают судьи Конституционного суда РФ, для акционерного общества основной целью деятельности является извлечение прибыли, а собственный капитал акционерного общества «изначально основан на привлечении средств инвесторов-акционеров, деятельность по ведению реестра акционеров общества ... неразрывна с самим фактом существования акционерного общества и — независимо от того, является держателем реестра акционеров само акционерное общество (эмитент) или профессиональный участник рынка ценных бумаг (регистратор), — не может считаться видом деятельности, не связанным с предпринимательством» [6, абз. 4 п. 3.1]², с чем, думается, следует полностью согласиться. В связи с чем представляется, что при рассмотрении вопроса о привлечении акционерного общества и реестродержателя к солидарной ответственности за убытки, причиненные акционеру в результате утраты им акций, суды обоснованно ссылаются на п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ, согласно которому лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринима-

тельской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Другим аргументом противников солидарной ответственности акционерного общества и реестродержателя за убытки, причиненные акционеру в результате утраты им акций, является указание на то, что подобное положение дел приводит к нарушению прав всех иных акционеров, чьи акции не были необоснованно списаны реестродержателем. Сторонники такой позиции указывают, что выплаты в счет возмещения убытков акционера в данном случае производятся за счет фондов корпорации, которые могли быть направлены на выплаты всем ее участникам дивидендов. Иными словами, возмещение убытков пострадавшему акционеру производится фактически за счет иных участников корпоративной организации [6]. Однако в данном случае следует возразить тем, что, во-первых, у акционерного общества, полностью возместившего убытки акционеру, появляется право регрессного требования к реестродержателю в размере пятидесяти процентов от фактически уплаченной суммы. Такое право требования также составляет актив корпорации. Кроме того, зная требования действующего законодательства, акционерное общество имеет возможность заранее предотвратить возможные негативные последствия реализации рассматриваемых рисков, используя, скажем, институт страхования своей ответственности за убытки, причиненные акционеру в результате утраты таким акционером своих акций.

В связи с чем, представляется, справедливым установление в действующем законодательстве солидарной ответственности реестродержателя и эмитента за убытки акционера, причиненные ему в результате утраты акций. При этом, думается, что внимания требуют следующие два вопроса.

Во-первых, вопрос о распределении расходов между солидарными должниками. Согласно действующему законодательству данный вопрос решается следующим образом: «должник, исполнивший солидарную обязанность, имеет право обратного требования (регресса) к другому должнику в размере половины суммы возмещенных убытков. Условия осуществления данного права (в том числе размер обратного требования (регресса)) могут быть определены соглашением между обществом и регистратором. При наличии вины только одного из солидарных должников виновный должник не имеет права обратного требования (регресса) к невиновному должнику, а невиновный должник имеет право обратного требования (регресса) к виновному должнику в размере всей суммы возмещенных убытков. При наличии вины обоих солидарных должников размер обратного требо-

² В ряде случаев суды указывают, что непосредственно ведение реестра акционеров является предпринимательской деятельностью акционерного общества независимо от того, является ли держателем реестра акционеров само общество или реестродержатель [7].

вания (регресса) определяется в зависимости от степени вины каждого солидарного должника, а в случае невозможности определить степень вины каждого из них размер обратного требования (регресса) составляет половину суммы возмещенных убытков» [10, абз. 3 п. 4 ст. 44]. Как представляется, с учетом сказанного выше неверно говорить о том, что у одного из лиц, несущих солидарную ответственность, может полностью отсутствовать вина в причинении ущерба. В той или иной степени, вина за такой ущерб всегда «делится» между реестродержателем и эмитентом, при этом вина эмитента, в частности, может заключаться лишь в выборе «нерадивого» реестродержателя. В связи с чем, думается, что абз. 3 п. 4 ст. 44 закона об акционерных обществах следует изложить в следующей редакции: «Должник, исполнивший солидарную обязанность, имеет право обратного требования (регресса) к другому должнику в размере половины суммы возмещенных убытков. Условия осуществления данного права (в том числе размер обратного требования (регресса)) могут быть определены соглашением между обществом и регистратором. Размер обратного требования (регресса) может быть определен судом в зависимости от степени вины каждого солидарного должника, а в случае невозможности определить степень вины каждого из них размер обратного требования (регресса) составляет половину суммы возмещенных убытков». Таким образом, из данной нормы исключаются положения об указании на возможность полного отсутствия вины одного из лиц, несущих солидарную ответственность.

Во-вторых, вопрос о введении дополнительных мер обеспечения предотвращения причинения ущерба акционерам и возмещения возможных убытков. Думается, следует согласиться с предложением ряда ученых о вве-

дении обязательного страхования ответственности реестродержателя для обеспечения компенсации возможного ущерба интересам акционеров [12, с. 2–12]. То есть сделать требование о страховании реестродержателем ответственности необходимым для получения лицензии и последующего осуществления лицензируемой деятельности. Более того, думается, что для снижения финансовой нагрузки на само акционерное общество необходимо также законодательно установить обязанность для такого акционерного общества страховать свою ответственность перед акционерами за возникновение у них убытков в результате утраты ими своих акций.

Помимо этого, в качестве мер по уменьшению риска необоснованного списания акций с лицевых счетов акционеров, думается, следует использовать и иные предложения, сделанные отечественными учеными. Например, К. К. Лебедев справедливо предлагает закрепить обязанность реестродержателя периодически информировать эмитента обо всех изменениях, произошедших в реестре за определенный период времени. Г. С. Шапкина предлагает установить обязанность реестродержателя информировать владельца акций обо всех операциях, проводимых по его лицевому счету [3, с. 148], с чем также следует согласиться. Следует обратить внимание, что средства уведомления клиента об изменениях, произведенных по его расчетному счету, в настоящее время широко применяются кредитными организациями. Кредитными организациями осуществляется информирование клиента об изменениях, произведенных по его расчетному счету, в частности, путем направления сообщения на номер мобильного телефона клиента, на адрес электронной почты этого клиента. Такие сообщения, как правило, направляются незамедлительно после совершения соответствующей операции по расчетному счету клиента.

Литература:

1. Добровольский, В. И. Ответственность рейдера по российскому законодательству. — М.: Волтерс Клувер. — 2010. — 168 с.
2. Долинская, В. В. Корпоративные споры по вопросам ответственности за списание акций по поддельным документам из системы ведения реестра//Законы России: опыт, анализ, практика. — 2010. — № 7.
3. Звездина, Т. М. Динамика правового регулирования ответственности общества-эмитента и регистратора за ведение и хранение реестра//Бизнес, менеджмент и право. — 2009. — № 3.
4. Новоселова, Л. А. Ответственность реестродержателя за нарушение порядка ведения реестра//Корпоративный юрист. — 2005. — № 3.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)»//СПС КонсультантПлюс
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)». Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Мельникова//СПС КонсультантПлюс
7. Постановление ФАС Уральского округа от 19.04.2012 № Ф09–2360/12 по делу № А07–3975/2011//СПС КонсультантПлюс

8. Степанов, Д. И. Ответственность эмитента и регистратора за необоснованное списание акций//Вестник ВАС РФ. — 2007. — № 3.
9. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О рынке ценных бумаг»//СПС КонсультантПлюс
10. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об акционерных обществах»//СПС КонсультантПлюс
11. Федеральный закон от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об инвестиционных фондах» (ст. 16) // СПС КонсультантПлюс
12. Шиткина, И. С. Парадигма и парадоксы корпоративного права//Предпринимательское право. — 2010. — № 1

Понятие производственного кооператива

Нестерова Надежда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский государственный университет путей сообщения

Кооперативное законодательство России имеет более чем полуторавековую историю. В 1831 году ссыльные декабристы — цвет русской нации, создали в Забайкальске на Петровском заводе потребительское общество «Большая артель». Появлению первых кооперативов в России способствовали общественный подъём в годы революционной ситуации 1859—1861 гг., Крестьянская реформа 1861 г. и создание земств. Кооперативы в России существовали в виде производственных артелей, потребительских обществ, ссудо-сберегательных товариществ и тому подобных организаций. В 1863 г. возникла земледельческая артель в Бессарабской губернии. Затем появился ряд подобных артелей в Полтавской, Киевской, Черниговской и других губерниях. Это были мелкобуржуазные попытки крестьянской борьбы с бедностью, против зависимости от помещиков, ростовщиков и скупщиков. В 1864 г. образовались потребительские общества служащих Кынковского завода в Пермской губернии и рабочих Петровского завода в Забайкальской области. В 1865 г. было основано для крестьян помещиками с. Ф. и В. Ф. Лугинными ссудно-сберегательное товарищество в Костромской губернии [1, с. 120—130]. Потребительские кооперативы получили распространение главным образом в городах. Недостаточное развитие капиталистических отношений и пережитки крепостничества сдерживали рост кооперативного движения. Из 75 потребительских обществ, образовавшихся в 1865—70, вскоре распались 59 [2, с. 145—147]. Неудача постигла и многие земледельческие артели. Инициаторами и участниками первых кооперативов были сравнительно состоятельные крестьяне и либеральные интеллигенты. В 90-е гг. произошёл подъём кооперативного движения, чему способствовало усиление темпов капиталистического развития страны. В 1891 г. по инициативе земского деятеля Н. Г. Фёдорова стали создаваться земледельческие артели в Пермской губернии, где их было в 1892 г. уже 108 [3, с. 148]. Но по мере того как крестьяне обзаводились лошадьми и инвентарём, они выходили из артелей,

которые, просуществовав несколько лет, распадались. В 90-е гг. по инициативе самих крестьян возникло несколько земледельческих артелей в Вятской губернии. С 1894 г. организовывались крестьянские артели в Херсонской губернии под руководством участкового агронома Н. В. Левитского. За 1894—1897 гг. здесь было образовано 119 земледельческих артелей, но к началу 20 века осталось только 16 [4, с. 58—76]. В конце 90-х гг. появляются первые маслodelьные артели в Сибири. В 1898 г. был создан Московский союз потребительских обществ (МСПО), ставший затем всероссийским центром этого вида кооперации (с 1917 г. — Центросоюз). За 1881—1905 гг. в стране возникло 1198 потребительских кооперативов. Развитию кредитной кооперации способствовало Положение о мелком кредите от 1 июня 1895 г. Созданное при Госбанке в 1904 г. Управление по делам мелкого кредита предоставляло ссуды и кооперации. Вся российская кооперация развивалась при покровительстве государства, под его надзором и контролем, поэтому была связана с ним и зависела от него.

Широкий размах кооперативное движение получило после Революции 1905—1907 г.г., когда число кооперативов возросло в 15—17, членов — в 20—25 раз [5, с. 36—45]. После Февральской революции 1917 г. кооперация активно включается в политическую жизнь. Кооперативные лидеры поддерживали Временное правительство, которое 20 марта 1917 г. утвердило либеральный кооперативный закон, Кооператоры получили выгодные заказы, вошли в состав правительственных органов, Состоявшийся 25—27 марта 1917 г. в Москве Всероссийский кооперативный съезд одобрил политику Временного правительства. Для руководства неторговой деятельностью кооперации был избран Совет Всероссийских кооперативных съездов (Н. А. Каблуков, С. Л. Маслов, А. В. Меркулов, В. Н. Зельгейм и др.) [6, с. 123—127].

По мнению Н. Н. Пахомовой, производственные кооперативы представляют собой «организационную форму корпоративных отношений, в которой, во-первых, присутствует объединение имущества участников и объединение

их деятельности в коммерческих целях, во-вторых, участники корпоративных отношений обладают различными степенями присвоения, так как один из участников — юридическое лицо. В корпоративных отношениях с участием производственного кооператива сам кооператив как юридическое лицо участвует и в объединении имущества, и в объединении деятельности. Причем об объединении деятельности как членов кооператива, так и членов кооператива и самого кооператива можно утверждать по следующим основаниям. Так, кооперативная форма предполагает обязательное личное участие в деятельности кооператива всех его членов. Управление и ведение дел в производственном кооперативе осуществляют его органы, которые формируются особым образом — только из членов кооператива. Фактически в принятии управленческих решений и их реализации принимают участие сами члены кооператива. Кроме того, они участвуют и в производственном процессе» [7, с. 37].

В настоящее время кооперативы, их создание и функционирование регулируются Конституцией РФ (ст. ст. 30, 34), Гражданским кодексом РФ (ст. 107–112; ст. 116), а также Федеральным Законом от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах», Федеральным Законом от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации».

Гражданский кодекс РФ (ст. 107) определил производственный кооператив (артель) как добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности (производство, переработка, сбыт промышленной, сельскохозяйственной и иной продукции, выполнение работ, торговля, бытовое обслуживание, оказание других услуг), основанной на их личном трудовом и ином участии и объединении его членами (участниками) имущественных паевых взносов [8, Ст. 107].

Указание на личное трудовое участие в определении кооператива в целом, по нашему мнению является обоснованным, поскольку основу кооператива составляют участники, ведущие в нем трудовую деятельность.

При создании производственного кооператива необходимо учитывать указанную специфику рассматриваемой формы юридического лица, поскольку без личного трудового участия членов кооператива существование кооператива представляется невозможным.

Закон «О сельскохозяйственной кооперации» в пункте 1 статьи 3 регулирует организацию и деятельность двух основных видов сельскохозяйственных производственных кооперативов:

- сельскохозяйственная либо рыболовецкая артель (колхоз)
- кооперативное хозяйство (коопхоз) [9, Ст. 4870].

Сельскохозяйственным производственным кооперативом признается сельскохозяйственный кооператив, созданный гражданами для совместной деятельности по производству, переработки и сбыту сельскохозяйственной продукции, а также для выполнения иной не за-

прещенной законом деятельности, основанной на личном трудовом участии членов кооператива.

Правовое положение сельскохозяйственных производственных кооперативов и его членов схоже с несельскохозяйственными кооперативами. Однако имеется ряд особенностей, характерных только для сельскохозяйственных кооперативов. Сельскохозяйственной или рыболовецкой артелью (колхозом) признается сельскохозяйственный кооператив, созданный гражданами на основе добровольного членства для совместной деятельности по производству, переработке, сбыту сельскохозяйственной продукции, а также для иной не запрещенной законом деятельности путем добровольного объединения имущественных паевых взносов в виде денежных средств, земельных участков, земельных и имущественных долей и другого имущества граждан и передаче их в паевой фонд кооператива. Фирменное наименование сельскохозяйственной или рыболовецкой артели (коопхоза) должно содержать ее наименование и слова «сельскохозяйственная артель» (коопхоз) либо «рыболовецкая артель» (коопхоз).

Коопхозом признается сельскохозяйственный кооператив, созданный главами крестьянских (фермерских) хозяйств и (или) гражданами, ведущими личные подсобные хозяйства, на основе добровольного членства для совместной деятельности по обработке земли, производство животноводческой продукции или для выполнения иной деятельности, связанной с производством сельскохозяйственной продукции и основанной на личном трудовом участии членов коопхоза и объединении их имущественных паевых взносов в размере и порядке, установленными законом и уставом коопхоза [10, Ст. 2321]. При этом в паевой фонд колхоза не передаются земельные участки, которые остаются в собственности (владении, аренде) крестьянских (фермерских) или личных подсобных хозяйств, за исключением земель, предназначенных для общекрестьянских нужд. Фирменное наименование коопхоза должно содержать его наименование и слово «коопхоз». В соответствии с пунктом 3 статьи 107 Гражданского кодекса Российской Федерации фирменное наименование кооператива должно содержать его наименование и слова «производственный кооператив» или «артель». С учетом этого, включение в фирменное наименование слова «коопхоз» является лишним, противоречащим Гражданскому кодексу, и не должно применяться в официальном наименовании в сельскохозяйственных производственных кооперативов. Необходимо отметить, что после принятия Закона коопхозы и совхозы преобразуются, как правило, в производственные кооперативы.

Иное определение дает Федеральный Закон «О производственных кооперативах»: Производственным кооперативом (артелью) — признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной и иной хозяйственной деятельности, основанной на их личном трудовом и ином участии и объ-

единении его членами (участниками) имущественных паевых взносов [10]. Возможность иного участия членов кооператива в его деятельности может быть ограничена уставом кооператива. Кооператив вправе запретить участие лиц, не желающих осуществлять в кооперативе трудовую деятельность. Если иное участие в деятельности кооператива не запрещено уставом, количество таких членов не может превышать двадцать пять процентов от лиц, принимающих личное трудовое участие в деятельности кооператива. Данное ограничение связано с предотвращением перерождения производственного кооператива в хозяйственное общество, где личное трудовое участие не требуется.

Действующее законодательство рассматривает производственный кооператив как коммерческое юридическое лицо, установив в качестве основной цели создания извлечение прибыли. Между тем у кооператива как сообщества прежде всего людей, а не капиталов (независимо от

их вида: производственные, потребительские) основная цель совсем другая. Она состоит в удовлетворении материальных и иных потребностей его членов.

Достигается данная цель несомненно посредством прибыли, без которой невозможно развитие не только производственного кооператива, но и потребительского общества, отнесенного Гражданским кодексом к некоммерческим организациям, хотя деятельность потребительского общества, не менее чем производственного кооператива, связана с прибылью, позволяющей удовлетворять потребности пайщиков в товарах и услугах (в сфере торговли, заготовок, переработки и т.п.). Прибыль, получаемая любым кооперативом от его деятельности, используется на его развитие, вознаграждение членов соответственно их участию в делах, на жилищное строительство, повышение образовательного, культурного уровня членов, их социальное обеспечение и другие, предусмотренные уставом кооператива цели.

Литература:

1. Балабанов, М., История рабочей кооперации в России, М., 1928.
2. Основные цифры по сельскохозяйственной кооперации. (Статистический справочник), М., 1928.
3. Лапищев, В. Г. Развитие кооперативного движения в России. — М., 2009.
4. Меркулов, А. В., Исторический очерк потребительской кооперации в России, 3 изд., М., 1919.
5. Зюрюкин, В. Е., Прошлое, настоящее и будущее земледельческих артелей в России, П., 1919.
6. Гриценко, И. Ф., Меркулов А. В., Систематический указатель русской литературы по кооперации, 1856—1924 г.г., М., 1925.
7. Пахомова, Н. Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). М., 2004.
8. Гражданский кодекс РФ (часть первая) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32.
9. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 19.07.2009) «О сельскохозяйственной кооперации» (принят ГД ФС РФ 15.11.1995) // «Собрание законодательства РФ», 11.12.1995, № 50.
10. Федеральный Закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ (ред. от 19.07.2009) «О производственных кооперативах» (принят ГД ФС РФ 10.04.1996) // «Собрание законодательства РФ», 13.05.1996, № 20.

Понятие убытков и их классификация в гражданском праве Российской Федерации

Оганезов Роман Георгиевич, магистрант
Российский университет дружбы народов

На сегодняшний день в гражданском обороте ни один из его участников не может полностью обезопасить себя от периодически возникающих неблагоприятных последствий в виде имущественных потерь, которые получают денежную оценку. Такие потери законодательно именуется убытками. Также законодателем иногда используются и другие схожие по значению термины: «расходы», «потери», «ущерб», «вред».

Норм, посвященным убыткам, в ГК РФ содержится огромное множество. Конечно, наиболее важное и основополагающее значение имеют нормы, закрепленные в основных положениях ГК РФ (ст.ст. 12, 15, 16, 16¹).

Также положения об убытках содержатся в главе об ответственности за нарушение договорных обязательств и иных главах, посвященных отдельным его институтам (юридическим лицам, собственности, договорам, деликтам и т.д.). Более того, можно сказать, что ни один крупный федеральный закон в области гражданского права не обходится без положений, регулирующих возмещение убытков.

В доктрине существует множество определений понятия убытков, а также огромное количество их классификаций. В большинстве учебниках и научных публикациях институт убытков обычно рассматривается в рамках

проблематики гражданско-правовой ответственности (монографии О. С. Иоффе, Н. С. Малеина, В. А. Тархова и ряда других авторов). Некоторые ученые рассматривают возмещение убытков в рамках положений ст. 12 ГК РФ, как один из способов защиты гражданских прав.

Несмотря на различия в точках зрения, — пишет С. Л. Дегтярев, — «убытки в любом из определений подразумевают под собой неблагоприятные последствия для потерпевшего, возникшие в результате неправомерного поведения правонарушителя» [3, с. 10]. В многочисленных статьях и комментариях к судебным решениям убытки также рассматриваются и оцениваются как последствие допущенных правонарушений.

В разъяснениях высших судебных инстанций РФ обязанность возмещения убытков также трактуется как последствие нарушения прав участников гражданского оборота и незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, т.е. как последствие правонарушений и проблематика гражданско-правовой ответственности [6].

Судья Арбитражного суда Московского округа, доктор юридических наук, Зверева Е. А. в своей статье под названием «Ответственность предпринимателя за нарушение договорных обязательств» рассматривает убытки как «отрицательное последствие нарушения договорного обязательства» [5, с. 4].

В учебнике гражданского права под редакцией Суханова Е. А. убытки определяются в материальном смысле как денежная оценка имущественных потерь (вреда) и в формальном смысле как «установленная законом мера гражданско-правовой ответственности, предполагающая наличие правонарушения» [1, с. 601, 599].

Такое понимание убытков не является всеобъемлющим. В законодательстве Российской Федерации возмещение убытков может иметь место не только как мера гражданско-правовой ответственности. В стране с современным экономическим укладом имущественные потери часто являются следствием правомерных действий, целенаправленно совершаемых публично-правовым образованиями, а также юридическими и физическими лицами для достижения общественно полезных целей и для предотвращения более крупных имущественных потерь.

По общему правилу правомерные действия не влекут за собой наступления гражданско-правовой ответственности для лица, которое их совершает. Но в п. 3 ст. 1064 ГК РФ говорится, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. А такие случаи на практике встречаются довольно часто. К примеру, при изъятии земельных участков и строений для общественных нужд, уничтожении зараженного скота, при крайней необходимости или же при действии в чужом интересе без поручения, когда в соответствии со ст. 984 ГК РФ лицо, действующее в интересах другого лица, в случае причинения ему

ущерба имеет право на возмещение заинтересованным лицом необходимых расходов и реального ущерба.

По мнению Толстова Ю. К. и солидарного с ним Садиков О. Н. [7, с. 10] обязанность возмещения вреда, причиненного правомерными действиями нельзя расценивать как меру гражданско-правовой ответственности, и, в этой связи, необоснованно закрепление положения, регулирующего данное положение в п. 3 ст. 1064 ГК, где говорится об общих условиях ответственности за причинение вреда. По их мнению, речь идет об особом случае возмещения причиненных имущественных потерь — убытков. Законодателем впоследствии была учтена позиция некоторых отечественных правоведов по этому вопросу с принятием Федерального закона от 30.12.2012, внесшим изменение в ГК РФ, дополнив его ст. 16¹ «Компенсация ущерба, причиненного правомерным действием государственных органов и органов местного самоуправления».

Существуют также подходы к выделению так называемых убытков в экономическом и убытков в юридическом смысле. Так Грибанов В. П. под убытками в экономическом смысле понимает «любые потери в имуществе, независимо от породивших их причин, под убытками в юридическом смысле понимаются те невыгодные имущественные последствия, которые наступают для потерпевшего вследствие противоправного нарушения обязательства либо причинения вреда его личности или имуществу» [2, с. 177]. Автор данной схемы убытков из правомерных действий среди убытков, как в экономическом, так и в юридическом смысле, не выделяет.

Далее более детально данная проблема была рассмотрена Евтеевым В. С.. В его работе говорится о четком разграничении убытков в экономическом и гражданско-правовом значении. Убытки в гражданско-правовом значении понимаются им как мера гражданско-правовой ответственности и называются юридическими убытками. Он соотносит два этих понятия и говорит о том, что убытки в экономическом значении являются более широкой категорией. К убыткам в экономическом смысле он относит имущественные потери как в результате действий непосредственно самого субъекта предпринимательской деятельности, так и в результате посторонних событий и действий третьих лиц (падение спроса или увеличение предложения, резкое изменение цен, акты государственных органов). В результате понятие экономических убытков включает в себя ряд различных по содержанию и последствиям явлений. Причем по непонятным причинам сюда не включаются ни природные явления (непреодолимая сила), ни различные общественные процессы [4, с. 13].

Экономические убытки также содержат в себе правовую сторону, это касается, в частности, определения лиц, несущих имущественные потери, правовые механизмы их предотвращения и устранения, возможность справедливого распределения возникающих потерь между участниками гражданского оборота и государством. Все это также должно решаться на основе норм права.

Многие ученые, в том числе, Садиков О. Н. относятся критически к подходу выделения убытков в экономическом смысле и убытков в юридическом смысле. Среди аргументов против данного подхода говорится о неясности значения категории экономических убытков и оторванности от правовых реалий, содержащихся в нормах гражданского законодательства.

Таким образом, доктрина и практика в целом сводит убытки к неблагоприятным последствиям вызванных либо нарушением договорных обязательств, либо деликтом, либо правомерным действием. В этой связи, многие ученые подразделяют убытки в зависимости от основания их возникновения на убытки из правонарушения и убытки, причиненные правомерными действиями. Убытки из правонарушения в свою очередь подразделяются на убытки из неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств и на убытки из деликта. Эта классификация основывается, в том числе, и на положениях ст. 15, 16, 16.1, 393, 1064 ГК РФ.

В современной юридической литературе наряду с традиционными для гражданского права видами убытков называются также их разновидности: реальные, нормативные, действительные, номинальные [7, с. 42]. Также используется и другая терминология (штрафные, мораторные и компенсаторные убытки), отражающая некоторые правовые особенности отдельных категорий убытков.

Кроме того, в цивилистической литературе издавна проводится деление убытков на прямые и косвенные, корни этого деления восходят еще к римскому праву. Ведутся многолетние дискуссии об обоснованности и критериях такого деления убытков. Достижению в этом вопросе полной ясности препятствуют нечеткость имеющихся законодательных норм и отсутствие стабильной судебной практики. В известном и авторитетном учебнике русского гражданского права Г. Ф. Шершеневича дается следующая характеристика прямых и косвенных убытков: «если вред имуществу причинен непосредственно и исключительно действием, составляющим правонарушение, налицо прямые убытки, когда убытки создаются не только правонарушительным действием, но и другими сопутствующими обстоятельствами, мы имеем косвенные убытки» [9, с. 234–235].

Согласно сложившейся в Российской Федерации практики и доктринальной позиции, возмещению должны подлежать только прямые убытки, а косвенные убытки не могут подлежать возмещению, так как причинная связь между правонарушением и их возникновением недостаточна для учета правом [5, с. 3].

Но в отличие от классификации убытков в зависимости от основания их возникновения, вышеприведенные классификации в меньшей степени представляют практический интерес, так как не имеют прямого законодательного подтверждения. Садиков О. Н. разделяют данную точку зрения и пишет, что «основой разграничения и классификации убытков должны быть не частности, а суще-

ственные правовые различия отдельных их групп и терминология действующих законов» [7, с. 42].

Без сомнения, самой важной классификацией убытков, закрепленной в ст. 15 ГК РФ, считается деление убытков на реальный ущерб (*damnum emergens*) и упущенную выгоду (*lucrum cessans*). Данная классификация выходит из легального определения убытков, содержащегося в п. 2 вышеуказанной статьи. Разделение убытков на упущенную выгоду и реальный ущерб имело место еще в римском праве и на сегодняшний день признается законодательством большинства стран [8, с. 337]. Деление убытков на реальный ущерб и упущенную выгоду отражает различие в проявлении убытков как имущественных потерь. В первом случае это реально наступающие (физические) потери в имуществе, во втором — потери в связи с неполучением ожидаемых имущественных доходов, которые могли и должны были быть получены при надлежащем исполнении контрагентом своих договорных обязательств. По тому же принципу п. 2 ст. 15 ГК РФ подразделяет реальный ущерб на: расходы для восстановления нарушенного права и утрату или повреждение имущества. В виду явного различия в проявлении тех или иных убытков как имущественных потерь, соответственно, различным является и круг тех доказательств, которые должно представлять требующее возмещения убытков лицо.

В дополнение к приведенным выше классификациям можно добавить довольно актуальную на сегодняшний день в связи с развитием рыночной экономической моделью классификацию убытков по способу их исчисления. По этому критерию выделяют конкретные и абстрактные убытки. Наиболее частым последствием нарушения договорных обязательств, конечно, является причинение лицу конкретных убытков, но в некоторых случаях имеет место причинение убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершенной взамен сделке, что именуется современными учеными абстрактными убытками. Это в первую очередь относится к договорам поставки, возможность возмещения абстрактных убытков прямо закреплена в ст. 524 ГК РФ. Если в разумный срок после расторжения договора вследствие нарушения обязательства покупателем продавец продал товар другому лицу по более низкой, чем предусмотренная договором, но разумной цене, продавец может предъявить покупателю требование о возмещении убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершенной взамен сделке.

В случаях, когда после расторжения договора по названным основаниям не совершена сделка взамен расторгнутого договора и на данный товар имеется текущая цена, сторона может предъявить требование о возмещении убытков в виде разницы между ценой, установленной в договоре, и текущей ценой на момент расторжения договора.

Текущей ценой признается цена, обычно взимавшаяся при сравнимых обстоятельствах за аналогичный товар

в месте, где должна была быть осуществлена передача товара. Если в этом месте не существует текущей цены, может быть использована текущая цена, применявшаяся в другом месте, которое может служить разумной заменой, с учетом разницы в расходах по транспортировке товара.

Удовлетворение названных требований не освобождает сторону, не исполнившую или ненадлежаще исполнившую обязательство, от возмещения иных убытков, причиненных другой стороне, на основании ст. 15 ГК. Такими убытками могут быть, например, расходы по нахождению нового договорного контрагента и ведению с ним переговоров.

Таким образом, как на уровне правовой доктрины, так и на уровне судебной практики все сводится к единообразному пониманию понятия убытков как подлежащих денежной оценке неблагоприятных последствий в виде имущественных потерь вызванных либо нарушением договорных обязательств, либо деликтом, либо правомерным действием. Возникновение подобных ситуаций, именуемых убытками, необходимо четко разграничивать и давать им правильную правовую квалификацию, обеспечивающую эффективное применение норм действующего права. Большинство приведенных выше классификации убытков призваны облегчить данный процесс правоприминителю или простому юристу.

Литература:

1. Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть — отв. ред. Е. А. Суханов / Волтерс Клувер, 2010 г.;
2. Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1993;
3. Дегтярев, С. Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе «Волтерс Клувер», 2003 год;
4. Евтеев, В. С. Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности. М., 2005;
5. Зверева, Е. А. Ответственность предпринимателя за нарушение обязательств «Право и экономика», N 10, 1998;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996;
7. Садилов, О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009;
8. Учебник «Римское частное право» (под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского) Юрист, 2004;
9. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М.: Статут, 2005.

Потребительский кредит: новое в правовом регулировании

Тарасова Наталья Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент;

Бабаева Индира Галибовна, студент

Астраханский государственный технический университет

В современной России основным средством обеспечения физических лиц заемными средствами становится потребительское кредитование, поэтому глубокий интерес вызывает сфера потребительского кредитования и ее правовое регулирование.

Понятие потребительского кредита возникло еще в VI в. до нашей эры на территории современного Израиля, а в России первый закон, регулирующий потребительское кредитование, был введен в 1754 г., максимальная ставка при кредитовании в котором составляла 6% [1].

На протяжении долгого времени банковское потребительское кредитование в России, да и во всем капиталистическом обществе, было развито слабо. Впервые выдача населению денежных займов на потребительские цели стала применяться коммерческими банками в США, до Второй мировой войны коммерческие банки развитых капиталистических стран этого не практиковали, после окончания Второй мировой войны сектор потребительского кредита занял место наиболее быстроразвивающегося сегмента рынка кредитных услуг, предоставляемых

коммерческими банками, затем как в других западных странах кредитный бум начался в конце 50-х гг [1]. Таким образом, в условиях общего капиталистического кризиса наиболее активное развитие получило потребительское кредитование. Причиной этому послужили значительное несоответствие между развитием производства и ограниченностью платежеспособности трудящихся.

Потребительский кредит в настоящее время пользуется большим спросом практически в каждой экономически развитой стране.

Отношения между российскими банками и потребителями (физическими лицами) долгое время регулировались Конституцией Российской Федерации, устанавливающей, что регулирование кредитования находится в ведении Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральными законами «О банках и банковской деятельности» и «О защите прав потребителей».

За последние два десятка лет в российской практике оформления потребительских кредитов были выявлены многочисленные нарушения законодательства, ущемляющие права потребителей при заключении договоров

потребительского кредита. Подобные ситуации отражены в судебной практике и часто обсуждались в научных кругах. Среди нарушений наблюдалось установление необоснованно высоких процентов; штраф за отказ заемщика от получения кредита; условие о том, что услуги банка оплачиваются заемщиком в соответствии с утвержденными банком тарифами, которые он вправе изменять в одностороннем порядке в течение срока действия договора и т.д. [2].

В юридической литературе настойчиво отстаивалась точка зрения о необходимости скорейшего решения насущной задачи построения доступной, понятной и эффективной системы обеспечения населения кредитными ресурсами именно на законодательном уровне [3].

Решить сложившиеся проблемы призван принятый в 2014 году Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» (далее — Закон N 353-ФЗ) [4]. Следует отметить широту сферы применения нового Закона: он регулирует отношения, связанные с заключением и исполнением не обеспеченных ипотекой кредитного договора и договора займа между физическим лицом, заимствующим денежные средства в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и кредитной организацией или иным субъектом гражданского права, занимающимся на основе федеральных законов о них профессиональной деятельностью по предоставлению потребительских займов (микрофинансовые организации, кредитные кооперативы, ломбарды и др.). Заимодавец (кроме работодателя по отношению к своему работнику) занимает на рынке потребительского кредитования положение профессионала, если он предоставляет займы в денежной форме за счет систематически привлекаемых на возвратной основе денежных средств и (или) выдает не менее четырех займов в течение одного года.

Закон N 353-ФЗ впервые закрепляет в ст. 6 понятие «полная стоимость потребительского кредита (займа)» за весь срок договора потребительского кредита, для того, чтобы снизить расходы потребителей на погашение своих долгов, поскольку заставит многих кредиторов пересмотреть тарифную политику в пользу заемщиков.

Максимальную стоимость потребительских кредитов фактически будет определять Банк России. С 1 июля 2014 г. кредиторы не могут произвольно устанавливать полную стоимость потребительских кредитов. Закон содержит формулу для расчета их стоимости, а также определяет, какие платежи могут включаться в эту стоимость, а какие — нет.

В Законе N 353-ФЗ закрепляется обязанность кредитора еще до заключения договора предоставить заемщику полную информацию о кредите (порядке, условиях и сроках предоставления, о размере процентов и иных платежей по договору, порядке и сроке возврата кредита и последствиях его несоблюдения и иных обстоятельствах, влияющих на стоимость потребительского кредита) и последствиях заключения кредитного договора. Это даст

возможность заемщику все взвесить перед тем, как принять конечное решение.

Заемщик может отказаться от получения потребительского кредита (займа) полностью или частично. В этом случае проценты будут рассчитываться по ставке рефинансирования Банка России (п. 2 ст. 821 ГК РФ). Это правило дополняет судебную практику о недопустимости установления для заемщика-гражданина штрафа за отказ от получения кредита до момента истечения установленного договором срока его предоставления.

Отдельно стоит выделить новшество Закона N 353-ФЗ — о разделении условий потребительского кредита на две группы — общие и индивидуальные. Отличия между ними в том, что общие условия устанавливаются кредитором в одностороннем порядке в целях многообразного применения, а индивидуальные условия наоборот указываются в каждом договоре отдельно и применяются только в отношениях между кредитором и конкретным заемщиком.

Среди общих условий следует выделить обязательное предупреждение клиента о возможном возникновении у него риска неисполнения кредитных обязательств, в случае превышения на 50% суммы всех долгов над доходом гражданина.

К индивидуальным условиям кредитного договора, согласно закону, в частности, относятся размер кредита, срок его возврата, процентная ставка и др. Закон содержит положение о том, чтобы индивидуальные условия договора записывались в форме таблицы, которая в договоре будет непосредственно располагаться после информации о полной стоимости кредита. При этом Закон четко не закрепляет общие условия кредитования, однако из текста документа можно установить их примерный перечень. Так, обязанность кредитора публиковать в местах оказания услуг информацию о предоставлении, использовании и возврате кредитов. Установлено, что общие и индивидуальные условия договора не должны противоречить опубликованным для всеобщего доступа сведениям.

Следует отметить, что общие условия сделок (договоры-формуляры) широко применяются в договорной практике европейских стран. В российском законодательстве категория «общие условия сделок» отсутствует, не сформулированы правила включения в договор общих условий сделок, не закреплены требования, предъявляемые к этим условиям, не определены условия, недопустимые для включения в число общих условий сделок, не установлен запрет на определенные оговорки.

Следовательно, как справедливо отмечает М.А. Рожкова, «введение конструкции общих условий сделок предоставляет банкам фактически ничем не ограниченное право включать в договор-формуляр любые условия, удобные и выгодные для банков» [5].

По поводу подсудности споров, возникающих из правоотношений при потребительском кредитовании, то закон также не обошел стороной эту проблему. Так, иски заемщика к кредитору о защите прав потребителей предъяв-

ляются в соответствии с законодательством Российской Федерации. В индивидуальных условиях договора потребительского кредита (займа) по соглашению сторон может быть изменена территориальная подсудность дела по иску кредитора к заемщику, который возник или может возникнуть в будущем в любое время до принятия дела судом к своему производству. При изменении территориальной подсудности в индивидуальных условиях договора потребительского кредита (займа) стороны обязаны определить суд, к подсудности которого будет отнесен спор по иску кредитора, в пределах субъекта Российской Федерации по месту нахождения заемщика, указанному им в договоре потребительского кредита (займа), или по месту получения заемщиком оферты.

Закон N 353-ФЗ содержит общее правило, согласно которому кредитор сможет уступить любому лицу свое право требования к должнику. Однако запрет на такую уступку может быть предусмотрен законом или договором. Для перехода прав требования не имеет значения ни статус кредитора, ни статус лица, в пользу которого происходит уступка права. Тем самым в отношении банков в Законе делается попытка устранить противоречие между практикой арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Арбитражные суды придерживаются аналогичной позиции: банк имеет право без согласия заемщика уступать право требования по договору потребительского кредита любому лицу, даже если у него нет статуса кредитной организации (п. 16 информационного письма Президиума ВАС РФ N 146) [6]. Суды общей юрисдикции отстаивают иную точку зрения: банку запрещено уступать право требования лицам, не имеющим лицензий на право осуществления банковской деятельности, если в законе или в кредитном договоре нет прямого указания на возможность такой уступки (п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 17) [7].

Закон впервые урегулировал некоторые моменты в отношениях, связанных с внесудебными контактами кредиторов с заемщиками и лицами, предоставившими обеспечение по договору, с целью помешать «запугивать» последних. А именно, запрещены личные встречи, телефонные звонки, направление sms в рабочие дни с 22 до 8 часов и в выходные и праздничные дни с 20 до 9 часов по местному времени места жительства заемщика или предоставившего обеспечение кредита (займа) лица. Пред-

ставители кредитора не могут действовать анонимно, они обязаны представляться заемщику и иным лицам, сообщая о себе фамилию, имя, отчество (наименование юридического лица), должность и место жительства (место нахождения). Запрещено также непосредственное взаимодействие с заемщиком и предоставившими обеспечение кредита (займа) лицами, направленное на исполнение договора до наступления срока его исполнения. Надзор за соблюдением финансовыми организациями этих (так же как всех иных) требований возложен на Банк России.

Таким образом, анализ нового Закона о потребительском кредите (займе) дает возможность выделить следующие особенности договорных отношений при потребительском кредитовании:

- дополнительные платные услуги заемщику возможны только с согласия последнего;
- рассмотрение заявления о кредите и иных документов заемщика осуществляется бесплатно;
- кредитор в целях обеспечения исполнения обязательств вправе потребовать от заемщика застраховать за свой счет заложенное имущество, а также иной страховой интерес заемщика;
- при нецелевом использовании кредита кредитор вправе отказаться от дальнейшего кредитования заемщика либо потребовать досрочного возврата кредита;
- кредитор сможет уступить любому лицу право требования по договору, если Закон или договор не содержат запрета на такую уступку;
- заемщик вправе отказаться от кредита, а также выплатить его досрочно;
- в договоре не могут содержаться следующие условия: о передаче кредитору в качестве обеспечения всей суммы потребительского кредита или ее части; о выдаче кредитором заемщику нового потребительского кредита в целях погашения имеющейся задолженности, без заключения нового договора займа; устанавливающие обязанность заемщика пользоваться услугами третьих лиц в связи с исполнением денежных обязательств по договору, за отдельную плату.

В заключение хотелось бы отметить, что долгожданный ФЗ «О потребительском кредите (займе)», несомненно, является началом нового этапа правового регулирования потребительского кредитования в Российской Федерации.

Литература:

1. <http://www.credit.ru/publication/1172/> История возникновения потребительского кредита
2. Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров, утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. N 146.
3. Турбанов, А. В. Правовые проблемы потребительского кредитования // Банковское право. 2008. N 1. с. 4–6; Демченко С. С. Правовое регулирование потребительского кредитования в России в современный период // Адвокат. 2012. N 4. с. 32–43.
4. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. N 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. N 51. Ст. 6673. (ред. от 21 июля 2014 г.)

5. Рожкова, М. А. Антипотребительский законопроект «О потребительском кредите» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. N 6. с. 82.
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. N 146 Об обзоре судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

Спорные аспекты правового режима имущества автономных образовательных учреждений

Тищук Марина Олеговна, магистрат

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Правовой режим имущества можно определить как совокупность правовых предписаний по поводу источников формирования и присвоения имущества, объемов правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом, особенностей ответственности за использование имущества. [6]

Согласно ФЗ «Об образовании» образовательная организация должна не только владеть, пользоваться, но и распоряжаться имуществом для осуществления образовательной деятельности, которое в случае ее ликвидации после удовлетворения требований кредиторов направляется на развитие образования [2].

Куров С. С. обобщая способы приобретения имущества, пришел к выводу о существовании двух правовых режимов:

— имущества, закрепленного собственником (учредителем) в процессе образования организации на праве собственности или на праве оперативного управления и переданного в процессе ее деятельности на праве собственности или на праве оперативного управления;

— имущества, приобретенного образовательной организацией в процессе экономической деятельности. [12]

Последний названный способ при ближайшем рассмотрении приводит нас к проблемам толкования регламентирующих его норма права.

Имущество образовательных организаций, созданных в форме автономных учреждений, подразделяется на следующие категории: недвижимое имущество; особо ценное движимое имущество, переданное учредителем или приобретенное за счет выделенных им средств; остальное имущество, что определено в ст. 3 Федерального закона «Об автономных учреждениях» [1] и в п. 10 ст. 9.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [3]. Критериями отнесения имущества автономного и бюджетного учреждения к особо ценному движимому имуществу являются: стоимостный барьер, целевое назначение, специальный порядок отчуждения. Используя имеющееся имущество в процессе осуществления образовательной, научной, иной деятельности, обеспечивающей образова-

тельный процесс, образовательная организация достигает целей, ради которых создавалось.

Для определения особенностей режима имеет значение правомочие образовательной организации распоряжаться имуществом, под которым, в первую очередь, понимают возможность его отчуждения (ст. 298 ГК РФ). [5] Следует логичный вывод — требует разъяснения, в каком правовом режиме находятся доходы автономных образовательных учреждений и на чье имя регистрировать недвижимое имущество, приобретенное за счет этих доходов. Собственник имущества, переданного в оперативное управление образовательной организации, не меняется. Во всех остальных случаях собственником имущества является образовательная организация, однако ее право самостоятельного распоряжения принадлежащим ей имуществом ограниченной целью его использования.

По мнению Е. А. Суханова, смысл данного права не в установлении права собственности на это имущество, а в расширении способности автономной образовательной организации распоряжения своими доходами. [10]

Право самостоятельного распоряжение имуществом можно рассматривать как особое вещное, отдельное, право, как «суженый» вариант права хозяйственного ведения, как «расширенный» вариант права оперативного управления и как «недо» право собственности. [9] Наиболее обоснованной и перспективной выглядит концепция восприятия права самостоятельного распоряжения, как углубленного вид права оперативного управления.

В Постановлении от 22.06.2002 N 21 (ред. от 19.04.2007) Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что учреждение в силу ст. ст. 120, 296, 298 ГК РФ не может обладать данным имуществом на праве собственности, поскольку ГК РФ не регламентирует содержание права самостоятельного распоряжения имуществом, приобретенным за счет доходов, полученных от приносящей доходы деятельности, и ответственность учреждения за счет приобретенного за счет доходов иму-

щества невозможна. [4] Данное суждение дополнительно подкрепляется постановлениями ФАС Северо-Кавказского округа от 17.01.2011 N А63–18793/2009, ФАС Дальневосточного округа от 27.11.2007 N Ф03-А59/07–1/5155, ФАС Северо-Западного округа от 15.07.2008 N А42–6049/2007).

По логике ВАС РФ если бы законодатель вознамерился приравнять право самостоятельного распоряжения имуществом автономных организаций к праву собственности, то прямо бы указал на это в ст. 298 ГК РФ словами: «приобретенное за счет этих доходов имущество поступает в собственность автономной организации». Но поскольку законодатель этого не оговаривает, сущность права автономной организации на самостоятельное распоряжение доходами и приобретенным за их счет имуществом несколько иная и ее нельзя признавать равнозначной праву собственности.

В ГК РФ отсутствует какое-либо другое упоминание об особом режиме прав на имущество «самостоятельное распоряжение». Приходится признать, что данным случае имеет место законодательный промах.

Законодатель оставил возможность образовательным организациям осуществлять практически любую предпринимательскую деятельность, прежде всего, платные образовательные услуги по основным и дополнительным программам образования. Образовательные услуги должны оказываться в помещениях, которые предоставлены образовательной организацией собственником либо на праве собственности, либо на праве оперативного управления. Поэтому данную деятельность и доходы, получаемые от нее нельзя считать абсолютно независимыми от учредителя и, следовательно, принадлежащими образовательной организации.

Автономное образовательное учреждение может заниматься научно-технической деятельностью приносящей доход: создание и передача научной и научно-технической продукции, объектов интеллектуальной собственности,

в том числе на экспорт, оказание услуг научного характера (патентные работы, экспертиза, рецензирование), выполнение научно-технических работ конкурсной основе, включая гранты. [11] Практически невозможна экономическая деятельность автономного образовательного учреждения без любого даже малозначительного участия учредителя — предоставления им площадей, вложений в повышение квалификации педагогического, административно-вспомогательного персонала и научных сотрудников, приобретения для научно-технических целей оборудования.

Теоретически возможным, но крайне сложно реализуемым, представляется вариант поступления доходов автономному образовательному учреждению от деятельности научного сотрудника, включающей в себя, например, оказание платных консультационных услуг, проведение экспертиз, получение грантов, патентов, создание и реализация научно-технической продукции без использования средств, помещений и оборудования учредителя, или приобретенного учредителем для образовательной организации, а профессиональных знаний, умений и навыков, полученных сотрудников за счет учредителя.

Деятельность автономного образовательного учреждения неразрывно связана с имуществом учредителя, поэтому режим «самостоятельного распоряжения» нельзя и невозможно приравнивать к режиму собственности. Таким образом, даже если автономное образовательное учреждение приобрело объект недвижимости за счет дохода от своей экономической деятельности, оно не становится собственником объекта недвижимости. В зависимости от того, кто является собственником учреждения, приобретенное образовательным автономным учреждением недвижимое имущество становится собственностью, например, Министерства образования Российской Федерации, субъекта РФ либо муниципального образования и закрепляется за учреждением на праве оперативного управления.

Литература:

1. Федеральный закон от 03.11.2006 N 174-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об автономных учреждениях»
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об образовании в Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О некоммерческих организациях»
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2002 N 21 (ред. от 19.04.2007) «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации
6. И. Ф. Сябарева «Правовой режим предпринимательской деятельности, осуществляемой образовательными организациями», Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, № 3, 2013 г.
7. И. Ф. Сябарева «Правовой режим имущества образовательных организаций». «Журнал российского права», N 10. 2013 г.
8. Беляков, С. А. «Новые формы образовательных организаций и некоторые проблемы организации управления образованием», Университетское управление, № 3, г. 2013 г.
9. В. А. Яговкина «Правовой режим имущества государственных и муниципальных учреждений», «Практика муниципального управления», № 03, 2012
10. Суханов, Е. А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. лит., 1991. с. 197.

11. Кванина, В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования. М.: Готика, 2012. с. 250—251.
12. С. В. Куров «Образование и гражданское право», М.: Москва, 2004 г. с. 9

Коммерческое обозначение как средство индивидуализации

Чулова Юлия Сергеевна, студент

Саратовская государственная юридическая академия

Коммерческое обозначение представляет собой отдельный правовой институт, который введен в гражданский оборот на территории РФ с принятием четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) — с 1 января 2008 г. На международном уровне коммерческое обозначение в качестве средства индивидуализации появилось еще в 1967 г., в Конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности [1].

Именно с появлением такого правового института, как коммерческое обозначение, предприниматели получили возможность индивидуализировать свои торговые, промышленные и иные предприятия [2].

Надлежащего же закрепления в российском законодательстве оно не получило. Так, законодатель не пошел дальше простого упоминания о существовании данного средства индивидуализации в части второй ГК РФ, ограничившись лишь четырьмя статьями в части четвертой. Эти статьи посвящены общему описанию коммерческого обозначения, его действию во времени, в пространстве, по кругу лиц, а также общему сравнению с другими средствами индивидуализации — фирменным наименованием, товарным знаком, знаком обслуживания. Следует отметить, что определение коммерческого обозначения отсутствует в ратифицированных РФ международных договорах и конвенциях.

В теории возникло несколько подходов к пониманию рассматриваемого средства индивидуализации. Одни исследователи пытались дать определение, исходя из тех признаков, которые указал законодатель [3], другие взяли за основу международные правовые акты [4]. Например, С. А. Бобков произвел лексический анализ понятия и пришел к выводу, что: это — знак (отличительный признак), используемый субъектом коммерции (предпринимательской деятельности) с целью индивидуализации себя, своего дела (бизнеса), а также производимых (выполняемых, оказываемых) им товаров (работ, услуг) [5]. Выделение сущности обозначения как знака, в качестве которого могут выступать словесные, графические, а также комбинированные обозначения, выглядит вполне обоснованным, но ссылка на индивидуализацию товаров, работ или услуг представляется ошибочной, поскольку приводит к смешению коммерческого обозначения с товарным знаком и знаком обслуживания.

ГК РФ определяет коммерческое обозначение как средство индивидуализации торговых, промышленных

и других предприятий, принадлежащих юридическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, а также индивидуальным предпринимателям (п. 1 ст. 1538 ГК РФ).

Рассматривая ст. 1538 ГК РФ, можно вывести основные признаки коммерческого обозначения:

- 1) принадлежит только субъектам предпринимательской деятельности;
- 2) является средством индивидуализации предприятий;
- 3) входит в состав предприятия как имущественного комплекса;
- 4) не является фирменным наименованием (не должно носить все его признаки, основными из которых являются обязательное указание организационно-правовой формы субъекта предпринимательской деятельности и необходимость включения в учредительные документы и единый государственный реестр юридических лиц);
- 5) не требует обязательной регистрации либо включения в учредительные документы.

Вместе с тем можно выделить группу признаков, присущих коммерческому обозначению, определяющих его охраноспособность. Такими признаками, исходя из положений ст. ст. 1539, 1540 ГК РФ, являются:

- 1) различительная способность (позволяет потребителям и иным участникам гражданско-правовых отношений отличать конкретное предприятие собственника от иных аналогичных предприятий; для этого оно должно быть новым и оригинальным);
- 2) известность в пределах определенной территории (может быть размещено на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети «Интернет», если такое обозначение обладает достаточными различительными признаками и его употребление правообладателем для индивидуализации своего предприятия является известным в пределах определенной территории);
- 3) непрерывное использование в течение определенного времени.

Исключительное право на коммерческое обозначение ограничивается территорией, в пределах которой предприятие использует такое коммерческое обозначение (например, на территории г. Москвы) [6].

Следует констатировать, что ГК РФ не закрепляет, в каком виде может существовать коммерческое обо-

значение предприятия, как это имеет место в отношении таких средств индивидуализации, как фирменное наименование или товарный знак (ст. ст. 1473, 1482 ГК РФ). В отсутствие подобного запрета можно предположить, что индивидуализировать предприятие могут как словесные, изобразительные, объемные, так и другие обозначения или их комбинации.

Хотелось бы обратить внимание и на отсутствие в § 4 гл. 76 ГК РФ норм, которые бы не допускали использование в коммерческом обозначении элементов, запрещенных в соответствии с правилами ГК РФ о фирменных наименованиях и товарных знаках. Имеются в виду элементы, представляющие собой государственные символы, полные или сокращенные официальные наименования РФ, иностранных государств и т.п. Представляется, что для получения правовой охраны коммерческие обозначения должны отвечать правилам п.п. 2, 4 ст. 1473, ст. 1483 ГК РФ, в силу чего § 4 гл. 76 ГК РФ должен быть дополнен соответствующими нормами.

Право на коммерческое обозначение возникает с момента начала фактического использования такого обозначения для индивидуализации предприятия.

Доказательствами начала и интенсивности использования обозначения в виде коммерческого обозначения могут быть, в том числе:

1) указание такого обозначения на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках.

2) фиксирование факта использования обозначения иными доступными законными способами (например, принятие нотариусом соответствующих документов на хранение с выдачей свидетельства).

Коммерческое обозначение входит в состав предприятия как имущественного комплекса, в связи с чем ис-

ключительное право на коммерческое обозначение может быть передано другому лицу (купля-продажа, правопреемство, обращение взыскание и пр.) только в составе такого предприятия. Правообладатель вправе предоставить другому лицу право использования своего коммерческого обозначения (договор аренды, договор коммерческой концессии).

Неиспользование коммерческого обозначения непрерывно в течение года лишает такое обозначение правовой охраны (п. 2 ст. 1540 ГК РФ).

Коммерческое обозначение не подлежит регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности. Использование коммерческого обозначения, сходного до степени смешения с фирменным наименованием, товарным знаком, коммерческим обозначением, принадлежащим другому лицу, у которого соответствующее исключительное право возникло ранее, не допускается (п. 2 ст. 1359 ГК РФ). Лицо, нарушившее указанное правило, обязано по требованию правообладателя прекратить использование коммерческого обозначения и возместить правообладателю причиненные убытки (п. 3 ст. 1359 ГК РФ).

Пока можно только предполагать, какие последствия существования коммерческого обозначения возможны для гражданского оборота. Однако можно уверенно говорить о том, что имеющиеся недостатки и пробелы в правовом регулировании не будут способствовать формированию единообразной судебной практики и стабильности оборота. Можно прогнозировать появление значительного количества судебных споров, связанных с защитой прав на коммерческие обозначения. Поэтому потребуются выработать определенные правовые подходы к разрешению подобного рода споров. Большие надежды в этом отношении возлагаются на высшие судебные инстанции.

Литература:

1. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.wipo.int/portal/ru>
2. Кандауров, А. И. Коммерческое обозначение: новеллы права и правоприменения // Социально-экономические явления и процессы. — 2010. — № 2. — с. 113–117.
3. Рабец, А. П. Правовая охрана коммерческих обозначений: новеллы законодательства // Право и экономика. — 2007. — № 6. — с. 68.
4. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М.: Статут, 2002. — с. 975–976.
5. Бобков, С. А. Коммерческое обозначение как объект исключительных прав // Журнал российского права. — 2004. — № 1. — с. 137.
6. Плиев, Э. Г., Арчегова Д. Я. Нормы Гражданского кодекса России о правах на интеллектуальную собственность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. — 2011. — № 4. — с. 165–167.

Вопросы ограниченного участия прокурора в гражданском процессе

Шекунова Татьяна Александровна, студент

Челябинский институт экономики и права имени М.В. Ладوشина

На основании с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор обладает правом обращения в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Данное заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в исключительных случаях, а именно, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд [2].

Участие прокурора в процессе не зависит от лиц, участвующих в деле, он является самостоятельным участником гражданского и арбитражного процессов. В соответствии с действующим законодательством, прокурорская активность в гражданском процессе имеет ограниченное значение, в отличие от ранее действовавшего процессуального законодательства (ст. 41 ГПК РСФСР) [3] четко прописан круг лиц, права, и интересы которых обязан защищать прокурор через возбуждение дела; ограничены его возможности участия в гражданском процессе для защиты социально значимых интересов.

До того, как был принят ГПК РФ 2002 г. у прокурора имелись большие полномочия обращения в суд за защитой интересов граждан без ограничений.

В современной литературе имеются различные мнения по поводу участия прокурора в ходе рассмотрения судами гражданских дел. Некоторые авторы полагают, что прокурор должен иметь право обращаться в суд в защиту граждан без ограничений. Другие же, считают иначе и приводят справедливые доводы о правильности ограничения права на предъявление иска прокурором в защиту интересов гражданина. [10, с. 8]

Необходимо отметить мнение Г.А. Жилина, он утверждает, что «приоритет частноправового интереса требует ликвидации участия прокурора в гражданском процессе». [8, с.57]

С этой точки зрения под частноправовым интересом можно понимать запрет на участие прокурора в защите частных дел гражданина. Так, в случае подачи прокурором иска в суд иногда возникают конфликты частного и публичного интереса. Из этого следует вывод, что прокурор защищая интересы гражданина, лишает его права начинать гражданский процесс по своей инициативе, т.е. выразить свое волеизъявление. Так же существуют случаи, когда гражданин не заинтересован в защите прокурора, а с этой позиции получается, что прокурор имеет право действовать вопреки волеизъявлению гражданина, тем самым нарушая неприкосновенность частной жизни. Бывают и другие ситуации, когда гражданин самостоятельно может обратиться в суд, и имеет возможность оплатить представителя, но желает, чтобы в суд для защиты его интересов обратился прокурор, т.е. хочет заручиться поддержкой государственного служащего, а также имеет

корыстный интерес и пытается сэкономить денежные средства, которые требуются для оплаты услуг представителя. Другое дело если гражданин не имеет возможности самостоятельно осуществлять право на защиту в суде, в таких случаях помощь прокурора ему необходима.

На мой взгляд, ограниченное участие прокурора в гражданском процессе, который был установлен в рамках реформы гражданского судопроизводства установлен законодателем верно. Так как ст. 2 Конституции Российской Федерации, закрепляет, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — это прямая обязанность государства. [1]

Главной целью судебной системы является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина.

Принцип равенства всех перед законом и судом допускает, что одни граждане имеют возможность самостоятельно обратиться в суд без поддержки государства, другие — нет. Исходя из этого, основной задачей государства является наделение прокурора полномочиями для защиты интересов определенной категории лиц, которые не равны перед законом и судом, в связи с имеющимися трудностями определенного характера, которые не дают им возможность реализовать свое право на защиту, данное им Конституцией РФ без помощи государства.

Так же существуют авторы, которые убеждены, что прокурор должен иметь право обращаться в суд для защиты граждан без ограничений.

По мнению К. Амирбекова, «на основании ГПК РФ от 2002 г. прокурор не имеет возможности добиваться восстановления через суд нарушенного права имеющего непубличный характер. Полномочия прокурора по этому вопросу ограничиваются представлением и протестом, при отклонении, которых он не сможет передать дело в суд, хотя общеизвестно, что прокурорско-надзорная функция не имея права на обращение в суд будет является фикцией [6]. Сила прокурорской деятельности всегда заключалась в том, что при отклонении поданного им акта реагирования прокурор имел возможность обращаться в суд по любому вопросу и, добиваться в суде удовлетворения своего требования, восстанавливать справедливость и законность» [7].

Мнение автора о том, что «надзорная функция прокурора не имея права на обращение в суд будет является фикцией», является не обоснованным, потому что право прокурора в сфере обращения в суд на оспаривание противоречащего закону правового акта необходимо рассматривать в совокупности с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ [4].

Как следует из ч. 1 ст. 23 Закона о прокуратуре, на правовой акт органа или должностного лица местного самоуправления, который противоречит закону, прокурор имеет право принести протест в орган либо должностному лицу,

издавшему этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращается в суд в порядке, который предусмотрен процессуальным законодательством Российской Федерации [4].

В соответствии со ст. 251 ГПК РФ прокурор имеет полномочия обращения с иском в суд о признании нормативного правового акта противоречащим закону полностью или в части [2].

Приведем пример, Прокурор Шпаковского района обратился в Шпаковский районный суд в интересах Есина А. Ю. с заявлением о признании незаконным решения администрации г. Михайловска Шпаковского района Ставропольского края по исключению семьи Есина А. Ю. из списка участников подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей». На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 194–199 ГПК РФ, суд, решил: заявление прокурора Шпаковского района Ставропольского края в интересах Есина Андрея Юрьевича о признании незаконным решения администрации г. Михайловска Шпаковского района Ставропольского края по исключению семьи Есина А. Ю. из списка участников подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» — удовлетворить.

Признать незаконными действия администрации муниципального образования г. Михайловска Шпаковского района Ставропольского края по исключению семьи Есина А. Ю. из списка участников подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей».

Обязать администрацию муниципального образования г. Михайловска Шпаковского района Ставропольского края восстановить семью Есина А. Ю. в списке участников подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» с даты вступления решения суда в законную силу.

Об исполнении решения суда администрации муниципального образования г. Михайловска Шпаковского района Ставропольского края сообщить в Шпаковский районный суд не позднее чем в течение месяца с даты вступления решения суда в законную силу [12].

Нужно иметь в виду, что отсутствие права на обращение в суд в защиту любого гражданина у прокурора, не ограничивает возможности прокурора как органа надзора. Например, И. А. Ильин писал о том, что «государство со слабой властью нежизнеспособно. Ослабление власти есть умерщвление государства» [9, с. 288].

Исходя из рассмотренной судебной практики следует, что основания, которые дают прокурору право предъявлять исковое заявление в суд в защиту лица по основаниям ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, судьи толкуют не однозначно.

Поэтому не редки случаи, когда, прокурор считает, что гражданин не может самостоятельно обратиться в суд. А суд, в то же время придерживается другого мнения и от-

казывает в принятии заявления прокурору. Данные проблемы требуют более четкого регулирования и определенности, иначе незащищенная категория граждан не сможет осуществлять, данный Конституцией РФ принцип равенства перед законом и судом.

В литературе выделяют точку зрения, по которой «суды не всегда выделяют разграничение между обращением в прокурора суд в интересах укрепления законности (вышеупомянутая ст. 22 Закона о прокуратуре) [5] и обращением прокурора в суд в целях защиты интересов конкретных граждан и физических лиц (ст. 45 ГПК РФ)» [11, с. 219].

Прокурор не имеет права обращаться в суд по основаниям, которые не закреплены в процессуальном законодательстве.

В ч. 1 ст. 45 ГПК РФ закреплено, что прокурор имеет право обращаться в суд в интересах Российской Федерации. Но Федеральным собранием, которое занимается принятием законов и выражением интересов граждан введены в действие нормы ГПК РФ, которые ограничивают возможности участия прокурора в гражданском процессе [2].

Из этого следует, что прокурор не имеет права обращаться в суд в интересах усиления законности, не доказав уважительность причины, по которой гражданин не может обратиться в суд без его помощи.

Следует привести пример дел, к которым относится защита прав неопределенного круга лиц: признание не соответствующими закону нормативных правовых актов, которые адресованы неопределенному кругу лиц и как следствие, порождают для них права и обязанности; запрет деятельности, которая наносит вред окружающей среде и нарушает права населения, проживающего в определенной местности, на благоприятную природную среду; защита прав потребителей и запрет выпуска недоброкачественной продукции.

Подводя итог, складывается мнение, что прокуратура — это самостоятельный, сильный и эффективно работающий орган государственной власти. На нее возложены полномочия, которые государственные органы власти считают необходимыми для предупреждения и устранения нарушений законов, восстановления нарушенных прав граждан, государства, на условиях, которые предусмотрены ч. 1 ст. 45 ГПК РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Совершенствование гражданского законодательства в вопросах участия прокурора в деле необходимо осуществлять путем расширения прав и полномочий прокурора на вступление в гражданский процесс и возможности более активного реагирования на необоснованные и незаконные решения суда, даже по делам, в которых прокурор не участвовал.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // СПС «Консультант плюс» 2015 г.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // СПС «Консультант плюс» 2015 г.
3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 25.07.2002, с изм. от 18.07.2003) (утратил силу) // СПС «Консультант плюс» 2015 г.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 03.12.2012) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» 2015 г.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013) // СПС «Консультант плюс» 2015 г.
6. Амирбеков, К.К. Общий надзор в условиях реформирования судопроизводства // Законность. 2009. N 9; // СПС «Консультант Плюс» 2015 г.
7. Байкин, И. М. Дача заключения прокурором в гражданском процессе // Мировой судья. 2010. № 7. С.15–17.
8. Жилин, Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2011. с. 214.
9. Ильин, И. А. Теория права и государства. М.: Издательство «Зерцало», 2010. с. 288–289.
10. Тарабрин, Д. В. Об участии прокурора в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2007. № 2. С.14.
11. Ярков, В. В. Гражданский процесс. Учебник (отв. ред. проф. В. В. Ярков). Волтерс Клувер, 2009 г. — 448с.
12. Сайт «РосПравосудие». Судебная практика // <http://rospravosudie.com/>.

12. АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Понятие параллельного импорта и его актуальность в РФ

Нургалеев Марат Сабирович, студент

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

Из всех проблем, связанных с товарными знаками, проблема параллельного импорта, пожалуй, самая молодая. Десять лет назад этот термин вообще не был известен многим специалистам в области промышленной собственности. Достаточно вспомнить начальный этап рыночной экономики в России. В 90-е гг., особенно в начале, в России не было не только параллельного импорта, но и импорта вообще. Сейчас уже мало кто помнит пустые прилавки магазинов и очереди за самыми необходимыми товарами. Большую помощь в наполнении (не будем говорить о насыщении) рынка товарами в то время оказали так называемые «челноки», которые на своих плечах перетаскивали громадные партии товаров. Понятно, что в таких условиях говорить о проблемах интеллектуальной собственности было неуместно. Но время шло, экономическая ситуация в России постепенно выправлялась. Бурно развивалось законодательство новой России. Наша страна вела переговоры о вступлении в ВТО, и в этой связи было необходимо, чтобы российское законодательство соответствовало требованиям ВТО. В 90-е гг. были приняты все основные российские законы в области интеллектуальной собственности. Примечательно, что Закон о товарных знаках был принят в России в 1992 г., а Гражданский кодекс Российской Федерации — в 1994 г., что само по себе свидетельствует о значении, которое правительство придавало интеллектуальной собственности с самого начала существования независимой России.

Суды в те годы уже начинали рассматривать дела о нарушении прав на интеллектуальную собственность, но возбужденных дел было немного, профессиональная компетенция судов в делах по интеллектуальной собственности невысокой. В подтверждение этого можно привести такие цифры: с 1994 по 2001 г. импорт в Россию колебался в среднем вокруг 35 млрд. долл. США. Затем он неуклонно рос, достигнув в 2008 г. примерно 267 млрд. долл. Административных дел по интеллектуальной собственности в 2004 г. было всего 154. Затем их число выросло до 1500.

От потока контрафактной продукции не отставал и поток продукции оригинальной, которую в страну начали ввозить не сами правообладатели или их представители, а мелкие предприниматели, закупавшие товар небольшими партиями за границей и привозящие его на продажу в РФ. По сути своей, это были те же «чел-

ноки» 90-х годов, но уже с товаром совсем другого качества, который в связи с нарастающим спросом мог составить серьезную конкуренцию самим правообладателям и их представителям. Так в РФ появилось экономико-правовое явление — параллельный импорт, под которым понимается импорт товаров за рамками каналов распределения, о которых имеется договоренность с изготовителем. Поскольку изготовитель/владелец интеллектуальной собственности не имеет договорной связи с параллельным импортером, импортируемые товары иногда называются «товары серого рынка», что на деле не совсем точно, поскольку как таковые товары являются оригинальными и лишь каналы распределения не контролируются изготовителем/владельцем интеллектуальной собственности [2].

Чаще всего, параллельный импорт осуществляется из страны с низкой ценой на товар в страну с высокой ценой [4].

Представители крупных компаний-правообладателей товарных знаков выступают, конечно же, за ограничение параллельного импорта, а противоположной точки зрения придерживаются специалисты, либо связанные с параллельными импортерами, либо логично и непредвзято оценивающие состояние рынка товаров при наличии в нем параллельных импортеров. Необходимо рассмотреть обе позиции.

Итак, что же говорят сами правообладатели и их представители. М.В. Лабзин директор юридической фирмы «Лабзин и партнеры» в своей статье «Параллельный импорт. Право против эмоций» выступает резко против параллельного импорта и в поддержку правообладателей приводит следующие доводы [3]:

- 1) Затраты на производство товара, включая стоимость материальных и трудовых ресурсов.
- 2) Затраты на маркетинг и рекламу.
- 3) Нормативно установленные требования и условия производства и выпуска товаров, например получение лицензии на деятельность и т.д.
- 4) Потребительский спрос.
- 5) Таможенные пошлины.

Далее представляется необходимым привести позицию известного бизнесмена Давида Якобашвили, представленную им на совещании в Доме Правительства на тему «О принципах исчерпания исключительного права на то-

варный знак» посвященного в частности параллельному импорту. В своей статье Давид Якобашвили приводит следующие последствия отказа от национального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак [6]:

1) Значительный рост числа контрафактной продукции.

2) Снижение инвестиционной привлекательности российской экономики.

3) Снижение степени защищенности отечественных потребителей.

Рассмотрим последствия более подробно. Единственной проблемой, которую высказывают специалисты, независимо от их позиции по параллельному импорту, является проблема контрафактной продукции. Конечно же, к сожалению, проблему контрафакта решить сложно, если не сказать практически невозможно. При легализации параллельного импорта упрощается и попадание на рынок контрафактной продукции, что в свою очередь отражается и на отношении к добросовестным параллельным импортерам. Но в то же время ошибочным является ограничение параллельного импорта на основании увеличения потока контрафакта на рынок. Проблема контрафакта, таким образом, должна решаться на моменте его появления, а не на моменте его попадания на рынок. На 2012 год доля рынка контрафактной продукции, при ограниченном параллельном импорте составляет в разных отраслях от 50 до 73% [5], что, скорее всего, вряд ли можно еще больше увеличить, легализовав параллельный импорт. Разрешение параллельного импорта не влечет за собой автоматическую отмену действий таможенных органов по проверке товаров, попадающих на территорию РФ на наличие признаков контрафактности. Несомненно, потребуется более тщательный контроль за товарами, а соответственно большие усилия при выполнении таможенными органами своих функций. Данный довод не должен ставиться как основной в поддержку ограничения параллельного импорта, потому что если таможенные органы не справляются с потоком контрафактной продукции, быть может, проблема в них, а не в параллельных импортерах, которые ввозят на территорию РФ оригинальный товар. Только меры всестороннего контроля помогут сделать параллельный импорт очищенным от контрафактной продукции и воплотить в нем идею развития конкуренции и малого бизнеса.

Что касается довода, приведенного в отношении защищенности потребителя, то, конечно же, параллельный импорт требует особого внимания в плане качества продукции и исполнения импортерами норм Гражданского Кодекса, Налогового Кодекса, ФЗ «О защите прав потребителей» и др., но это тоже нельзя признать аргументом в пользу правообладателей. На территории РФ действует ряд законов, позволяющих потребителям в полной мере защитить свои права при их нарушении. Параллельные импортеры и правообладатели в этом смысле как субъекты предпринимательской деятельности обязаны в одинаковом объеме предоставлять покупателю товар

в надлежащем качестве, гарантийное и сервисное обслуживание, при этом права покупателей не должны зависеть от приобретения товара у официального дистрибьютора или параллельного импортера. В противном же случае и правообладатель, и параллельный импортер несут ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей по договору.

Соответственно, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что на защищенности покупателя никак не отражается тот факт, что товар был куплен у параллельного импортера, а не у официального дистрибьютора.

Что касается снижения инвестиционной привлекательности РФ, то данный довод в поддержку ограничения параллельного импорта так же можно считать спорным. В поддержку своей позиции Давид Якобашвили приводит доводы о том, что параллельные импортеры паразитируют на заслугах правообладателей, которые разрекламировали свой товар, потратили средства на создания рабочих мест, наладили производство. Ситуация, как показывает практика, обстоит несколько иначе. За всеми «благими» намерениями, к сожалению, скрывается явный интерес к получению ничем не оправданной сверхприбыли. Сходные доводы ранее были представлены М.В. Лабзиным и уже были признаны несостоятельными, но опять же, стоит еще раз сказать, что все издержки, которые правообладатель понес в связи с производством и выпуском в гражданский оборот своего товара, параллельным импортером были возмещены при его покупке за рубежом непосредственно у правообладателя или у его официального представителя. Все последующие издержки несутся как правообладателем, так и параллельным импортером, в той степени, в которой каждый из них может себе это позволить. Если правообладатель или его представитель желает тратить свои средства, создавая рабочие места, рекламные площадки и т.д., то это его законное право. Параллельный импортер же решая сэкономить на данных необязательных издержках готов предоставить потребителю оригинальный качественный товар за меньшие деньги, что тоже можно понимать как один из способов ведения бизнеса.

При этом «снижение инвестиционной привлекательности» не должно ставиться в разрез с правами и законными интересами собственных граждан. Никакие «благие» намерения правообладателей не должны позволять им выставлять непомерно высокие цены, в несколько раз отличающиеся от цен на их продукцию в странах ее происхождения, а так же злоупотреблять своим исключительным правом, не допуская на рынок параллельных импортеров, готовых продавать качественный, оригинальный товар за приемлемую цену.

Стоит также обратить внимание на, предложения С.Ю. Барсуковой по сдерживанию параллельных импортеров.

Так в своей научной работе С.Ю. Барсукова предлагает принять следующие меры [6]:

1) Следует по ряду товаров устанавливать относительно низкие цены, доступные только для «официальных

дилеров», что устранил возможность получения прибыли «серым параллельным импортерам»;

2) Следует синхронизировать и гармонизировать цены на товары во всех странах рынка сбыта, наладить строгий учет продаж на внутреннем рынке в целях создания единого пространства цен;

3) Необходимо использовать технические средства борьбы с «серым импортом» (например, разработка, использование разных упаковок одного и того же товара для разных стран рынка сбыта);

4) Нужна самостоятельная деятельность по выявлению «серых параллельных импортеров», не исключающая возможности проведения переговоров и налаживания взаимовыгодного сотрудничества на легальной основе.

Разберем подробнее предложения С. Ю. Барсуковой. К сожалению, данные предложения сложно назвать действенными. Что касается первых двух предложений, то основная их цель, по сути, убедить правообладателя отказаться от предоставляемой ему монопольной возможности завышения цен на продукцию в отсутствие серьезной конкуренции, а также сделать практически одинаковую ценовую политику на всех рынках сбыта, что, по крайней мере, абсурдно, ведь именно из-за нежелания правообладателя соблюсти эти предложения, и появился параллельный импорт. Цель правообладателя — максимальное извлечение прибыли, а по возможности и сверхприбыли. Если есть возможность продавать товар в стране сбыта монопольно и по максимально высокой цене, правообладатель наверняка этим воспользуется, ведь в этом смысл бизнеса. Идея о том, чтобы от этого отказаться является, скорее всего, утопичной.

Что касается использования различных упаковок для товара в разных странах сбыта, можно сказать следующие. Параллельный импортер действует на основе спроса на рынке продукции. Категория лиц, покупающих товары у параллельного импортера, больше заинтересована в том, чтобы получить товар надлежащего качества за адекватные деньги и скорее всего цвет упаковки товара, наличие добровольной сертификации и подобные усовершенствования вряд ли повлияют на выбор данной категории лиц. В соответствии с этим, данное предложение, скорее всего, не будет эффективным, так как сделает производимый товар дороже за счет дополнительных издержек, что вряд ли получит одобрение у покупателя.

Деятельность по выведению параллельных импортеров из тени и заключение с ними лицензионных соглашений с целью официального представительства правообладателя в стране сбыта могла бы дать свои результаты. Но, к сожалению, лицензионное соглашение обычно, во-первых, носит возмездный характер, а во-вторых, ставит импортера в определенные рамки в отношении территории, ассортимента и количества продукции. При заключении лицензионного соглашения параллельный импортер, по сути, теряет все те возможности по насыщению рынка товарами хорошего качества, различного

ассортимента и по адекватной цене, которыми он обладал до его заключения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что данные предложения далеки от решения проблемы параллельного импорта.

Наибольшую пользу от параллельного импорта, естественно, получает сам покупатель, ведь он получает возможность приобретать необходимый ему товар хорошего качества по приемлемой цене. Вышеизложенной позиции в настоящее время придерживается Федеральная Антимонопольная Служба, а также Министерство Промышленности и Торговли РФ, Министерство Образования и Науки.

Также стоит привести позицию Ныровой Н., которая считает, что национальный принцип исчерпания нуждается в переосмыслении по следующим причинам [4]:

1) Зарегистрировав товарный знак в одной стране, затем в другой стране, правообладатель как бы «стирает» границы между этими странами (рынками этих стран).

2) Регистрируя товарный знак, правообладатель получает право на защиту продукции, несущей этот знак, от незаконного копирования или изготовления (контрафакта). Но вовсе не на защиту своих личных прав управления потоками товаров, ограничения доступа к продажам своего товара, который был произведен вполне легально. Не получает он права и на «дискриминацию цен».

3) Регистрация товарного знака делается для защиты индивидуальности продукции, а не для получения разрешения на введение продукции в товарооборот на определенном рынке. В принципе, собственник (создатель, пользователь) товарного знака может и без его регистрации производить и продавать свой товар.

4) Искусственно придает негатив «параллельному импорту» и появление такого понятия, как «товар, поставленный с нарушением прав эксклюзивного дистрибьютора». Однако появление эксклюзивного дистрибьютора как очередного правообладателя на товарный знак, происходит на основании договора с основным правообладателем. Этот договор как бы пытается убедить общество, что именно дистрибьютор «вводит товар в хозяйственный оборот». Не происходит ли здесь нарушения «правила первой продажи»? Отношения между собственником ТЗ и его дистрибьюторами также представляют собой отношения купли-продажи товара. Просто эти отношения носят специфический финансовый характер: предполагают особые условия по ценам (скидки), расчетам (отсрочка платежа) и т.д. Но дистрибьютор не получает товар безвозмездно. Поэтому продажа товара региональному дистрибьютору и есть факт первой продажи, означающей исчерпание прав.

5) «Ценовая дискриминация» незаметно приводит к «дискриминации в области качества». Такие указания как «Предназначено для использования в России», «Разработано и произведено только для использования в Китае» не свидетельствуют об улучшении качества продукции. Скорее наоборот — вызывает сомнение, что

в таких случаях качество соответствует лучшим мировым стандартам. Таким образом, возник новый «критерий» качества — «в зависимости от страны предназначения продукции». Хотя во всем мире при разработке стандартов сохраняется стремление к их унификации.

Таким образом, в настоящее время национальный принцип исчерпания прав на Товарный знак уже не позволяет разумно сочетать интересы государства, право-

обладателей и потребителей. Параллельный импорт является сложным явлением, и он получил очень большое распространение, как в нашей стране, так и в мире в целом. Трудно сказать является ли данное явление положительным и отрицательным, ведь у медали всегда две стороны. Мнения ведущих экспертов в области интеллектуальной собственности поделены практически пополам.

Литература:

1. Барсукова, С. Ю. «Три составных части контрафакта: подделка, серый импорт, имитаторы» // Экономическая социология 2008. Т. 9 № 4
2. Всемирная организация интеллектуальной собственности «Международное исчерпание и параллельный импорт» http://www.wipo.int/sme/ru/ip_business/export/international_exhaustion.htm
3. Лабзин, М. В. «Параллельный импорт: право против эмоций» // Патенты и Лицензии 2011 № 7 — С.2—14
4. Нырова, Н. «Параллельный импорт — за и против» [Текст] / Н. Нырова // Интеллектуальная собственность: Промышленная собственность. — 2007. — N 7. — с. 4—18.
5. Фурсова, И. Российская Бизнес-газета, № 875 от 4 декабря 2012 г. <http://www.rg.ru/2012/12/04/kontrafakt.html>
6. Якобашвили, Д. М. «О принципах исчерпания исключительного права на товарный знак» // Совещание в Доме Правительства 09.08.2011 г.

13. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Актуальные проблемы правового регулирования порядка заключения брака

Топилина Марина Михайловна, преподаватель;
Попова Мария Владимировна, студент
Михайловский колледж бизнеса (Волгоградская область)

Наличие законодательных гарантий беспрепятственного осуществления прав и возможности их защиты обеспечивается согласно Конституции реализацию прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Анализируя, под призмой прав и свобод, правовые нормы относительно актов гражданского состояния представляется возможным выявить ряд пробелов и противоречий.

Ссылаясь на выводы Тарусиной Н.Н. будем считать, что в науке отношения по регистрации актов гражданского состояния относят к процедурным. [4] Согласно Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» данная процедура включает в себя следующие этапы:

- 1) подача и принятие заявления;
- 2) составление актовой записи;
- 3) выдача свидетельства о регистрации акта гражданского состояния. [2]

Этап подачи заявления представляется нам возможно самым важным. Именно на этом этапе:

- 1) устанавливается и подтверждается взаимное добровольное согласие на регистрацию акта гражданского состояния (брак, развод);
- 2) подтверждается отсутствие обстоятельств, препятствующих заключению брака, расторжению брака в загсе;
- 3) сообщаются и документально подтверждаются необходимые для составления актовой записи сведения о лицах, вступающих в брак (ст. 26 ФЗ «Об актах гражданского состояния»), или же сведения, требуемые для совершения иных актов;
- 4) назначение даты и времени регистрации акта гражданского состояния.

Уже на этом важнейшем этапе мы можем заметить несовершенство процедуры регистрации актов гражданского состояния. Как видим в Законе предусмотрен отказ в регистрации акта гражданского состояния, но совершенно не предусмотрены основания для отказа в принятии заявления, а это впоследствии как раз таки может стать причиной нарушения прав и законных интересов граждан.

В статье 11 настоящего Закона отказ в государственной регистрации акта гражданского состояния возможен, если государственная регистрация противоречит закону и если представлены документы, не соответствующие требованиям. В соответствии с п. 9 ст. 27 Закона

если имеются доказательства, подтверждающие обстоятельства, препятствующие заключению брака, то при государственной регистрации заключения брака допускается отказ.

Если говорить о государственной регистрации рождения, регистрации расторжения брака по решению суда, регистрации смерти, действующие правила вполне целесообразны и достаточны, так как процедура совершения данных актов не предусматривает временного промежутка между подачей заявления и государственной регистрацией.

Что касается регистрации брака, между этапами подачи заявления и составлением актовой записи существует временной промежуток, который может быть сокращен или продлен. На практике например, в исключительных случаях регистрация может быть произведена в день подачи заявления, то есть месячный срок может быть сокращен. Возможно и продление срока.

Нам кажется целесообразным при процедуре регистрации брака именно на этапе принятия заявления предусмотреть в Законе случаи для отказа в его принятии. Допустим, заявителем представлены не все необходимые документы, законодательно это не является поводом для отказа в принятии заявления. Другой пример: при подаче заявления о регистрации брака выявлен порок воли у одного из лиц, подающих заявление о регистрации брака, в виде не владения русским языком. Взаимное добровольное согласие является с одной стороны обязательным условием заключения брака, но несмотря на это, отказ в регистрации возможен лишь при наличии препятствий, предусмотренных ст. 14 СК РФ, а наличие взаимного согласия в данную статью вовсе не внесено.

Наличие этого противоречия и пробела субъекты РФ пытаются заполнить в своих административных регламентах, в которых предусматривают такие процедурные действия, как например, прекращение государственной регистрации заключения брака, основанием для этого является выражение заявителем несогласия (в устной или письменной форме) вступления в брак либо заявление любого лица о наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака. (Административный регламент Управления загса Воронежской области). [5]

Но административные регламенты не могут устанавливать процедуры, не предусмотренные СК РФ, это еще одно доказательство того, что просто необходимо предусмотреть процедуру отказа в принятии заявления непосредственно в ФЗ «Об актах гражданского состояния».

В комментариях судебной практики по семейным делам есть пример, наглядно подтверждающий необходимость такой процедуры. «Н. обратилась в суд с жалобой на действия органа загса, отказавшего в регистрации брака в связи с тем, что лицо, вступающее в брак, не по доброй воле подало заявление о регистрации брака. Суд счел, что, несмотря на то что В. указывал на то, что родители несовершеннолетней Н. понудили его к заключению брака, то, что он являлся совершеннолетним в период подачи заявления, отсутствовали заболевания, которые могли повлиять на его волю, свидетельствует о том, что загс должен был зарегистрировать брак». [3]

На самом деле, сегодня отсутствие взаимного добровольного согласия не является основанием для отказа в регистрации брака, но в то же время это является обязательным условием заключения брака. Противоречия на лицо.

Выше упоминалось, что при подаче заявления о регистрации брака может быть выявлен порок воли у одного из лиц, подающих заявление о регистрации брака, если заявитель не владеет русским языком. Участие переводчика при регистрации акта гражданского состояния на сегодняшний день не предусмотрено Законом. Получается, что вопрос соблюдения прав человека при регистрации акта гражданского состояния, не урегулирован. Дабы не ущемлять прав лиц, не владеющих русским языком, можно предусмотреть участие переводчика при принятии заявления на регистрацию брака.

Далее собственно, об одном, на наш взгляд, из самых серьезных упущений законодателя.

Обратимся к тому же Закону «Об актах гражданского состояния» Исходя из положений п. 1 ст. 29 Закона в запись акта о заключении брака вносятся следующие сведения:

— фамилия (до и после заключения брака), имя, отчество, дата и место рождения, возраст, гражданство, национальность (вносится по желанию лиц, заключивших брак), место жительства каждого из лиц, заключивших брак;

— сведения о документе, подтверждающем прекращение предыдущего брака, в случае, если лицо (лица), заключившее брак, состояло в браке ранее;

— реквизиты документов, удостоверяющих личности заключивших брак;

— дата составления и номер записи акта о заключении брака;

— наименование органа записи актов гражданского состояния, которым произведена государственная регистрация заключения брака;

— серия и номер выданного свидетельства о браке.

Как видим, в список обязательных документов заключение о результатах медицинского обследования не включено. Получается, скрыть генетические, психические и т.п. заболевания не представляется затруднительным. А значит, не представляется затруднительным и перенести бремя серьезных болезней на свою «вторую половину» и будущих детей.

Повторюсь, что данный пробел в законодательстве об обязательном медицинском обследовании — серьезное упущение законодателя. Ученые ищут способы избежать передачи поврежденной генетической информации потомству и предотвратить развитие у новорожденных большого количества неизлечимых. Кажется очевидным, что есть способ хотя бы значительно сократить развитие и размножение неизлечимых болезней. По крайней мере дать возможность права выбора будущим супругам. На мой взгляд, о правах и свободах в данном случае законодатель просто забыл. Разве мужчина и женщина не должны быть предварительно предупреждены о заболеваниях или предрасположенности к нему у будущего супруга.

Возможно узнав о заболевании до момента подачи заявления на регистрацию брака, не было бы и взаимного добровольного согласия, или оно было бы обдуманным и не повлекло бы развитие конфликтов в дальнейшем. Убеждена, что что знание о способности супругов иметь здоровое потомство позволит избежать внутрисемейных конфликтов и сократит число разводов, которое и без того велико. Нельзя не учитывать наличие заболеваний у будущих супругов, так как некоторые из них могут поставить под угрозу жизнь и здоровье не только другого супруга, но и будущего потомства, а значит и нацию в целом.

Литература

1. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ с изменениями и дополнениями от 15.11.1997 г. — М.: Юрист, 1998. — 72 с.
2. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ от 24.11.1997, N 47, ст. 5340.
3. Беспалов Ю. Ф., Гордеюк Д. В. Комментарий к судебной практике по семейным делам. М., 2011. с. 16
4. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М., 2010. с. 123.
5. URL: <http://www.vrnzags.ru/adregbrk.html>.

14. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Экологическое движение Узбекистана как важный субъект избирательного права

Жумабоев Ахроржон Хамзалиевич, преподаватель;
Саримсаков Бегзод Холмахаммадович, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Одним из основных целей Закона Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в законодательство Республики Узбекистан в связи с совершенствованием законодательных документов о выборах» является повышение роли и влияния политических партий, совершенствование системы выборов и законодательства, а также, создание возможностей для широкого участия экологического движения Республики Узбекистан в деле исполнения и соблюдения прав касательно защиты окружающей среды и здоровья граждан, разумного использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности населения.

Известно, что учредительная конференция экологического движения Узбекистана прошла 2 августа 2008 года. Идея создания «Экологического движения Узбекистана» была всесторонне обсуждена на проведённых семинарах и круглых столах при участии ученых экологов, лидеров негосударственных организаций, представителей сферы просвещения, защиты здоровья, производства и фермерства Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкент. Была изучена точка зрения широкой общественности, представителей творчества и депутатского корпуса. Идеи, пожелания и предложения выраженные в процессе этих общественных собраний послужило основой Устава и Программы рассмотренной в течении конференции Движения. Главным лозунгом Движения стало «Здоровая среда — здоровье человека», участники конференции определили основные направления деятельности экологического движения Узбекистана. Экологическое движение Узбекистана является массовым общественным движением, оно объединяет в своём ряду на добровольной основе граждан и организаций страны, стремящихся к непосредственному участию и направляющих все свои возможности к соблюдению прав направленных на обеспечение экологической безопасности населения, разумного использования природных ресурсов, защиты здоровья и окружающей природной среды, создания сегодняшним и будущим поколениям граждан Узбекистана комфортной среды и желающих участвовать в углублении изменений направленных на из безусловное выполнение. Движение организуется и действует в форме

общественного объединения. В ней предусматривается участие граждан Республики Узбекистан и на основании действующего законодательства, других лиц, а также негосударственных некоммерческих организаций, цели и задачи которых близки к Экологическому движению.

Основные цели Экологического движения составляют следующее:

- соблюдение права современного и будущего поколения Узбекистана на комфортную среду и защиту здоровья, защиту окружающей природной среды, разумного использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности населения;

- повышение активности населения в сфере защиты окружающей природной среды, улучшения экологии, водной и воздушной среды, защиты их от вредных выбросов, охрана и восстановление биологической разновидности;

- обеспечение выполнения актов государственной власти и органов управления в сфере защиты природы и разумного использования природных ресурсов с учетом соблюдения требований законодательства, также, проведение инициативы разработки в установленном законодательством порядке необходимых в этой сфере законодательных документов и других нормативно-правовых документов;

- повышение ответственности разумного распределения и использования выделенных средств, направленных на исполнение обязательств различных гражданских общественных институтов, в том числе в целях защиты окружающей природной среды и здоровья населения;

- повышение экологической культуры населения, введение в учебных заведениях специальных предметов по вопросам защиты окружающей среды;

- достижение становления экологической безопасности, совершенствование правовых механизмов обеспечения здоровой среды жизни, разумного использования природных ресурсов задачей всего государства, общества и каждого гражданина.

Движение для достижения этих целей решает вопросы, а также выполняет следующие задачи:

— усиление активного участия общественности в деле защиты окружающей природной среды и оздоровления экологического условия;

— помощь в совершенствовании и развитии законодательства в деле защиты окружающей природной среды;

— беспрекословное выполнение законов и других государственных указов по вопросам защиты окружающей природной среды и установление общественного контроля над выделенными на это государственными средствами;

— повышение экологической культуры населения, развитие системы экологического образования и воспитания;

— развитие международного сотрудничества в сфере охраны окружающей природной среды;

— координация деятельности негосударственных некоммерческих организаций являющихся общественным участником Движения.

Движение обладает следующими правами:

— выражение и защита прав своих участников;

— выход с различными инициативами по различным вопросам социальной жизни, вносить предложения органам государственной власти и управления;

— участие в разработке указов органов государственного управления и управления в установленном законодательством порядке;

— учреждение символических знаков в установленном порядке;

— распространение информации о своей деятельности;

— ведение печатной и просветительской деятельности, также, на основании законодательства Республики Узбекистан, проведение выставок, спортивных и других мероприятий;

— создание предпринимательских структур для выполнения уставных задач.

Движение объединяет своих участников на основании территориального принципа административно-территориального деления Республики Узбекистан. Членство в Движении не установлено в строгом порядке. Участниками в Экологическом движении могут стать, как граждане, так и негосударственные некоммерческие организации. В целях управления и координации деятельности участников Движения, непосредственно по решению объединяющего организационно Центрального Совета считаются их отделами организовываемы в Каракалпакской Республике, областях и городе Ташкенте. Высшим руководящим органом считается конференция Движения, созываемая раз в пять лет. Руководящим органом между конференциями Движения является Центральный Совет. Центральный совет выражает интересы Движения и ведёт дело от его имени, организует исполнение уставных и программных задач Движения.

Значимость новых подходов в решении экологических задач были выражены в течении переговоров на высшем уровне между Узбекистаном и Россией прове-

дённых 22–23 января 2009 года. Главы государств отвечая на вопросы о строительстве гидросооружений на трансграничных реках, подчеркнули о необходимости достижения согласия соседних государств, гарантировать экологическую безопасность сооружения, следовать соответствующим международным мерам и составленным двусторонним договоренностям. Позднее, в течении переговоров на высшем уровне руководителей Узбекистана и Туркменистана было утверждено о недопустимости снижения течения трансграничных рек, также, о необходимости ведения заинтересованными государствами на принципах открытости и полноценной информированности при проведении гидротехнических проектов на трансграничных реках проведения независимой международной технико-экономической и экологической экспертизы. Здесь надо отметить, что Президент Республики Узбекистан на прошедшей в августе 2007 года саммите в Бишкеке перечислил принципы пользования трансграничными реками, то есть вопросы пользования водными ресурсами рек Центральной Азии должны решаться с учетом интересов более 50 миллионного населения проживающего здесь; любые работы проводимые в этих реках не должны оказывать негативного влияния на утвердившийся экологический и водный баланс в регионе; в сфере использования водных ресурсов и экологии необходимо строительство эффективной системы международной правовой базы единого совместного пользования трансграничными реками Центральной Азии. Нужно также учесть и итоги пятого Всемирного форума Воды проходившей 16–22 марта 2009 года в Стамбуле. В нём приняли участие около 30 тысяч делегатов из 130 стран мира, в том числе делегация из Республики Узбекистан. По итогам Всемирного водного форума было принято Заявление (Коммюнике), в котором, в частности указывалось, об «управлении потребности в водных ресурсах, улучшении эффективности и продуктивности использовании водными ресурсами в сельскохозяйственных целях, уделения внимания строительству оросительных сетей, в необходимых местах, также учитывая темпы быстрого роста потребности населения в водных ресурсах в целях выращивания продуктов питания улучшение сельского хозяйства в богарных землях, учитывая изменения состава потребления, особенно учитывая улучшения уровня жизни сельского населения» были приняты меры. В Заявлении также указывалось о поддержке экономически обоснованных, экологически обоснованных, социально справедливых и безвредных для других стран, проектов развития различных государств, связанных с водными ресурсами. В течении Всемирного Водного форума Фондом охраны Природы делегации Узбекистана был вручен диплом о признании за Республикой Узбекистан лидерства в деле международной водной политики. Итоги Всемирного Водного форума свидетельствуют о существующих серьёзных тревогах в деле эффективного пользования водными ресурсами.

Его итоги свидетельствуют о вопросе жизненной важности для сегодняшнего и будущего поколения Узбекистана — об обоснованности его точки зрения в сфере эффективного и справедливого пользования водными ресурсами в Центральном азиатском регионе и его поддержке на международном уровне.

По мнению экспертов, среди краткосрочных задач решением которых должно заняться экологическое движение, заключается в следующем: снижение себестоимости разработки задач архитектурного планирования, внедрение упрощенного порядка экспертизы проектной документации для малого бизнеса и снижения тарифов его проведения, принятие мер по снижению арендной платы помещений считающихся собственностью государства и оформления кадастровых документов. Экологическое движение Узбекистана, как указывало его руководство,

это «не политическая организация». Его деятельность направлена на решение проблем экологии и здравоохранения касающейся интересов всех слоёв населения. По этой причине избирание в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан 15 депутатов из экологического движения Узбекистана и их представительство в деятельности парламента страны служит повышению роли общественности в решении экологических проблем как на национальном уровне, так и на международном уровне. Внесение ряда изменений в избирательное законодательство в целях превращения экологического движения Узбекистана в важного субъекта избирательного процесса направлены на углубление либерализации и демократизации. Эти изменения свидетельствуют о поэтапной демократизации общественной жизни и государственного строительства.

Литература:

1. Образовано Экологическое движение Узбекистана. // веб-сайт Национального информационного агентства Узбекистана (ЎЗА) — www.uza.uz; Мавлонов А., Тўлаганов А. Ўзбекистоннинг экологик ҳаракати: ташкил этилишининг объектив омили ва фаолиятининг устувор йўналишлари. // *Ekologiya xabarnomasi*-Экологический вестник-Ecological Herald of Uzbekistan. — 2009. № 1.
2. Устав Экологического движения Узбекистана. // веб-сайт Экологического движения Узбекистана — www.eco.uz
3. Устав Экологического движения Узбекистана. // веб-сайт Экологического движения Узбекистана — www.eco.uz
4. Хакимов, Р. Ўзбекистон экологик ҳаракати сайлов жараёнларининг муҳим субъекти сифатида. // Фуқаролик жамияти. 2009. № 3 (19), — Б.23.
5. Совместное заявление Узбекистана и Туркменистана. 2 марта 2009 год // веб-сайт Национального информационного агентства Узбекистана (ЎЗА) — www.uza.uz
6. Трансгегаравий дарёлар — минтаканинг барча давлатлари манфаатлари йулида, халқаро маъёрлар асосида ва экологияга зарар етказмасдан фойдаланиш // веб-сайт Национального информационного агентства Узбекистана (ЎЗА) — www.uza.uz
7. Об итогах пятого водного форума // веб-сайт Национального информационного агентства Узбекистана (ЎЗА) — www.uza.uz
8. Об итогах пятого водного форума // веб-сайт Национального информационного агентства Узбекистана (ЎЗА) — www.uza.uz
9. Каримов, И. А. Мамлакатимизни модернизация қилишни ва янгилашни изчил давом эттириш — давр талаби. 2008 йилда мамлакатимизни ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш якунлари ва 2009 йилга мулжалланган иқтисодий дастурнинг энг муҳим устувор йўналишларига бағишланган Вазирлар Маҳкамаси мажлисидаги маъруза // веб-сайт Национального информационного агентства Узбекистана (ЎЗА) — www.uza.uz
10. Развитие экологического движения Узбекистана: задачи и перспективы. 20 декабря 2008 года // веб-сайт Кабинета Министров Республики Узбекистан — www.gov.uz

Тенденция развития «Зеленой энергии» в Российской Федерации

Куджева Елена Керимовна, доцент

Северо-Кавказский юридический институт Саратовской государственной юридической академии (г. Черкесск)

Резервы естественных видов топлива постепенно истощаются. Согласно прогнозам ученых, через 40 лет будут исчерпаны мировые запасы нефти, через 70 лет — запасы газа, через 160 лет — запасы угля. При этом объем мирового энергопотребления каждый год увеличивается на 3–4%. [1]

Промышленное использование вышеназванных источников наносит непоправимый вред окружающей среде, хотя государства и общество должны быть заинтересованы в развитии восстанавливаемых источников энергии [2]

Ведущие мировые государства планируют довести долю «зеленой» энергии до 20–30%. Многочисленные

публикации ученых о развитии нетрадиционных видов восстанавливаемых источников энергии, а также научные и технические разработки последних лет свидетельствуют о существенном изменении отношения к «зеленой» энергии. Россия не может стоять в стороне от этого важного процесса. Новейшие ориентиры энергетического сектора Российской Федерации заложены в Энергетической стратегии нашего государства на период до 2030 года. [3] Особое значение имеет расширение и модернизация различных областей Топливо-энергетического комплекса (ТЭК), энергосбережение и повышение эффективности, снижение энергоемкости экономики, развитие нетопливной энергетики, внедрение экологически чистых технологий. В вышеназванном документе говорится, что к 2020 году доля ВИЭ в энергетике РФ должна увеличиться до 4,5%

Россия располагает большими резервами не возобновляемых источников энергии. Имеющийся в наличии ресурсный потенциал биомассы у нас практически неисчерпаем.

Для нашей страны рассматриваемая тема очень важна, так как Россия стремиться в скором будущем, претворить в жизнь новые начинания развития «зеленой энергии». Планируется, что в каждом отдельном сельском населенном пункте будет собственная электростанция, использующая в виде топлива навоз или древесную растительную биомассу. Это даст возможность жителям села сэкономить бюджету выделяемые средства на обслуживание электрификации периферии, даст возможность сельчанам самим вырабатывать «зеленую» энергию, делает толчок развитию скотоводства, овцеводства, птицеводства, растениеводства и т.д. Такая работа обеспечит автономную бесперебойную работу станций даже в случае выхода из строя центральной системы электросети.

Россия располагает двумя десятками млн. га. незапашанных пахотных земель для засаживания биоэнергетическими культурами, большим количеством лесосек (леса под вырубку) и отходов от животноводческого комплекса. Эту биомассу можно перерабатывать в электроэнергию и тепло, а также производить на экспорт биоэтанол и топливные древесные гранулы. Себестоимость энергии на внутреннем рынке будет снижаться, что приведёт к росту производства, увеличению рабочих мест, а также использованию отечественной растительной и древесной биомассы (наряду с газом, нефтью, углём и) в качестве энергоносителя.

Что же понимается под (ВИЭ) возобновляемыми источниками энергии? Следующее определение дается в большом энциклопедическом словаре (БЭС): [4] Возобновляемые источники энергии, источники непрерывно возобновляемых в биосфере Земли видов энергии — солнечной, ветровой, океанической, и т.д. Возобновляемые источники энергии являются экологически чистыми. В этом и заключается ценность данной энергии

Федеральный закон «О биоэнергетике» [5] определяет, какие источники относятся к ВИЭ. Это: энергии солнца,

ветра, вод (в т.ч. энергия сточных вод), энергия приливов, энергия волн водных объектов, геотермальная энергия, низкопотенциальная тепловая энергия земли воздуха, воды, Биомасса (специально выращенные для получения энергии растения, деревья, отходы производства и потребления), газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках.

Однако не все технологии экономически выгодны на сегодняшний день. Поэтому для оценки возможностей ВИЭ используют такое понятие, как экономический потенциал и целесообразность.

В Германии возобновляемая энергия по данным 2014 года покрывает почти 25% энергетических потребностей страны. К 2050 году Германия намеревается повысить долю возобновляемой энергии до 80%, и в то же время, постепенно отказываясь от атомной энергетики. [6]

По данным Всемирного банка, современный технический потенциал энергосбережения в нашей стране составляет 45%. Применяя современные технологии, Россия может экономить при производстве металла около 60% энергии, а с учетом технических новшеств, которые будут доступны к 2050 году, — порядка 90% [7].

Около 0,1% мирового производства электроэнергии, занимает сейчас солнечная энергетика и имеет положительную динамику роста. У нас в России по данной энергетике действуют 17 проектов по 5 регионам

Солнечная энергетика использует неисчерпаемый восстанавливаемый источник энергии, в процессе производства электроэнергии отсутствуют выбросы в окружающую среду загрязняющих веществ. Практически в любом благоприятном месте могут быть поставлены солнечные батареи, которые будут производить дешевую электроэнергию

Геотермальная энергетика. В России имеются 17 геотермальных проектов в 5 регионах. Электростанции данного типа будут представлять собой теплоэлектростанции использующие в качестве теплоносителя воду из горячих геотермальных источников. Эти электростанции являются более экологически чистыми, чем ТЭС

Гидроэнергетика. На этих электростанциях, в качестве источника энергии применяется энергия водного потока, первоисточником которой является Солнце, испаряющее воду, которая затем выпадает на возвышенностях в виде осадков и стекает вниз, формируя реки. Гидроэлектростанции в России строят на реках сооружая плотины и водохранилища

Энергия волн. Волновая электростанция установка, расположенная в водной среде, целью которой является получение электричества из энергии волн. По сравнению с ветровой и солнечной энергией энергия волн обладает большей удельной мощностью. Имеются в России 6 проектов в 4 регионах по данной энергетике

Биомасса. Данный вид топлива в России является очень перспективным, поскольку, прослеживается тен-

денция увеличения производства биотоплива от 30% до 100%, В России действуют по данному виду топлива 20 проектов в 13 регионах

Ветроэнергетика — отрасль энергетики, специализирующаяся на использование энергии ветра. Техническая возможность ветровой энергии России оценивается свыше 50 000 миллиардов кВт ч/год, что составляет 30% производства электроэнергии всеми электростанциями России. Действующих проектов по данной энергетике у нас в стране 37, которые расположены в 23 регионах.

Низкопотенциальное тепло Земли может использоваться в различных типах зданий и сооружений разными способами: для горячего водоснабжения, охлаждения воздуха, отопления, обогрева дорожек в холодное время года, для предотвращения обледенения, подогрева полей на открытых стадионах. В России имеются 9 проектов в 6 регионах.

Шахтный газ является прекрасным энергетическим топливом. Он экологически более чистый, чем уголь,

и эффективное топливо. В мире существует около пяти десятков электростанций, работающих на шахтном газе. У нас в России действуют 7 проектов в 5 регионах.

Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении критериев для предоставления из федерального бюджета субсидий».. устанавливает меры, по которым из федерального бюджета предоставляются субсидий лицам, которым принадлежат объекты, действующие на основе применения возобновляемых источников энергии.

Таким образом, развитие ВИЭ в России представляется актуальным и жизненно важным проектом. Во-первых, развитие и применение ВИЭ благоприятно воздействуют на экологическую ситуацию России, которая в последнее время не в надлежащем состоянии. Во-вторых, в будущем нехватка традиционных ресурсов может сильно сказаться на рынке, поэтому очень важно сейчас развивать нетрадиционные источники энергии, чтобы через несколько лет, не допустить экономического коллапса и катастрофы.

Литература:

1. Копылов, А. Е. «Локоматив развития экономики» //Ж. «Энергополис» — М., 2013.
2. Сковпень, А. А. «Тенденция развития «зеленой энергии» в Российской Федерации». Межвузовская научно-практическая студенческая конференция МГЮА им. О. Е. Кутафина: история и современность. Сборник. М, 2012.
3. Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009года № 1715-р «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года»
4. Большой энциклопедический словарь (БЭС)
5. Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 20. марта 2003. № 35// Собрание законодательства РФ № 13, 01.04.2003
6. Ермолова, Н. С., Моуров А. Г. «Возобновляемые источники энергии: новые технологии использования солнечной энергии // ХУ1-ХУ11Международная научно-практическая конференция «наука, вчера, сегодня, завтра»
7. Гринпис России // Возобновляемая энергетика 2013. [Э.Р.] — Режим доступа. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/energy/> (дата обращения 01.10.2014).

Проблемы утилизации производственных и бытовых отходов в России и Карачаево-Черкесской Республике

Куджева Елена Керимовна, доцент

Северо-Кавказский юридический институт Саратовской государственной юридической академии (г. Черкесск)

В Российской федерации вопросы о вывозе и утилизации ТБО являются одними из важнейших проблем затрагивающие интересы экономики, природы и ЖКХ. В настоящее время органы власти рассматривают наиболее подходящие по всем параметрам варианты. Благоприятному разрешению этой проблемы отрицательно сказываются не только неудовлетворительные способы вывоза и утилизации мусора, но отсутствие необходимых нормативных актов, отвечающим современным реалиям жизни.

Такой основной закон как — «Об отходах производства и потребления» [1] определяет нормы государственной

политики в области обращения с промышленными и бытовыми отходами и формы финансово-хозяйственной деятельности в области обращения с отходами

Данный закон вопросы вывоза, утилизации и обращения с отходами относит к компетенции органов местного самоуправления, которые обязаны принимать все необходимые нормативные акты и обеспечивать их исполнение.

Для разрешения проблем охраны окружающей среды, вывоза и утилизации ТБО были приняты следующие законы: ФЗ «Об охране окружающей среды, [2] ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [3] и другие

Несмотря ни на что, свалки отходов вокруг крупнейших российских городов растут на 235 млн. кубометров ежегодно — это стало реальной проблемой для окружающей среды и здоровье людей. [4]

«В зеленой зоне вокруг г. Москвы выявлены 717 незаконных свалок помимо, законно имеющих и избавиться от них невозможно» пишут в газете «Мир новостей» Окрестности Москвы утопают в мусоре: [5] 5 млн. тонн в год привозит столица, 4, 7 млн. тонн составляет свой мусор. Свалки занимают 30 кв. км, где гниет 120 млн. тонн отходов.

Население протестует против таких полигонов, потому что эта громадная свалка не отвечающая никаким санитарным требованиям.

Упомянутые полигоны намечалось закрыть к 2015 году, а до 2020 года закончить программы по рекультивации. Однако специалисты уверены: выполнить это обязательство можно лишь, завалив московским мусором близ лежащие регионы или начать сжигать отходы.

Вопрос о сносе и ликвидации этих мусорных полигонов органы власти неоднократно рассматривали, но проблема до сих пор не решена положительно

Продукты сгорания ТБО опаснее, чем просто отходы, потому что освобождаются яды — диоксиды, тяжелые металлы — более 400 соединений, которые губительно влияют на всю природу и человечество в целом. Исследователи в Германии, Австрии, Италии обнаружили, что вблизи мусоросжигательных заводов случаев рака легких в 3,5 раза больше, чем в других районах. Уродств у детей — на четверть и более.

В Европейских государствах считается, что захоронение ТБО является самым дорогим способом уничтожения мусора в то же время для нашей страны такая форма борьбы с отходами как раз самая подходящая и дешевая.

Ситуация в КЧР в области образования, использования, обезвреживания, хранения и захоронения отходов ведет к опасному загрязнению окружающей среды, нерациональному использованию природных ресурсов, значительному экономическому ущербу и представляет реальную угрозу здоровью современных и будущих поколений. Ежегодно в республике образуется около 180–200 тыс. тонн только учтенных бытовых отходов. Около 93% отходов вывозятся на полигоны ТБО, где производится не качественное их захоронение. [6]

В целях улучшения проводимой работы по санитарной очистке города Черкесска от мусора и других бытовых отходов руководством города в качестве эксперимента было закуплено 100 единиц индивидуальных пластиковых контейнеров объемом 120 литров для частного сектора. Со всеми участниками эксперимента при передаче индивидуального средства сбора ТБО был заключен договор безвозмездного пользования контейнером. Вывоз мусора будет производиться по строго согласованному графику.

В аулах, станицах и других сельских поселениях Карачаево-Черкесии крайне неудовлетворительно сло-

жилась обстановка с вывозом, хранением и утилизацией ТБО. В большинстве населенных пунктов мусор собранно никто не вывозит и не отведены специальные свалки, а там, где они есть, не отвечают никаким санитарным нормам.

В отдельных населенных пунктах жители отказываются оплачивать затраты по вывозу ТБО из-за дороговизны.

В ходе проведения проверок в 2013 году обследовано более 60 населенных пунктов республики. Площадь не санкционированных свалок, выявленных в ходе проверок, составляет 11,8 га.

Для решения проблемы полигонов ТБО по КЧР Правительством республики принята республиканская целевая программа «Экологическая безопасность в Карачаево-Черкесской Республике на 2011–2018 годы». [7]

Данной программой предусматривается: строительство 5 полигонов твердых бытовых отходов; строительство 5 мусоросортировочных комплексов; обезвреживание отходов, использованных люминесцентных ламп; и т.д.

Строительство на территории республики сразу пяти современных полигонов ТБО позволит решить данную проблему. Тем не менее, осуществление данной программы, не начата по той причине, что в республиканском бюджете ни на 2012 год, ни на 2013 год средства на ее осуществление не были предусмотрены.

Вторичной переработки в Карачаево-Черкесской Республике требуют остатки деятельности Урупского горно-обогатительного комбината, Усть-Джегутинского цементного завода, отвалы Урупского горнодобывающего комплекса. Современной реконструкции требуют Усть-Джегутинское водохранилище и Цементный завод, представляющие собой потенциальные источники экологических бедствий.

Анализируя выше сказанное можно сделать следующие выводы:

— Существующая проблема управления ТБО в республике требует безотлагательного решения. Весьма актуальным для территории КЧР было бы вовлечение в хозяйственный оборот ТБО.

— ТБО являются неиссякаемым источником вторичного сырья для переработки, которое весьма эффективно заменяет естественные природные ресурсы в производстве. На Западе к этому подходят рациональней, выжимая все, что можно с этого мусора. Это происходит потому, что у них нет таких природных ресурсов, лесов, полезных ископаемых как у нас в Карачаево-Черкесской Республике.

— Для совершенствования экологической ситуации в Карачаево-Черкесской Республике нужно представителям государственной власти и должностным лицам муниципальных образований уделять больше внимания поднятым проблемам. Необходимо поставить в качестве одного из приоритетов своей работы строгое соблюдение экологического законодательства, а также контроль за его соблюдением иными лицами.

Литература:

1. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 года, № 89-ФЗ
2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года, № 7-ФЗ.
3. Федеральный закон от 4 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» //Собрание законодательства Российской Федерации от 3 мая 1999 года № 18 ст. 2222
4. Денис Терентьев, Оксана Погорецкая. Мусорный Бакс /Аргументы недели № 47 (389) от 5.12.2013 г.
5. Екатерина Ляльчак. Полигоны просят огня. // Газета «Мир новостей» от 12 марта 2013 года № 12 (1003). С 26.
6. В. В. Титаренко — уполномоченный по правам человека в КЧР. Ежегодный доклад уполномоченного по правам человека в КЧР.
7. Республиканская столица станет еще красивее и чище /14 февраля 2014год/ Новости / СКФО (Северо-Кавказский федеральный округ).

Нормативно-правовая база охраны окружающей среды в Казахстане в советский период

Найманбаев Бекмурат Рахимбердиевич, кандидат исторических наук, доцент, и.о. профессора;

Канаева Молдир Пернебековна, магистр

Сатыбалдиева Маржан Тимуровна, магистр

Казахстанский инженерно-педагогический университет Дружбы народов (г. Чимкент)

В статье рассматривается содержание и этапы развития экологического законодательства в Казахстане в советский период, начиная с знаменитого «Декрета о земле» и заканчивая актом «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» от 1989 года. Анализируются законодательные меры природоохранного характера, выявляются проблемы и недостатки советского экологического права в контексте сложившейся экологической ситуации в Казахстане.

Ключевые слова: экологическая политика, экологическая безопасность, охрана окружающей природной среды, рациональное использование природных ресурсов экологический кризис.

Экологическая безопасность населения является непременным условием нормального состояния общества. Однако долгие годы развитие производства в Казахстане сопровождалось хищническим отношением к использованию природных ресурсов. Существовавшая политическая система, по существу, создала варварский механизм их освоения. Принцип общенародной собственности на землю, недра, леса и воды, который по своей природе должен был бы обеспечить надлежащую охрану окружающей природной среды, фактически существовал только на словах. Действительными хозяевами природных ресурсов выступали министерства и ведомства, крупные промышленные предприятия и объединения, руководители которых, сосредоточив в своих руках огромную власть и большие материально-технические ресурсы, фактически вели политику уничтожения природы.

Все это не могло не привести к экологическому кризису в стране, созданию негативных условий для жизнедеятельности человека, к образованию неблагоприятной окружающей природной среды. Сотни зараженных и загрязненных водоёмов, миллионы гектаров уничтоженных плодородных земель, истребленные на больших площадях леса, исчезновение многих видов ценных животных, не-

пригодный для здоровья людей во многих населенных пунктах атмосферный воздух — таков итог экологической политики Советского государства.

Вместе с тем, нельзя сказать, что руководством СССР ничего не делалось в области охраны природной среды. В советский период для выправления положения принимались десятки нормативных актов по использованию природных ресурсов и обеспечению экологической безопасности. Однако действовавшие в данной области законодательные и другие акты не только не способствовали преодолению экологического кризиса и надлежащей охране природных ресурсов, но и во многих случаях явились причиной его наступления и расширения. В основном они носили декларативный характер без соответствующего механизма реализации провозглашенных положений. Существенный недостаток законов, регулировавших отношения по организации, охране и рациональному использованию природных ресурсов, заключался также в том, что в них в недостаточной мере учитывались особенности отдельных регионов, природно-географические и экономические условия республики. Унитарный по существу характер Советского государства заранее обуславливал необходимость текстуального воспроизведения норм со-

юзных законов без каких-либо изменений. Развитие природоохранного законодательства в СССР можно условно разбить на три этапа.

В период с 1917 г. до начала 20-х годов, т.е. до окончания гражданской войны, несмотря на некоторые трудности Советское государство особое внимание обратило на необходимость создания основ законодательства по обеспечению охраны окружающей природной среды и рационального использования природных ресурсов. К числу наиболее важных актов относятся Декрет «О земле» от 26 октября 1917 г., [1] «Крестьянский наказ о земле» 1918 г. [2], Декрет «О социализации земли» 1918 г., Декрет «О недрах земли» 1920 г. [3] и некоторые другие. В них природные богатства были объявлены исключительной государственной собственностью, а также признан их нетоварный характер. Оценивая указанные нормативные акты с позиций сегодняшнего дня, можно отметить их некоторую прогрессивную роль в развитии природо-охранительных отношений. Они в целом отвечали интересам трудящихся.

Второй этап в развитии законодательства об экологической безопасности относится к периоду восстановления народного хозяйства после гражданской войны. На этом этапе наблюдается резкий отход от принципа рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей природной среды. Под лозунгом восстановления народного хозяйства многие природные богатства были подвергнуты хищническому использованию. Принцип создания нормальной для жизни и здоровья окружающей природной среды был полностью предан забвению. Полностью исключалась возможность участия иностранных инвесторов в освоении природных богатств.

Проблемы регулирования природоохранительных отношений в основном решались инструктивными материалами, их было тысячи и тысячи. Причем эти инструктивные материалы во многих случаях противоречили не только друг другу, но и действовавшим тогда законодательным актам. В результате и те и другие по существу не применялись.

Третий этап приходится на период становления и развития тоталитарного режима и продлился вплоть до обретения Республикой Казахстан независимости. На этом этапе наблюдалась сильная централизация в регулировании вопросов управления и пользования природными ресурсами. По существу не было ни одного законодательного акта, где бы в той или иной мере рассматривались вопросы экологической безопасности и охраны окружающей природной среды. Лишь в 1950-е годы в союзных республиках были изданы законы об охране природы, в Казахской ССР такой закон был принят в 1951 году. При этом они в основном носили декларативный характер и не достигали желаемой цели.

В этом отношении важную роль сыграла состоявшаяся в 1972 г. четвертая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва, на которой были рассмотрены вопросы охраны природы. В соответствии с Постановле-

нием сессии были приняты законодательные акты, регулирующие в общесоюзном масштабе земельные, водные, лесные, горные отношения, а также законы об охране атмосферного воздуха, об охране и использовании животного мира и ряд других актов и решений об охране природы [4].

Что касается основ земельного, лесного, водного законодательства и законодательства о недрах и принятыми в соответствии с ними кодексов союзных республик, то они фактически не отражали характера и сущности регулируемых отношений. Для них был чужд учет национальных традиций, особенностей местных условий, быта и обычаев народов, населявших бывший Союз.

Значительно больше внимания проблеме обеспечения экологической безопасности стало уделяться с началом перестройки. 7 января 1988 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», которое сыграло важное значение для дальнейшего развития и совершенствования общественных отношений по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды и послужило нормативной базой для законодательства об экологической безопасности на многие годы вперед [5].

Главными задачами в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов были признаны:

- повсеместное обеспечение благоприятного санитарно-экологического состояния окружающей среды на основе строгого соблюдения научно-обоснованных природоохранных норм;

- уменьшение удельных расходов воды в целом по стране к 1995 году не менее чем на 20% и полное прекращение к 2000 году сброса неочищенных сточных вод во все водные бассейны СССР;

- последовательное проведение работ по повышению плодородия земель, особенно за счет осуществления комплекса мер по защите почв от эрозии и своевременной мелиорации и рекультивации земель, а также сокращение отводов высокопродуктивных угодий на сельскохозяйственные нужды;

- всемерное сохранение и воспроизводство рыбных запасов, диких зверей, птиц и других полезных живых организмов, увеличения площади особо охраняемых природных территорий, включая заповедники, заказники и национальные природные парки.

Постановление обратило особое внимание на необходимость обеспечения благоприятной экологической обстановки в регионах страны с высокой концентрацией промышленных и сельскохозяйственных производств, прежде всего в Средней Азии и Казахстане, южных регионах Сибири и Украины. Было отмечено, что бы центральные государственные органы в своих ведомственных планах обеспечивали строгую увязку хозяйственной деятельности с экологическими требованиями, больше использовали достижения науки и техники.

Впервые в истории страны постановление положило начало централизованному государственному регулированию экологических отношений, объединив разрозненные госорганы, осуществлявшие функции управления и контроля в области охраны природы в единый государственный орган. Был создан Государственный комитет СССР по охране природы, который явился центральным органом управления в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов.

Он возглавил систему органов специальной компетенции, которые непосредственно занимались вопросами управления и применения экологического законодательства. В Госкомитет были переданы контролирующие функции из ведения министерств и ведомств, ранее занимавшихся охраной и использованием отдельных природных объектов. Наряду с этим произошло также разделение функций использования природных ресурсов и их охраны, которые ранее были сосредоточены в рамках одного министерства или ведомства.

Значение данного нормативного акта в том, что в практику были введены новые способы воздействия на экологические отношения. Госкомитет по охране природы был признан надведомственным органом, его решения были обязательны для исполнения всеми министерствами, ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности. Ему было предоставлено право налагать запреты на строительство, реконструкцию и на расширение объектов промышленного или иного назначения, проведения работ по эксплуатации природных ресурсов и других предприятий, грубо нарушающих нормы и правила охраны окружающей среды, рассматривать дела об административной ответственности за правонарушения в области охраны природы и использования природных ресурсов, предъявлять иски о возмещении ущерба, причиненного государству загрязнением окружающей среды.

Следует особо отметить, что в советский период одной из основных причин нехозяйского и некомплексного использования природных богатств был ведомственный подход к решению вопросов охраны окружающей среды. Поскольку государственное управление в области использования природных ресурсов и охраны окружающей среды осуществлялось по отраслевому принципу и между системой органов управления не было должной координации, многие министерства и ведомства объективно не были заинтересованы в обеспечении комплексного использования земли, недр, лесов и вод. Вступая в природоохранительные отношения, они преследовали свои узковедомственные интересы: любой ценой выполнить свои ведомственные плановые задачи. В добывающей промышленности, являющейся основой экономики Казахстана, ведомственный подход достигал критической точки, так как управление в этой области было строго специализировано, а большинство богатств недр по своей природе требовали только комплексной разработки. В ре-

зультате зачастую из недр добывался один вид сырья, а остальные шли в отвалы. Для устранения таких фактов и повышения эффективности государственного управления в специальной литературе предлагалось, прежде всего, совершенствовать систему органов государственного управления. Высказывались различные мнения. Но большинство авторов сходилось на том, чтобы создать Государственный комитет Совета министров СССР по охране природы. Предлагалось передать все ведомственные инспекции Государственному комитету с тем, чтобы он полностью осуществлял контроль за использованием природных ресурсов.

Безусловно, нельзя сказать, что в 1980-е годы в стране не было соответствующих государственных органов, занимающихся вопросами охраны природных богатств с надведомственных позиций. Это Госплан СССР, Госкомитет по науке и технике и т.д. Значительную работу по координации всех мероприятий по сохранению, восстановлению и улучшению природных условий проводили Комиссии Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов и Советов Министров Союзных республик. Однако для названных надведомственных органов вопросы охраны природы не были главными в их деятельности. Что же касается комиссий по охране окружающей среды, то они не были полновесными органами государственного управления, собирались для рассмотрения вопросов охраны природы периодически и не могли заменить постоянно действующие органы. Поэтому образование специальной системы союзного республиканского комитета по охране природы имело огромное значение для решения проблем обеспечения экологической безопасности и означало совершенствование механизма применения экологического законодательства. С этого момента наблюдается принятие новых законов, отражающих новую экологическую концепцию. В соответствии с указанным постановлением в Казахстане создается Республиканский Государственный комитет по охране природы.

Большую роль в развитии и совершенствовании отношений по обеспечению экологической безопасности в стране сыграло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по коренному улучшению экологической и санитарной обстановки в районе Аральского моря, повышению эффективности использования и ужесточению охраны водных и земельных ресурсов в его бассейне», принятое в сентябре 1988 года [6]. В нем отмечались серьезные недостатки в использовании водных и земельных ресурсов бассейна Аральского моря, ввод в эксплуатацию новых орошаемых площадей без должного учета экологических и социальных последствий. Был предложен комплекс мер по оздоровлению природной среды, восстановлению экологического равновесия в Приаралье и роста производительных сил.

Однако, в условиях командно-административной системы механизм применения экологического законодательства не был эффективен, поскольку по своему со-

держанию он не соответствовал системе исполнительной власти. По существу это получило признание в Постановлении Верховного Совета СССР, рассмотревшего 4 марта 1991 года ход выполнения ранее принятого им акта «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» от 27 ноября 1989 г. В нем говорилось: «Признавая планетарный характер экологической катастрофы, происшедшей в регионе Аральского моря, высший государственный орган отметил продолжающееся ухудшение санитарно-эпидемиологической, социально-экономической и экологической обстановки в обширном районе, где сложилась экстремальная ситуация во всех сферах жизни,

происходит резкое ухудшение условий проживания и здоровья населения, возрастает уровень общей и детской смертности» [7].

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить следующие недостатки, присущие советской системе природоохранного законодательства. Во-первых, полное игнорирование проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей природной среде и гражданам вследствие нарушения экологической безопасности. Во-вторых, нечеткость в решении вопроса об обеспечении экологической безопасности, нарушаемой в результате стихийных бедствий.

Литература:

1. Сборник Указов РСФСР, 1920, № 36. Ст. 171.
2. Конституция и законы Союза ССР. М., 1983, с. 383–460.
3. Сборник постановлений Верховного Совета СССР. 1988, № 1, Ст. 2.
4. Сборник постановлений Верховного Совета СССР. 1988, № 2.
5. Законы и постановления, принятые на VII сессии Верховного Совета Республики Казахстан 12 созыва (10–25 декабря 1991 г.). Т. 1, Алма-Ата: Издание Верховного Совета Республики Казахстан, 1992.
6. Законы и постановления, принятые на IX сессии Верховного Совета Республики Казахстан 12 созыва (20–30 января 1993 г.). т. 11, Алматы: Издание Верховного Совета Республики Казахстан, 1993, с. 164–185.
7. Фурсов, В.И. Ергалиев Т. Общая экология. Алматы. 1996.

Изъятие земельных участков для государственных и общественных нужд: компаративный анализ

Саъдуллаев Дилмурод Сафохонович, самостоятельный соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

Политические и экономические преобразования, состоявшиеся в Республике Узбекистан за годы независимости, существенным образом повлияли на развитие земельного права в целом, и в частности на правовое регулирование правового института изъятия земельных участков для государственных и общественных нужд.

Коренные рыночные преобразования в земельных отношениях изменили сущность данного института. Его содержание в настоящее время более приближено к институту принудительного изъятия земельных участков из частной собственности в пользу государства, закрепленного практически во всех правовых системах. Сравнительно-правовой анализ узбекского законодательства, регулирующего эти отношения, с правовым регулированием этого вопроса в других странах позволяет выделить в этих отношениях общее и особенное, что, в свою очередь, может послужить стимулом для дальнейшего совершенствования законодательства в этой области.

Сегодня активно обсуждаются проблемы правового ограничения прав и свобод человека в современных условиях. Остается актуальным и выяснение правовой природы права государства на принудительное прекращение

права частной собственности на земельные участки. В регулировании земельных отношений наблюдается тенденция к постепенному отказу от абсолютного характера права частной собственности на землю. Вместо неограниченности этого права провозглашается его ограниченность «общественными интересами», «социальной функцией» земли в целом [1, с.8]. Ученые ряда зарубежных государств, пытаясь концептуально осмыслить перераспределение правомочий (ранее безраздельно принадлежавших собственнику земли) между собственником, землепользователем и государством, выдвинули теорию «разделенной» земельной собственности. В связи с этим имеются попытки пересмотреть систему входящих в состав права собственности правомочий, в частности, рассматривая право государства на принудительный выкуп земли как правомочие распоряжения [1, с. 352–357]. Причинами возникновения теорий «разделенной» земельной собственности является отсутствие четкого разделения понятий «земля» как объекта права и «территория государства». Право территориального владения государством не следует связывать с правом государственной собственности на земельные участки.

При изъятии земельных участков, находящихся в частной собственности, государство реализует полномочия как публичная власть. Право государства на принудительное отчуждение частной собственности естественным образом вытекает из примата политики над правом, силы над принципом.

При рассмотрении института принудительного изъятия земли в публичных целях нельзя обойтись без анализа различия между частноправовыми (гражданскими) и публично-правовыми отношениями. Как отмечает В. А. Евстигнеев, сделки, в которых участвуют публичные образования, нередко имеют социальную составляющую (социальную направленность), не позволяющую причислить их к сугубо рыночным. Сделка — это частноправовое понятие, поскольку каждая сторона преследует в ней только свои интересы. Поэтому передачу частной земли в публичную собственность в порядке ее принудительного выкупа нельзя признавать сделкой, но многие ее общие черты позволяют считать ее квазисделкой [2].

Д. Б. Горохов, характеризуя отношения по поводу изъятия (выкупа) земли, делает вывод, что эти отношения формально не считаются сделками, так как здесь нет «автономии воли» в смысле гражданского права, но по существу это сделки (квазисделки). Государство (в лице органов власти) при принудительном изъятии земельных участков распоряжается частными землями. В этом случае оно действует не в качестве собственника, а как публичная власть [3, с.8–9].

Европейские и латиноамериканские правоведы сходятся во мнении, что экспроприация является собой институт публичного, а не частного права («административисты»). Согласно другой точке зрения принудительная экспроприация трактуется как «обязательное предоставление» частных лиц в пользу публичной власти («юспривативисты») [4, с. 32].

В нашем государстве нормы об изъятии земельных участков содержатся в гражданском и земельном законодательстве (ст. 202–205 ГК РУз, ст. 37, 38 ЗК РУз), поэтому указанные отношения можно отнести как гражданско-правовым, так и публично-правовым.

В современный период право государства на принудительный выкуп земельных участков в зарубежном праве носит различные определения: «право государства на принудительное отчуждение частной собственности», «экспроприация в интересах общественной пользы», просто «изъятие» [5], «право отчуждения» [4], выкуп земельных участков для государственных и муниципальных нужд. В научной литературе в данном случае общепринято использовать понятие «экспроприация» [6, с. 40].

Несмотря на разнообразие понятий экспроприации в зарубежном праве, этот институт имеет следующие общие черты. У. Матеи отмечает, что несмотря на серьезные расхождения в структуре юридически значимых институциональных механизмов правовых систем, правовое регулирование ими вопросов принудительного прекращения собственности во многом обнаруживает

сходство в плане основополагающих принципов. Все современные правовые системы закладывают два критерия: общепольность и необходимость справедливой компенсации [5].

Следуя этим критериям, в качестве разновидности экспроприации в действующем узбекском законодательстве можно выделить, во-первых, изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд, во-вторых, — национализацию. Общим для данных способов возникновения и прекращения прав является принцип возмещения стоимости имущества, подлежащего изъятию. При этом возмещается не только стоимость имущества, но и убытки. Основания для национализации в законе конкретно не определены, но учитывая конституционные положения о том, что собственник может быть лишен ее только в случаях и в порядке, предусмотренных законом (ст. 55 Конституции РУз), цели национализации находятся на более высоком уровне, чем при изъятии. Цели же изъятия земельных участков — разнообразные государственные и общественные нужды. В связи с этим правовая форма решения о национализации — это исключительно закон. Решение об изъятии земельного участка принимается исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления. По мнению Ю. К. Толстого, закон о национализации оспариванию в порядке гражданского судопроизводства не подлежит, но суд может разрешать споры о возмещении причиненных собственнику убытков, в том числе об их размере, которые ему должны быть возмещены [7, с. 365]. Решение об изъятии может быть оспорено в принципе, включая решение вопроса о размере возмещения стоимости земельного участка и убытков.

Институт принудительного прекращения права собственности в пользу государства в гражданском законодательстве именуется как «выкуп» земельного участка для государственных и общественных нужд (ст. 202 ГК РФ). В Земельном кодексе РУз это понятие сформулировано как «изъятие» земельных участков для государственных и общественных нужд, без обязательного элемента выкупа. Смысл последней формулировки можно расценивать как желание законодателя рассматривать случаи изъятия более широко, чем выкуп. Складывается впечатление, что может быть изъятие земельного участка без выкупа. Порядок изъятия земельных участков не предусматривает возможность прекращения права частного собственника без условия возмещения его стоимости. С другой стороны, различие в формулировках лишь подчеркивает соответственно гражданско-правовую или административную природу этого института. Несмотря на различия в определениях понятий «изъятие» и «выкуп», содержание их идентично.

Земельный участок может быть изъят только для государственных и общественных нужд. Таким образом, российское законодательство критерий общепольности устанавливает как нужды государственные или общественные. В зарубежном законодательстве этот критерий

формулируется с некоторыми отличительными особенностями в конкретных государствах. В Германии указанное понятие сформулировано как «общественное благо» [8, с. 585], в США — как «общественно-полезные цели» [6, с. 44], в Португалии и Турции — «общественные интересы», в Швеции — «важные общественные интересы», в Италии — «общие интересы», в Белоруссии — «общественная необходимость», в Испании — «общественная целесообразность или социальные интересы» [9, с. 232, 602]. Как видим, в основе изъятия лежит общественный, а не государственный интерес.

Точное определение критерия общепользности имеет важное значение, так как размытые формулировки позволяют трактовать их в ущерб частным собственникам. Например, во Франции правомерность экспроприации была закреплена в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., определившей собственность священным и неприкосновенным правом, которое может быть отчуждено только в случае общественной необходимости (*necesidad publica*) за справедливое, предварительно уплаченное возмещение. Однако выдвинутый доктриной и закрепленный действующим законодательством принцип был переформулирован и звучит в настоящее время как ссылка, обосновывающая принудительную экспроприацию не «общественной необходимостью», а «общественной пользой» (*utilidad publica*). Замена в названном условии одного слова другим оказалась заменой концепции, а не терминологии, как заметил по этому поводу французский юрист К. Валине. Экспроприация, производимая исходя из соображений «полезности», а не «необходимости», стала в руках государства гораздо более гибким инструментом политики экономического вмешательства. Так, первоначальная концепция отождествлялась исключительно с общественными работами (например, строительство путей сообщения), а позднее стала распространяться на разнообразные публичные нужды (например, научные, спортивные и др.) [10, с. 37].

В Соединенных Штатах Америки до начала XX в. под публичным использованием понималось непосредственное использование земли для целей удовлетворения общественных потребностей и интересов. Верховный Суд США в 1916 г. признал неадекватность данного понимания «публичного использования» для решения современных социальных и экономических общественных проблем и отказался от его узкого толкования. Практически, как считают американские ученые, это сделало сферу возможного государственного вмешательства еще более неопределенной. В настоящее время в общем праве США до сих пор отсутствует четкое определение права отчуждения. Аморфность правового понятия позволяет судебной системе быть свободной в выборе целесообразного решения конкретного дела и помогает беспрепятственно защищать интересы той или иной общественной группы [6, с. 44].

В Германии изъятие земельных участков возможно только в интересах общества. При этом такие цели должны

быть определены в законе и быть вескими, поскольку на чашу весов положено другое социальное благо — право собственности. Целями изъятия могут быть: строительство объектов общего пользования (дороги, аэропорты, объекты промышленности, энергетики, транспорта и т. п.), объектов социального назначения (дома престарелых, школ, вузов, учреждений культуры и т. п.), сохранение облика городов и живописных местностей, обеспечение сохранности памятников природы и культуры, нужды безопасности и обороны, оптимизация границ земельных участков при проведении землеустройства, охрана природы, пресечение экологических правонарушений, недопущение нерационального использования земли выбытия земли из хозяйственного оборота [11, с. 61].

У. Маттеи, исследовав применение принципа общепользности в европейском праве, делает вывод: «Юридическая наука на современном этапе признает, что регулирование принудительного отчуждения имущества в значительной степени подвержено произволу властей при принятии ими соответствующих решений». И тут же подчеркивает: «Соблюдение официальной или формальной процедуры призвано превратить этот произвол в демократическую свободу усмотрения... Более оптимальным было бы ужесточение критерия общепользности, в особенности если выгодоприобретателем в результате принудительного отчуждения имущества одного частного собственника становится другой частный собственник» [5, с. 187].

Формулировка критерия общепользности нуждается в исследовании. В частности, Н. А. Сыродоев считает, что понятия «нужды» и «цели» часто употребляются в качестве синонимов, хотя это далеко не бесспорно. В земельном законодательстве указываются такие цели использования земельных участков, как строительство дорог, разработка месторождений полезных ископаемых и т. д. Очень часто указанные виды деятельности осуществляются не государственными, а частными коммерческими организациями. Вряд ли такие случаи правомерно подводить под государственные нужды [12, с. 69].

По мнению В. А. Евстигнеева, понятие «государственные и общественные нужды» может включать не только публичные потребности, но и частнохозяйственные интересы указанных органов как обычных собственников. Целью земельной операции могут быть денежные интересы соответствующего административно-территориального образования. Например, строительство кинотеатра или ипподрома для последующей сдачи его в аренду [2].

Единственным критерием, применимым к идее справедливой компенсации в западной правовой доктрине, является понятие «рыночная цена» [5, с. 291]. Формы возмещения (в денежной форме или в натуре) в зарубежном законодательстве разнообразны. В западноевропейском праве нашли отражение и денежная компенсация, и выплата в натуре. Но на практике в большинстве случаев вопрос рассматривался под углом зрения уплаты в денежной форме. В Германии возмещение за произошедшую в ре-

зультате изъятия потерю права ограничивается рыночной стоимостью земельного участка. Рыночная стоимость в данном случае — это цена, которая в момент проведения оценки могла бы быть получена за земельный участок в данных правовых условиях и при фактических свойствах с учетом свойств и положения земельного участка или прочих объектов оценки, не учитывая необычные или личные отношения. Компенсация подлежит прямой ущерб, но не упущенная выгода [11].

Специфичной чертой «права отчуждения» в США являлось долгое отсутствие его конституционного закрепления. Это объясняется тем, что это право рассматривается как естественное и, следовательно, не нуждается в подобном закреплении. Принцип компенсации существовал в виде правового обычая. Позднее принцип возмездности был закреплён в Билле о правах, точнее, в V поправке к Конституции США, а также в Конституциях штатов [6].

В латиноамериканской доктрине не нашла детальной разработки идея наделяния экспроприруемого собственника правом требования компенсации в натуре, известная как исключение в западноевропейском законодательстве. Содержание возмещения включает справедливо установленную цену отчуждаемого имущества (обычно способы ее установления указываются в законе на основе кадастровой оценки земельного участка), ущерб и убытки (уменьшение дохода, увеличение транспортных расходов и др.), проценты от дохода, приносимого отчужденным имуществом [13, с. 40].

Принцип возмещения стоимости изымаемого государством имущества закреплён и в узбекском законодательстве. Возмещение производится, во-первых, на условиях предварительной выплаты стоимости земельного участка (ч. 4 ст. 41 ЗК РУз). Во-вторых, в отличие от немецкого законодательства, где выплачивается исключительно рыночная цена земельного участка, узбекское законодательство опирается на принцип полного возмещения. Выкупная цена включает в себя рыночную стоимость земельного участка, рыночную стоимость находящегося на участке недвижимого имущества, все убытки, причиненные собственнику изъятием земельного участка,

включая убытки, которые он несет в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду (ч.3 ст. 41, ст. 86 ЗК РУз). В-третьих, конкретная стоимость земельного участка определяется по соглашению сторон при достижении соглашения с собственником. При недостижении такого соглашения — на основании решения суда (ч. 4 ст. 41 ЗК РУз). Четвертой особенностью является то, что возмещение может производиться как в денежной форме, так и в натуре — по соглашению с собственником ему может быть предоставлен другой земельный участок с зачетом его стоимости в выкупную цену (ст. 41, 86 ЗК РУз) [14].

Установление порядка изъятия (выкупа) земельных участков для государственных и муниципальных нужд отнесено к полномочиям Российской Федерации (п. 7 ст. 4 ЗК РУз). В Германии процедуры изъятия могут быть определены в различных правовых актах, включая законы федеральных земель [15].

Таким образом, законодательство Республики Узбекистан, устанавливающее основания и порядок принудительного изъятия государством земельных участков, в целом базируется на общепризнанных принципах права, используемых в других правовых системах. Общим является использование таких фундаментальных принципов, как ограничение целей изъятия государственными и общественными нуждами, принцип справедливой компенсации стоимости земельного участка. Процедура изъятия закреплена законами и позволяет в определенной мере гарантировать защиту прав и законных интересов собственников земельных участков. В то же время основания и процедура изъятия земельных участков в Республики Узбекистан имеют свои особенности в части определения целей изъятия как «государственные и общественные нужды», что вполне соответствуют опыту развитых зарубежных демократических стран. Так как, в зарубежном законодательстве в данном случае, как правило, используется понятие «общественные нужды или цели», что также утверждает наше заключение.

Литература:

1. Дедова Н. А. Предоставление земель; Изъятие земель: Правовое регулирование в условиях экономической реформы: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. — М., 1995. — С.8.
2. Евстигнеев В. А. Собственность на землю в фокусе интересов // Журнал российского права. — Москва, 2004. — № 8.
3. Горохов Д. Б. Правовое регулирование сделок с земельными участками: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. — М., 1998. — С. 8–9.
4. Безбах В. В. Право собственности на землю в странах Латинской Америки. — М., 1989. — С. 32.
5. Матеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. — М., 1999. — С. 275.
6. Галятин М. Ю. США: Правовое регулирование использования земли. — М., 1991. С. 40.
7. Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М., С. 365.
8. Конституции государств Европы. — М., 2001. Т.1. — С. 585.
9. Конституции государств Европы. — М., 2001. Т.1. — С. 306; Т.2. — С.52, 111, 767; Т.3. — С. 232, 602.
10. Безбах В. В. Право собственности на землю в странах Латинской Америки. — М., 1989. — С. 37.

11. Герасин С. И. Изъятие земельных участков в общественных интересах по законодательству Германии // Государство и право. — Москва, 2005. — № 2. — С. 60–62.
12. Сыродоев Н. А. Возникновение прав на землю // Государство и право. — Москва, 2004. — № 10. — С. 69.
13. Безбах В. В. Частная собственность на землю в странах Латинской Америки (правовое регулирование): Дисс.... д-ра юрид. наук. — М., 1997. — С.40.
14. Усмонов М. Б., Мирзаабдуллаева М. Р., Узакова Г. Ш. Ўзбекистонда ер ҳуқуқининг назарий муаммолари. Монография. — Тошкент: ТДЮИ, 2011. — Б. 20.; Ер кодексига шарҳлар. Масъул муҳаррир: проф. М. Б. Усмонов. — Тошкент: ТДЮИ, 2007. — Б. 173–182.; Ер ҳуқуқи. Дарслик. Масъул муҳаррир: проф. М. Б. Усмонов, Й. О. Жўраев. — Тошкент: ТДЮИ, 2002. — Б. 25–26.
15. Дамбиева Т. В. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд // www.romanovaa.ru/confiscation-theory-confiscation1/; Дихтяр А. И., Клейменова Е. С. Государственные и муниципальные нужды — основания изъятия (выкупа) земельного участка // www.romanovaa.ru/confiscation-theory-foundation/

Участие институтов гражданского общества в обеспечении реализации экологического законодательства: сравнительно-правовой анализ

Хамраев Уктам Рустамович, кандидат юридических наук, заведующий отделом

Институт мониторинга действующего законодательства при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент)

Очень широк масштаб и спектр работ по устранению имеющихся на сегодняшний день глобальных, региональных, национальных, экологических проблем, охране естественной окружающей среды, оздоровлению экологической ситуации и охране здоровья населения, обеспечению экологической безопасности, рациональному использованию природных ресурсов и частому использованию возобновляемых природных источников, что способствует возникновению потребности в дальнейшем объединении устремлений государственных органов, негосударственных некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества, а также граждан. В годы независимости и в Республике Узбекистан принято свыше 30 законов и более 350 подзаконных нормативно-правовых документов, направленных на регулирование экологически-правовых отношений, в реализации которых и поиске решения имеющихся экологических проблем наряду с соответствующими государственными органами активно участвуют также институты гражданского общества и граждане. На сегодняшний день серьезное внимание уделяется дальнейшему совершенствованию действующих в Республике Узбекистан законов в сфере экологии, дальнейшему расширению и гарантированию полномочий институтов гражданского общества и права на участие граждан в данных законах. В частности, важное значение при этом приобретает принятие Закона Республики Узбекистан «Об экологическом контроле» [1] от 27 декабря 2013 года, направленного на определение роли и места не только государственных органов, но и институтов гражданского общества в системе обеспечения охраны окружающей среды и Закона «О социальном партнерстве» от 25 сентября 2014 года, определяющего четкие границы и организационно-правовые механизмы взаимоотношений

негосударственных некоммерческих организаций с государственными структурами. Данные законы имеют важное значение тем, что определяют прочные правовые основы деятельности институтов гражданского общества, направленные на защиту прав и свобод граждан, в том числе их прав в сфере экологии. Например, в Законе Республики Узбекистан «Об экологическом контроле» указаны полномочия, права и обязанности институтов гражданского общества и граждан, в том числе общественного инспектора экологического контроля в сфере экологического контроля и на основе законных норм предусмотрены порядок осуществления ими экологического контроля, его форм и методов, оформления результатов экологического контроля и формы применения результатов экологического контроля. Кроме того, в Законе «О социальном партнерстве» [2], принятом в целях урегулирования отношений государственных органов с государственными некоммерческими организациями и другими институтами гражданского общества в сфере социального партнерства в качестве одного из сфер социального партнерства особо определено «охрана окружающей среды, здоровья населения и формирование здорового образа жизни». Участие институтов гражданского общества Республики Узбекистан в жизни государства и общества, в том числе в сфере экологии ярко проявляется в деятельности Экологического движения Узбекистана. Основанное 2 августа 2008 года Экологическое движение Узбекистана способствует объединению и мобилизации деятельности действующих в нашей стране всех институтов гражданского общества в сфере экологии, всех устремлений по охране естественной окружающей среды и здоровья человека. В частности, следует обратить внимание на то, что за прошедшие 9 месяцев 2014 года Экодвижением прове-

дено всего свыше 710 мероприятий, в которых участвовали более 54000 граждан. В том числе, по обеспечению реализации законов, принятых по вопросам охраны естественной окружающей среды — одного из приоритетных направлений деятельности Экодвижения и других государственных программ, а также развитию и совершенствованию законодательства в данном направлении было проведено 55, повышению экологической культуры населения, развитию системы экологического образования и воспитания — 90, развитию международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды — 45, достижению того, чтобы охрана окружающей среды превратилась в задачу государства, общества и каждого гражданина — 110, координации деятельности негосударственных некоммерческих организаций в сфере охраны окружающей среды — 20 мероприятий. В данном направлении можно привести несколько методов, применяемых в деятельности общественных объединений, организованных в зарубежных странах в целях проведения экологической деятельности:

1) Метод свидетельства — метод, направленный на высказывание протестов, призыв и вызов внимания общественности в целях обеспечения не совершения вредного для экологии действия, которое окажет негативное воздействие на окружающую среду. Данный метод был широко применен Гринпис против проведения ядерных испытаний в атмосфере.

2) Метод прямого протеста непосредственно связан с возражением против действия, наносящего вред экологической среде. В том числе, в 1975 году представители Гринпис оградив дорогу кораблю, который охотился за китами препятствовали их ловле, а позднее, в 1985 году они добились объявления Международной комиссией по охоте за китами моратория против охоты за китами. Кроме того, с увеличением количества охот за шкурой детенышей тюленя, представители Гринпис поступив таким же образом, в 1982 году достигли принятия решения о запрете вывоза шкуры детенышей тюленя из территории Европейского Союза, что способствует сокращению количества охот в четыре раза.

3) Привлечение внимания общественности — предусматривает привлечение внимания общественности либо средств массовой информации к той или иной экологической проблеме. Ярким тому примером является развешивание представителями Гринпис в 1984 году крупных объявлений против ядерных испытаний в Лондонском Биг Бене и статуе Свободы в Нью-Йорке, выход на площадь в 1992 году в костюме пингвинов на демонстрации против освоения Антарктиды в промышленных целях и другие действия.

4) Применение правовых механизмов — предусматривает применение правовых норм в целях предотвращения либо устранения экологических проблем. На сегодняшний день имеется два вида его применения: первый метод предусматривает обращение в суд, данный метод применяется в случаях прямого противостояния закону;

второй метод — применение правовых механизмов — в целях решения определенных экологических проблем выступление с предложением принятия тех или иных правовых документов. В том числе, усилиями Всемирного фонда дикой природы в 1994 году более 100 млн. км² южной части Антарктиды, прилегающей к мировому океану была объявлена заповедником китов, что привело к запрещению охоты за китами почти в одной трети мирового океана и это стало возможностью для восстановления популяции китовых. Экологические общества стремятся оказывать активное воздействие на законотворческий процесс в сфере охраны окружающей среды, в частности, клуб Сьерра имеет своих представителей в органах государственной власти. Таким образом, использование правовых механизмов обеспечивает юридическую защиту окружающей среды [3, с.100].

Заслуживает внимания тот факт, что в данном направлении в экологическом законодательстве Республики Узбекистан закреплены сравнительно широкие методы по сравнению с зарубежными странами. В частности, в сфере экологии в стране широко применяются такие методы, как участие общественных объединений в качестве наблюдателя, участие в заслушивании отчетов, проведении общественной экологической экспертизы, изучении общественного мнения, разработке и реализации нормативно-правовых документов, государственных экологических программ в сфере экологии, осведомление, внесение предложений, обращение, получение информации, формирование системы инспекторов-общественников экологического контроля, сотрудничество, содействие в экологической культуре, экологическом образовании и воспитании.

В частности, в качестве относительно нового и действенного метода участия общественных объединений в жизни государства и общества на сегодняшний день в мировом масштабе, в том числе и в нашей стране широко применяется участие в выборах. В частности, в настоящее время предусмотрено избрание в Законодательную палату Олий Мажлиса 15 депутатов от Экологического движения Узбекистана [4, с.62]. Это даст возможность гарантированного участия в парламенте Экодвижения, объединившего общественность в сфере экологии, использования полномочий парламента в преемственности и полномочиями общественного контроля.

Следует отметить, что избранными от Экодвижения депутатами за прошедшие 9 месяцев 2014 года, кроме участия в ежедневной деятельности Законодательной палаты Республики Узбекистан, проведено свыше 75 мероприятий по принятию новых законов в сфере экологии, совершенствованию действующих законов. В том числе, разработаны предложения по проектам закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные документы в связи с принятием Закона Республики Узбекистан «Об экологическом контроле», внесении изменений и дополнений в еще несколько действующих законов, таких как «Об охране природы», «Об экологи-

ческой экспертизе», «Об отходах», «Об охране атмосферного воздуха» и «О государственном санитарном надзоре».

Необходимо отметить, что подобная уникальная практика свойственна лишь Узбекистану и не наблюдается в мировом опыте. В большинстве зарубежных стран на некоторые экологические общественные объединения распространяется право на участие в выборах, но это не может обеспечивать их стабильное место в парламенте. С этой точки зрения можно увидеть, что наша страна достигла определенных успехов в данной сфере.

Ибо, опыт зарубежных государств показывает, что одним из важных законодательных требований при выявлении воздействия планов и проектов социально-экономического развития на естественную окружающую среду у них является учёт общественного мнения. Вместе с тем, следует также отметить, что в ряды участников политики охраны природы в Европейском сообществе внесено и население государств, являющихся членами Сообщества. Кроме того, все проекты, связанные с использованием природных ресурсов должны пройти обязательное и тщательное обсуждение, что является одним из требований, предусмотренных в законодательстве Европейского сообщества [5, с.22]. Участие общественных объединений в законотворческом процессе и правоприменительной практике в сфере экологии посредством участия в выборах, а позднее в деятельности парламента имеет важное значение. На сегодняшний день экологические партии участвуют в сотрудничестве с хокимиятом, привлечении внимания государства к охране окружающей среды на местах. В том числе, пункт 10 Устава экологического движения «Зеленые» Российской Федерации посвящен участию движения в выборах и референдумах, как отмечается в нем, в соответствии с действующим законодательством движение имеет право на участие в выборах и выступить с инициативой проведения референдума [6].

За прошедшие тридцать лет в мировом масштабе экологические партии были учреждены во многих странах Африки (Камерун, Египет, Кения), Америки (Аргентина, Бразилия, Канада, Мексика, США, Венесуэла), Азии (Австралия, Япония, Новая Зеландия, Филиппины, Южная Корея, Узбекистан) и Европы (Австрия, Бельгия, Болгария, Чехия, Дания, Великобритания, Эстония, Франция, Германия, Италия, Латвия, Норвегия, Португалия, Польша, Российская Федерация, Шотландия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция). Следует отметить,

что завоевание экологическими партиями и движением права на участие в выборах и участие в деятельности парламента, набрав достаточное количество голосов, дает им возможность не только пользования средствами общественности для достижения своих целей, но и применения мер воздействия власти.

В частности, отныне они приобретут такие широкие полномочия, как контроль над деятельностью должностных лиц с использованием таких действенных методов, как парламентский контроль, депутатский контроль, депутатский запрос, заслушивание их отчетов, при необходимости привлечение к данным проблемам внимания парламента, что является важным методом достижения данными общественными объединениями цели решения экологических проблем. Словом, в нынешних условиях, когда все более расширяются масштабы предстоящих работ по охране окружающей среды, пользованию природой и обеспечению экологической безопасности, исходя из передового зарубежного опыта, можно привести следующие приоритетные направления:

во-первых, дальнейшее совершенствование в сфере экологии деятельности общественных организаций и других институтов гражданского общества, направленного на охрану природы, точное указание их основные направления по охране природы и права в сфере проведения общественной экологической экспертизы;

во-вторых, разработка и совершенствование правовых основ участия общественности в экологическом образовании, охране окружающей среды, общественного экологического мониторинга, общественного слушания и общественной экологической экспертизы;

в-третьих, в целях правильной организации деятельности института общественного инспектора экологического контроля подготовка общественных инспекторов экологического контроля, разработка системы их обучения и постоянного повышения квалификации, в частности широкое и эффективное использование в данном процессе возможностей общественных объединений в сфере экологии;

в-четвертых, дальнейшее совершенствование метода «наблюдения» за участием институтов гражданского общества в обеспечении реализации законодательства в сфере экологии, «участие в качестве наблюдателей», «заслушивание отчетов», «проведение общественной экологической экспертизы», «изучение общественного мнения», а также других методов и механизмов.

Литература:

1. Закон Республики Узбекистан от 27.12.2013 г. «О экологическом контроле» № 363 // «Народное слово» от 28 декабря 2013 года.
2. Закон Республики Узбекистан от 25.09.2014 г. «О социальном партнерстве» № 376 // «Народное слово» от 26 сентября 2014 года.
3. Сериков, А.Е. Ненасильственные методы в экологическом движении (на примере деятельности Гринпис) // Сборник: Опыт ненасилия в 20 столетии. — М.: Аслан, 1996. — с. 98—121.

4. Файзиев, Ш.Х. Сайлов қонунчилигининг ривожланиши. — Янги қонунлар моҳияти: 11. — Тошкент: АҚХМИ, 2010. — Б. 62.
5. Холмунинов, Ж.Т., Эггерт М.Ю., Умаров А.С. Экологическое законодательство Республики Узбекистан и международный опыт Европейского Союза / Под общей редакцией Джорджа Молака. — Ташкент: 2009. — 22 с.
6. Устав Российского экологического движения «Зеленые» // www.greenparty.ru/dvizh_ustav.php

15. ТРУДОВОЕ ПРАВО

К вопросу о реформировании законодательства о социальном обслуживании: предпосылки, реалии и перспективы

Анбрехт Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;
Пяткова Юлия Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

Развитие института социального обслуживания граждан представляется актуальным, так как достигается одна из главных целей социальной политики — повышение качества жизни граждан. Согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации Россия провозглашена социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это в полной мере соответствует требованиям важнейших международных правовых актов. В соответствии со ст. 22 Всеобщей декларации прав человека каждый человек как член общества имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства [1].

С 1 января 2015 года вступил в силу Федеральный Закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [2]. Актуальность подготовки и принятия федерального закона, регулирующего общественные отношения в сфере социального обслуживания населения, не вызывает сомнения. Федеральный закон от 10.12.1995 г. N 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» и Федеральный закон от 02.08.1995 г. N 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» не отвечали современным потребностям общества, содержали неопределенные и противоречивые правовые нормы, что на практике не позволяло в полной мере удовлетворить потребности граждан в социальных услугах [3]. Принятие Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» должно создать правовую основу реформирования системы социального обслуживания.

Представляется важным обратиться к основным новациям закона. Так, в соответствии с п.5 ст. 5 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» система социального обслуживания включает в себя наряду с организациями социального обслуживания, находящимися в ведении федеральных органов исполнительной власти и организациями

социального обслуживания, находящимися в ведении субъекта Российской Федерации, и негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги. Как отмечает А. Вовченко создание негосударственного сектора социального обслуживания позволит государству направлять деньги на оказание социальных услуг не только государственным учреждениям, но и некоммерческим, а также частным организациям [8].

Таким образом, к субъектами социального обслуживания выступают получатель социальных услуг — гражданин, который признан нуждающимся в социальном обслуживании и которому предоставляются социальная услуга или социальные услуги, и поставщик социальных услуг — юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуального предпринимателя, осуществляющего социальное обслуживание.

В субъектах Российской Федерации должен быть сформирован регистр получателей социальных услуг и реестр поставщиков социальных услуг, подлежащий опубликованию на официальном сайте уполномоченного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Приказом Министерства труда России от 25.07. 2014 г. № 484н утверждены рекомендации по формированию и ведению реестра поставщиков социальных услуг [4]. Ведение регистра получателей социальных услуг осуществляется в соответствии с Приказом Министерства труда России от 25.07.2014 г. № 485н «Об утверждении рекомендаций по формированию и ведению регистра получателей социальных услуг» [5].

Следует отметить, что Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» не содержит понятия «трудная жизненная ситуация». Согласно ст. 15 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» гражданин признается нуждающимся в социальном обслуживании при наличии определенных обстоятельств. К числу таких обстоятельств относятся, в част-

ности, полная или частичная утрата способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности; наличие в семье инвалида или инвалидов, в том числе ребенка-инвалида или детей-инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе; наличие ребенка или детей (в том числе находящихся под опекой, попечительством), испытывающих трудности в социальной адаптации; отсутствие возможности обеспечения ухода (в том числе временного) за инвалидом, ребенком, детьми, а также отсутствие попечения над ними; наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, наличие насилия в семье; отсутствие определенного места жительства, в том числе у лица, не достигшего возраста двадцати трех лет и завершившего пребывание в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; отсутствие работы и средств к существованию.

Нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации могут быть установлены иные обстоятельства, наличие которых может быть признано ухудшающим или способным ухудшить условия жизнедеятельности граждан.

Социальные услуги согласно ст. 17 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» предоставляются на основании договора, заключаемого между поставщиком социальных услуг и гражданином либо его законным представителем, на основании индивидуальной программы предоставления социальных услуг в суточный срок с даты представления индивидуальной программы предоставления социальных услуг поставщику социальных услуг.

Индивидуальная программа составляется исходя из потребности гражданина в социальных услугах, пересматривается в зависимости от изменения этой потребности, но не реже чем раз в три года. Пересмотр индивидуальной программы осуществляется с учетом результатов реализованной индивидуальной программы. Индивидуальная программа для гражданина или его законного представителя имеет рекомендательный характер, для поставщика социальных услуг — обязательный характер. Индивидуальная программа должна включать указание на форму социального обслуживания, виды, объем, периодичность, условия, сроки предоставления социальных услуг, пе-

речень рекомендуемых поставщиков социальных услуг, а также мероприятия по социальному сопровождению. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 10.11.2014 г. № 874н утверждена форма договора о предоставлении социальных услуг, а также форма индивидуальной программы предоставления социальных услуг [6].

По мнению Д. А. Муратовой проводимая реформа законодательства в сфере социального обслуживания должна обеспечить возможность каждому участвовать в формировании индивидуальной программы предоставления социальных услуг, а также самостоятельно выбирать набор услуг, а также того, кто эти услуги будет исполнять [10].

Кроме того, в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определены условия предоставления социальных услуг на бесплатной и платной основе, а также категории граждан, которым социальные услуги предоставляются бесплатно и за плату на дому, в полустационарных и стационарных условиях [2].

Социальные услуги предоставляются бесплатно, если на дату обращения среднедушевой доход получателя социальных услуг, рассчитанный в соответствии нормативными правовыми актами Российской Федерации, ниже, либо равен предельной величине среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно, установленной законом субъекта Российской Федерации, если же этот размер превышен, то социальные услуги предоставляются на платной основе [7].

Следует согласиться, что отдельными недостатками Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» является наличие в нем категорий оценочного характера и иных юридико-лингвистических неопределенностей. Основная тенденция в реформировании законодательства о социальном обслуживании, так или иначе, должна идти в направлении перехода от традиционного воплощения института социального обслуживания, который действует как вспомогательный институт, адаптационный по своему характеру к новой модификации института социального обслуживания [9].

Таким образом, реформирование законодательства в сфере предоставления социальных услуг гражданам в Российской Федерации, направлено на развитие системы социального обслуживания граждан, повышение его уровня, качества и эффективности.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998.
2. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. N 52 (часть I). Ст. 7007.
3. Федеральный закон от 10.12.1995 N 195-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // «Российская газета». N 243. 1995 (утр. силу с 01.01.2015); Федеральный

закон от 02 августа 1995 года № 122-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» // Российская газета. № 150. 1995. (утр. силу с 01.01.2015).

4. Приказ Минтруда РФ от 25.07.2014 г. № 484н «Об утверждении рекомендаций по формированию и ведению реестра поставщиков социальных услуг» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2014. № 12.
5. Приказ Минтруда РФ от 25.07.2014 г. № 485н «Об утверждении рекомендаций по формированию и ведению регистра получателей социальных услуг» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2014. № 12.
6. Приказ Минтруда РФ от 10.11.2014 г. № 874н «О примерной форме договора о предоставлении социальных услуг, а также о форме индивидуальной программы предоставления социальных услуг» // Российская газета. 2015. № 1.
7. Письмо Минтруда РФ от 05.02. 2014 г. № 12–5/10/В-547 «О направлении информации по Федеральному закону от 28.12.2013 N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
8. А. В. Вовченко Интервью на круглом столе, посвященном обсуждению положений федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Электронный ресурс [<http://social.gov39.ru/index.php/ministerstvo/social/arkhiv-novostej/item/1142-zamministra-aleksej-vovchenko-vazhno>]
9. Зубарев, С. М. К вопросу о совершенствовании правовой основы государственного управления в социальной сфере: обсуждаем проект Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. N 6. С.31–34.
10. Муратова, Д. А. Минздравсоцразвития России представило проект нового Закона об основах социального обслуживания населения // СПС КонсультантПлюс. 2012.

16. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Некоторые проблемы противодействия коррупции в системе государственной службы

Абулгазина Алимана Жанбыершыновна, старший преподаватель;
Баймагамбетова Камила Женесовна, магистрант
Академия финансовой полиции (Республика Казахстан, г. Астана)

Особое внимание к проблеме коррупции в системе государственной службы со стороны государственного управления обусловлено тем, что коррумпированность государственных служащих приобрела в современный период глобальный характер.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, государственное управление, государственный служащий.

Уровень коррупции в системе государственной службы возрос в последние годы настолько, что данная проблема приобрела глобальный характер и стала весьма серьезной угрозой экономической и национальной безопасности. В обращении Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева к гражданам республики говорится: «Коррупция все глубже проникает в различные сферы нашей жизни, искажает экономическую политику и стратегию развития страны, ведет к прямому и косвенному хищению государственного бюджета и государственной собственности». А значит, оказывает все более серьезное и негативное влияние на социальную сферу, которая так нуждается сегодня в поддержке [1].

Известно, что коррупция самым негативным образом сказывается на развитии экономики и социальной инфраструктуры, развывая в первую очередь, органы государственной власти и управления.

Коррупция позволяет нарушителям уходить от юридической ответственности за совершенные противоправные деяния — это тем самым порождает безнаказанность и способствует падению престижа судебных и правоохранительных органов, а также в целом государственной власти в глазах населения, что в итоге порождает опасное явление — правовой нигилизм.

Мы знаем, что в настоящее время в мире нет ни одного государства, где бы совершенно отсутствовала коррупция. Однако во многих странах создана система противодействия коррупции, а также сформирована атмосфера нетерпимости общества к этому опасному явлению. Сложившаяся обстановка, которая угрожает экономической и национальной безопасности, не может длиться бесконечно. В Казахстане сформированы и функционируют правовая и организационная основы противодействия коррупции. Приняты Законы «О борьбе с коррупцией», «О государственной службе». Вопросы противодей-

ствия коррупции, обеспечение экономической безопасности государства нашли отражение в рассматриваемых в Парламенте новых уголовного, уголовно-процессуального кодексов Республики Казахстан. Антикоррупционные меры и меры по борьбе с экономической преступностью реализуется в русле реализации Комплексного плана противодействия теневой экономике в Республике Казахстан на 2013—2015 годы, отраслевой Программы по противодействию коррупции в Республике Казахстан на 2011—2015 годы, где отмечается, что коррупция представляет собой системную угрозу безопасности нашей страны и препятствует проводимым экономическим и социальным реформам, создавая негативный имидж Республики Казахстан на международной арене [2].

Республика Казахстан на сегодняшний день имеет полное право занимать достойное место среди государств в мировом сообществе по уровню своего цивилизованного развития. Однако, как и в любом другом государстве, в Казахстане есть и негативные факторы, отрицательно сказывающиеся на общей стабильности страны. Одним из таких факторов является коррупция, которая имеет свои глубокие исторические корни. Николо Макиавелли сравнивал коррупцию с болезнью, которую вначале трудно распознать, но легко лечить. Однако если эта «болезнь» запущена, то ее уже становится легко распознать, но почти невозможно лечить.

Но предпринимаемых лишь одним государством, заставить лишь в лице его руководителей, усилий явно недостаточно — необходимо подключить к борьбе с коррупцией и использовать практически все институты гражданского общества, а также всех граждан РК. Именно от непосредственного участия граждан зависит очень многое. Чтобы не стать жертвой коррупции, каждый гражданин должен четко знать правила поведения при общении с госслужащим, ставить перед собой четкие и реальные задачи, не провоцировать коррупционную ситуацию.

В современной научной литературе и в практике противодействия коррупции выделяются различные ее виды. Преимущественно акцентируется внимание на коррупцию в органах власти, частном секторе, политике [3]. Все перечисленные виды носят социально опасный характер, кроме того, они так или иначе взаимосвязаны.

Как уже отмечалось, коррупция в государственных органах подрывает доверие населения к органам государственной власти, снижает престиж страны на международной арене. Все это самым негативным образом складывается на развитии предпринимательской деятельности и добросовестной конкуренции, а также ослабляет государство, поэтому борьба с коррупцией является одним из приоритетных направлений государственной политики.

Проект Закона Республики Казахстан «О противодействии коррупции» содержит в себе достаточно важные предписания, которые касаются противодействия коррупции в системе государственной службы. В настоящее время необходимо отлаживать механизм принятия и реализации закона «О противодействии коррупции», так и отдельных его предписаний, особенно тех, которые ранее не существовали в отечественном законодательстве [4].

В этой связи необходимо, по нашему мнению:

— использование методики анализа правовых актов на предмет коррупционности;

— достигнуть усвоения всеми служащими своих прав и обязанностей и их правильного использования;

— строго оценивать деятельность и поведение госслужащих с антикоррупционной точки зрения во время приема на работу;

— добиваться соблюдения правил служебного поведения со стороны госслужащих;

— сформировать режим информационной открытости в деятельности госслужащих;

Названные средства предупреждения и пресечения коррупции в органах государственной власти необходимо использовать комплексно — только это позволит добиться результата и минимизировать уровень коррупции в системе государственной службы.

Таким образом, в правовом механизме противодействия коррупции в системе государственной службы Республики Казахстан именно сегодня необходимо реализовать весь нормативный, организационный и информационный потенциал. Только использование всех средств противодействия коррупции в комплексе может привести к определенным положительным результатам и позволит свести коррупцию до минимального уровня.

Литература:

1. Казахстанская правда. 1998 г. 14 июля
2. Отраслевая Программа по противодействию коррупции в Республике Казахстан на 2011–2015
3. Уголовное право. Борьба с коррупцией в государственных органах Республики Казахстан: учебное пособие. Под ред. Е. О. Алауханова — Алматы: 2008 г. — 330 с.
4. Досье на проект Закона Республики Казахстан
5. «О противодействии коррупции»

Совершенствование организационно-тактических мер борьбы с контрабандой культурных ценностей

Косицына Виолетта Михайловна, аспирант
Российская таможенная академия (г. Санкт-Петербург)

В данной статье предпринята попытка определения контрабанды культурных ценностей и рассмотрены пути совершенствования организационно-тактических мер борьбы с контрабандой культурных ценностей.

Ключевые слова: культурные ценности, контрабанда культурных ценностей, организационно-тактические меры борьбы с контрабандой культурных ценностей.

Improvement of organizational and tactical measures to combat smuggling of cultural property

This article attempts to determine the smuggling of cultural property, and consider ways of improving the organizational and tactical measures to combat smuggling of cultural property.

Keywords: *cultural values, smuggling of cultural values, organizational and tactical measures to combat smuggling of cultural property*

Многие культурные ценности имеют свою интереснейшую историю. Сам факт сохранения в течение веков, редкость старинных предметов повышает их ценность. Кроме того, многие культурные ценности сделаны из драгоценных металлов и камней, которые сами по себе представляют значительную материальную ценность. Однако первостепенное значение имеет, прежде всего, культурная их ценность, принадлежность определенной эпохе, выдающимся людям.

Проблема обеспечения сохранности и предупреждения контрабанды культурных ценностей настолько актуальна, что предлагалось возвести ее в ранг национального проекта. Эта проблема находится в поле зрения Общественной палаты РФ, что подчеркивает ее значимость. Создана комиссия палаты по сохранению духовного и культурного наследия. Главным объектом защиты этого наследия является Музейный фонд России — более 80 млн. экспонатов [1, с. 53].

В огромном количестве стран современного мира контрабанда по праву признана одним из самых опасных видов преступной деятельности. Это не случайно, так как контрабанда наносит наибольший ущерб экономическим интересам любой страны, в том числе и Российской Федерации. Подобная разновидность преступлений — контрабанда видимо появился с самого начального момента. То есть с момента появления государственных и таможенных границ. В настоящее время принято считать, что контрабанда существует практически во всех государствах. Практически во всех странах существует перечень предметов, перемещение которых через границу запрещено или ограничено. Особенно это касается контрабанды культурных ценностей.

Общественная опасность преступлений в отношении культурных ценностей включает и еще ряд аспектов.

Во-первых, культурные достижения государства во многом влияют и на его престиж на мировом уровне, поэтому неспособность государства защитить свои ценности, свою культуру говорит в том числе и о неспособности государства поддержать свой престиж. Поэтому, если говорить применительно к России, для государства, претендующего на одно из лидирующих мест в мире, защита собственного культурного наследия, защита того, что создает имидж государству на международной арене, представляется одной из важнейших задач.

Во-вторых, культурное воспитание граждан должно являться также приоритетным направлением политики государства. Без знания собственной истории и культуры невозможно воспитать патриотизм прежде всего у молодого поколения, поэтому большинство государств стараются не растерять то культурное наследие, которое было приобретено трудами наиболее выдающихся их граждан. Статья 44 Конституции РФ провозглашает, что «каждый

имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям», незаконный вывоз культурных ценностей фактически лишает многих граждан их конституционного права на знакомство с культурными ценностями, с культурой собственной страны в целом, что сказывается в том числе и на патриотическом воспитании гражданина.

В-третьих, нельзя забывать и о том, что культурные ценности представляют, как правило, большую ценность и в стоимостном выражении, поэтому незаконный вывоз культурных ценностей — это фактически вывоз национального богатства за пределы государства.

Таким образом, степень общественной опасности контрабанды культурных ценностей представляется высокой, и, следовательно, предупреждение и борьба с данным преступлением должны являться приоритетным направлением деятельности любого государства.

Как отмечает В. В. Кулыгин, вторым после хищения по распространенности преступлением в отношении культурных ценностей является контрабанда. В результате проведенного им исследования судебной практики по контрабанде культурных ценностей автор делает следующие основные замечания:

- количество попыток контрабандного вывоза культурных ценностей остается на достаточно высоком уровне;
- в большинстве своем через государственную границу незаконно перемещаются предметы, ранее похищенные из музеев или иных мест их хранения;
- достаточно часто вывозятся не отдельные предметы, а целые коллекции;
- транзитными странами для вывоза культурных ценностей из России в основном являются Финляндия, Беларусь, Закавказье;
- сокрытие ценностей производится, как правило, в 52% случаев в багаже пассажиров, 20% — в личных вещах, 15% — в транспортных средствах, в одежде — 5%, в грузах — 3%;
- наиболее часто предметами контрабанды культурных ценностей бывают иконы, старинные монеты, ордена и медали, рукописи, старопечатные и редкие книги, часы, картины, предметы религиозного культа и т.д.

Тема сохранности культурных ценностей и предотвращения их незаконного вывоза из страны стала особенно актуальной в связи с переходом России к рыночной экономике. Культурные ценности все более и более вовлекаются в торговый оборот. Произошла серьезная либерализация этого оборота, во многом изменилось отношение государства к задачам и способам охраны культурных ценностей. В свою очередь это создает условия, при которых можно и должно принципиально по-новому решать названную проблему.

Проблемы борьбы с преступными посягательствами на культурные ценности нередко рассматриваются разрозненно — отдельно с хищениями, отдельно — с контрабандой. Это не позволяет бороться с организованной преступностью в данной сфере, выявлять всю преступную цепочку [2, с. 5].

Культурные ценности — это достояние, принадлежащее определенной группе: социальной, этнической, и т.п. Все они могут быть выражены определенными формами искусства: устным творчеством, художественными изображениями, танцами, песенным творчеством, прикладными видами. В нашей стране существует целая структура понятия «культурные ценности», зафиксированная в законодательстве.

В соответствии с законами РФ в это понятие входят: произведения культуры, искусства; народные ремесла, промыслы; эталоны поведения; национальные или народные языки, местные диалекты, все говоры; топонимы (названия географических объектов); народный фольклор; все методы, способы и результаты научных исследований; здания, территории, технологии и т.п.; объекты, представляющие культурную, историческую либо научную ценность.

Культурные ценности России (как, впрочем, и всех стран), охраняются государством. Именно оно регламентирует порядок ввоза или вывоза их объектов, определяет правила их приобретения, владения, продажи. Однако культурные ценности, как считают некоторые специалисты, это не просто исторические ремесла, объекты или методики.

Культурными являются только те ценности, которые оказывают определенное влияние на психику человека с целью донесения информации до потомков. Это может быть информация об идеологии, духовности, убеждениях — всех тех явлениях, о которых сложно рассказать другим способом [1, с. 53–61].

Культурные ценности — понятие неоднородное. Они могут быть разными даже в одно время для различных слоев общества. Яркий пример тому: исторические храмы. Для большинства в нашей стране они были едва ли не главными культурными ценностями. Однако для молодой советской власти они были не только малоценными. Большевики считали их вредными, и потому разрушали. Так были утрачены уникальные произведения зодчества, характеризовавшие целые эпохи. Впрочем, утрачены были не только храмы: печальная судьба постигла многие народные промыслы, а также языки и культуру малых народов.

Для того чтобы исторические памятники не разрушались, а виды ремесел или искусства, являющиеся достоянием народов или народностей, не были утрачены, законодательство РФ и дает точное определение понятия «культурные ценности России».

Согласно положениям Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г., культурное и природное наследие является бесценным и невозполнимым достоянием всего человечества.

Утрата любой его части вследствие разрушения или исчезновения обедняет наследие народов мира. В этой связи сбережение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, выступает как одна из важнейших задач всех государств.

Проблема сохранения своего культурного достояния стоит и перед нашим государством.

Борьба с контрабандой культурных ценностей является одной из основных задач, возложенных на таможенные органы. И таможенники достойно выполняют возложенные на них функции.

Посягательствам на культурные ценности способствуют факторы, которые можно классифицировать на экономические, организационные, правовые и другие. Из организационных факторов, прежде всего, — постоянные реорганизации и недостатки системы контроля, в частности дублирование функций, до последнего времени — загруженность контролирующих органов работой, не связанной с охраной культурных ценностей; чрезмерная децентрализация контроля, передача на места полномочий по обеспечению сохранности объектов федерального значения и др. Из-за правовых факторов, в т.ч. пробелов в законодательстве, не выполняется ряд требований вышеуказанной Конвенции ЮНЕСКО, например, об установлении для антикваров правил, предусмотренных этой конвенцией, контроля за соблюдением этих правил, уголовных санкций за их нарушение.

Основными чертами, относящимися к состоянию и динамике контрабанды культурных ценностей являются следующие:

- количество попыток совершения данного преступления остается на стабильном уровне;
- высокая степень латентности данного преступления;
- высокая степень общественной опасности контрабанды культурных ценностей;
- частое совершение данного преступления в соучастии, более того, организованными группами;
- международный характер контрабанды культурных ценностей;
- проблема контрабанды культурных ценностей является таковой не только для России и для иных государств с богатым культурным наследием, как правило, не относящимся к странам с развитой экономикой.

Весьма эффективным механизмом противодействия незаконному перемещению товаров через таможенную границу является проведение таможенных осмотров с применением инспекционно-досмотровых комплексов.

В 2009 году были намечены конкретные меры по эффективному и интенсивному применению инспекционно-досмотровых комплексов, такие как:

- завершение формирования подразделений по применению ИДК в таможенных органах;
- обеспечение соответствия режима эксплуатации ИДК режиму работы пункта пропуска, в котором используется ИДК;

— разработка перечня мер, направленных на создание условий для уменьшения текучести кадров в подразделениях по применению ИДК;

— подготовка обращения на имя руководителя ФТС России об обеспечении таможенных органов СЗТУ, эксплуатирующих ИДК, USB-ключами, позволяющими осуществлять доступ к отсканированным изображениям [2, с. 5].

Увеличение количества дел об административных правонарушениях, возбужденных таможенными, свидетельствует, с одной стороны, об усилении мер по борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил, повышении эффективности таможенного и пограничного контроля на границе, с другой — об активизации криминальных структур в попытках незаконного перемещения товаров через границу.

Повысить эффективность работы по пресечению контрабанды можно лишь укрепляя взаимодействие всех структур, причастных к обеспечению безопасности в сфере внешней торговли. Планируется активно прорабатывать пути развития двустороннего сотрудничества в различных направлениях деятельности, что, несомненно, поможет оздоровить обстановку в приграничных районах, эффективнее бороться с нарушениями и преступлениями во внешнеэкономической сфере.

Необходимо активизировать совместную работу силовых структур и органов местного самоуправления по противодействию контрабанде на границе.

Важную роль в повышении эффективности работы таможенных органов имеет использование технических средств таможенного контроля и оснащение ими структурных подразделений таможни.

В настоящее время таможенные органы испытывают дефицит по многим позициям материально-технического обеспечения. Проведение эффективного контроля за перемещением товаров становится невозможным без применения надежных технических средств таможенного контроля (ТСТК: досмотровой рентгеновской техникой, приборами радиационного контроля, средствами идентификации), потребность в которых удовлетворена на сегодня в среднем только на 25%.

Еще одной мерой повышения эффективности борьбы с контрабандой таможенными органами является разработка механизма обмена оперативной информацией по готовящимся преступлениям. Отсутствует механизм противодействия двух таможенных постов сопредельных государств незаконному перемещению наркотических средств в крупных размерах, выявлению устойчивых каналов. Положение осложняет то, что российские таможенные посты осуществляют обмен информацией с сопредельными казахстанскими таможенными подраз-

делениями не напрямую, а только с разрешения вышестоящего руководства.

В условиях объединения таможенных территорий стран Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации борьба с контрабандой культурных ценностей представляет комплекс организационно-правовых мероприятий по выявлению, пресечению, профилактике и раскрытию нелегального перемещения культурных ценностей (ввоз, вывоз, транзит), осуществляемый с привлечением технологических средств таможенного и пограничного контроля, а также оперативно-розыскных методов и средств.

Эффективным правовым инструментом борьбы с нелегальным оборотом культурных ценностей является оперативно-розыскная деятельность, в частности, контролируемая поставка.

В развитие межгосударственных решений на национальном уровне с целью пресечения нелегального оборота культурных ценностей, прежде всего их нелегальной транзитной миграции целесообразно:

— гармонизировать и унифицировать законодательство стран СНГ, прежде всего стран участниц Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, в части установления уголовной ответственности за нелегальный оборот культурных ценностей, а также расследования данной категории дел (единая подследственность уголовных дел, определение подлежащего применению процессуального законодательства в случае совершения контрабанды в местах объединения таможенных границ и в условиях союзного государства);

— разработать межгосударственное соглашение «О введении в странах СНГ порядка принятия на себя государством финансовой ответственности в отношении культурных ценностей другого государства — участника СНГ, временно ввозимых для показа на выставках либо для научных исследований», обеспечить принятия соответствующих законодательных актов на национальном уровне, гарантирующих юридическую неприкосновенность данных культурных ценностей на период пребывания на территории страны;

— целесообразно ввести спецкурс дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) для сотрудников органов таможенного и пограничного контроля, следственных и оперативных подразделений, курсантов специальных учебных заведений с названием «Правоохранительная деятельность в сфере предотвращения нелегального оборота культурных ценностей», в рамках которого может быть рассмотрен весь комплекс процессуально-правовых мер (способов), направленных на предотвращение, выявление, раскрытие контрабанды культурных ценностей.

Литература:

1. Герасимов, И. А. Контрабанда как угроза национальной безопасности России: проблемы противодействия // Проблемы местного самоуправления. — 2008. — № 17. — с. 53–61.

2. Герасимов, А.А. «Культурные ценности: эволюция понятия» // статья М. 2011—5 с.
3. Международная Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. 14.11.1970 г., Париж.
4. Международная Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 16.11.1972 г., Париж.
5. Международная Конвенция ЮНИДРУА о международном возвращении похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей. 1995 г., Рим.
6. Федеральный закон № 4804—1 от 15.04.93. «О вывозе и ввозе культурных ценностей».
7. Федеральный закон № 54 — ФЗ от 26.05.1996 «О музейном фонде РФ и музеях РФ».
8. Приказ Россохранкультуры № 65 от 10.11.2004 «О порядке оформления вывоза и временного вывоза культурных ценностей».
9. Приказ Россвязьсохранкультуры № 117 от 14.03.2008 «О перечне культурных ценностей, подпадающих под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4804—1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», и документации, оформляемой на право их вывоза с территории Российской Федерации».
10. Доклад Генерального секретаря ООН «Защита от незаконного оборота культурных ценностей». Вена, 17—21 мая 2010 г.
11. Мартыненко, И.Э. Проблемы реализации во внутреннее уголовное законодательство стран СНГ международно-правовых актов об охране культурного наследия // Мат-лы Международной конференции «Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ»: (Минск, 26—28 апреля 2007 г.). — Минск: Право и экономика, 2007. — с. 67—77.
12. Русанов, Г.А. Понятие «культурных ценностей» и критерии отнесения предмета к культурным ценностям в науке уголовного права // Российская юстиция. 2008. № 4. с. 31—33.
13. Русанов, Г.А. Причины и условия контрабанды культурных ценностей // Ученые записки Западно — Сибирского филиала Российской академии правосудия. Томск, 2008. с. 67—76—0,8 п.л.
14. Русанов, Г.А. Характер насилия при квалификации деяния по п. «в» ч. 3 ст. 188 УК // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2008. с. 41—42. — 0,2 п.л.
15. Русанов, Г. Борьба с контрабандой культурных ценностей: уголовноправовые и криминологические вопросы. М., 2010.

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Правовая оценка деятельности Остапа Бендера с точки зрения современного уголовного законодательства

Беляев Александр Андреевич, студент

Научный руководитель: Шарипкулова Айгуль Фирдаусовна, кандидат юридических наук, доцент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В проведенном исследовании, затронувшем ставшие бессмертными произведения И. Ильфа и Е. Петрова, автор постарался найти применение нормам уголовного закона в отношении деяний Остапа Бендера. Остап неоднократно утверждал, что своими поступками не выходит за рамки закона, а его плутовская деятельность носит легальный характер. Автор в результате проведенной работы позволил себе не согласиться с высказываниями «великого комбинатора».

Ключевые слова: И. Ильф и Е. Петров, «Золотой теленок», «Двенадцать стульев», «Рога и копыта», Остап Бендер, И. М. Воробьянинов, квалификация преступлений, соучастие, добровольный отказ, мошенничество, кража, вымогательство.

«Великий комбинатор» Остап Бендер (рис. 1), чей образ обессмертили в своих трудах И. Ильф и Е. Петров, безусловно, является образцом предприимчивости и изворотливости. Зарабатывая на жизнь с помощью всевозможных афер и шантажа, он, тем не менее, считал, что чист перед уголовным законом. «Я, конечно, не херувим. У меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость», — утверждал Остап [1, с.44].

Основная цель, преследуемая в данной работе, — проверка на соответствие действительности слов великого

комбинатора и оценка его действий через уголовно — правовую призму.

Несомненно, карьера Остапа — значительное явление, поражающее масштабом личности, шириной охвата и продолжительностью. Представляется, что полностью осветить в данной научной работе кипучую деятельность Бендера невозможно. Именно по этой причине объектом исследования автора стали лишь самые примечательные и выдающиеся аферы Остапа, о которых нам удалось узнать из романов «12 стульев» и «Золотой теленок».

Рис. 1. Актер Андрей Миронов в образе Остапа Бендера (к/ф «12 стульев»)

Одним из самых известных «подвигов» комбинатор совершил в городе Арбатов. Остап, представившись в местном государственном учреждении сыном лейтенанта Шмидта, заполучил у представителя власти 8 рублей и 3 талона на обед в столовой, хотя умысел Бендера был направлен на приобретение 50 рублей, реализовать который ему не удалось ввиду недостаточности денежных средств в исполкоме. В год, когда происходили рассматриваемые события, от 1 до 6 рублей стоил пуд хлеба (около 16 кг.). В середине 20-х годов XX века высшая ставка ответственного партийного работника достигала 175 руб., при средней зарплате рабочих в 50 руб. в месяц [2]. Произведя нехитрый расчет, можно предположить, что Бендер был намерен получить сумму, равную средней месячной заработной плате по стране. Если бы описываемые события происходили в наше время и деяния Остапа оказались в поле зрения правоохранительных органов, «идейный борец за денежные знаки» вполне мог подлежать ответственности за хищение чужого имущества путем обмана с причинением значительного ущерба гражданину в соответствии с ч. 2 ст. 159 УК РФ.

Представляется не менее значимым и случай, произошедший в маленьком городе Васюки. Остап, представившись в местном шахматном кружке известным гроссмейстером, пообещал за «ничтожно маленькую плату» организовать в городе мировой шахматный турнир. Он получил 20 рублей якобы за рассылку телеграмм гроссмейстерам всего мира. За чтение лекции по шахматной теории и сеансу одновременной игры на 30 досках ему удалось выручить еще 35 рублей. Не закончив до конца пару поединков, Остап сбежал от разъяренных «васюкинцев», заподозривших его в обмане. [3, с. 374]

Описанные в данном эпизоде действия Бендера подпадают под признаки мошенничества с причинением значительного ущерба гражданину, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. Поскольку деяние было совершено в соучастии с Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым, непосредственно собиравшем деньги с граждан, ему можно было бы вменить также признак — мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Следует заметить, что в зависимости от количества потерпевших, каждый эпизод мошенничества требует самостоятельной правовой оценки и ответственность наступает по совокупности преступлений.

В самом начале криминальной карьеры с Бендером случился следующий эпизод. В Старгороде Остап создал подпольную организацию якобы для свержения Советской власти — «Союз меча и орала». На нужды указанного общества Бендеру удалось собрать у его новообращенных членов сумму, равную пятистам рублям. [3, с. 172]

Проведя комплексный сравнительный анализ, и используя функцию меры стоимости денег, можно предположить, что в соответствии с современным уголовным законодательством общая сумма хищения составляла бы крупный размер. По этому эпизоду деяния Остапа могли быть квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Полагаем,

что действия Остапа по созданию организации «Союз меча и орала» не требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки и полностью охватываются составом мошенничества.

После изъятия денег у членов «Союза» Остап, воспользовавшись тем, что, его фиктивная жена, мадам Грицацуева, спит, унес из ее дома «золотую брошь со стекляшками, дутый золотой браслет, полдюжины золоченых ложечек и чайное ситечко» [3, с. 175]. В данном случае налицо типичный пример кражи, подпадающей под пункт «в» части второй ст. 158 УК РФ, либо под пункт «в» части третьей ст. 158 УК РФ, в зависимости от общего веса золота в похищенных предметах и размера причиненного ущерба потерпевшей. Согласно данным Центрального Банка РФ, в настоящее время курс золота составляет 2056 руб. 67 коп. за один грамм [4].

В заключении стоит рассмотреть, пожалуй, самую знаменитую аферу Бендера, являющуюся венцом романа «Золотой теленок». Остап, узнав о том, что некий служащий Александр Иванович Корейко нажил себе большое состояние, вознамерился отобрать его. Стоит упомянуть, что свои деньги Корейко заработал не совсем честным путем — это и похищение поезда с продовольствием, и создание липовых артелей, и спекуляция валютой и мехами, и учреждение дутых акционерных обществ. Собрав достаточно компрометирующих данных на потерпевшего, Остап встретился с Корейко и за миллион рублей пообещал уничтожить сфабрикованное на него «дело». Корейко дал согласие. [1, с. 324]

На наш взгляд, в данном случае действия «великого комбинатора» подпадают под признаки состава вымогательства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, в целях получения имущества в особо крупном размере (пп. «а», «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ). Членами группы выступали А. Балаганов и А. Козлевич. Заметим, что впоследствии вышеуказанные лица отказались помогать Бендеру, но не пытались остановить Остапа ни путем сообщения в уполномоченные органы, ни своими силами. Тем не менее, полагаем, что в отношении Балаганова и Козлевича возможно применение нормы о добровольном отказе от преступления. Будучи соисполнителями в преступлении, ими были соблюдены все условия добровольного отказа, предусмотренные ст. 31 УК РФ. О том, что добровольный отказ соисполнителя преступления не имеет каких-либо специфических особенностей, упоминает и А. В. Шеслер [5, с. 240].

Составной частью аферы по изъятию состояния у Корейко являлось создание фиктивной конторы «Рога и копыта». Данное юридическое лицо было образовано с целью прикрыть деятельность Бендера и его подельников по формированию компрометирующих Корейко материалов. Было введено и некое подставное лицо — Фунт, который формально был главой конторы и должен был нести ответственность в случае, если её деятельностью заинтересуются правоохранительные органы. Возникает вопрос, допустимо ли за указанные дей-

ствия вменить компаньонам ч. 1 ст. 173.1 УК РФ (образование юридического лица через подставных лиц)? Представляется, что на данный вопрос следует ответить отрицательно. Буквальное толкование текста примечания к статье 173.1 УК РФ предполагает обязательное установление факта введения в заблуждение подставного лица со стороны виновного. «Понимание введения в заблуждение как характеристики подставного лица ограничено только соответствующей целью виновного, применяющего обман для воздействия на гражданина: виновный стремится убедить его выступить в роли учредителя (участника), органа управления (члена органа управления) или просто передать виновному, его соучастникам документы (обманывая того о действительной

цели получения этих документов), что ему, виновному, необходимо для использования обманутого, его документов в процедуре образования организации», — пишет П. С. Яни [6]. В рассматриваемом эпизоде складывалась другая ситуация: Фунт сам предложил свои услуги в качестве фиктивного управляющего. В связи с этим, смеем предположить, что действия Бендера и в данном случае полностью охватываются составом мошенничества, совершенного группой лиц по предварительному сговору с Фунтом.

В заключении, отвечая на поставленный в начале исследования вопрос, приходим к выводу: Остап Бендер не только не чтит Уголовный кодекс, а беззастенчиво его попирает.

Литература:

1. Ильф, И., Петров Е. Антология сатиры и юмора России XX века. Том 50 [2] /Илья Ильф, Евгений Петров. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
2. Милов, Л. В. Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России в XIX — XX вв. // История СССР. 1974. № 1. с. 48—63.
3. Ильф, И., Петров Е. Антология сатиры и юмора России XX века. Том 50 [1] /Илья Ильф, Евгений Петров. М.: Эксмо, 2007. 944 с.
4. Сайт Центрального банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения 07. 12. 2014 г.)
5. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. М.: Проспект. 2012. 448 с.
6. Яни, П. С. Образование юридического лица через подставных лиц // Законность. 2014. № 5. с. 35—39.

К вопросу о проблемах производства обыска в жилище

Изотова Светлана Геннадьевна, студент
Орловский государственный университет

Ключевые слова: неприкосновенность жилища, обыск, неотложный обыск, постановление о производстве обыска, протокол обыска

В отечественном уголовно-процессуальном праве производство обыска вызывает много вопросов и противоречий. Данный вид следственных действий имеет некоторые особенности и отличия, а так же ряд определённых проблем, которые заслуживают внимания.

В Российской Федерации гарантируется право на неприкосновенность жилища, а именно статья 25 Конституции РФ гласит: «Жилище человека неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях, определенных федеральным законом, или по решению суда». Соответственно право на неприкосновенность жилища в РФ защищается Конституцией, но может ограничиваться на законных основаниях при производстве такого следственного действия, как обыск по уголовному делу.

Из положений ч. 1 ст. 182 Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ) следует, что обыск, это осно-

ванное на наблюдении и осуществляемое с соблюдением установленной законом процедуры, принудительное обследование помещений, жилища и иных мест, отдельных граждан, их одежды, с целью отыскания и изъятия вещественных доказательств, документов и ценностей, имеющих значение для дела, а также разыскиваемых лиц и трупов.

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ принять решение о производстве обыска в жилище имеет право только суд. Судья обязан вынести постановление о разрешении производства данного следственного действия, в соответствии.

Если в законе имеются пробелы, правоприменительная практика начинает самостоятельно вносить свои коррективы посредством либо судебного прецедента, либо составлением различного рода инструкций, приказов и прочих нормативных подзаконных актов. Так, в при-

казе № 136 и от 6 сентября Генерального прокурора РФ «О мерах по усилению прокурорского надзора за законностью производства выемки и обыска» и приказа Председателя СК при прокуратуре РФ № 6 от 7 сентября 2007 г. «О мерах по организации предварительного следствия» говорится о том, что к исключительным случаям, не терпящим отлагательства, следователи должны признавать случаи, когда:

- неотложность обыска диктуется обстановкой только что совершенного преступления;

- неотложное производство обыска необходимо для пресечения дальнейшей преступной деятельности;

- имеются данные о том, что лицо, в распоряжении которого находятся существенные для дела предметы или документы, принимает меры к их уничтожению либо сокрытию. [1, С.3–4]

Неотложный обыск вызывает много противоречий, так как с одной стороны направлен на более полное и быстрое собрание доказательств, а с другой — является поводом для обжалования таких действий, если не будет установлено достаточного основания для его производства.

Неотложный обыск в жилище может проходить без постановления суда (при наличии обстоятельств, не терпящих отлагательств). Этим пользуются нарушители законов из числа сотрудников дознания и следственных органов, и то, что в законе не указано какие именно обстоятельства это позволяют, существенно развязывает им руки.

В таких случаях сотрудники обязаны в течении 24 ч. после проведения обыска уведомить прокуратуру и суд о произведенном следственном действии. К уведомлению прилагаются постановление о производстве следственного действия (обыска) и протокол обыска для проверки законности решения о его производстве.

И главное, обыск может быть произведен только в рамках уже возбужденном уголовном деле.

При обыске должны присутствовать два понятых в каждой комнате, в которых ведется обыск, а также сам хозяин квартиры или его ближайшие родственники. В случае если присутствовал один понятый то на суде все доказательства, найденные при обыске, считаются недействительными.

Следственная практика расследования убийств показывает, что следователями при проведении обысков допускаются серьезные нарушения. Рекомендации по тактике проведения обыска не соблюдаются, обыски проводятся поверхностно, без подготовки, без применения технических поисковых средств. Обыск нередко проводится не следователем, а оперативными работниками по его отдельному поручению. Это является серьезной ошибкой, поскольку он не располагает сведениями, полученными как в результате проведения следственных действий, так и оперативных мероприятий, не отвечает за ход расследования уголовного дела и его результат. Оперативные работники по поручению следователя обыска нередко фактически не проводят, ограни-

чиваясь только осмотром места обыска, никто из специалистов не привлекается, понятые приглашаются только после обнаружения каких-либо вещей, при этом они не видят, в результате каких поисковых действий были обнаружены вещи, где они были обнаружены. Все это дает основание адвокатам, участвующим в деле, заявлять в суде ходатайство о признании результатов обысков недопустимыми доказательствами. При проведении обысков в жилых квартирах ограничиваются поисками только на жилой площади, не проводятся поисковые действия на балконах, в кладовых, лоджиях, на кухне. [2, С.920]

Перед производством обыска следователь должен четко уяснить, какие предметы, объекты он должен искать. Это зависит от конкретных обстоятельств дела. Изменение объекта поиска при обыске на этапе исполнения решения о производстве обыска недопустимо. Суд, разрешая производство обыска, исходит из достаточности данных для предположения о возможном нахождении определенных, в общих чертах, предметов в определенном жилище.

При изучении уголовных дел были выявлены многочисленные нарушения при формулировании резолютивной части постановления о разрешении производства обыска в жилище. Пренебрежение требованиями УПК РФ можно увидеть в ситуации, когда следователи ходатайствуют о производстве обыска в помещениях, не являющихся жилыми и не используемых для временного проживания, а судьи удовлетворяют данное ходатайство. [3, С.134]

Как показывает практика, при производстве обыска совершается много нарушений. Следовательно, для их избежание необходимо принять комплекс мер, направленных на профилактику нарушений и их устранения. А именно:

- детально проработать в УПК РФ основания применения обыска;

- определить условия, при которых возможно производство неотложного обыска без постановления суда;

- проводить работу с органами, производящими обыск, повышать квалификацию и профессионализм работников, дабы избежать ошибок и произвола при производстве обыска;

- обеспечивать явку понятых;

- обеспечить организацию межведомственного взаимодействия, для ускорения сбора доказательств по делу;

- обеспечивать достаточный контроль за законностью производимых действий при обыске.

Таким образом, можно сделать вывод, что данное следственное действие, предусмотренное УПК РФ имеет перспективу для дальнейшего совершенствования. Обыск позволяет быстрее собрать доказательства по делу, без которых раскрытие преступления, порой, невозможно, поэтому, на мой взгляд, законодатель должен доработать данную конструкцию производства обыска, установленную УПК РФ, дабы исключить нарушение законности и произвол.

Литература:

1. Меретуков Г. М., Ганночка Ю. В. Производство обыска с участием защитника // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Выпуск № 70 / 2011
2. Корчагин, А. А. Особенности тактики обыска по делам об убийствах // Фундаментальные исследования // Выпуск № 10–4 / 2013
3. Осипов, А. В. Постановление судьи о разрешении производства обыска в жилище: проблемы практики // Известия Алтайского государственного университета // Выпуск № 2 (82) / том 1 / 2014

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами

Камардина Анжела Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Оренбургский государственный университет

Производство о применении принудительных мер медицинского характера представляет собой процессуальную форму производства по уголовному делу, в отношении лиц, страдающих болезненным состоянием психики, обеспеченную дополнительными гарантиями для соблюдения их прав и законных интересов (гл. 51 УПК РФ).

Производство о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Из сказанного следует, что основаниями применения принудительных мер медицинского характера являются следующее:

— совершение общественного опасного деяния лицом, которое во время его совершения находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики;

— совершение преступления субъектом, который во время его совершения находился в состоянии вменяемости, т.е. обладал способностью к осознанно волевому поведению, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, но у которого после совершения преступления наступило хроническое психическое расстройство, слабоумие, делающее невозможным назначение или исполнения наказания.

Принудительные меры медицинского характера, которые вправе применить суд лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости или лицам, которые нуждаются в принудительном психиатрическом лечении, закреплены в ст. 99 УК РФ, к ним относятся:

— амбулаторное, принудительное наблюдение и лечение у психиатра (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ);

— принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа (п. «б» ч. 1 ст. 99 УК РФ);

— принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа (п. «в» ч. 1 ст. 99 УК РФ);

— принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением (п. «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ).

В соответствии со ст. 98 УК РФ, целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения им новых преступлений.

Г. В. Назаренко, считает, что «цели принудительных мер медицинского характера выражают представление законодателя о конечных результатах принудительного лечения общественно опасных психически больных лиц, совершивших уголовно-противоправные деяния» [1, с. 53].

По нашему мнению, целями применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние, следует отнести защиту общества и граждан от противоправного и опасного поведения лиц, страдающих психическими расстройствами, которое обусловлено болезненным состоянием их психики, а также их излечение или улучшение их состояния и предупреждение совершения ими новых преступлений.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 г. № 13-П, лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, наравне с другими лицами (подозреваемыми и обвиняемыми) должны обеспечиваться процессуальными правами, хотя это лицо и не привлекалось к уголовной ответственности. До получения результатов судебно-психиатрической экспертизы лицо, в отношении которого она проводилась, по своему статусу является

обвиняемым или подозреваемым, следовательно, уже обладает соответствующими процессуальными правами (ст. 46 и 47 УПК РФ).

В тех случаях, когда при назначении или производстве судебно-психиатрической экспертизы возникает необходимость в стационарном обследовании лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, он может быть помещен в психиатрический стационар (ст. 203 УПК РФ).

Лицо, не содержащееся под стражей, помещается в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

Вопрос о возможности применения меры пресечения — заключению под стражу в отношении лиц страдающих психическими заболеваниями, в юридической литературе носит дискуссионный характер.

Е.Е. Горленко считает, что необходимо учитывать то обстоятельство, что лицо, которое совершило преступления в состоянии невменяемости или у которого психическое расстройство наступило после совершения им преступления, представляет опасность для окружающих него лиц, в связи с этим необходимо ограничить его свободу передвижения, в целях предотвращения совершения им новых преступлений и в связи с этим, предлагает ввести специальную меру пресечения для данной категории лиц, а именно помещение в психиатрическую больницу под надзор администрации лечебного учреждения, применяемую по решению суда. Автор объясняет свою позицию тем, что фактически данная мера пресечения на практике применяется и потому ее следует узаконить. По его мнению, предлагаемая мера пресечения является одной из разновидностью меры пресечения — заключения под стражу, т.к. в лечебных учреждениях больные содержатся в условиях, исключающих их свободное передвижение и существенно ограничивающих прав личности [2, с.14].

По мнению других ученых-процессуалистов, мера пресечения в виде заключения под стражу вообще не должна применяться к лицам, которые страдают психическими заболеваниями [3, с.101].

По нашему мнению, следует согласиться с учеными, придерживающихся второй позиции, т.к. считаем, что заключение под стражу (точно также как и другие меры пресечения) могут применяться только к обвиняемым (подозреваемым), которые могут нести уголовную ответственность и привлекаться к такой ответственности. Таким образом, лица, не подлежащие к уголовной ответственности, не могут подвергаться мерам пресечения, а если такие меры к ним уже применены, то они должны быть отменены в любой стадии уголовного судопроизводства.

Мы не согласны с мнением Е.Е. Горленко, что помещение в психиатрическую больницу под надзор администрации лечебного учреждения является разновидностью заключения под стражу. Хотя и свободу передвижения

и ограничивают права, но, тем не менее, заключением под стражу не может признаваться помещение в психиатрическую больницу со всеми вытекающими из этого последствиями, а улучшать условия лиц страдающих душевными заболеваниями, прямая обязанность Министерства здравоохранения.

В ст. 435 УПК РФ предусмотрено, что «при установлении факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора, суд в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, принимает решение о переводе данного лица в психиатрический стационар». Таким образом видно, что законодатель не относит помещение в психиатрический стационар к мерам пресечения, не относит его законодатель и к иным мерам принуждения, так как лицо страдающее психическим заболеванием не может являться субъектом в отношении которого они применяются.

Иным образом решается вопрос в отношении лиц, имеющих психические недостатки. При на их наличии заключение под стражу может быть избрано на общих основаниях, однако при решении вопроса об избрании заключения под стражу в отношении таких лиц особенное внимание следует уделять их состоянию здоровья.

В соответствии с ч. 1 ст. 435 УПК РФ при установлении факта психического заболевания лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, суд по ходатайству прокурора в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, принимает решение о переводе данного лица в психиатрический стационар. Помещение лица, не находящегося под стражей, в психиатрический стационар производится судом на основании ст. 203 УПК РФ (ч. 2 ст. 435 УПК РФ).

При анализе положений ч. 1 и 2 ст. 435 УПК РФ, можно прийти к однозначному выводу, что для перевода в психиатрический стационар нет необходимости принимать решение о содержании лица под стражей или избирать в отношении него иную меру пресечения.

Само принудительное помещение лица в психиатрический стационар, время нахождения в котором засчитывается в срок содержания под стражей (п. 3 ч. 10 ст. 109 УПК РФ), существенно ограничивает права личности и не требует дополнительного избрания меры пресечения.

Дискуссионным в данном случае является вопрос о том, какое решение должен вынести судья по такому ходатайству. Что законодатель имел в виду, когда указывал на необходимость перевода лица, содержащегося под стражей, в психиатрический стационар: изменение места содержания лица (перевод его из изолятора в психиатрический стационар) либо невозможность сохранения меры пресечения в виде содержания под стражей, учитывая, что субъект не подлежит уголовной ответственности.

Кроме этого, не совсем ясно, на какой период лицо может быть помещено в психиатрический стационар и нужно ли в этом случае ходатайствовать о продлении

срока содержания данного лица в психиатрическом стационаре и как это делается в отношении субъектов, находящихся под стражей [4, с. 17].

При прекращении уголовного дела, суд, в соответствии с ч. 2 ст. 443 УПК РФ, должен решить вопрос об отмене избранной в отношении обвиняемого (подозреваемого) ранее избранной меры пресечения.

В следственной и судебной практике в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, допускается применение меры пресечения в виде заключения под стражу, которая впоследствии может быть отменена только после разрешения уголовного дела по существу,

впоследствии лица, страдающие психическими заболеваниями переводятся в психиатрический стационар с соответствующим режимом. Больные, психическое состояние здоровья которых не вызывает опасений для него самого и окружающих его лиц, содержатся в изоляторах вместе с другими подозреваемыми и обвиняемыми.

Таким образом, современный законодательный подход к решению вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, характеризуется тем, что в отношении таких лиц следует применять не принуждение, а лечение.

Литература:

1. Назаренко, Г. В. Принудительные меры медицинского характера: учебное пособие / Г. В. Назаренко. — М.: Дело, 2003. — 176 с.
2. Горленко, Е. Е. Задержание и применение мер пресечения к лицам, страдающим психическими заболеваниями / Е. Е. Горленко // Российский следователь. — 2000. — № 6. — с. 14.
3. Якубович, Н. А. Окончание предварительного следствия по делам, направленным в суд / Н. А. Якубович. — М., 1970. — 103 с.
4. Савченко, А. Н. Заключение под стражу лиц, страдающих психическими заболеваниями или осужденных к лишению свободы / А. Н. Савченко // Уголовный процесс. — 2006. — № 11. — с. 17.

Актуальные проблемы государственной защиты свидетелей

Нешитая Ольга Николаевна, студент

Научный руководитель: Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент
Орловский государственный университет

В данной статье рассматриваются основные проблемы государственной защиты свидетелей в Российской Федерации.

Ключевые слова: защита свидетелей

Сотрудники органов предварительного следствия, дознания и суда, нередко сталкиваются с такой ситуацией, когда участники уголовного процесса изменяют ранее давшие показания, дают заведомо ложную информацию или вовсе отказываются от нее. Такие необдуманные действия приводят к тому, что уголовные дела «разваливаются», а преступники спокойно уходят от ответственности.

Что руководствует людьми, когда они под угрозой уголовного наказания, продолжают говорить не правду представителям правосудия, заставляя идти их по ложному пути?

Не смотря на то, что вопрос достаточно сложный, но ответ лежит на поверхности: люди просто боятся за свою жизнь, за свое имущество и деловую репутацию.

В Уголовно-процессуальном кодексе в ст. 74 закреплены следующие источники доказательств:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;

- 3) заключение и показания эксперта;
- 4) заключение и показания специалиста;
- 5) вещественные доказательства;
- 6) протоколы следственных и судебных действий;
- 7) иные документы. [1]

Как мы видим, спектр доказательств весьма многогранен. В науке «Уголовный процесс» их принято разделять на личные (показания свидетелей, подозреваемого) и вещественные (предметы, орудия). Известно, что все доказательства равны и заранее не имеют никаких преимуществ перед другими, но органы, осуществляющие предварительное расследование, прокуратуры и суд из дела к делу, отдают предпочтение все-таки свидетельским показаниям, так как они непосредственно исходят от людей, которым что-то известно по данному уголовному делу. И здесь уже должностным лицам и органам приходится производить оценку полученной информации, руководствуясь собственным внутренним убеждением.

Согласно ст. 56 УПК РФ, свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

То есть, дать показания в качестве свидетеля — это гражданский долг любого, кто осведомлен о каких-либо фактах, которые могут пролить свет на расследование уголовного дела или на его рассмотрение в суде.

Нередко, судьба лиц, находящихся на скамье подсудимых или в отношении которых проводится предварительное расследование, зависит именно от свидетельских показаний. Именно поэтому многие преступники заинтересованы в том, чтобы свидетели говорили информацию, которая поможет им быстрее избавиться от пристального внимания правоохранительных органов и оказаться на свободе. Так, лица, переступившие закон и желающие уйти от ответственности часто используют различные противоправные методы воздействия на психологию свидетелей, что в конечном итоге и срабатывает.

Ярким примером является деятельность «банды» Сергея Цапка, которая на протяжении долгих лет держала всю станицу Кущевскую Краснодарского края в страхе и ужасе. Именно потому, что никто не обращался в компетентные органы, эти лица вовремя не были привлечены к уголовной ответственности, что и привело к массовому убийству (12 человек, из них 4 ребенка) в 2010 году.

Защита участников уголовного процесса является предметом регулирования большого массива международных актов, которые согласно ч.4 ст. 15 Конституции РФ, являются составной частью правовой системы России. [2]

В числе международно-правовых актов в области защиты прав человека большое значение имеет Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и факультативный протокол к нему.

Важнейшими кодифицированными источниками, гарантирующими права и свободы граждан в области уголовного судопроизводства, являются Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ. Государственная защита участников уголовного судопроизводства предусмотрена положениями ряда статей УПК РФ.

Так, в ч.3 ст. 11 УПК РФ закреплено, что при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам (п.4 ст. 5 УПК РФ), родственникам (п.37 ст. 5 УПК РФ) или близким лицам (п.3 ст. 5 УПК РФ) угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иным противоправным деянием, суд, прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель применяют в пределах своей компетенции меры безопасности к указанным лицам. К таким мерам в частности относятся: участие в следственных действиях под псевдонимом (ч.6 ст. 166 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных перегово-

ров (ч.2 ст. 186 УПК РФ), проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемыми (ч.8 ст. 193 УПК РФ), проведение закрытого судебного заседания (ч.2 ст. 241 УПК РФ), допрос судом свидетеля без оглашения его подлинных анкетных данных в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч.5 ст. 275 УПК РФ). [3]

На сегодняшний день на территории Российской Федерации действует Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [4], который в ст. 6 предусматривает следующие меры безопасности и они применяются только к тем лицам, кто является свидетелями или потерпевшими по преступлениям, относящимся к категории тяжких и особо тяжких (ст. 15 УК РФ):

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы;
- 8) временное помещение в безопасное место;
- 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Необходимо подчеркнуть, что все меры безопасности, перечисленные в законе, носят разовый характер, то есть к участникам уголовного судопроизводства, в частности к свидетелям, они применяются только один раз, и только тогда, когда это необходимо для следователей (дознателей), суда и прокуратуры.

Каждая из перечисленных мер безопасности требует от органов, осуществляющих государственную защиту, колоссальных усилий и денежных затрат. Это, по сути, и является главной проблемой реализации государственной политики в области защиты участников уголовного судопроизводства.

К тому же, отсутствует четкий механизм переселения свидетелей в неопасное для их жизни место жительства, а возможность изменения внешнего вида — это пока просто красивая фикция, которая в России применяется очень редко и только в исключительных случаях.

Для осуществления реальной защиты и применения всех мер безопасности, предусмотренных законом, необходимо вносить существенные изменения в пенсионное, трудовое, жилищное, медицинское законодательства, которые в полной мере еще не произведены. Законодательные пробелы существенно осложняют применение данных мер безопасности.

Если проанализировать все обязанности свидетеля, перечисленные в ст. 56 УПК РФ, то наиболее важной из них является: обязанность говорить правду органам, осуществляющим предварительное расследование и суду, за неисполнение которой законодателем предусмотрено наступление уголовной ответственности, например ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» и ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний». [5]

Если взглянуть на санкции к указанным статьям, то мы увидим, что они носят в основном экономический характер, то есть наложение штрафа, и, как правило, указанный фактор не останавливается граждан. Они предпочитают лучше сказать не правду или вовсе отказаться говорить, заплатить причитающийся им штраф, чем потом ходить и оглядываться. И к тому же составы данных преступлений в УК сформулированы достаточно распы-

лочно, и чтобы привлечь лиц к уголовной ответственности, необходимо иметь неопровержимые доказательства, дающие основания не доверять свидетелю и выяснить причину, по которой он изменил показания или отказался от их дачи.

Таким образом, можно сделать вывод, что предусмотренные законом меры безопасности, применяемые к участникам уголовного судопроизводства, оказывают положительную динамику в борьбе с преступностью, но все же в законодательстве существуют пробелы, которые препятствуют их реальной применимости к нуждающимся лицам. А так же, когда органы предварительного расследования и суд указывают свидетелю говорить правду и ничего не бояться, но сами при этом не могут гарантировать ему стопроцентную безопасность, и самое главное люди это прекрасно понимают, поэтому уровень доверия участников уголовного судопроизводства к системе правосудия снижен.

Литература:

1. Конституция российской Федерации от 12 декабря 1993 года (в ред. от 21.07.2014 г.)
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СПС «Консультант плюс» (в ред. от 22.10.2014 г.), ст. 74
3. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 04.06.2014 г.) // Российская газета
4. Баженов, С. В., Важенин В. В. Об обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Педагогика в правоохранительных органах, 2013, № 1, ст. 21–23
5. Моисеенко, В. А. Актуальность защиты свидетелей и их безопасности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2014, № 6, ст. 61–63

Неисполнение обязанностей налогового агента: юридический анализ состава преступления

Омельяненко Мария Валерьевна, студент

Российская правовая академия Минюста России, Иркутский юридический институт (филиал)

Своеобразием состава преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, является то, что диспозиции ранее действовавших уголовных норм о налоговых преступлениях однозначно не указывали о возможности привлечения за уклонение от уплаты налогов наряду с налогоплательщиками — физическими и юридическими лицами — налоговых агентов как участников налоговых правоотношений. Особую сложность применительно к данному составу преступления представляет установление личного мотива действий налогового агента. Неисполнение иных обязанностей налогового агента состава преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, не образует.

Ключевые слова: налоговый агент, обязанности налогового агента.

В соответствии со статьей 58 Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ), налоги должны уплачиваться самим налогоплательщиком или перечисляться налоговым агентом в установленные сроки. Речь идет о двух тождественных формах доведения налоговых платежей до бюджета. Обязанность перечисления возла-

гается на налоговых агентов по таким налогам, как налог на добавленную стоимость, налог на прибыль, налог на доходы (подходный налог) с физических лиц. Налоговые агенты наделены теми же правами, что и налогоплательщики, однако ранее уголовная ответственность для них не была предусмотрена [3, с. 324].

В результате безнаказанными оставались работодатели, удерживающие, но не перечисляющие в бюджет суммы налога на доходы с физических лиц (подходный налог), а также руководители организаций, «забывающие» удержать налоги с иностранных лиц — партнеров, не состоящих на налоговом учете в Российской Федерации.

В соответствии с действующим налоговым законодательством Российской Федерации обязанность уплачивать налоги возлагается в равной степени, как на налогоплательщиков, так и на налоговых агентов.

Следует отметить, что при рассмотрении дел о налоговых преступлениях необходимо владеть терминологией Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ) и такими его основными определениями, как понятие налога и сбора (ст. 8), налогового агента (ст. 24), недоимки (ст. 11), налогоплательщика (ст. 19), налоговой декларации (ст. 80) и другими.

Согласно ст. 24 НК РФ налоговыми агентами признаются лица, на которых в соответствии с законодательством о налогах и сборах возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) налогов (налог на доходы физических лиц — ст. 226, на прибыль — ст. 286, на добавленную стоимость — ст. 161 Налогового кодекса Российской Федерации). Такие обязанности могут быть возложены только на те организации и на тех физических лиц, которые являются источниками выплаты доходов, подлежащих обложению налогами (п. 16 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» (далее — Постановление Пленума Верховного суда РФ)).

Обязанности налогового агента по исчислению, удержанию, перечислению налога на добавленную стоимость и налога на прибыль возникают в крайне редких случаях, когда налогоплательщиками являются иностранные лица, не состоящие на учете в налоговых органах Российской Федерации в качестве налогоплательщиков, либо иностранная организация, получающая доходы от источников в Российской Федерации, не связанные с постоянным представительством в Российской Федерации.

Таким образом, на налоговых агентов в основном возложены обязанности по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога на доходы физических лиц (НДФЛ). В большинстве случаев эти обязанности исполняют работодатели (организации и физические лица). В целом налоговые агенты имеют те же права, что и налогоплательщики, однако круг обязанностей у них несколько иной, так как фактически они призваны содействовать уплате налогов и сборов.

Своеобразием состава преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, является то, что диспозиции ранее действовавших уголовных норм о налоговых преступлениях однозначно не указывали о возможности при-

влечения за уклонение от уплаты налогов наряду с налогоплательщиками — физическими и юридическими лицами — налоговых агентов как участников налоговых правоотношений. Практике известны многочисленные способы уклонения от перечисления в бюджет удержанных сумм налогов. Как показывает анализ правоприменительной практики о налоговых преступлениях, вопрос привлечения к уголовной ответственности налоговых агентов, в руках которых сосредотачиваются крупные денежные суммы, на протяжении ряда последних лет являлся весьма актуальным. Имеются сведения о том, что уголовные дела о налоговых преступлениях, когда органами предварительного следствия субъектами признавались налоговые агенты, судами не рассматривались [4, с. 28–30]. При этом необходимо учитывать, что в указанный период в НК РФ существовало законодательное определение налоговых агентов как участников налоговых правоотношений, но вопросы об их ответственности за нарушения налогового законодательства ранее не рассматривались.

Объект данного преступления в литературе определяется по-разному. Так, некоторые авторы считают, что объектом неисполнения обязанности налогового агента являются фискальные интересы государства (и охраняемые им налоговые правоотношения), которое, по сути, и является потерпевшим от данного преступления. По мнению других, объект указанного преступления составляют общественные отношения, возникающие в связи с неисполнением налоговыми агентами своих обязанностей [1, с. 49].

По мнению Д.А. Глебова, А.И. Ролика, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, являются общественные отношения в сфере исполнения обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов [2, с. 36].

Автор полагает, что непосредственным объектом неисполнения обязанностей налогового агента являются общественные отношения, обеспечивающие соблюдение установленного законом порядка исчисления, удержания или перечисления налогов и (или) сборов налоговым агентом.

Объективная сторона деяния, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, выражается в неисполнении обязанностей по исчислению, удержанию или перечислению налогов в соответствующий бюджет или государственный внебюджетный фонд, которые предусмотрены законодательством о налогах и сборах. Главная особенность этих обязанностей заключается в том, что налоговый агент налоги не выплачивает, а только исчисляет, а затем удерживает и перечисляет, то есть фактически передает в бюджет не принадлежащие ему денежные средства налогоплательщиков.

Неисполнение обязанностей налогового агента является оконченным с момента неисполнения налоговым агентом в личных интересах в порядке и сроки, установ-

ленные налоговым законодательством (пункт 3 статьи 24 НК РФ), в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) сумм налогов и (или) сборов в крупном (ч. 1 ст. 199.1 УК РФ) или особо крупном (ч. 2 ст. 199.1 УК РФ) размере, которые он должен был исчислить и удержать у налогоплательщика.

При определении крупного (особо крупного) размера неисполнения налоговым агентом обязанностей, перечисленных в статье 199.1 УК РФ, суды должны руководствоваться правилами, содержащимися в примечании к статье 199 УК РФ, и исчислять его исходя из сумм тех налогов (сборов), которые подлежат перечислению в бюджет (внебюджетные фонды) самим налоговым агентом.

Отличительной особенностью исследуемого состава от других составов налоговых преступлений, является его субъект.

Субъект преступления — специальный, предусмотренный налоговым законодательством (ст. 24 НК РФ), является физическое лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, руководитель или главный (старший) бухгалтер организации, иной сотрудник, уполномоченный на совершение таких действий, а также лицо, фактически выполняющее обязанности руководителя или главного бухгалтера (п. 17 Постановления Пленума). Как уже указывалось выше, налоговыми агентами признаются лица, на которых в соответствии с Налоговым кодексом РФ возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации.

Преступление совершается с прямым умыслом. Лицо осознает общественную опасность своих действий по неисполнению в личных интересах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов, подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд).

Диспозиция нормы, предусмотренной ст. 199.1 УК РФ, носит типично бланкетный характер и требует обращения к нормам налогового законодательства. Исчерпывающий перечень обязанностей налогового агента дан в п. 3 ст. 24 НК РФ.

Неисполнение иных обязанностей налогового агента состава преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, не образует.

Необходимо обратить внимание на следующий момент. Исходя из буквального толкования положений ст. 199.1 УК РФ, можно сделать вывод о том, что действия налогового агента формально можно квалифицировать по указанной статье в случае перечисления налога в ненадлежащий бюджет, например, в бюджет субъекта Российской Федерации или местный бюджет вместо федерального бюджета, но при том условии, что будет доказан мотив — личная заинтересованность преступника.

Особую сложность применительно к данному составу преступления представляет установление личного мотива действий налогового агента. Это оценочное понятие законодатель не раскрывает, хотя оно встречается в ряде статей УК РФ. В связи с этим в Постановлении Пленума Верховного суда № 64 разъяснено, что личный интерес может выражаться в стремлении извлечь выгоду как имущественного, так и неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой, скрыть свою некомпетентность и т.п.

Обобщение судебной практики показало, что суды области при данной категории учитывают требования п. 17 Постановления пленума Верховного суда РФ (указанного ранее), разъясняющего, что в силу неисполнения налоговым агентом обязанностей по правильному и своевременному исчислению, удержанию и перечислению в бюджеты (внебюджетные фонды) соответствующих налогов, предусмотренных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, не связанного с личными интересами, состава преступления, предусмотренного статьей 199.1 УК РФ, не образует и в тех случаях, когда такие действия были совершены им в крупном или особо крупном размерах.

При определении суммы крупного и особо крупного размера неуплаченных налогов и (или) сборов правоприменителю необходимо определить не только сумму умышленно не уплаченных в бюджет (внебюджетные фонды) платежей, но и период их неуплаты (в пределах трех финансовых лет подряд), а в некоторых случаях еще и процентное соотношение суммы неуплаченных налогов и (или) сборов с подлежащей уплате общей суммой данных платежей.

Подобные сложности в определении преступных последствий объективной стороны состава налогового преступления создают неоправданные трудности при квалификации деяния, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, что не способствует борьбе с налоговой преступностью.

В соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 64, в случае, если действия налогового агента, нарушающие налоговое законодательство по исчислению, удержанию или перечислению налогов в бюджетную систему РФ, совершены из корыстных побуждений и связаны с незаконным изъятием денежных средств и другого имущества в свою пользу или в пользу других лиц, содеянное следует при наличии к тому основ дополнительно квалифицировать как хищение чужого имущества. Под хищением налоговым агентом денежных средств или другого имущества, подлежащего уплате в бюджетную систему РФ в качестве налога, следует рассматривать фальсификацию налоговой отчетности. Однако в данной ситуации необходимо доказать корыстные побуждения у налогового агента, а не простую ошибку лица, ответственного за составление налоговой отчетности.

Литература:

1. Белова, Г. Д. Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушения уголовного законодательства. Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ. Актуальные проблемы прокурорского надзора. Выпуск 5. — М., 2001. — с. 49.
2. Глебов, Д. А., Ролик А. И. Налоговые преступления и налоговая преступность. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. — с. 36.
3. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. Отв. ред. В. И. Радченко; Науч. ред. А. С. Михлин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Спарк, 2004. — с. 324.
4. Караханов, А., Изменения в законе о налоговых преступлениях: вопросы практики правоприменения. Уголовное право. — 2005. — № 1. — с. 28–30.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) 7-е издание, переработанное и дополненное (отв. ред. А. И. Рарог).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации Часть 1 от 31.07.1998 N 146-ФЗ, принят ГД ФС РФ 16.07.1998, действующая редакция от 05.04.2013.

Понятие «специальные знания» и его значение для уголовно-процессуальной деятельности

Поздняков Максим Александрович, соискатель
Сибирский институт бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск)

Автором предпринята попытка обобщить и проанализировать имеющиеся взгляды по вопросам понимания и использования термина «специальные знания» и «специальные познания» в уголовном процессе, выделены спорные аспекты и предложено авторское видение проблемы.

Ключевые слова: специальные знания, специальные познания, эксперт, экспертиза, специалист, уголовный процесс, криминалистика.

Анализируя уголовно-процессуальные нормы, нельзя не заметить, что законодатель использует два понятия «специальные знания» и «специальные познания», не придавая значения разнице этих двух понятий и смешивая их. Статья 57 УПК РФ определяет эксперта как лицо, обладающее специальными знаниями. Статья 58 УПК РФ определяет специалиста как лицо, обладающее специальными знаниями. Однако при этом в части 4 статьи 80 УПК РФ указывается на показания специалиста как на сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных *познаний*, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК РФ.

Использование обоих терминологических выражений в действующем УПК РФ и в настоящее время продолжает оставаться предметом дискуссии. Достаточно много научных работ посвящено проблеме правильного употребления термина «специальные знания» или «специальные познания», потому что среди ученых и сегодня нет единого мнения относительно содержания данного понятия.

Используя два термина: «специальные знания» и «специальные познания», авторы при разработке определений в одних случаях понимают их как синонимы,

а в других — вкладывают в их содержание различный смысл. На наш взгляд, представляется, что эти понятия не являются синонимами и несут разную смысловую нагрузку.

Прежде всего, следует рассмотреть лингвистическое и философское содержания этих понятий.

С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова определяют знание как: 1) результат познания, научные сведения; 2) совокупность сведений в какой-нибудь области [1, с. 231], а познание, как: 1) приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира; 2) совокупность знаний в какой-нибудь области [1, с. 548].

То есть, с точки зрения лингвистики познание понимается как процесс постижения закономерностей и явлений действительности. Знание же понимается как результат, итог процесса познания.

В философии познание рассматривается как процесс творческой деятельности людей, формирующей их знания; создание новых понятий и теорий, ряда абстракций и идеализации, воображаемых и условных элементов, посредством которых и осуществляется отражение. Цель познания — адекватное отражение мира; путь к нему — творческая активность познающего субъекта [2, с. 188–189], [3, с. 150–151, 188]. В современной гносеологии

познание — процесс получения человеком нового знания, открытие неизвестного ранее [4, с. 70]. Аналогичное понимание сложилось и в других отраслях наук, изучающих особенности человеческого познания и формирования знания [5, с. 8–18].

Знание рассматривается как продукт общественной и духовной деятельности людей; идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природного и человеческого; субъективный образ объективного мира [6, с. 146].

Как видим, с философской и лингвистической точек зрения эти термины не синонимичны, хотя их содержание частично совпадает. На наш взгляд, наиболее приемлемым в юридической литературе является употребление термина «знания». Такого же мнения придерживаются Т. В. Сахнова [7, с. 10] и В. Г. Стаценко [8, с. 21], что совокупность знаний более точно отражает термин «знание», тогда как познанием охватывается сам процесс достижения знания.

Специальные познания, как пишет А. В. Гусев, «... являются неотделимым качеством конкретной личности, а «специальные знания» — это продукт систематизации и обобщения совокупных умений и навыков определенного вида деятельности...» [9, с. 23].

По мнению П. М. Филиппова и А. А. Мохова, знание — понятие более широкое, чем познание. Знание не связано непосредственно с конкретным носителем, это объем накопленных сведений о фактах действительности или статистическое знание в отличие от познания как способа применения знаний конкретной личности. Поэтому им представляется целесообразным использование термина «специальные знания» [10, с. 50–55].

Однако данную позицию разделяют не все ученые. Некоторые авторы считают, что термин «познание» является обобщающим для всех структурных элементов системы того знания, которым обладает сведущее лицо в уголовном процессе.

Так, И. Н. Сорокотягин считает, что специальные познания — это не только совокупность современных знаний, полученных в результате специальной подготовки, но и навыки и умения [11, с. 7].

А. М. Ильина утверждает, что «в уголовном процессе правильнее употреблять термин «специальные познания», а не «специальные знания», поскольку специальные познания по своему объему шире и включают в себя собственно знания, навыки и умения» [12, с. 21].

В. И. Шиканов указывает, что специальные познания включают в себя два элемента — знания и практический опыт [13, с. 4].

Е. В. Селина также придерживается точки зрения о предпочтительном употреблении термина «познание», аргументируя ее тем, что он более точный, охватывающий знания, умения, навыки [14, с. 7].

По мнению Е. А. Зайцевой, понятие «познания» носит в большей степени субъективный характер, ведь «познания — это совокупность знаний, усвоенных ка-

ким-либо субъектом, опосредованных им, пропущенных им через свое сознание, вовлеченных им в орбиту своей практической деятельности» [15, с. 21].

Следует отметить, что при определении понятия «специальные познания» большинство авторов определяют его в первую очередь как обобщающее понятие, включающее в себя специальные знания, специальные навыки и умения, также практический опыт.

В. Д. Арсеньев и В. Г. Заблоцкий, на наш взгляд, дают наиболее точное разграничение исследуемых понятий: специальные знания — это система сведений, «полученных в результате научной и практической деятельности в определенных отраслях и зафиксированных в научной литературе, методических пособиях, наставлениях, инструкциях и т. п.»; специальные познания — это «знания, полученные соответствующими лицами в результате теоретического и практического обучения определенному виду деятельности, при котором они приобрели также необходимые навыки ее осуществления» [16, с. 4].

Необходимо отметить, что анализ законодательства свидетельствует о том, что УПК предусматривает наличие у лица знаний, при этом не имеется в виду процесс их получения.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что наиболее точным в уголовном судопроизводстве является употребление термина «специальные знания» и представляется необходимым исключить термин «познания» из понятийного аппарата науки уголовно-процессуального права в том контексте, в котором он используется. Поскольку: 1) совокупность знаний более точно отражается термином «знания», тогда как познанием охватывается процесс достижения знания; 2) двойственное понимание содержания термина «познание» исключает возможность точного уяснения сущности категории специальных знаний в уголовном процессе; 3) достаточная сложность в уяснении сути и содержания данной категории уголовно-процессуального права позволяет говорить о необходимости законодательного закрепления понятия «специальные знания» в уголовном судопроизводстве, а одновременное использование в тождественном значении двух различных по смыслу терминов: «специальные знания» и «специальные познания», усложняет эту задачу [17, с. 18].

Аналогичной точки зрения придерживаются и ряд других ученых [18, с. 38–39], [7, с. 10], [19, с. 11]. Законодатель должен применять в УПК и смежных нормативно-правовых актах единообразную терминологию с тем, чтобы не допускать возникновения подобных проблем. Большинство исследователей уже неоднократно указывали на целесообразность замены в редакции статьи 80 УПК РФ термина «специальные познания» термином «специальные знания». Мы так же придерживаемся точки зрения о необходимости использовании в уголовно-процессуальном законе единого термина.

Литература:

1. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
2. Коршунов, А. М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
3. Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. М., 1986.
4. Смирнов, И. Н., Титов В. Ф. Философия. М., 1998.
5. Ломов, Б. Ф. Когнитивные процессы как процессы психического отражения // Когнитивная психология: материалы фин. — сов. симп. М., 1986.
6. Философский словарь. М., 1991.
7. Сахнова, Т. В. Судебная экспертиза. М., 1999.
8. Стаценко, В. Г. Проблемы нормативного регулирования использования специальных познаний в уголовном процессе // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий: Материалы межведомственной научн. — практич. конференции. В 3 ч. Ч. 1 — Саратов: СЮИ МВД России. 2002.
9. Гусев, А. В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
10. Филиппов, П. М., Мохов А. А. Использование специальных знаний в судопроизводстве России / под ред. доц. Н. И. Авдеенко. Волгоград, 2003.
11. Сорокотягин, И. Н. Системно-структурная характеристика специальных познаний и формы их использования в борьбе с преступностью. // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. Свердловск, 1983.
12. Ильина, А. М. Обязательное использование специальных познаний в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
13. Шиканов, В. И. Использование специальных познаний при расследовании убийств. Иркутск, 1976.
14. Селина, Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002.
15. Зайцева, Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
16. Арсеньев, В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
17. Трапезникова, И. И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
18. Махов, В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
19. Якубов, Р. С. Вопросы использования специальных экономических знаний при расследовании налоговых преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.

Особенности доказывания мотивов преступления

Порсев Андрей Геннадьевич, студент
Томский государственный университет

В литературе есть множество определений термина «мотив», но в большинстве своем авторы рассматривают данный термин исключительно как побуждение. Наиболее точное определение данного термина дал Брайнин, который утверждал, что мотив преступления «есть чувство (переживание), превратившееся в стимул к виновному поведению» [2].

Мотив как выше уже было определено представляет собой состояние и при этом может длиться продолжительный период времени. Вследствие наличия такой его особенности считается, что «важно установить систему нарушений закона» [1], т.к. мотив, как правило, проявляется многократно, что особенно характерно таким мотивам как корысть или карьеризм. «При установлении системы нарушений не будет возникать проблем с квалификацией содеянного ... если установлен лишь один эпизод

преступной деятельности... важное значение для квалификации преступления будет иметь тщательное изучение его личности, стаж работы в занимаемой должности, а также полномочий и обязанностей» [1].

Ввиду особенностей мотива, как внутренней психической составляющей, возникает необходимость в применении особых знаний и методов расследования преступления. Так, например, автор указывает, что «экстремистский характер мотива совершения общественно опасного деяния необходимо устанавливать при расследовании преступления, в том числе с привлечением соответствующих специалистов» [5], к сожалению, он не конкретизирует каких именно специалистов необходимо привлекать. Представляется, что в первую очередь необходимо привлекать специалистов в области психологии, т.к. «психология является наукой, изучающей психику

человека... поведение и законопослушного гражданина, и преступника формируется и определяется деятельностью центральной нервной системы, обход которой представляется невозможным. Поэтому подходы к раскрытию и управлению поведением человека необходимо искать в его внутреннем мире, и без данных психологии как общей науки о поведении человека нам не обойтись» [6].

Привлечение же психиатров возможно, но не в целях установления мотивов преступной деятельности, а в целях установления наличия или отсутствия заболевания, влияющего на вменяемость лица в момент совершения преступления.

Привлечение же профессионалов-психологов позволит не только полнее установить наличие или отсутствие преступного мотива, но также и помочь в расследовании преступления: «При расследовании данных преступлений вопрос о привлечении специалистов-психологов к производству отдельных следственных действий (осмотр места происшествия, осмотр предметов и одежды, допрос и пр.), а не только судебной экспертизы должен быть пересмотрен в сторону более активного их участия в расследовании. Специалист, специализирующийся на изучении деятельности неформальных групп (движений), их психологии, пропагандируемой идеологии, символики, атрибутики, сможет во многом оказать содействие следователю в обнаружении, фиксации и исследовании криминалистически значимой информации. Речь может идти об установлении признаков, свидетельствующих о мотиве национальной ненависти или вражды, о лицах, причастных к совершению данного преступления, и пр». [7].

В одном из исследований [7] были определены причины того, что психологи не привлекаются к расследованию преступления:

1. 52% респондентов отвечают, что такая необходимость не возникает;
2. 69% респондентов отвечают, что у них отсутствует такое подразделение, а привлечение специалистов из других структур или организаций влечет использование дополнительных средств, которые не заложены в бюджет ОВД.

Привлечение специалиста-психолога является лишь организационным вопросом, и он вполне может быть решен самим следователем при наличии его желания, но правосознание и отсутствие желания следователя заниматься дополнительными организационными вопросами приводит к тому, что фактически психолог не привлекается. Этим же автором было проведено еще одно исследование, где он указал следующее: «Из изученного нами 231 уголовного дела участие специалиста-психолога в осмотре места происшествия с целью получения первичной информации о причастности к совершению преступления какой-либо неформальной группы не было выявлено ни разу» [7].

Таким образом, при расследовании преступлений и установлении мотива важным следственным действием является назначение судебно-психологической экспер-

тизы, которую следователи, как правило, недооценивают. Без дачи квалифицированного ответа на вопрос о наличии преступной мотивации у обвиняемого нельзя говорить о том, что наличие мотива является доказанным, как нельзя говорить о том, что лицо невменяемо без наличия заключения соответствующего эксперта — в противном случае это влечет произвол, на данном этапе развития правовой мысли не происходит доказывания или установление мотива, а происходит его предположение следователем на основании имеющихся доказательств.

Следует отметить, что мотив представляет собой внутреннюю психическую характеристику конкретного лица, индивидуума с собственной системой ценностей, собственным характером, историей жизни и психическим состоянием. В результате при расследовании преступления нельзя оперировать собственной системой ценностей, нужно учитывать особенности подозреваемого, обвиняемого. «Вполне понятно, что в ходе расследования, в особенности тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, не всегда можно усмотреть объективные причины насильственных действий. Однако внутренние причины, основанные на субъективной системе ценностей лица, совершившего преступление, в каждом из случаев оказываются достаточными. Другое дело, что эта «внутренняя шкала» является до такой степени загадочной штукой, что иногда на ней ценность бутылки спиртного может превысить все, включая человеческую жизнь» [3].

Соответственно, не следует при расследовании преступления также оперировать общепринятыми установками о том, что отдельные виды преступлений всегда совершаются по определенным мотивам (например, кража на основании корыстного мотива, а изнасилование на основании сексуального мотива), потому как вполне могут возникать ситуации, когда такие преступления совершены и на основании или в совокупности с другими мотивами. Изменение такой установки влечет не только расширение кругозора, но также и позволяет разрабатывать особые следственные версии, которые не характерны для данного вида преступлений.

Оперирование установками может повлечь привлечение к ответственности лица, невиновного в совершении преступления. Так на практике иногда возникают ситуации, когда на месте преступления застигнуто лицо, затем это лицо признается в совершении преступления, но не может указать на мотив совершения преступления. Впоследствии правоохранительные органы находят какую-то чисто формальную причину, например, ссору, которая произошла много месяцев или лет назад и указывают, что лицо совершило преступление из личной неприязни, ведь безмотивных преступлений не бывает, а потому вместо реального мотива устанавливается фиктивный (номинальный) мотив. В действительности в такой ситуации могли быть самые разные варианты событий от невменяемости обвиняемого до попытки спасти близкого человека от уголовной ответственности. В результате «доля приго-

воров и кассационных определений, отмененных или измененных из-за неустановления или неверной оценки мотива и цели преступления, составляет 14 % общего числа отмененных или измененных судебных решений по уголовным делам» [4].

Ввиду всего вышесказанного следует отметить следующие тезисы:

1. Мотив, как правило, характерен совершенному преступлению — кражи совершаются из корыстных побуждений, а убийства из неприязни или той же корысти;

2. Могут возникнуть ситуации, когда мотив не характерен совершенному преступлению — в таком случае необходимо разрабатывать особенные следственные версии, не характерные для данного вида преступлений, а не попытки «привязать» объективные факторы и «придумать» на их основе мотив;

3. При установлении мотива необходимо поставить себя на место обвиняемого, в противном случае можно

упустить действительно виновное лицо либо установить мотив неверно или неполным образом;

4. Доказывание мотива не может строиться на предположениях, необходимы факты, а лучше система фактов, доказывающих наличие соответствующего мотива;

5. Установление мотива не может быть осуществлено без привлечения специалистов, в частности, психологов — в противном случае следует считать совокупность доказательств недостаточной;

6. Необходимо учитывать, что и сам обвиняемый не всегда может определить мотив совершения преступления, т.к. мотив носит глубоко психологический характер и может взаимодействовать с другими мотивами, образуя полимотивацию. Соответственно, при расследовании преступления необходимо учитывать, что мотивов может быть несколько и опровержение одного мотива в отношении подозреваемого не означает, что у него не имелось иных мотивов для совершения преступления.

Литература:

1. Белокосков, С. Мотив как обязательный признак преступления, предусмотренного ст. 285 УК. Законность. 2006. N7
2. Брайнин, Я. М. Основания уголовной ответственности: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Харьков, 1963. с. 17.
3. Бубон, К. В. Размышления о мотиве преступления и об истине как конечной цели правосудия. Адвокат. 2009. N 1
4. Капинус, О. С. Убийства: мотивы и цели. М., 2004. с. 59—60.
5. Кашепов, В. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. N 3. с. 33.
6. Петин, И. А. Мотив и цель как сущностные критерии поведения индивида и вменения преступного вреда. Российский следователь. 2008. N 6
7. Шлегель, О. В. Значение судебных экспертиз при расследовании преступлений против личности, совершаемых по мотиву национальной ненависти или вражды. Эксперт-криминалист. 2008. N 3

Некоторые аспекты реализации негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан

Сагинбеков Курманбек Сагинбекович, кандидат юридических наук, доцент;
Саткей Талгат Бейсенбиулы, магистр юридических наук, преподаватель;
Жунисалиев Айдынғали Темиргалиевич, магистр, преподаватель
Таразский государственный университет имени М.Х. Дулати (Республика Казахстан)

В статье рассмотрены особенности реализации негласных следственных действий в нововведенном уголовно-процессуальном правовом законодательстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: следственные действия, допрос (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, понятого), очная ставка, обыск, выемка, осмотр, оперативно-розыскная деятельность, государственные секреты.

В Концепции правовой политики на период с 2010 до 2020 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан 24 августа 2009 года № 858, указано, что поскольку уголовная политика является одним из направлений правовой политики, ее совершенствование должно осуществляться путем совместной комплексной,

взаимосвязанной коррекции уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права и иных законодательных актов [1].

Как нам известно, уголовная политика государства определяет основные направления и формы контроля над преступностью, нормы, методы, задачи и содержание де-

тельности органов государства, уполномоченных вести борьбу с преступными посягательствами. Так как, задачами уголовного процесса являются пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений [2].

Политика государства в области раскрытия преступления определяет цели и принципы, стратегию и направления, формы и методы деятельности государства в сфере уголовного процесса. А предметом правового регулирования уголовно-процессуального права является возбуждение, расследование, рассмотрение и разрешение судами уголовных дел, а также исполнение приговора.

Однако, утративший силу Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года, за время действия, как показывает научные исследования изменения и дополнение вносились неоднократно.

Необходимость модернизации современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства продиктована новым этапом конституционного строительства. 21 мая 2007 года принят Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан», которым провозглашены принципиально важные для страны новеллы. При этом в основном сохранились параметры казахстанской модели государственного устройства, выдержавшей проверку временем.

Но вместе с тем фундаментальные изменения, в процессе глобализации, а также внутренняя динамика развития страны не позволяют останавливаться на достигнутом. В целях обеспечения соответствия национального права новым вызовам времени необходимо дальнейшее совершенствование нормотворческой и правоприменительной деятельности государства

Как нам известно, подписанный Главой государства Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым в июля текущего года новый Уголовно-процессуальный кодексы Республики Казахстан, которые вступил в действие с 1-го января 2015 года, в полной мере соответствует положениям Концепции правовой политики на 2010–2020 годы, предусматривающей совершенствование уголовной политики путем комплексной, взаимосвязанной коррекции уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Новый формат уголовно-процессуального законодательства в соответствии с новыми вызовами жизни, направлен на защиту прав и свобод человека и гражданина, общества, а также обеспечение национальной безопасности.

Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан от 4 июля 2014 года введен новый институт — негласные следственные действия. Законодателем в статье 231 УПК РК определены виды негласных следственных действий, а именно;

1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;

2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;

3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;

5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;

6) негласные проникновение и (или) обследование места;

7) негласное наблюдение за лицом или местом;

8) негласная контролируемая поставка;

9) негласный контрольный закуп;

10) негласное внедрение и (или) имитация преступной деятельности.

А условия и основания проведения негласных следственных действий обозначено в статье 232 УПК РК, где негласные следственные действия производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают.

Безусловно, совершенствование институтов уголовного производства является актуальный и своевременный процесс, обусловленный велением времени в целях решение задач уголовного процесса.

Общезвестно, что основоположники в уголовного процессе заложили «фундамент» следственных действий, а именно: допрос (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, понятого), очная ставка, обыск, выемка, осмотр, освидетельствование, контроль и запись телефонных и иных переговоров, детализация звонков, освидетельствование, предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, назначение судебной экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования [3].

На наш взгляд, задача уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности законодательно соединились в рамках УПК РК. Необходимо подчеркнуть, что действующий закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Республики Казахстан регламентирует как гласные и негласные оперативно-розыскные мероприятия, где отличительной особенностью оперативно-розыскной деятельности является ее разведывательно-поисковый характер, направленный на добывание информации в целях решения задач ОРД а именно в ст. 2 Закона:

— защита жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов граждан и собственности (независимо от форм) от противоправных посягательств;

— содействие в обеспечении безопасности общества, государства и укреплении его экономического потенциала и обороноспособности;

— выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений;

— осуществление мер по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, без вести пропавших граждан и иных лиц в случаях, предусмотренных законом;

— выявление, предупреждение и пресечение разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств и международных организаций;

— обеспечение безопасности Президента Республики Казахстан и других охраняемых лиц;

— обеспечение охраны государственной границы;

— обеспечение сохранности сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну; содействие предприятиям, учреждениям и организациям (независимо от форм собственности) в защите коммерческой тайны;

— поддержание режима, установленного уголовно-исполнительным законодательством, в местах лишения свободы;

— обеспечение безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [4].

Отметим, что негласные оперативные мероприятия тщательно скрываются, или маскируются таким образом, чтобы лицо, в отношении которого они проводятся, не догадалось об истинных их целях.

На наш взгляд, в целях завершения очередного этапа реализации основных направлений развития уголов-

но-процессуального кодекса, необходимо модернизация Закона Республики Казахстан от 15 марта 1999 года № 349-І

«О государственных секретах», а именно название статьи 14. «Сведения в области разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной и иной деятельности, относимые к государственным секретам Республики Казахстан» дополнить словами «сведения в области негласных следственных действий», а под пункт 15) сведения, раскрывающие силы, средства и методы ведения следствия по уголовным делам, затрагивающим интересы безопасности Республики Казахстан, дополнить «словами негласной следственных действий».

Именно такой подход на наш взгляд будет соответствовать к предъявляемым требованиям по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, на наш взгляд важнейшим звеном правовой политики государства является уголовная политика, совершенствование которой осуществляется путем комплексной, взаимосвязанной коррекции уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также правоприменения. Оценивая современное состояние принятого уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, можно констатировать его поступательное развитие. Так как, в правоприменительной практике иногда возникают ситуации, когда спорное отношение имеет правовой характер, входит в сферу правового регулирования

Литература:

1. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года»: Указ Президента Республики Казахстан // www.akorda.kz/ru/
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Астана, Акорда, 4 июля 2014 года, № 231-V ЗРК
3. www.ru.wikipedia.org, \.
4. Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ Об оперативно-розыскной деятельности (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.11.2014 г.)

Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость, и психическими расстройствами, наступившими после совершения преступления

Трошина Олеся Николаевна, студент

Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар)

Ст. 22 уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость. В этой статье закрепляется как уголовная ответственность, так и наказание лиц, в том числе и назначение принудительных мер медицинского характера. То есть мы говорим о том, что лицо, у которого есть психическое расстройство **подлежит и уголовной ответственности, и уголовному наказанию.**

В соответствии с ч.1 ст. 81 «лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими, освобождается от наказания, а лицо, отбывающее наказание, освобождается от дальнейшего его отбывания. Таким лицам суд может назначить принудительные меры медицинского ха-

рактера». В этой статье речь идет об **освобождении лица от наказания, но не от уголовной ответственности**.

Уголовная ответственность наступает в каждом случае совершения определенным лицом или определенными лицами общественно опасного деяния, запрещенного уголовным кодексом РФ, а наказание, его вид определяется судом в каждом конкретном случае и в отдельном уголовном процессе по рассмотрению уголовного дела. В случае с лицами, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления до вынесения приговора, уголовное наказание отсутствует вовсе. Судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

Нести уголовную ответственность за совершенное общественно опасное деяние и тем самым быть субъектом преступления могут лишь вменяемые лица, т.е. обладающие сознанием и волей. В соответствии со ст 19 УК РФ уголовной ответственности подлежат только вменяемые физические лица, достигшие возраста, с которого наступает уголовная ответственность. В ряде преступлений 14 лет (убийство, изнасилование, кража и т.д.), 16 лет или совершеннолетие. И только если соблюдены данные условия, лица способны сознавать содеянное ими и руководить своими действиями (бездействиями). Лица, лишенные такой способности, т.е. те, кто не осознает опасность совершенного ими деяния, а если и осознает, то не может руководить своими действиями (бездействиями), признаются невменяемыми и не подлежат уголовной ответственности. К ним могут быть применены только принудительные меры медицинского характера.

Для того, чтобы рассмотреть вопрос об уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемость и лиц, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления необходимо определить понятие термина «невменяемость», ее критериев, а также какие именно расстройства психики человека, какие психические аномалии рассматриваются в качестве основания освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания.

Понятие невменяемости раскрывается в ст. 21 УК РФ: «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер или общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики».

Понятие невменяемости складывается из двух критериев, совокупность которых и характеризует это состояние: юридического (психологического) и медицинского.

Юридический критерий определяется двумя признаками: интеллектуальным и волевым. Интеллектуальный признак предполагает невозможность (неспособность) лица осознавать опасность своего действия (бездействия). Это качество психики означает отсутствие у лица способ-

ности понимать как фактическую сторону совершаемого деяния, так и его социальный смысл. Непонимание содержания фактической стороны своего действия или бездействия обычно означает непониманием им причинной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями, не сознает, что лишает потерпевшего жизни, отнимает у него имущество и т.д. однако главное в содержании интеллектуального признака заключается в непонимании лицом социального смысла деяния, т.е. в отсутствии понимания его общественно опасного характера. В связи с этим вполне возможны случаи, когда лицо, сознавая фактическую сторону своего поведения, не осознает его общественной опасности. Так, страдающий определенным психическим заболеванием, например, шизофренией может осознавать, что лишает жизни человека, например, путевого рабочего, производившего осмотр или ремонт железнодорожного полотна, но воспаленное психической болезнью воображение субъекта связывает это не с совершением преступления, в данном случае убийства, а с предупреждением им, например, актом мнимого терроризма — крушение поезда. В связи с этим лицо считает свои действия выполнением им своего общественного долга, а не совершением преступления.

Другим признаком юридического критерия является волевой, т.е. неспособность лица руководить своими действиями (бездействием). Подобное бывает при некоторых видах болезненного расстройства психической деятельности. Например, расстройство волевой сферы при относительной способности осознавать общественную опасность своего действия (бездействия) наблюдается у наркоманов в состоянии абстиненции, т.е. наркотического голодания. В этих случаях лицо осознает уголовную противоправность, допустим, незаконного проникновения в аптеку и завладения лекарством, содержащим наркотические средства, но не может воздержаться от совершения этих действий. Подобное же расстройство волевой сферы возможно также при таких заболеваниях, как эпидемический энцефалит, эпилепсия и др. уголовный закон для признания наличия юридического критерия требует установления не обязательно обоих признаков, а хотя бы одного из них — либо интеллектуального, либо волевого.

Наличие одного лишь юридического критерия не является основанием для признания лица невменяемым. Необходимо установить, чтобы юридический критерий был следствием медицинского, чтобы лицо не сознавало опасности своего действия (бездействия) или не могло им руководить по причинам, относящимся к медицинскому критерию. Последний представляет собой обобщенный перечень психических расстройств и заболеваний, способность привести к наличию у лица психического юридического критерия. Это — хроническое психическое расстройство, слабоумие или иное болезненное состояние психики (ч.1 ст. 21 УК РФ).

Хроническое психическое расстройство представляет наличие у лица прогрессирующего психического заболевания, не поддающегося или трудно поддающегося изле-

чению. Болезнь может протекать и приступообразно, т.е. с улучшением или ухудшением психического состояния, однако всегда оставляет после себя стойкий психический дефект. К таким психическим заболеваниям относятся: шизофрения, эпилепсия, прогрессивный паралич, паранойя, маниакально-депрессивный психоз и другие болезни психики. Временное психическое расстройство — это психическое заболевание, продолжающееся тот или иной срок (относительно быстро) и заканчивающееся выздоровлением. Сюда относится: патологическое опьянение (белая горячка), реактивные симптоматические состояния, т.е. расстройства психики, вызванные тяжкими душевными потрясениями и переживаниями.

Слабоумие — это различного рода снижение или полный упадок психической деятельности, связанный с поражением интеллектуальных способностей человека. Слабоумие связано с понижением или потерей умственных способностей лица и является врожденным либо приобретенным в результате того или иного прогрессирующего психического заболевания. Различают три степени слабоумия: легкое (дебилность), среднее (имбицильность) и глубокая, тяжелая степень поражения умственной деятельности (идиотия).

Иное болезненное состояние психики — это те болезненные явления, которые не являются психическими заболеваниями в точном значении этого понятия, но тем не менее также сопровождаются нарушениями психики. Например, ни брюшной, ни сыпной тиф не являются заболеваниями психики. Однако и они могут сопровождаться помрачением сознания, галлюцинациями, во время которых у больного может быть снижена или даже нарушена способность к умственной или волевой деятельности. Подобной может наблюдаться и при травмах головного мозга, опухолях мозга и других в принципе непсихических заболеваниях.

Само по себе наличие медицинского критерия также не является достаточным для признания лица невменяемым. Например, не всегда та или иная степень слабоумия предполагает наличие юридического критерия. Если, допустим, слабоумие у лица не выражено столь значительно, чтобы оно не осознавало опасности своего поведения и не могло руководить своими поступками, такое слабоумное лицо может быть признано вменяемым в связи с отсутствием именно юридического критерия. Точно также возможны и случаи, когда лицо не осознает опасности своих действий (бездействий) и не может руководить ими вследствие, например, опьянения. Такое лицо не может быть признано невменяемым и освобождено от уголовной ответственности. Только совокупность юридического и медицинского критериев дает основание для признания лица невменяемым и не подлежащим уголовной ответственности.

Таким образом, вменяемость — предпосылка к конкретному виду юридической ответственности.

В соответствии с ч.1 ст. 81 УК РФ мы можем сделать вывод о наличии медицинского и юридического критериев. Но они не идентичны таким же критериям, указанным в ст.

21 УК РФ, определяющей формулу невменяемости, по своему содержанию. Медицинский критерий ч.1 ст. 81 отражает один признак: «Психическое расстройство», которое включает в себя все формы психической патологии. А юридический критерий определен по аналогии со ст. 21 УК РФ, как возможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Однако, при применении данной статьи речь идет не о вменяемости, так как лицо, заболевшее психическим заболеванием после совершения преступления, согласно ст. 21 УК РФ должно быть признано вменяемым, а о процессуальной дееспособности — способности обвиняемого по своему психическому состоянию участвовать в судебно-следственных действиях, т.е. в деятельности органов дознания, следствия, в судебном процессе и осуществлять самостоятельно свое право на защиту.

Психические расстройства, исключающие уголовно-процессуальную дееспособность обвиняемого. Согласно закону, лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими освобождается от наказания (ч.1 ст. 81 УК РФ).

В отличие от невменяемых, не подлежащих уголовной ответственности, лица, заболевшие глубоким психическим расстройством после совершения преступления, не подлежат наказанию. Деяние невменяемого не является преступлением, в связи с чем исключена и постановка вопроса об уголовно ответственности. Единственное ее основание — состав преступления. Лица, о которых идет речь в ст. 81 УК РФ, преступление совершили и ответственности подлежат. Но она не может быть реализована в наказании, которое в данном случае неприменимо по двум основаниям: во-первых, предварительное или судебное следствие (в зависимости от времени начала заболевания) без участия заболевшего, который занимает в деле процессуальное положение обвиняемого, не могут быть проведены, а дело не может быть окончено вынесением приговора (уголовно-процессуальное препятствие); во-вторых, само наказание нельзя ни назначить, ни исполнить по отношению к субъекту с глубоким психическим расстройством (уголовно-правовое препятствие).

В связи с этим содержащаяся в УК РФ формулировка юридического критерия психического расстройства, призванная определить его глубину (тяжесть), представляется не слишком удачной. Так как в рассматриваемом случае суть дела не в том, что расстройство не позволяет обвиняемому осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими. Раз преступление было совершено во вменяемом состоянии, то данный субъект не был лишен указанной способности. Но возникшее после этого психическое расстройство не позволяет ему самостоятельно участвовать в судопроизводстве. Он не может в силу болезни адекватно воспринимать имеющие значение для

дела обстоятельства, понимать сущность своих процессуальных прав и обязанностей, совершать действия, в которых реализуются его права. Так, обвиняемый с глубоким психическим расстройством неспособен правильно понять суть предъявленного обвинения и значение обо-

сновывающих его доказательств, он не в состоянии, защищая свои права, представить свои доказательства, заявить ходатайства, принести жалобу и пр. иными словами, психическое расстройство делает обвиняемого процессуально недееспособным.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ
2. Дмитриева, А. С., Клименко Т. В., Судебная психиатрия, Москва, 1998
3. Колосова, В. И., Поднебесный А. Н. Проблема уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в современном уголовном праве России.
4. Еникеев, М. И. Общая и юридическая психология. Часть 1. Общая психология: учебник. Москва: Юрид.лит., 1996.

Роль страданий в преступном поведении

Чернова Наталья Александровна, аспирант
Самарский государственный университет

Ю.М. Антонян: «Страдание вырывает личность из не замечаемой ей серой повседневности, указывает ей на ценность счастья и благополучия, делается средством духовного и нравственного очищения, интеллектуального, художественного и эмоционального развития, в конечном счете познания себя и окружающего мира» [1, с. 27].

В юридической литературе в первую очередь вспоминают страдания жертв преступления, что вполне оправдано. Вместе с тем важно понять роль страданий в поведении лица, совершающего преступление.

Человек, испытывающий страдания, чувствует грусть и печаль. Ему кажется, что весь мир ополчился на него и самые близкие люди отвернулись и не замечают его состояния. Человек перестает испытывать приятные эмоции или же они притупляются. Все заслоняет собой страдание, заполняя всю жизнь. Уходят стремления, наступает апатия, безразличие к успехам и неудачам. Профессиональная деятельность вызывает раздражение, не приносит удовлетворения, снижается активность, трудоспособность и интерес. В подобном состоянии лицо впадает в отчаяние и может совершить поступки, не отвечающие социальным установкам, даже преступление.

Страдания в психологии рассматриваются в качестве одной из важнейших эмоций для человека. С точки зрения биологического выживания они сигнализируют о «проблемах», о том, что какие-то потребности не полностью удовлетворяются. Следовательно, они дают толчок к действию с целью исправления ситуации или корректировке запросов.

Страдания — это чувства, эмоциональное состояние человека в виде отрицательных переживаний, возникающих под воздействием травмирующих его психику, здо-

ровые событий, глубоко затрагивающих его личностные структуры, настроение, самочувствие и другие ценности [2, с. 225].

Страдания порождаются социальной действительностью, но недопустимо видеть причины таких чувств только в недостатках общественного устройства. Они представляют собой столь сложное явление, что их изучение в качестве научного объекта крайне тяжело.

Человеку свойственно видеть причины своих страданий во внешней действительности. Это некий защитный механизм, позволяющий сохранить подобие состояния внутреннего равновесия. Страдание может возникнуть как реакция на острую аномию, включая резкий разрыв с привычной и признанной нормативной структурой и установившимися социальными отношениями (например, в семье или на работе), особенно когда попавшие в новые условия люди считают, что их состояние будет продолжаться неопределенно долго [1, с. 33].

Стоит отметить, что одни и те же явления могут порождать страдания у одних людей и оставаться нейтральными для других. Во многом данное обстоятельство определяется устойчивостью психики, господствующими установками личности, темпераментом и особенностями характера.

Ю.М. Антонян в своей книге «Страдание и его роль в культуре» предложил выделять следующие типы страданий:

- связанные с религиозными переживаниями, духовными поисками;
- вызванные муками совести, раскаянием, покаянием;
- порожденные межличностными или межгрупповыми отношениями, в том числе конфликтами;
- в связи с недугами, болезнями, инвалидностью, старостью;
- вследствие социальной несправедливости, преследований, гонений, пыток;
- в результате совершенного преступления, чаще всего насильственного;
- из-за войны и военных действий, всех связанных с ними ситуаций;
- определяемые бедностью, материальной необеспеченностью;
- в виде страха смерти [1, с. 36].

В юридической практике страдание рассматривается в числе понятий гражданского права — моральный вред. Согласно уголовному закону страдания могут быть учтены как обстоятельство, имеющее уголовно-правовое значение: при назначении наказания (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ «совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего»), либо при квалификации преступления (например, п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ «убийство, совершенное с особой жестокостью», п. «б» ч. ст. 111 УК РФ «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего» и т.д.).

Моральный вред (ст. 151 Гражданского кодекса РФ) подразумевает наличие физических и нравственных страданий, причиненных действиями (бездействием), посягающими на нематериальные блага граждан или его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года № 10 (ред. от 6 февраля 2007 года) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» моральный вред — это «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина».

В уголовном праве причинение физических или психических страданий жертве преступления рассматривается в качестве:

- критерия установления обстоятельства,отягчающего ответственность (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ «совер-

шение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего»);

- конструктивного признака состава истязания, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РФ;

- критерия установления квалифицирующего признака состава преступления — особая жестокость (например, в п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ говорится об убийстве, совершенном с особой жестокостью).

В п. 8 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» дается следующее разъяснение: «... признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.).»... Речь здесь идет о причинении физических страданий.

После преступное поведение лица, даже если свидетельствует об изменении его чувств к потерпевшему, не может быть основанием для исключения из обвинения признака совершения преступления с особой жестокостью. Например, после ссоры с потерпевшей И. взял бутылку, заведомо зная, что в ней содержится легковоспалающаяся жидкость (не менее 400 мл), полил разные участки тела Л., а также одеяло, которым она была укрыта. И. поджег потерпевшую Л., после чего предпринял попытки к её спасению, тем не менее вследствие несовместимых с жизнью телесных повреждений Л. погибла.

Действия И. квалифицированы судом по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное с особой жестокостью.

В кассационной жалобе осужденный И. просил об изменении приговора. По мнению осужденного, в деле не содержится достаточных доказательств, подтверждающих у него наличие умысла именно на убийство потерпевшей с особой жестокостью. Он не желал смерти потерпевшей и поэтому принял все необходимые меры к ее спасению. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор суда без изменения, а кассационные жалобы и кассационное представление — без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим: используя зажигалку в качестве источника открытого огня, И. действовал умышленно, с особой жестокостью, выразившейся в сожжении потерпевшей заживо, причинении ей особых мучений и страданий. Данное обстоятельство И., безусловно, признавал. В результате действий осужденного потерпевшая, согласно выводам судебно-медицинского эксперта, получила термические ожоги кожи головы, шеи, туловища, верхних и нижних конечностей 3–4-й степени площадью, составлявшей 50% поверхности тела, образовавшиеся от воздействия высоких

температур, пламени, сопровождавшиеся ожоговой болезнью. Зафиксированные на теле потерпевшей телесные повреждения отнесены к категории опасных для жизни и расценены как телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью и смерть Л.

Таким образом, характер действий осужденного, способ убийства Л., характер и локализация телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшей, свидетельствуют о наличии у И. умысла на убийство с особой жестокостью, поэтому квалификация его преступных действий по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ является правильной. Вызов И. скорой помощи и попытка затушить пламя на теле подожженной им потерпевшей, испытывавшей особые мучения и страдания, не могут являться основанием для переквалификации содеянного осужденным, но обоснованно были учтены судом как обстоятельства, смягчающие его наказание [6].

При квалификации преступления возможен учет причинения и психических страданий жертве. В указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ далее разъясняется, что «... особая жестокость может выражаться в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания». При этом стоит отметить, что в некоторых случаях причинении физических страданий менее болезненно для потерпевшего, чем страдания психические, справиться с которыми подчас довольно тяжело (иногда без помощи специалиста обойтись не представляется возможным).

Так, по приговору Красноярского краевого суда от 15 мая 2001 г. с. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Он признан виновным в убийстве с особой жестокостью и покушении на убийство двух лиц общеопасным способом, с особой жестокостью.

6 августа 2000 г. С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, произвел выстрел из двуствольного охотничьего гладкоствольного ружья 16 калибра, заряженного картечью, в П. в присутствии гражданской жены последнего — К., в результате чего П. было причинено огнестрельное дробовое ранение, от чего наступила его смерть. Перезарядить ружье ему не удалось, поскольку женщина оказала ему активное сопротивление.

По эпизоду убийства П. суд сделал обоснованный вывод о лишении жизни потерпевшего с особой жестокостью. По смыслу уголовного закона (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) понятие особой жестокости связывается не только со способом убийства, но и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении особой жестокости. Поэтому по эпизоду убийства П. установление судом факта причинения особых мучений и душевных страданий в ходе убийства не жертве преступления (П.), а близкому ему лицу (К.), присутствовавшей в момент совершения убийства на месте преступления, является достаточным основанием для квалификации действий с. по данному эпизоду по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ [4].

В ст. 117 УК РФ непосредственно говорится о страданиях — «причинении физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иным насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса»/

Факт причинения страданий устанавливается с учетом совокупности обстоятельств дела и не может быть опровергнут со ссылкой на специальную цель, например, цель воспитания. Так, с. осужден по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ, а также другим статьям УК РФ за совершение преступлений при следующих обстоятельствах.

С., зная о том, что его приемная дочь Г. (1995 года рождения) является несовершеннолетней, и пользуясь тем, что она в качестве члена семьи находится в материальной зависимости от него, также зависима от него в вопросах реализации своих прав и интересов, систематически наносил ей побои с целью причинения физических и нравственных страданий.

Так, в один из дней декабря 2009 г. он, обвинив Г. в том, что она умышленно не отвечала на его телефонные звонки, избил ее, нанеся ей кулаками не менее трех ударов в голову.

В один из дней июня 2010 г. он же избил Г., нанеся ей не менее двух ударов кулаком в живот, причинив физическую боль.

16 сентября 2010 г. он же нанес Г. сотовым телефоном удар по голове, причинив физическую боль.

22 сентября 2010 г. он же нанес Г. два удара кулаком в голову и один удар кулаком в живот, причинив ей физическую боль, ссадины и кровоподтек, не влекущие за собой расстройства здоровья.

В кассационной жалобе осужденный просил об отмене приговора в части осуждения по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ и прекращении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления, ссылаясь на то, что у него не было цели причинять физические страдания потерпевшей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 24 ноября 2011 г. приговор оставила без изменения, кассационную жалобу осужденного — без удовлетворения, указав следующее. Потерпевшая Г. показала, что на протяжении длительного периода времени по месту проживания ее отчим, осужденный С., пользуясь тем, что она находилась в материальной зависимости от него, под предлогом исполнения родительских обязанностей, в случаях, если она задерживалась на улице и не приходила вовремя домой, причинял ей физические страдания, нанося побои — удары руками в живот, голову и другие части тела, от чего у Г. на теле оставались синяки и ссадины. Отчим насильно ограничивал ее общение со сверстниками и близкими родственниками, свободное перемещение и посещение различных школьных мероприятий, контролировал ее связи и контакты. При этом применял физическое насилие в присутствии матери С., близких родственников и посторонних лиц.

Доводы осужденного о том, что у него не было умысла причинять физические страдания Г., а «отдельные подзатыльники» и «пощечины» причинил ей в воспитательных целях и они не были систематическими и не носили признаков истязания, необоснованны. Как установил суд, с. постоянно контролировал потерпевшую, избивал ее, наносил удары руками по лицу и кулаками в живот, что происходило систематически.

При таких обстоятельствах суд обоснованно квалифицировал действия осужденного в том числе по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ [5].

Выше сказанное позволяет сделать вывод, что страдания имеют не только психологическое значение, но и юридическое. В правовой действительности можно выделить 2 вида страданий:

- физические страдания;
- психические страдания (моральные или нравственные страдания).

Под физическими страданиями следует понимать причинение физической боли, истязаний, мучений, нанесение телесных повреждений, травм, увечий и т.д.

Нравственные страдания — это страдания человека, связанные с «... личностными, глубинными структурами, подвергающимися посягательствам, что вызывает у него сильную ответную эмоциональную реакцию в виде отрицательных переживаний» [3, с. 227].

Значительной по сложности проблемой является установление осознания виновным страданий, причиняемых им потерпевшему. Еще большую трудность представляет выявление и учет страданий самого лица, совершающего общественно опасные деяния (действия или бездействия). Могут ли страдания привести к совершению преступления и побудить человека преступить закон и мораль? Несомненно.

Лицо может совершить любое (в том числе и насильственное) действие в попытке избавиться от физического или психического страдания. Так, человек может совершить преступление против собственности (скажем, кражу), чтобы притупить чувство голода, а может причинить вред здоровью лицу, причиняющему ему страдания. В крайней ситуации лицо становится способно совершить убийство.

Конечно, в первую очередь вспоминается убийство, совершенное в состоянии аффекта, обязательным условием вменения которого являются:

во-первых, наличие особого эмоционального состояния — внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта);

во-вторых, противоправное или аморальное поведение самого потерпевшего, выраженное в насилии, издевательствах, тяжком оскорблении либо ином противоправном либо аморальном действии (бездействии) потерпевшего, а равно наличие длительной психотравмирующей ситуации. Все указанные действия (бездействие) причиняли физические или психические страдания лицу, совершившему указанное преступление.

Согласно уголовному закону, если убийство совершено в состоянии аффекта, уголовная ответственность значительно смягчается, по сравнению с ответственностью за убийство на общих основаниях. Необходимо выработать правовую позицию и в отношении смежного убийства: совершенного субъектом, не находящимся в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, лица, которое своим поведением спровоцировало ответную агрессивную реакцию.

В п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ сказано, что обстоятельством смягчающим наказание признается противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления.

Пример учета п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве смягчающего наказание обстоятельства из Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2013 г. № 321-П12: «К. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 17 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 139 УК РФ к 6 месяцам исправительных работ с отбыванием по месту работы с удержанием 20 % заработной платы в доход государства, в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений к 17 годам 1 месяцу лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

К. признан виновным в том, что 8 июля 2001 года, узнав от сестры Л., что ее изнасиловали братья А., из мести убил их.

В надзорной жалобе К. просит о пересмотре приговора, который считает чрезмерно суровым и несправедливым. Полагает, что при назначении наказания требования закона судом соблюдены не были. По делу установлено, что убийство братьев А. было совершено из-за того, что они изнасиловали его сестру, однако указанные обстоятельства не были признаны судом смягчающими, а учтены в качестве виктимного поведения потерпевших...

Рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного К. Президиум Верховного Суда РФ находит жалобу подлежащей частичному удовлетворению, а судебные решения — изменению на основании ч. 1 ст. 409, п. 3 ч. 1 ст. 379 УПК РФ в связи с неправильным применением уголовного закона.

Согласно требованиям ст. 6 УК РФ, наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания суд должен учитывать не только характер и степень общественной опасности преступления, но и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Однако наказание, назначенное К. по настоящему приговору, не соответствует в полной мере требованиям принципа справедливости и общим началам назначения наказания, поскольку судом не было признано наличие смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, — противоправности или аморальности

поведения потерпевшего, явившейся поводом для преступления.

Из содержания постановления следователя от 17 июля 2001 года следует, что в действиях А. А. и А. Н. имеются признаки преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ, но с учетом того, что данные лица по истечении 2 часов после изнасилования были убиты К., на основании п. 8 ст. 5 УПК РСФСР в возбуждении уголовного дела по заявлению Л. отказано.

Несмотря на установленные по делу обстоятельства, свидетельствующие о противоправности поведения потерпевших, при назначении наказания суд указал на отсутствие у К. смягчающих обстоятельств, однако сослался на виктимное поведение потерпевших.

С данным выводом суда согласиться нельзя, поскольку понятие виктимности подразумевает склонность лица стать жертвой преступления.

Однако из указанных выше обстоятельств следует, что поводом для совершения К. преступления в отношении

братьев А. явилось противоправное поведение потерпевших в отношении его сестры.

Указанное обстоятельство, предусмотрено п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, уменьшает степень общественной опасности содеянного К. и его личности, что следовало учесть суду при назначении наказания.

С учетом изложенного Президиум считает необходимым признать смягчающим наказания К. обстоятельством противоправное поведение потерпевших в отношении близкого родственника осужденного — его родной сестры и в целях обеспечения справедливости приговора смягчить ему наказание за каждое из преступлений, а также назначить более мягкое наказание по их совокупности.».. [7].

Можно заключить, страдание является эмоцией, уже признанной уголовным правом. Учету подлежат страдания не только жертвы преступных действий (бездействия), но и лица, совершившего общественно опасное деяние, поскольку это деяние может быть обусловлено попыткой избавления от данного разрушающего чувства.

Литература:

1. Антонян, Ю. М. Страдание и его роль в культуре // Норма: ИНФРА-М, М., 2013. 224 с.
2. Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2006. 640 с.
3. Романов, В. В. Юридическая психология: учебник для бакалавров / В. В. Романов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2012. 533 с.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. 2005.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2012.
6. Определение Верховного Суда РФ № 81—009—160 // Обзор судебной практики по уголовным делам ВС РФ за первый квартал 2010 г.
7. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70231208/#ixzz3LbUa4YJ1> (дата обращения 13.12.2014)

18. КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Навигационная информация как самостоятельная область экспертного исследования

Забавина Анна Юрьевна, майор полиции, адъюнкт
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

В статье представлена электронная информация как объект криминалистического судебно-экспертного исследования в области компьютерных технологий. Рассмотрены возможности исследования навигационной информации как криминалистического объекта исследования экспертизы навигационных систем, образующих подвид судебной компьютерной экспертизы.

Ключевые слова: информация, электронная информация, навигационная информация, объект навигационной экспертизы.

В настоящее время экспертиза может проводиться по любым не материальным объектам (аудиозапись, видеозапись, фотоскопия), однако четко нормативного регулирования в отношении того что же является объектом экспертизы навигационных систем не имеется.

Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 25.11.2013 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1] (далее — Закон об экспертизе) определяет, что объектами исследований являются вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза (ст. 10).

В первую очередь тут следует отметить, что закон не упоминает такой объект исследования как электронная информация. Безусловно, каждый из этих объектов несет в себе ту или иную информацию, которая, тем не менее, не может существовать отдельно от ее источника (документа, трупа и т.п.). Однако электронная информация обладает совершенно иными характеристиками и может быть с легкостью перенесена с одного источника на другой. Может ли она быть самостоятельным объектом экспертного исследования? Иначе говоря, что считать объектом экспертизы — навигатор (мобильный телефон, планшетный компьютер) или содержащуюся в нем информацию?

По мнению А.И. Усова, помимо вещественных доказательств в виде материальных предметов (компьютеров, сетей, периферийных устройств и пр.), объектами исследования могут являться и такие «не материальные» субстанции, как программные продукты и собственно информация в различных ее проявлениях, а не только носители информации [2. с.25, с.27]. Природа информации, по его мнению, носит двойственный характер. «С одной сто-

роны, сами сведения о событиях, явлениях, предметах и пр., естественно, носят нематериальный, виртуальный характер. Но они не могут существовать вне материальных носителей. Записанные в памяти компьютера или на каких-либо дисках, эти сообщения существуют в виде материальных зарядов, которые могут быть измерены и перенесены с одного объекта на другой. Вместе с тем, объектом экспертного исследования могут быть как носители — материальные объекты, так и сама информация — виртуальный объект. Причем в последнем случае эксперт отвлекается от материальной, предметной сущности носителя информации» [3. с.78–79].

П.В. Худяков, более детально подходя к классификации, выделяет три вида объектов СКЭ (Судебная компьютерная экспертиза):

- 1) аппаратные объекты (компьютеры, периферийные устройства, комплектующие и пр.);
- 2) программные объекты (операционная система, служебная информация и пр.);
- 3) информационные объекты (данные) [4. с.66].

Тем не менее, в научной литературе большинство авторов поддерживают точку зрения Р.С. Белкина, исходя из которой объектами судебной экспертизы могут быть лишь материальные объекты и процессы. Под родовым объектом понимают класс, категорию объектов, обладающих общими признаками, например огнестрельное оружие, документы. Конкретным называют определенный объект, подлежащий данному экспертному исследованию. Причем этим термином обозначается не абстрактное понятие, а «индивидуально-определенная вещь, как правило, вещественное доказательство по расследуемому или рассматриваемому в суде делу» [5. с.56].

По мнению же ряда исследователей, объекты экспертизы — это не информация, а ее источники — матери-

альные носители информации, подлежащие экспертному исследованию в целях установления сведений о фактах, входящих в круг задач судебной экспертизы и непосредственно связанных с расследуемым или рассматриваемым событием преступления [6 с.84–85].

Однако, на наш взгляд, более верна позиция А. Ш. Каганова, который полагает, что «объектом исследования при производстве криминалистических экспертиз видео- и звукозаписей является система, состоящая из источника информации в виде изображения и/или звука и материального носителя информации, на котором зафиксирован этот источник» [7 с.20]. Подобного же мнения придерживается и А. Е. Федюнин. [8 с.9]

Думается тот же подход можно применить и для исследования навигационной информации содержащейся в тех или иных технических устройствах. При этом полагаем, что само такое устройство может быть самостоятельным объектом экспертного исследования, например, при исследовании вопроса об исправности навигатора, а содержащаяся на нем информация таким самостоятельным объектом быть не может и должна исследоваться только в системной связи с ее источником. Более того, в случаях, когда речь идет о беспроводном механизме передачи информации (спутниковые системы, Wi-Fi, Bluetooth) его особенности также могут подлежать экспертному исследованию.

Таким образом, объект экспертного исследования экспертизы навигационных систем должен рассматриваться

в качестве сложной системы, элементами которой являются:

1) материальный носитель информации о факте (CD/DVD диск или флэш-карта/карта памяти с записанной на них изъятной информацией с навигатора и/или сам навигатор или пр. технические устройства, например, автомобильный видеорегистратор);

2) источник информации о факте (следы информации в базе данных, сама система базы данных);

3) механизм передачи информации от источника к носителю, т.е. отражающий и отражаемый компоненты, а также механизм их взаимодействия (т.к. на разрешение эксперта могут ставиться, например, вопросы, связанные с погрешностью самой навигационной системы в процессе приема-передачи информации) [9 с.22].

В целях же устранения законодательных пробелов и совершенствования механизма расследования преступлений с использованием спутниковых навигационных систем, полагаем что ст. 10 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» необходимо дополнить указанием на такой объект экспертного исследования как «информация в электронной форме и способ ее передачи, находящиеся в системной связи с исследуемыми предметами». А так же предложить внести дополнения в ст. 12 Проекта Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [10].

Литература:

1. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291; 2013. № 48. Ст. 6165.
2. Усов, А. И., Хатунцев Н. А., Эджубов Л. Г., Карпухина Е. С. Методы исследования в судебной компьютерно-технической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 3. с. 25.
3. Усов, А. И. Там же. с. 27.
4. Худяков, В. П. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: учеб. — метод. пособие. М.: ДГСК МВД России, 2011. с. 78–79.
5. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.. 1988. с. 66.
6. Орлов, Ю. К. Объект экспертного исследования // Труды ВНИИСЭ. 1974. № 4. с. 41; Мирский Д. Я. Некоторые теоретические вопросы классификации объектов судебной экспертизы, их свойств и признаков // Методология судебной экспертизы: Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ. М, 1986. с. 56.
7. Харченко, Д. А. Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. с. 1; Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979. С.8; Орлова В. Ф. Основы судебной экспертизы. Ч. 1. Общая теория. М., 1997. с. 84–85.
8. Каганов, А. Ш. Возможности и основы методики криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей // Адвокат. 2006. № 6. с. 20.
9. Федюнин, А. Е. Указ.соч. с. 9.
10. Каганов, А. Ш. Указ.соч. с. 22.
11. СПС «Консультант Плюс»

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Итоги разграничения пределов континентального шельфа между прикаспийскими государствами

Григоренко Дарья Сергеевна, студент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Ключевые слова: Каспийское море, Астраханский саммит, делимитация морских пространств, природные ресурсы, прикаспийские государства.

После раздела Персии (1907 г.) была заключена Англо-Российская конвенция по Афганистану, Персии и Тибету. Согласно этому договору южная часть Персии отошла Великобритании, а России отошла северная ее часть вместе с южным побережьем Каспийского моря. Территория между двумя этими зонами была объявлена нейтральной зоной.

Заключение этих и более поздних соглашений указывает на высокую значимость Каспийского региона, особенно для Российской империи, которая дипломатическими способами пыталась избежать военного присутствия флота Великобритании в Каспийском море. Расширение политико-географических границ являлось основной целью дипломатии того времени (XVIII—XIX вв.) [1].

Для Российской Федерации данный регион и в настоящее время представляет стратегический и экономический интерес, поскольку в Каспийском море идет активная добыча нефти и газа, осуществляются различные рыбные промыслы, развивается судоходство, а также присутствуют рекреационные ресурсы.

Распад СССР привел к появлению новых независимых государств. Это стало причиной существенной смены политической обстановки. Поскольку ранее отношения между государствами в этом регионе регулировались двусторонними договорами, то в настоящее время договоры носят многосторонний характер (Российская Федерация, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран), что порождает практическую невозможность прийти к консенсусу и, как следствие, к проблеме определения правового статуса.

Основной барьер на пути к достижению консенсуса по международно-правовому статусу Каспия заключается в определении его как моря или озера.

В случае признания Каспия морем к нему будут применяться нормы Конвенции ООН от 1982 года о морском праве, которая предоставляет возможность деления Каспийского моря на секторы по срединной линии, равно-

удаленной от берегов государств или деления с учетом трех основных зон влияния: территориальное море — 12 морских миль [2, ст. 56], зона эксклюзивных экономических интересов — 200 морских миль [2, ст. 76] и континентальный шельф [2, ст. 15]. Деление по срединной линии предусмотрено Конвенцией, если права, данные одному прибрежному государству (зоны влияния), в силу недостаточного объема водоема конфликтуют с аналогичными правами другого прибрежного государства.

Если рассматривать Каспий как озеро, следует обратить внимание на то, что некоторые пространства соленой воды (в частности слабосоленой, как в Каспийском море) исключены из сферы действия общих норм международного морского права. Это обусловлено их изолированностью от Мирового океана.

К числу этих водных пространств относится Каспийское море, которое географически считается озером. В таком случае все проливы в нем обретают международный правовой статус. Так, Волго-Донской и Волго-Балтийский каналы окажутся доступными для прохода всех судов и не останутся под государственным суверенитетом Российской Федерации, что крайне невыгодно для нее со стороны безопасности, экологии, а также экологического преимущества, которые приобретут Азербайджан и Казахстан, получив доступ в Черное море [3].

В качестве предполагаемых моделей решения проблемы возможно выделить следующие.

Во-первых, водные границы можно определить на основе общего раздела Каспия на пять равных частей по 20% каждая. Однако с такой концепцией не согласны Казахстан и Туркменистан, которые имеют самые протяженные водные границы по сравнению с Российской Федерацией, Ираном и Азербайджаном. В таком случае этим двум странам придется отказаться от части своей акватории [4].

Второй проект предусматривает возможность провести границы по принципу длины береговой линии прикаспийских государств. Ресурсы вне узкой прибрежной полосы

будут находиться в общем хозяйственном использовании. Согласно такому проекту открытое море за пределами континентального шельфа находится в совместном ведении прикаспийских государств. Препятствует реализации данной модели то, что из-за неровности береговой линии с ней не согласны Иран, Туркменистан и Азербайджан не могут прийти к общему мнению с Казахстаном и Российской Федерацией.

В-третьих, существует вариант общего использования водных границ на поверхности всеми пятью прикаспийскими государствами и раздела дна и недр на основе длины береговой линии. В пределах секторов стороны (секторальное деление) будут обладать исключительными правами на разведку и разработку природных ресурсов. Пользование Каспием в целях судоходства, рыболовства и сотрудничества в области экологии для сохранения водных биологических ресурсов будут осуществляться в специальных зонах, находящихся под национальными юрисдикциями. Против такой модели выступает Иран, который в обоснование своей позиции ссылается на неизбежное нарушение важнейший принцип справедливого разделения ресурсов и прибрежной зоны.

Этот подход представляется гибким и полезным, так как в наиболее полной мере отражает интересы прикаспийских государств. Основной задачей для разрешения проблемы разграничения Каспия максимальная гармонизация интересов всех государств.

Учитывая, что ресурсы «общей воды» Каспийского моря находятся вне государственного суверенитета и юрисдикции какого-либо прикаспийского государства, то все страны «пятерки» находятся изначально в равном положении. Водные ресурсы Каспия объединяет с трансграничными природными ресурсами нецелесообразность присвоения либо установления суверенитета над ними [5].

В то же время, если рационально использовать различия между модифицированной срединной линией и обычной («классической»), то возможно применить и второй подход. Основные отличия состоят в том, что модифицированная линия проводится на основе классической, но с отступлениями от нее в пользу той или иной стороны, с тем, чтобы с учетом целого комплекса обстоятельств справедливо поделить находящиеся в недрах морского дна природные ресурсы. Однако для такого отступления в интересах той или иной страны необходимо достижение соглашения на основе консенсуса.

В науке рассматривалась возможность создания наднационального совместного органа в рамках трансграничного регионализма для поддержания экологического правопорядка в Каспийском море. Так возможно создание многосторонней комиссии или иных организационных структур, предназначенных для осуществления сотрудничества между прибрежными государствами, сторонами соглашения [6].

Концепция создания надгосударственного органа была воспринята прикаспийскими государствами. В итоге была создана Комиссия по сохранению, рациональному исполь-

зованию водных биологических ресурсов и управлению их совместными запасами. Каждая Сторона назначает в Комиссию одного представителя и его заместителя. Представитель каждой Стороны имеет один голос. Каждого представителя на заседаниях Комиссии могут сопровождать эксперты. Для проведения заседания Комиссии необходимо присутствие представителей всех Сторон (ч. 2 ст. 10) [7].

Комиссия наделена широкими полномочиями, в частности, правом ежегодно определять общие допустимые уловы совместных водных биологических ресурсов и распределять их на национальные квоты; устанавливать критерии распределения общего допустимого улова совместных водных биологических ресурсов на национальные квоты; согласовывать объемы вылова национальной квоты осетровых видов рыб в случае ее передачи другой Стороне, осуществляющей их промысел в своих реках и др. (ст. 11) [8].

Режим Каспийского моря, в частности, установлен Соглашением между РФ и Казахстаном о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование 1998 г.; Соглашением между РФ и Азербайджаном о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря 2002 г.; Соглашением между РФ, Азербайджаном, Казахстаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря 2003 г. и другими документами.

Двустороннее регулирование статуса Каспия во многом способствовало принятию формированию принципа «делим дно, вода общая» в северном Каспии между Россией, Казахстаном и Азербайджаном. Существование этого принципа во многом облегчило достижение соглашения на Саммите прикаспийских государств. Единственной проблемой в определении статуса южного Каспия и его дна, в треугольнике Азербайджан — Иран — Туркменистан.

Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что большая часть акватории Каспия останется в общем пользовании сторон. «Благодаря всему этому теперь исключаются недоразумения или какая-то напряженность в межгосударственных отношениях, которые раньше могли появляться из-за разного толкования режима каспийских вод», — добавил российский президент [9].

По итогам переговоров прикаспийским государствам удалось выйти на достаточно точные формулировки по разграничению водных пространств, дна, недр. Достигнуты договоренности по режиму судоходства и рыболовства. Благодаря Саммиту урегулированы споры в межгосударственных отношениях, которые раньше могли появляться из-за различного и противоречивого толкования режима каспийских вод [10].

Следует отметить, что причина столь долгих переговоров напрямую связана с концепцией международного природоресурсного права. Природные ресурсы рассматриваются в качестве самостоятельного объекта пра-

вого регулирования. Международный Суд ООН указывал на существование концепции преференциальных прав на рыболовство в прилегающих водах в пользу прибрежного государства в случае наличия особой зависимости от прибрежных рыбных ресурсов. Преференции действуют в отношении других государств, заинтересованных в эксплуатации тех же рыбных ресурсов. На данном этапе на первый план вышла концепция исключительной экономической зоны [11].

Природные ресурсы (энергетические, продовольственные и сырьевые) неоднократно служили причиной для возникновения международных конфликтов.

Дефицит воды становится одной из глобальных проблем. «Нехватка доступа к стабильным поставкам воды достигает критических пропорций, и проблема ухудшится из-за быстрой урбанизации во всем мире и прироста примерно 1,2 миллиардов человек к мировому населению в мире в следующие 20 лет». На данный момент около 600 миллионов человек в 21 стране страдают из-за недо-

статочного водоснабжения; а к 2025, приблизительно 1,4 миллиарда человек в 36 странах окажутся перед лицом этой опасности [12].

Наиболее очевидная роль воды заключается в поддержании жизнеспособности, и как средства разрушения — проявляется в военных конфликтах. Лишение противника водоснабжения — гарант победы над ним. Для этого устраивают плотины и перегораживают реки, засыпают и травят колодцы и т.д. [13]. Именно поэтому Каспий важен со стратегической точки зрения для всех сторон соглашений, так как будет обеспечена безопасность всех пяти прикаспийских государств.

Близость подходов к решению ключевых вопросов каспийской повестки дня, включая выработку отвечающего современным реалиям правового статуса Каспийского моря, нашла отражение в подписанном президентами Заявлении. Зафиксированные в нем принципы деятельности будут учтены при согласовании текста Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [14].

Литература:

1. Кондаурова, В. «Вопрос о правовом статусе Каспийского моря: международное право ответа не дает». — с. 86// <http://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-pravovom-statuse-kaspiyskogo-morya-mezhdunarodnoe-pravo-otveta-ne-daet#ixzz3NspBrPdZ> // [Дата доступа: 04.01.2015]
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf
3. Кондаурова, В. «Вопрос о правовом статусе Каспийского моря: международное право ответа не дает». — с. 89// <http://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-pravovom-statuse-kaspiyskogo-morya-mezhdunarodnoe-pravo-otveta-ne-daet#ixzz3NspBrPdZ> // [Дата доступа: 04.01.2015]
4. Статья: «Астраханский саммит и ожидания прикаспийских государств»// <http://inosmi.ru/world/20140503/220007305.html> // [Дата доступа: 22.12.2014]
5. Вылегжанина, Е. Е., Панасенко Д. Н. «Развитие права трансграничного регионализма Каспийского моря» — с. 160–162.// <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-prava-transgranichnogo-regionalizma-kaspiyskogo-morya#ixzz3Nstq4rYu> // [Дата доступа: 04.01.2015]
6. ст. 1 п. 5. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Заключена в г. Хельсинки 17.03.1992) // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2014 г. № 1856-р г. Москва «О подписании Соглашения о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря»// <http://www.rg.ru/2014/09/23/kaspiy-site-dok.html>
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2014 г. № 1856-р г. Москва «О подписании Соглашения о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря»// <http://www.rg.ru/2014/09/23/kaspiy-site-dok.html>
9. Как делить Каспийское море// http://polit.ru/article/2014/09/30/kasp_sea/ // [Дата доступа: 04.01.2015]
10. Заявления глав государств — участников IV Каспийского саммита для прессы. Официальный сайт президента Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/transcripts/46689>
11. Вылегжанин, А. Н. (Александр Николаевич). Международно-правовые основы природоресурсной деятельности государств в Мировом океане: Унификация и гармонизация права: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук// <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1238134> // [Дата доступа: 29.12.2014]
12. Роль природных ресурсов в возникновении конфликтов, Журнал «Современные исследования социальных проблемы», 2012 г.// <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-prirodnih-resursov-v-vozniknovenii-konfliktov>
13. Белозеров, В. «Войны за воду» // <http://old.nationaldefense.ru/1739/1742/index.shtml?id=6357> // [Дата доступа: 04.01.2015]
14. Коммюнике Четвёртого каспийского саммита // http://news.kremlin.ru/ref_notes/4755

Актуальные проблемы международно-правового регулирования трансграничных пресноводных ресурсов на примере России и приграничных государств

Григорьев Антон Сергеевич, аспирант
Всероссийская академия внешней торговли (г. Москва)

В статье рассматриваются основы международно-правового регулирования трансграничных пресноводных ресурсов на примере России и приграничных государств. Подчеркивается значение пресной воды для России и всего человечества, а также необходимость её рационального использования.

Сегодня дефицит чистой питьевой воды является одной из серьёзнейших проблем стоящих перед человечеством. По данным Организации Объединённых Наций в «период с 1990 года почти 1,7 миллиарда человек получили доступ к безопасной питьевой воде. Тем не менее, 884 миллиона человек во всем мире по-прежнему не имеют доступа к безопасной питьевой воде. В среднем, ежедневно из-за предотвратимых заболеваний, связанных с водоснабжением и санитарией, умирают 5 000 детей» [1]. Под эгидой Организации Объединённых наций постоянно проводятся мероприятия направленные на привлечение внимания к проблемам нехватки питьевой воды и объединения усилий государств для преодоления водного кризиса. Так в 2003 году Генеральной Ассамблеей ООН 2005–2015 годы были объявлены международным десятилетием действий «Вода для жизни», а в декабре 2010 года резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН № 154, 2013 год был объявлен Международным годом водного сотрудничества. Данные мероприятия на международном уровне демонстрируют особую ценность воды как основы жизни и дают понимание того, на сколько важно совместное сотрудничество государств, в том числе и по разграничению трансграничных пресноводных ресурсов.

В настоящее время мировой рынок воды только формируется. Не трудно предположить, что Российская Федерация располагая внушительными водными ресурсами «полные запасы пресной воды в России составляют 97 тыс. кубических километров, а по суммарному поверхностному стоку рек Россия занимает второе место в Мире» [2] будет занимать устойчивые позиции на мировом рынке пресной воды. По данным журнала Global Water Intelligence ежегодный объем такого водного рынка может достигать 700 млрд. долларов. Опираясь данными прогнозами, следует предположить, что пресная вода в самом ближайшем будущем может стать основной статьёй экспорта для ряда государств. По словам директора института водных проблем РАН профессора Виктора Данилова-Данильяна: «Вода является стратегическим ресурсом для Российской экономики и я совершенно уверен в том, что если мы сумеем распорядиться по-хозяйски этим ресурсом, то именно водоёмкая продукция станет основным поставщиком валюты для страны через 15–20 лет» [3].

Для Российской Федерации сегодня актуальным вопросом, касающимся пресноводных ресурсов, является

проблема их разграничения с приграничными государствами и установления правового режима совместного использования. Так, одним из международно-правовых документов по правовому регулированию трансграничных вод является Конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр 1992 года [4]. В конвенции подчеркивается, что охрана и использование трансграничных водотоков и международных озёр являются важными и неотложными задачами, эффективное решение которых может быть обеспечено только путём тесного сотрудничества и укрепления национальных и международных мер по предотвращению, ограничению и сокращению выбросов опасных веществ в водную среду. Конвенция даёт определение трансграничных вод как любых поверхностных или подземных вод, которые обтекают, пересекают границы между двумя и более государствами или расположены в таких границах; в тех случаях, когда трансграничные воды выпадают непосредственно в море, пределы таких трансграничных вод ограничиваются прямой линией, пересекающей их устье между точками, расположенными на линии малой воды на их берегах.

Среди соседних государств участниками Конвенции наряду с Россией являются: Белоруссия, Азербайджан, Латвия, Литва, Казахстан, Норвегия, Финляндия, Туркменистан, Украина, Узбекистан и Эстония. Принципы, изложенные в Конвенции, лежат в основе целого ряда двусторонних соглашений по вопросам трансграничных вод заключённых Россией с приграничными государствами. К примеру, одним из государств, с которым Россия имеет довольно наработанную нормативно-правовую базу по вопросам охраны окружающей среды и правового регулирования пресноводных ресурсов, является Эстонская Республика, с которой Россия имеет 235,5 километров границ, проходящих по рекам и озёрам. Уже в 1997 году было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных вод от 20.08.1997 г. Стороны соглашения определили основной целью организацию сотрудничества в области охраны и рационального использования трансграничных вод и их экосистем в водах реки Нарва, включая Псков-

ско-Чудское озеро. Для достижения основной цели Россия и Эстония договорились о сотрудничестве в разработке нормативов и методов оценки и классификации качества вод, а также о принятии необходимых мер для предотвращения или сокращения поступления отравляющих веществ в водные объекты. Огромным вкладом в становление и развитие «зелёной» экономики стала договорённость двух государств о применении современных технологий рационального использования водных ресурсов, эффективных очистных сооружений и водосберегающих технологий производства.

Кроме того, с Эстонской Республикой заключены: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 11.01.1996 г., а также соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Эстонской республики о сотрудничестве в области сохранения и использования рыбных запасов в Чудском, Тёплом и Псковских озёрах от 04.05.1994 г. Основываясь на вышесказанном, уровень сотрудничества между Россией и Эстонией по вопросам правового регулирования пресноводных ресурсов и охраны окружающей среды можно охарактеризовать как высокий, но в то же время имеющий одну существенную проблему, выражающуюся в отсутствии действующего договора о государственной границе с Эстонской Республикой. Отсутствие договора о границе является не решённым вопросом для двух государств и при определённых условиях может свести на нет все достигнутые успехи в сфере правового регулирования пресноводных ресурсов и охраны окружающей среды. Проблемы неопределённости границ и территориальные споры в том числе по поводу пресноводных ресурсов сегодня не редкость. Учитывая стратегическую важность пресной воды для любого государства, споры такого рода в ближайшем будущем могут привести к конфликтным ситуациям.

Также к одной из актуальных проблем международно-правового регулирования пресноводных ресурсов России с приграничными государствами, относится устаревшая правовая база. С учётом глобализации экономики, изменения и ухудшения экологической обстановки следует предпринять усилия для существенного обновления договорных отношений с рядом государств по вопросам трансграничного использования вод, с целью совершенствования нормативно-правовой базы и международного экологического права в целом, а также перехода двустороннего сотрудничества государств на новый уровень соответствующий основным принципам устойчивого развития и построения «Зелёной экономики». Так примером обновления правовой базы может служить взаимодействие России и Финляндии, которое происходит и сегодня. «История взаимодействия в вопросах совместного управления водными ресурсами России с Финляндией является наиболее продолжительной и достаточно успешной. Первое соглашение в этой области заключено между Россией и Финляндией в 1947 г. и касалось регулирования

режима судоходства по озеру Инари, в 1954 г. и 1956 г. в рамках этого соглашения были подписаны дополнительные протоколы. Так как одна из рек, вытекающая из озера Инари, проходит по территории Финляндии, России и Норвегии, в 1959 г. подписано трехстороннее соглашение по использованию ее вод, которое действует и поныне. Соглашение с Финляндией о пограничных водных системах 1964 г., охватывает практически все водохозяйственные и экологические аспекты. Процессы региональной интеграции протекают в двух основных направлениях — межгосударственное сотрудничество и сотрудничество на уровне региональных (местных) властей.

Согласно Соглашению 1964 г. действует Двусторонняя комиссия (ДК), в которую входят представители водохозяйственных, экологических и рыбохозяйственных ведомств, МИД и пограничных служб Сторон.

ДК занимается вопросами регулирования режимов использования водных ресурсов системы озера Сайма — река Вуокса, загрязнения водных ресурсов и окружающей природной среды. Озеро Сайма в Финляндии соединено Сайменским каналом с Выборгским заливом, а река Вуокса — с Ладожским озером. На реке Вуокса построены 4 ГЭС (2 в Финляндии, 2 — в России). На берегах озера и реке расположены промышленные предприятия, преимущественно лесоперерабатывающие и металлургические, отходы которых загрязняют окружающую среду. Здесь актуальны такие проблемы, как борьба с подтоплением прибрежной зоны Ладожского озера при таянии снегов; обеспечение выработки электроэнергии и уменьшение загрязнения вод.

В процессе решения этих проблем возникали некоторые противоречия. Так, снижение уровня воды в озере требует холостых сбросов воды, а значит, приводит к уменьшению выработки электроэнергии на российских ГЭС. С другой стороны, в свое время на Светогорской ГЭС в России был повышен гребень плотины, что привело к снижению выработки электроэнергии на ГЭС Иматра в Финляндии. Соответственно, в 1972 г. заключено Соглашение «Об энергетическом использовании участка реки Вуокса между ГЭС Иматра и Светогорская», и был урегулирован вопрос компенсации электроэнергии (19.9 млн. кВтч) финской стороне в связи с повышением отметки верхнего бьефа на Светлогорской ЕЭС. В 1989 г. ДК разработала и утвердила правила регулирования вод системы озер Сайма (Финляндии) и реки Вуокса. При обеспечении паритета по вопросам использования воды удалось урегулировать наиболее острые проблемы. В частности, для поддержания качества воды было принято решение о его постоянном мониторинге на реках Вуокса и Селезневка и Сайменском канале. Параллельно строились очистные сооружения, внедрялись малоотходные технологии, сокращались сбросы загрязняющих веществ. В результате прослеживается тенденция сокращения объемов сбросов сточных вод и снижения нагрузки на водные объекты. До середины 1980 гг. актуаль-

ными были вопросы сплава леса (его ежегодный объем составлял от 200 тыс. до 800 тыс. м³). ДК занималась разработкой правил сплава, контролировала зачистку рек от его последствий. В настоящее время сплав леса прекращен» [5]. Также следует отметить успешное сотрудничество России, Финляндии и Норвегии с целью сохранения трёхстороннего парка Пасквик-Инари, района включающего в себя пять охраняемых территорий и их окрестности в трёх странах. Охраняемые территории находятся в долине реки Паз.

В заключение следует отметить, что для России обладающей поистине колоссальными запасами пресной воды, актуальность вопросов касающихся разграничения и со-

вместного использования трансграничных пресноводных ресурсов будет возрастать с каждым годом. А учитывая положения разработанной и принятой Правительством РФ в 2009 г. «Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года», которая определяет основные направления действий в водоресурсной сфере и одной из основных целей которой является: гарантированное обеспечение водными ресурсами устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, хочется верить в искреннее понимание руководством нашей страны стратегической ценности пресноводных ресурсов и намерения последовательно проводить политику в данной сфере, соответствующую национальным интересам.

Литература:

1. <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/water.shtml> Вода для мира
2. <http://ecograni.ru/news/vodnye-zapasy-rossii.html> Экологический блог «Экограни»
3. http://www.vesti.ru/only_video.html?vid=489288 Выпуск программы «Вести» от 29.02.2013 г.
4. http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-5&chapter=27&lang=en
5. http://www.cawater-info.net/bk/water_law/8_1.htm Трансграничное сотрудничество на международных реках: проблемы, опыт, уроки, прогнозы экспертов

«Повестка дня для мира» о мерах по повышению эффективности международного миротворчества ООН

Зверев Петр Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ

Статья посвящена анализу положений концептуального программного документа ООН начала 1990-х гг. под названием «Повестка дня для мира», касающихся возможности повышения эффективности миротворчества ООН, оказавшегося в этот период в состоянии глубочайшего кризиса. Особое внимание уделяется вопросам миростроительства и защиты миротворческого персонала ООН.

Ключевые слова: ООН, «Повестка дня для мира», Б. Бутрос-Гали, миростроительство.

Принятый в январе 1992 г. программный документ Организации Объединенных Наций, посвященный вопросам обеспечения международного мира и безопасности и получивший название «Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира», стал своего рода наставлением для миротворческих операций нового поколения, потребность в которых международное сообщество осознало в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Мысль о необходимости качественного изменения миротворчества проходит красной нитью через весь документ. Его автор, Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали (1992—1996), определяет следующие основные критерии успешной операции: «четкий и практически выполнимый мандат; сотрудничество сторон в выполнении этого мандата; постоянная поддержка со стороны Совета Безопасности; готовность государств-членов направлять необхо-

димый военный, полицейский и гражданский персонал, включая специалистов; эффективное командование ООН в штаб-квартире и в полевых условиях; адекватная финансовая и логистическая поддержка» [3, 20].

Указанные требования являются однозначными и по сей день остаются ключевым фактором для проведения успешной миротворческой операции. Так, периодически обсуждаемым является вопрос о предоставлении миссии достаточно надежного мандата, который бы позволил развернуть силы, эффективно способствующие восстановлению мира и гражданского правительства. Примечательно, что «Повестка дня для мира» четко показывает признание того, что миротворчество уже давно вышло за рамки чисто военного реагирования и стало комплексной, интегрированной военно-гражданской реакцией на кризисы. Акцент на повышение сложности миротворчества открыл путь будущим операциям, которые успешно

скопируют многие функции государственного аппарата в таких странах, как Камбоджа, бывшая Югославия и Восточный Тимор.

Отдельное внимание «Повестка дня для мира» уделяет миростроительству, которое хоть и является, в первую очередь, дипломатической и гражданской составляющей миротворческого процесса, но одновременно признает и значимость военного компонента в обеспечении его инфраструктуры. Оказание материально-технической помощи и предоставление специалистов, обладающих познаниями в такой сфере, как, например, разминирование, значатся в документе как ключевые направления, в которые могут быть вовлечены военные [3, 24]. Многие государственные структуры, разрушенные в ходе конфликта и требующие восстановления во избежание его рецидива, опять же могут быть обеспечены, в первую очередь, силами военных.

В документе также затрагивается вопрос о защите персонала ООН, выполняющего задачи в рамках операций по поддержанию мира, и отмечается необходимость приложения усилий для обеспечения такой защиты на международном уровне. Совет Безопасности призывается «Повесткой дня для мира» к принятию мер в отношении лиц, которые нападают на миротворцев и сотрудников Организации, либо к свертыванию миротворческих операций под воздействием таких нападений. На практике Совет Безопасности ООН действительно осудил нападения на миротворческий персонал в Сомали и даже прекратил миротворческую операцию в этой стране, хотя фактически такое свертывание стало результатом одностороннего реагирования США на потери, понесенные американскими войсками в Сомали, а вовсе не благодаря «Повестке дня для мира».

Впрочем, реакция международного сообщества все же последовала. Два года спустя после принятия рассматриваемого программного документа, в 1994 г., была принята Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала [7]. Именно она призвана защитить всех, кто работает в Организации, включая миротворцев [1]. Можно утверждать, что своим появлением Конвенция 1994 г. во многом обязана именно пропаганде Б. Бутроса-Гали, изложенной в «Повестке дня для мира».

Итак, «Повестка дня для мира» была нацелена на определение нового порядка для нового мира, в котором оказалось международное сообщество после окончания «холодной войны». По замыслу Генерального секретаря ООН, документ должен был действовать как катализатор для переориентации всего мирового сообщества в русле первоначальных целей Организации. При этом центральной темой «Повестки дня для мира» оставалось поддержание мира, которое превратилось в еще более полезный для самой Организации инструмент, несмотря на отсутствие упоминания о нем в Уставе ООН. Ряд вопросов, поднятых Генеральным секретарем, нашли свое отражение в упомянутой выше Конвенции о безопасности

персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала. Доклад Бутроса-Гали послужил основой для развития изложенных в нем идей в последующих докладах (дополнение к «Повестке дня для мира» 1997 г., доклад Брахими 2000 г., «Ответственность за защиту» 2001 г., «При большей свободе» 2005 г.). Конечно, далеко не все изложенные в нем мысли нашли практическое применение. И в какой-то степени «Повестка дня для мира» являет собой в большей степени субъективное видение ее автора, нежели отражение реальной политики [5].

Пожалуй, лучшей иллюстрацией такого идеалистического подхода являются рекомендации Бутроса-Гали по поводу сил постоянной готовности ООН на основе ст. 43 ее Устава. Данная статья не была изначально направлена на формирование миротворческих сил; ее цель заключалась в обеспечении Организации военными средствами для осуществления принудительных мер, изложенных в ст. 42 Устава. Справедливости ради следует отметить, что «Повестка дня для мира», подчеркивая значение ст. 43, категорически отмечает, что формирование постоянных сил ООН не предназначено для использования в целях поддержания мира и даже принуждения к миру, для которых должны формироваться отдельные части и подразделения [3, 43–44]. Очевидно, что в «Повестке дня для мира» Генеральный секретарь отразил различие между принуждением к миру и большим спектром операций, для которых силы будут развертываться на основе ст. 43 Устава. При этом последние подлежат развертыванию только «для реагирования на откровенную агрессию, неизбежную или фактическую» [3, 42]. Таким образом, Генеральный секретарь как бы проводит разграничение между принуждением к миру и ситуацией, в которой вооруженный конфликт является неизбежным или фактическим. К сожалению, принуждение к миру прямо не упоминается в «Повестке дня для мира», поэтому трудно оценить, намеренно ли Генеральный секретарь проводит различие между принуждением к миру и вооруженным конфликтом, в котором ООН принимает активное участие.

В практическом плане реализация ст. 43 Устава ООН была попросту невозможной в тех реалиях, с которыми столкнулось все международное сообщество. Требования к планированию и материально-техническому обеспечению «постоянных сил ООН» были слишком высоки, стоимость такой инициативы неизбежно истощила бы ресурсы Организации, которая и без того постоянно испытывает финансовые ограничения. Даже приоритетное, в соответствии с Уставом ООН, направление ее работы — деятельность Верховного комиссара по правам человека не всегда может полноценно выполнять свои функции по причине недостаточного финансирования [2]. И все же, несмотря на наличие практических проблем со ст. 43 Устава, национальные вооруженные силы ряда государств поначалу приняли активное участие в попытке ее реализации [6]. Однако печальный опыт США в Сомали в 1993 г. довольно быстро положил конец заинтересован-

ности этого государства в реализации ст. 43, в результате чего США на какое-то время утратили интерес ко всей миротворческой деятельности ООН [6]. А с потерей поддержки США значительно снизился и всеобщий интерес к продвижению положений указанной статьи Устава. Таким образом, доводы некоторых исследователей о том, что «Повестка дня для мира» способствовала популяризации концепции коллективной человеческой безопасности и стала, в частности, основой для гуманитарной интервенции, кажутся интересными, но вряд ли доказывают связь между этим документом и указанными концепцией

и доктриной [4]. Безусловно, Бутрос-Гали подчеркнул растущее значение интервенции по мере развития миротворчества, но он по-прежнему придерживался той мысли, что государство остается главным учреждением, посредством которого должны осуществляться объединенные международные усилия. Вопрос же поддержания мира на основе согласия продолжал обсуждаться и, хотя вероятность вмешательства на основании главы VII Устава ООН стремительно росла, главенствовало мнение о том, что хотя бы одно государство — участник конфликта должно дать свое согласие на вмешательство извне.

Литература:

1. Зверев, П. Г. Миротворческие операции ООН и Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г // Материалы I Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы современной науки», март 2014. — Ставрополь: Логос, 2014. — с. 277–280.
2. Arbour, L. Commissioner Laments UN Funding Shortfall [URL]
3. <http://www.abc.net.au/news/newsitems/200505/s1379157.htm>
4. Boutros-Ghali, B. An Agenda for Peace. — New York. UN Doc. A/47/277 — S/24111 (1992).
5. Peou, S. The UN, Peacekeeping and Collective Human Security: From An Agenda for Peace to the Brahimi Report // International Peacekeeping. — 2002 (Summer). — № 2, Vol. 9. — P. 51–68.
6. Rostow, E. Should UN Charter Article 43 Be Raised from the Dead // Global
7. Affairs. — 1993, Winter. — P. 109–124.
8. Snyder, J. W. Command versus Operational Control: A Critical Review of PDD-25 [URL] <http://www.ibiblio.org/jwsnyder/wisdom/pdd25.html>
9. UN Doc A/RES/49/59 (1994) (вступил в силу 15 января 1999 г.).

Контроль судов государством порта в соответствии с конвенцией МОТ 2006 г.

Черноглазов Дмитрий Григорьевич, кандидат технических наук, доцент;

Подколзин Павел Юрьевич, студент

Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск)

Ключевые слова: MLC 2006, Конвенция МОТ 2006, КТМС 2006, Сводная конвенция о труде в морском судоходстве, 2006 г., Билль о правах моряков, Морское право.

Морской транспорт является основой международной торговли и движущая сила глобализации. На сегодняшний день около 80% мировой торговли по объёму и свыше 70% по стоимости перевозится морем, и обрабатываются портами по всему миру. В течении последних 4 лет мировой флот увеличился на 37%. Около 1,5 миллиона моряков возлагали свои права на различные правила и многочисленные конвенции Международной морской организации, давно регулирующие труд в морском судоходстве. [1]

До недавних пор не было консолидированного свода правил, интегрированного, устанавливающего в ясной форме, лёгкую для понимания правовую базу стандартов условий труда и быта моряков.

Принятая 23 февраля 2006 года Международной организацией труда на своей 94-й (морской) сессии, и рати-

фицированная более чем 40 странами, представляющие 70% мирового торгового флота. Конвенция о труде в морском судоходстве обеспечивает всестороннюю защиту моряков на работе. В то же время содействию судовладельцев к созданию благоприятной рабочей среды для морских грузоперевозок.

Конвенция разработанная с тем, чтобы быть «четвертым столпом» международной нормативной правовой системы, регулирующей морское ремесло на одном уровне с такими важными международными конвенциями Международной морской организации, а именно, стандартов безопасности судов, охраны труда и качества управления судами:

Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974, с поправками;

Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов, МАРПОЛ 73/78;

Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несению вахты 78/95;

Структура Конвенции начинается с Преамбулы, где описывается, в какой ситуации была принята Конвенция. Затем идут статьи, в которых перечисляются общие обязанности стран, ратифицировавших Конвенцию, основные права и принципы, а также описывается, как работает Конвенция. После этого следуют Правила и Кодекс. Эта часть разделена на 5 разделов, и описана ниже. Правила, стандарты и Руководящие принципы. Правила — это общие, необсуждаемые понятия. Стандарты обозначаются как Стандарт А, а Руководящие принципы — как Руководящий принцип В. Вместе Стандарты А и Руководящие принципы В называются Кодексом.

Что касается морских конвенций МОТ, которые легли в основу Конвенции 2006 г. и которые пересмотрены при принятии этой Конвенции, то их перечень содержится в ст. X и состоит из 36 конвенций и одного протокола. Наибольший интерес представляют новые подходы заимствованные из инструментов ИМО, в частности следует рассмотреть сферу применения норм Конвенции и к каким судам она относится.

Все суда, за исключением:

Судов, плавающих исключительно во внутренних водах, близко от берега, в защищенных от волнения водах или в тех зонах, в которых действуют портовые правила;

Рыболовных судов;

Судов традиционной постройки, таких как плоскодонные шлюпки и джонки;

Военных кораблей и вспомогательных военных судов.

Суда с валовым регистровым тоннажем менее 200 т, не выполняющие международных рейсов, могут быть освобождены государством флага от выполнения некоторых требований, если права моряков уже обеспечиваются национальным законодательством, коллективными договорами или иным способом.

Термин «моряк» означает любое лицо, занятое на любой должности или работающее по найму в любом качестве на борту судна, к которому применяется настоящая Конвенция. Это значительно расширяет сферу воздействия Конвенции, следовательно, под нее попадают не только лица, которые обычно заняты на борту судна выполнением специфических обязанностей связанных с управлением судна, так же под сферу ее воздействия попадают мобильные ремонтные бригады, гостиничные работники на борту круизных судов — все, кто работают на борту. [2]

Конвенция требует, чтобы правительства были уверены в том, что их законы и правила обеспечивают основные права, имеющие отношение к труду.

К ним относятся:

Права на свободу объединений. Ваше право на вступление в профсоюз по своему усмотрению;

Действительное признание права на переговоры о заключении коллективного договора. Право вашего про-

фсоюза вести переговоры о заключении коллективного договора от вашего имени;

Исключение всех форм принудительного труда. Ваше право работать по собственной воле и получать оплату за эту работу;

Действительный запрет детского труда;

Исключение дискриминации при приеме на работу и выборе профессии.

Все перечисленные выше права моряков разъясняются в следующих четырех разделах:

Раздел 1. Минимальные требования в отношении труда моряков на борту судна

Раздел 2. Условия занятости

Раздел 3. Жилые помещения, условия для отдыха, питание и столовое обслуживание

Раздел 4. Охрана здоровья, медицинское обслуживание, социально-бытовое обслуживание и защита в области социального обеспечения

В этих разделах подробно описаны обязанности государств и судовладельцев по обеспечению защиты, которая предоставляется людям работающим на берегу, с учетом их конкретных особенностей работы в море.

Минимальные права, предоставляемые Конвенцией, реализуются в соответствии с национальным законодательством, правилами, положениями коллективного договора или просто благодаря сложившейся хорошей практике. Чтобы убедиться в том, что они действительно соблюдаются, существует строгий режим контроля за их исполнением, опирающийся на систему инспекции и сертификации, который полностью описан в Разделе 5. Соблюдение и обеспечение выполнения. В соответствии с правилом 5.1.3 — Свидетельство о соответствии трудовым нормам в морском судоходстве и Декларация о соблюдении трудовых норм в морском судоходстве Каждое судно с валовым регистровым тоннажем 500 тонн и более, совершающее международные рейсы, должно иметь на борту Свидетельство о соответствии трудовым нормам в морском судоходстве и Декларацию о соблюдении трудовых норм в морском судоходстве [2], выданные государством флага на срок 5 лет с последующим переосвидетельствованием. В этих документах государства флага подробно сообщается о том, как судно выполняет требования Конвенции. С использованием этой информации формируется база режима контроля, на основании которой власти государства порта могут выяснить, соблюдаются ли требования Конвенции.

Когда власти будут осуществлять проверку того, как выполняются требования Конвенции, они должны учитывать, что суда, плавающие под флагом государства, не ратифицировавшего Конвенцию, не имеют никаких преимуществ перед теми судами, которые ходят под флагом страны, ее ратифицировавшей.

От слов к делу! Рассмотрим подробно итоги проведения освидетельствований в соответствии с Конвенцией МОТ 2006 отделом контроля судов государством порта (Port State Control) за 2013/2014 года.

Всего за 2013/2014 года отделом PSC было проведено 1990 инспекций иностранных судов. Процент инспекций с замечаниями составил 74,6%. В связи с серьёзными не-

достатками по обеспечению безопасности мореплавания и предотвращению загрязнения окружающей среды было задержано 142 иностранных судов или 7,5% от всех.

Таблица 1

Статистика инспекций [3, ст. 3]

Тип судна	Кол-во проведенных судов	Кол-во задержанных судов	Кол-во судов с замечаниями	Кол-во судов без замечаний	Кол-во замечаний	Средний возраст судов
Танкер	655	6	291	364	1592	9
Балкер	580	38	471	110	3961	12
Сухогруз	499	75	481	17	5827	21
Контейнеровоз	175	5	153	22	1030	13
Суда типа РО-РО	53	16	52	1	852	31
др. типы судов	47	4	47	0	456	25
Итого	1990	142	1476	514	13480	19

А вот некоторые из замечаний обнаруженные на судах:

Рис. 1. т/х «SANTA ELENA», флаг Коморские острова, задержан в связи с невыполнением требований МОР 2006 в морском порту Новороссийск [3, ст. 2]

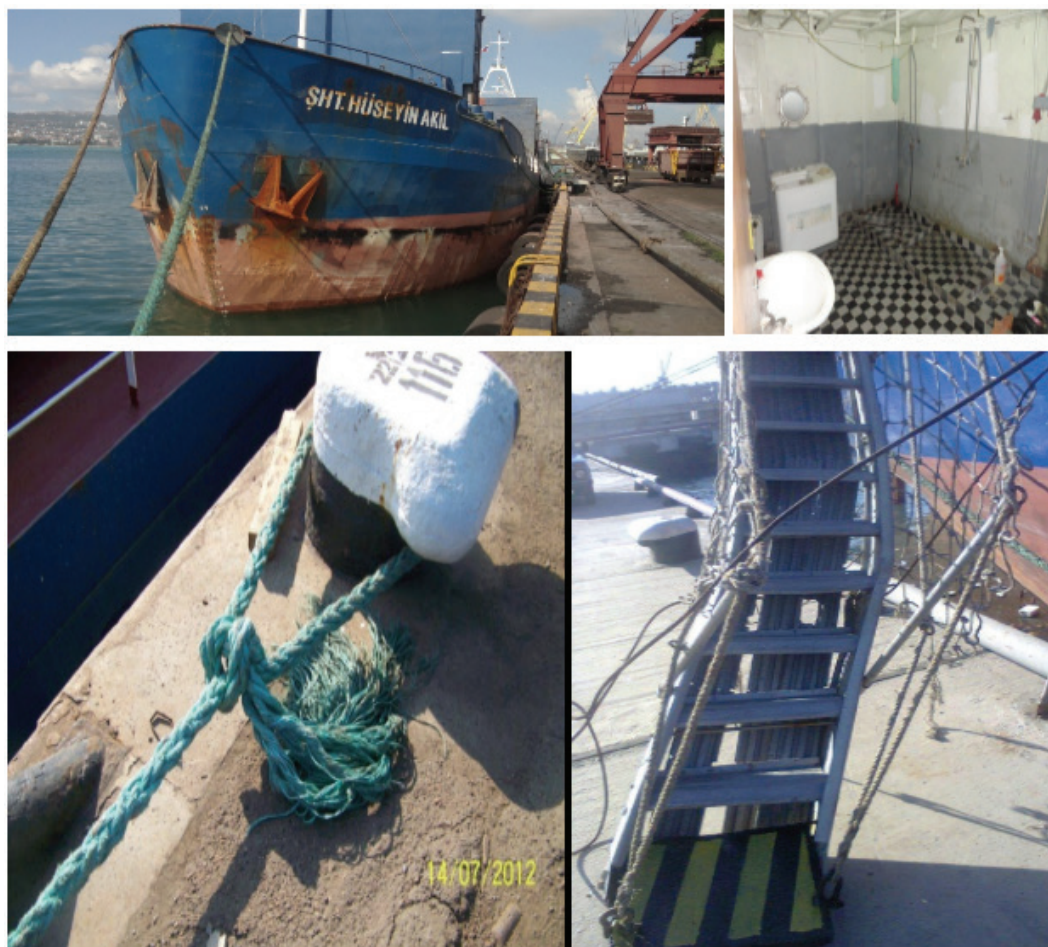

Рис. 2. «SHT HUSAYIN AKIL», флаг Того задержан в связи с невыполнением требований МОТ 2006 в морском порту Новороссийск [3, ст. 3–4]

Итак, как мы видим, задержание судна из-за несоответствия Конвенции МОТ 2006 — не миф, а реальность! Конвенция МОТ 2006 не является ширмой за

которую можно спрятаться недобросовестному работодателю, прежде всего это паспорт на достойную работу.

Литература:

1. UNCTAD Review of Maritime Transport 2012 [Электронный ресурс] // -URL: <http://unctad.org/en/Pages/Publications/Review-of-Maritime-Transport-%28Series%29.aspx> (дата обращения 22.01.15).
2. Международная конвенция 2006 года о труде в морском судоходстве [Электронный ресурс] // -URL: <http://www.sur.ru/zakon/federalnyi-zakon-10> (дата обращения 15.01.15).
3. Анищенко, В.В. Справка о работе отдела контроля судов государства порта (PSC) за 2013/2014 года. / Анищенко, В.В. // Новороссийск, 2014. — с. 2–4.

22. ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Особенности обращения взыскания на недвижимое имущество гражданина

Гайфутдинова Розалия Закиевна, старший преподаватель

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (Татарстан)

Обращение взыскания на имущество должника-гражданина осуществляется в особом порядке. Особый интерес составляет запрет обращения взыскания на единственное жилье должника-гражданина и земельные участки, на которых такое жилье расположено. Не совсем понятно применение на практике конструкции обращения взыскания на заложенное единственное жилье. Недвижимое имущество должника может быть обременено рентой, и как правило, сторонами такого договора выступают физические лица, и взыскание на такое недвижимое имущество не может быть обращено без согласия получателя ренты.

Ключевые слова: обращение взыскания, исполнительное производство, недвижимое имущество, единственное жилье.

Обращение взыскания на имущество должника-гражданина осуществляется в особом порядке. Так, по мнению ученых, «принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, корреспондирует с гражданским процессуальным законодательством» [1]. И действительно, ч. 1 ст. 79 закона «Об исполнительном производстве» устанавливает, что не может быть обращено взыскание на принадлежащее должнику-гражданину на праве собственности имущество, перечень которого установлен Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Таким образом, при обращении взыскания на имущество должника в исполнительном производстве нельзя игнорировать упомянутую нами ранее норму ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, устанавливающую запрет обращения взыскания на следующее имущество должника-гражданина, принадлежащее ему на праве собственности:

— жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание;

— земельные участки, на которых расположены объекты, указанные в абзаце втором настоящей части, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание;

— предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь

и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши;

— имущество, необходимое для профессиональных занятий гражданина-должника, за исключением предметов, стоимость которых превышает сто установленных федеральным законом минимальных размеров оплаты труда;

— используемые для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, племенной, молочный и рабочий скот, олени, кролики, птица, пчелы, корма, необходимые для их содержания до выгона на пастбища (выезда на пасеку), а также хозяйственные строения и сооружения, необходимые для их содержания;

— семена, необходимые для очередного посева;

— продукты питания и деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении;

— топливо, необходимое семье гражданина-должника для приготовления своей ежедневной пищи и отопления в течение отопительного сезона своего жилого помещения;

— средства транспорта и другое необходимое гражданину-должнику в связи с его инвалидностью имущество;

— призы, государственные награды, почетные и памятные знаки, которыми награжден гражданин-должник.

В рамках настоящей статьи особый интерес для нас составляет запрет обращения взыскания на единственное жилье должника-гражданина и земельные участки, на которых такое жилье расположено. Казалось бы, из текста вышеуказанной статьи следует, что данный запрет не относится к обращению взыскания на указанное имущество в рамках ипотечного законодательства, что лишний раз подтверждается изученной судебной практикой [2]. В то же время, судебная практика стояла на позиции, что

невозможно обращение взыскания на заложенное единственное жилье по кредиту, предоставленному для осуществления предпринимательской деятельности, не связанной со строительством жилого дома или квартиры для личных нужд, то есть при разрешении данного вопроса суды исходили из цели, на которую предоставлен кредит [3]. Такая позиция была выработана, на наш взгляд, в связи с неоднозначной формулировкой пункта 1 статьи 78 Закона об ипотеке. По данному вопросу интересно мнение Верховного Суда Республики Татарстан, отраженное в Апелляционном определении от 3 сентября 2012 г. по делу N 33–8655: «Довод ответчиков о нецелевом характере представленного кредита, основанный на норме статьи 78 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», не имеет правового значения, так как в данной статье закона регулируются условия прекращения права пользования жилым помещением при обращении на него взыскания, что не исключает возможности самого обращения взыскания на заложенное имущество». [4]. То есть, получается, что обращение взыскания на жилье в данном случае возможно, а вот прекращение права пользования им — нет? Но все же нельзя не учитывать положение п. 2 ст. 292 ГК РФ, согласно которому переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника, если иное не установлено законом. Таким образом, не совсем понятно применение на практике данной конструкции обращения взыскания на заложенное единственное жилье.

Иную позицию отражает Постановление Президиума ВАС РФ от 26.11.2013 по делу № А65–15362/2009-СГ4–39 [5] и Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 80-В12–2 [6], а также Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2013 № 24-КГ13–4 [7], согласно которым обращение взыскания на заложенное единственное жилье возможно, причем независимо от того, на какие цели предоставлен заем (кредит). Таким образом, можно отметить, что данный вопрос остается открытым, особенно учитывая замечание В. Ветрова, о том, «что суды признают ничтожность договора залога единственного жилья, заключенного в обеспечение обязательств по нецелевому кредиту, займу» [8].

Но, даже и без ипотечных отношений, вопрос о возможности обращения взыскания на единственное жилье возникает в судах. Так например, большой ажиотаж среди юристов вызвало уже упомянутое нами ранее Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. N 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова». Примечательно указанное Постановление прежде всего тем, что оно поручило федеральному законодателю «внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующие пределы дей-

ствия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к жилому помещению (его частям), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания, с тем чтобы обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора (взыскателя) в случае, когда по своим характеристикам соответствующий объект недвижимости явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования». Выводы из указанного Постановления нашли широкое но неоднозначное применение в судебной практике. Так например, ссылаясь на данное Постановление суды как признают возможным обращать взыскание на единственное жилье в связи с его «излишками» [9], так и нет [10]. И это при том, что указанные Конституционным Судом РФ пределы еще не установлены законодательно. В то же время, в Апелляционном определении Волгоградского областного суда от 29 августа 2013 г. по делу N 33–9509/2013 [11] говорится, что «отсутствие в действующем законодательстве специального регулирования отношений, связанных с решением вопроса о размере жилого помещения, принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности и единственного пригодного для проживания, на которое не может быть обращено взыскание, само по себе не является основанием к отказу в обращении взыскания на данное жилое помещение исходя из конкретных обстоятельств дела и с учетом соблюдения баланса интересов должника и взыскателя».

Таким образом, на наш взгляд, для уравнивания интересов кредитора и должника-гражданина, являющегося собственником единственного жилья, необходимо выполнение вышеуказанного поручения, данного Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. N 11-П.

Недвижимое имущество должника может быть обременено **рентой**, и как правило, сторонами такого договора выступают физические лица. Несмотря на малую популярность договора ренты, его нельзя сбрасывать со счетов. На актуальность данного вопроса указывало Распоряжение ГУ ФССП РФ по Москве от 14.11.2006 N 223-р «Об утверждении Методических разъяснений о возможности обращения взыскания на недвижимое имущество должника-гражданина, обремененное рентой на основании договора пожизненного содержания с иждивением» [12].

Так, согласно п. 1 ст. 586 ГК РФ рента обременяет земельный участок, предприятие, здание, сооружение или другое недвижимое имущество, переданное под ее выплату. При отчуждении такого имущества плательщиком ренты его обязательства по договору ренты переходят на приобретателя имущества. Напомним, что «по договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает другой

стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренты в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме» (п. ст. 583). Согласно п. 1 ст. 587 ГК РФ, при передаче под выплату ренты земельного участка или другого недвижимого имущества, получатель ренты приобретает право залога на это имущество, как обеспечение обязательства пла-

тельщика ренты. Для обращения взыскания на подобное недвижимое имущество имеет особое значение норма ст. 604 ГК РФ, согласно которой недвижимое имущество, переданное в обеспечение пожизненного содержания, может быть отчуждено, сдано в залог или иным способом обременено только с предварительного согласия получателя ренты. Таким образом и взыскание на такое недвижимое имущество не может быть обращено без согласия получателя ренты.

Литература:

1. Гуреев, В. А., Гущин В. В. Исполнительное производство: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2014. 455 с. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 48-В11—7. // URL: <http://www.vsrfl.ru/> Дата обращения: 14.08.2014
3. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 12.08.2012 по делу N А58—5011/2011. // Официальный сайт Высшего арбитражного суда РФ URL: <http://www.arbitr.ru> Дата обращения: 14.08.2014
4. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 3 сентября 2012 г. по делу N 33—8655. // Официальный сайт Верховного Суда Республики Татарстан URL: http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3106013&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=371676 Дата обращения: 14.08.2014
5. Определение Высшего арбитражного суда РФ от 26.08.2013 N ВАС-6283/13 по делу № А65—15362/2009. // Официальный сайт Высшего арбитражного суда РФ URL: <http://www.arbitr.ru> Дата обращения: 14.08.2014
6. Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 80-В12—2. // URL: <http://www.vsrfl.ru/> Дата обращения: 14.08.2014
7. Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2013 № 24-КГ13—4. // URL: <http://www.vsrfl.ru/>
8. В. Ветров. Обращение взыскания на единственное жилье. // URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/vetrov/538041/> Дата обращения: 14.08.2014
9. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16 апреля 2013 г. Дело № 33—2899/2013. // URL: http://oblsud.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=631835&delo_id=5&new=5&text_number=1 Дата обращения: 14.08.2014, Кировский районный суд г. Томска (Томская область) от 31.10.2013 Номер дела 2—2452/2013 // URL: http://kirovsky.tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1671759&delo_id=1540005&new=&text_number=1 Дата обращения: 14.08.2014, Апелляционное определение Московского областного суда от 31 октября 2012 года. // СПС Право.ru URL: <http://docs.pravo.ru/> Дата обращения: 14.08.2014
10. Определение Бердского городского суда (Новосибирская область) от 21.03.2013 по делу № 2—176/2013. // СПС Право.ru URL: <http://docs.pravo.ru/> Дата обращения: 14.08.2014
11. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 29 августа 2013 г. по делу N 33—9509/2013. // СПС «КонсультантПлюс».
12. Распоряжение ГУ ФССП РФ по Москве от 14.11.2006 N 223-р «Об утверждении Методических разъяснений о возможности обращения взыскания на недвижимое имущество должника-гражданина, обремененное рентой на основании договора пожизненного содержания с иждивением». // СПС «КонсультантПлюс».

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

II Международная научная конференция
Челябинск, февраль 2015 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Подписано в печать 24.02.2015. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,84. Уч.-изд. л. 20,65. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Два комсомольца»
454008, г. Челябинск, пр. Комсомольский, д. 2